Оуэн Чедвик

Реформация

ПРОТИВОСТОЯНИЕ КАТОЛИКОВ И ПРОТЕСТАНТОВ

В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ XVI–XVII ВВ.

ОУЭН ЧЕДВИК

Реформация

OWEN CHADWICK

The Reformation

ОУЭН ЧЕДВИК

Реформация

ПРОТИВОСТОЯНИЕ КАТОЛИКОВ И ПРОТЕСТАНТОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ XVI–XVII ВВ.

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

УДК 94.4
ББК 63.5
Ч35

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника
И.А. Озерова

Научный консультант Андрей Зимин,
капитан сборной России
по историческому фехтованию

Чедвик О.
Ч35 Реформация. Противостояние католиков и протестантов в Западной Европе XVI—XVII вв. / Пер. с англ. С. Федорова. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011. — 479 с.

ISBN 978-5-9524-4973-2

В настоящей книге профессор истории, священник англиканской церкви Оуэн Чедвик воссоздает целостную картину европейской Реформации. Основываясь на трудах Эразма Роттердамского, Мартина Лютера, Ульриха Цвинги и Жана Кальвина, он рассматривает особенности Реформации в разных странах. Особое внимание уделяет Реформации в Англии. Отдельно показывает деятельность ордена иезуитов в Контрреформацию.

УДК 94.4
ББК 63.5

© Перевод,
ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2011
© Художественное оформление,
ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2011

ISBN 978-5-9524-4973-2

Часть первая

ПРОТЕСТ

Глава 1
ПРИЗЫВ К РЕФОРМАЦИИ

ИДЕЯ РЕФОРМАЦИИ

В начале XVI века все просвещенные люди в церкви на Западе призывали к Реформации. Более столетия образованные люди разных стран Европы были заняты поиском путей преобразования католической церкви. Однако, несмотря на то что все понимали необходимость реформ, никакого решения данной проблемы не смогли предложить, поскольку так и не сложилось единого мнения о путях таких реформ.

Тем не менее предпосылки реформ определились достаточно четко. Своими указами папа вторгался в деятельность различных государств и местных церквей, так что многие правители заговорили о необходимости ограничить его власть. Нуждаясь в помощи и авторитете церкви для упрочения своей власти, они стремились сосредоточить всю власть в своих руках. Считая папу верховным авторитетом, правители стремились уйти от неукоснительного соблюдения его жестких финансовых требований.

Все — от приходских священников до епископов — осуждали практику купли-продажи церковных должностей, считая симонию[1] грехом. Однако они же настаивали на уплате взноса при поступлении на службу, воспринимая его как разновидность налога или плату за услуги адвокатов. Многие священники не жили и не работали в своих приходах, хотя, возможно, и были понятные причины, позволявшие им работать в разных местах, получая жалованье от прихода.

[1] С и м о н и я — продажа или покупка церковных должностей или духовного сана в Средние века. (*Примеч. пер.*)

На первый взгляд постоянное пребывание епископа Вустера в Италии при папском дворе казалось вызывающим. Однако король Англии нуждался в постоянном представителе при Ватикане и считал разумным, чтобы английское епископское ведомство выплачивало ему жалованье. Следовательно, то, что один честный человек считал злоупотреблением, другой честный человек признавал правильным.

Итак, все хотели реформ или открыто заявляли об этом. Однако как реформировать и что изменять, не было ясно. Усилия некоторых реформаторов ушли на создание новых религиозных уставов для небольших групп своих сторонников. Епископы пытались строже относиться к посвящению в духовный сан, не допуская невежественных людей. Они также пытались вынудить монахов и каноников жить в соответствии с предписаниями. Однако на административном уровне реформа хромала. Происходило как в случае с хромым человеком, не знающим, как поставить ногу и начать двигаться.

С 1512 по 1517 год в Латеранском соборе Рима собирался 5-й Вселенский (всемирный) собор церкви (хотя всемирный его характер был относительным, ибо кроме итальянцев присутствовало только несколько человек из других стран). На многочасовых заседаниях его члены слушали длинные и пышные речи, принимали разнообразные решения.

Среди прочего, они согласились, что любые ереси и попытки раскола следует решительно пресекать, что епископы должны обладать большей властью над монахами, а с проповедями может выступать только тот, кому предоставлено такое право. Было признано, что главным врагом веры и всего христианского мира являются турки. Постановили, что после смерти кардиналов их дома должны оставаться у церкви, а профессорам в своих лекциях надлежит доказывать истинность бессмертия души. Особое решение касалось недопущения печатания запрещенных книг.

Большинство даже склонных к реформам увидело в постановлениях собора очередное нравоучение. Лишь немногие увидели в постановлениях собора отголоски туманной и смутной фразы «реформа в головах и в мыслях».

Действительно, будоражащая Европу мысль о необходимости реформирования католической церкви воспринималась совершенно по-разному. Итальянским епископам казалось, что громоздкая бюрократическая машина Ватикана стала неустойчивой, власть кардиналов слишком возросла, и ее следовало ограничить. Для проповедующих монахов приближающаяся Реформация означала, что деятельность их религиозных братств перестала соответствовать идеалам христианской безгрешности.

Светские адвокаты, вероятно, полагали, что церковные суды становились непреодолимым препятствием для эффективного правосудия. Церковникам казалось, что громоздкий и неповоротливый механизм церковной бюрократии мешает эффективному собиранию церковных налогов. Длительное противостояние между папством и политической властью, а также явные ошибки отнюдь не способствовали вере в грядущее Царство Божие и какую-либо выгоду от уплачиваемых церкви налогов.

Спорили и о том, что если верна заповедь из Священного Писания по поводу брака, то почему. Если считалось, что Священное Писание допускает расторжение брака, то почему же за это надо было платить? Почему для богатых и бедных действуют разные законы? Разве справедливо, что человек с деньгами получал разрешение жениться в последний месяц перед Великим постом, а неимущий человек не мог себе этого позволить?

Почему местные представители церкви, ведавшие сбором и распределением пожертвований, назначались только римской администрацией и смещались при первой же попытке использовать свою власть в интересах материально зависимых? Разве было справедливо, чтобы священнослужитель, совершивший уголовное преступление, уходил от ответственности и не представал перед судом светских магистратов?

Почему духовенство не вносило свою часть, когда правительство настоятельно требовало денег для защиты от вторжения турок? Следует ли порицать церковь за то, что налоги собирались под угрозой отлучения и заблудшие души впадали в отчаяние по банальным поводам?

Почему викарий прихода голодал, в то время как не проживающий в нем епископ комфортно существовал за счет пожертвований? Разве не слишком много принявших обет слывут скандалистами, пьяницами, развратниками, недостойными своих священных должностей? Разве не подобна (допустим и такую резкую критику) современная церковь вавилонской блуднице, продающей свою красоту любому, кто заплатит?

Когда священнослужители говорили о Реформации, то почти всегда имели в виду административные, законодательные или моральные перемены, вряд ли задумываясь об изменениях вероучения. Считая римского папу непогрешимым, они соглашались, что законодательная и бюрократическая системы неэффективны и погрязли в подкупе и безнравственности.

Если они были образованными людьми, гуманистами эпохи Ренессанса, их желания иногда сливались с призывом к интеллектуальному улучшению. Они не только хотели, чтобы папы и епископы были менее светскими, монахи следовали библейским предписаниям, но и приходское духовенство становилось более просвещенным.

Иногда они говорили о том, что вероучение должно соответствовать Евангелию и словам Господа и быть понятным и близким простым людям. Однако они так и не решились ни заговорить, ни тем более предпринять каких-либо перемен в вероучении.

Ощущение, что Реформация необходима, хотя и смутное и часто неопределенное, усиливалось и повседневной жизнью. Напивавшемуся в таверне священнику разрешали продолжать его служение, и лишь в немногих случаях беспробудное пьянство наказывалось вышестоящими властями. Разрешение имущественных споров с монастырями было невозможно без солидной взятки.

Священник, уличенный в убийстве, отделывался легким наказанием — заключением на хлебе и воде. Приходский священник открыто содержал любовницу, не боясь наказания и даже осуждения. Бывало, что неграмотный, не знающий латыни человек посвящался в священники, хотя все слышали, как он бессмысленно бормочет свои молитвы перед алтарем.

Прихожане ничего не знали об образованных и преданных людях, которых могли бы привлечь епископы.

Обилие скандалов, несправедливостей и развращенности усиливало призывы к реформам как со стороны духовенства, так и со стороны политиков.

Постепенно многие начали задаваться вопросом: истинно ли учение католической церкви? Ведь оно, это учение, оставалось неизменным на протяжении многих веков и теперь таким же нетронутым предназначалось для будущего.

В Чехии это были последователи Яна Гуса, гуситы, чье восстание было подавлено властью. В английской глубинке и далеких альпийских долинах существовало несколько групп лоллардов и вальденсов. Странствующих по Германии проповедников, призывавших изучать и обсуждать Библию, обвинили в призыве к мятежу и богохульстве. Любые призывы к реформам вызывали жесткое подавление, а вовсе не поиск компромисса с недовольными.

Во многом пропасть усугубляли необычайно высокие выплаты священнослужителям, которые были полезны сюзерену своего государства или его слугам. Линакр, лекарь английского короля Генриха VIII, еще до принятия сана являлся ректором четырех приходов, каноником трех соборов и регентом хора в Йорке. Он получал плату за свои медицинские услуги из всех этих разнообразных приходов и земель.

Скорее следовало говорить о коррупции со стороны государства, чем церкви. Король часто был намного богаче папы римского и мог щедро наградить своих слуг, если ему хорошо служили. Поскольку церковь обладала огромными богатствами в каждой стране, он мог наградить большое количество людей, только если они возводились в духовный сан. Великий французский дипломат Антуан дю Прат, возведенный в сан архиепископа Санса, впервые оказался в своем соборе во время собственной погребальной процессии.

Епископы становились более известными как придворные, чем как пастыри. Когда король Франции Людовик XII прибыл в 1509 году в Италию, его сопровождали три французских кардинала, два архиепископа, пять епископов и аббат Фекамп. Присутствие подобной плеяды объяснялось не чем иным, как необычным беспокойством о духовном состоянии короля.

В первое двадцатипятилетие XVI века в провинции Лангедок на юге Франции имелось двадцать два епископа, но только пять или шесть из них постоянно проживали в своих приходах. Взятка церкви не считалась таковой, если ее давал король, однако ошибки усугублялись, если один священник совершал их ради другого.

Духовенство считалось хранителем общественного спокойствия, ибо было обязано порицать алчность и поощрять бедность, не заниматься ростовщичеством и симонией, не прелюбодействовать, всегда быть образцами справедливости и милосердия, чтобы смиренно ходатайствовать перед Господом. Именно для этого и освящались их алтари.

Если все были едины в стремлении к реформе, то духовенство было обязано не только заявлять о ее необходимости, но и демонстрировать ее своим примером, упрочивая тем самым власть церкви. Они обращали свои взоры к папе римскому, волею Господа поставленному над царями и князьями, ожидая, что своим словом он по-прежнему способен принести мир, справедливость и единство мятущимся людям.

Но ни один папа, даже Гильдебранд (Григорий VII, р. между 1015 и 1020, папа римский с 1073, ум. 1085. Фактически правил при папе Николае II в 1059—1061. Деятель Клюнийской реформы. Запретил симонию, ввел целибат. Добивался верховенства пап над светскими государями. — *Ред.*) или Иннокентий III (р. 1160 или 1161, ум. 1216, папа римский с 1198. — *Ред.*) не смогли удовлетворить их стихийному ожиданию. В течение двух столетий власть папы отступала перед властью королей. Хотя христианские идеи по-прежнему вдохновляли верующих, на деле от этой армии остались лишь мелкие отряды, сравнимые с небольшими формированиями крестоносцев, некогда собравшихся, чтобы отвоевать Палестину у неверных.

Сознание христианского мира было потрясено, когда после 1525 года французский король, считавшийся самым ревностным христианином, был замечен в союзнических отношениях с турками, а папа Александр VI едва ли не первым среди христианских правителей возглавил подобные переговоры. Но это было еще не все.

Ведь власть папы простиралась повсеместно. Каждый правитель Западной Европы был обязан считаться с ней. Законность власти в католическом мире также зависела от папского двора. Авторитет папы как наместника Христа и главы христианского сообщества гарантировал уважение людей.

Продолжая верить в незыблемость христианского мира и папы как его главы, люди тем не менее связывали надежду на стабильность и безопасность с правителем своего государства. В течение двухсот лет короли и правители продолжали ограничивать власть папы на своих территориях, признавая ее лишь в той степени, в какой это отвечало их интересам, добиваясь права назначать епископов. Тем самым они невольно подрывали авторитет папы римского.

Ожидать, что папа преобразует церковь, означало то же самое, что ждать чуда, когда практически никаких предпосылок к тому не было. Конечно, своим примером или наставлением папа римский мог бы дать толчок реформам. Однако время, когда он мог отдать распоряжение, если действительно того хотел, прошло.

В результате с 1500 по 1517 год авторитет папы стал ограничиваться лишь рамками вероучения. Во времена Александра VI Борджа (папа в 1492—1503), Юлия II (папа в 1503—1513) и Льва X (папа в 1513—1521) оказалось, что трон святого Петра, как и другие епископства, стал хорошо оплачиваемым, но неудобным местом для управления мирскими делами. Только слепой не видел противоречия между обязанностями и их практическим осуществлением. Язвительный памфлетист (возможно, Эразм Роттердамский) приводит диалог папы Юлия со стражем небесных врат:

«*Юлий*. Быстрее открывай врата. Если бы ты аккуратно выполнял свои обязанности, то встретил бы меня со всеми подобающими этому месту почестями.

Святой Петр. Похоже, что тебе нравится отдавать приказы. Скажи мне, кто ты.

Юлий. Ты меня, конечно, узнаешь.

Святой Петр. Разве я должен? Мне никогда раньше не доводилось тебя видеть, и сейчас я нахожу зрелище совершенно необычайным.

Юлий. Ты, должно быть, слепой. Очевидно, ты не узнаешь этот серебряный ключ. <...> Посмотри на мою тиару и драгоценное одеяние.

Святой Петр. Я вижу серебряный ключ. Но он вовсе не похож на те ключи, что Христос, истинный пастырь церкви, дал мне».

Европа изумилась, увидев папу Юлия II во главе папской армии в Северной Италии, когда наместник Господа с саблей на боку и шлемом на голове взобрался в пролом в стене крепости города Мирандола, захваченной его военачальником[1]. Чтобы спасти папское государство от анархии, он заложил собор Святого Петра (18 апреля 1506 года), привлек Рафаэля для росписи лоджий, а Микеланджело — выполнить потолок Сикстинской капеллы, хотя это никак не прибавило этому папе морального авторитета.

Авторитет Юлия II как великого деятеля эпохи Возрождения ограничивался Италией, но не имел международного и нравственного значения. Заседавшая в 1510 году в Туре комиссия французских богословов озабоченно обсуждала вопрос: «Насколько значимо отлучение папой королей, сопротивлявшихся вторжениям папской армии?»

В течение столетий в застольных и непристойных песнях, а также анекдотах, имевших явную антиклерикальную направленность, люди богохульствовали в узком кругу друзей. Теперь подобные разговоры все чаще велись в тавернах, став общественным достоянием. Здесь выступали и обсуждали свои проблемы уважаемые и образованные люди.

Пуритане Средних веков видели корень всех зол в деньгах. Возможно, именно в данной области сложилось самое болезненное противоречие между религиозным идеалом и церковной обрядностью. Следуя за Франциском Ассизским, Фомой Кемпийским или бесчисленными подвижниками средневековой церкви, миллионы людей продолжали верить, что бедность является высшим проявлением христианской добродетели. Но и они больше не благоговели перед бедняками.

---

[1] Архиепископ Йорка одно время командовал одной из армий папы в период этой кампании в Северной Италии.

Святой нищий уже не являлся объектом всеобщего восхищения, отчасти потому, что на практике выявлялось слишком много подлогов, а отчасти и оттого, что моральный идеал теперь начал меняться в связи с социальными и экономическими переменами. И все же набожные люди сохраняли веру в античный идеал бедности и отчужденности.

«Суета — искать богатства гибнущего и на него возлагать упование. И суета также гоняться за почестями, горделиво надуваясь. Суета прилепляться к желаниям плоти и того желать, от чего после придется понести тяжкое наказание. Суета желать долгой жизни, а о доброй жизни мало иметь попечения. Суета заботиться о настоящем, не думая о грядущем. Суета любить преходящее, не стремясь к вечной радости», — поучал Фома Кемпийский («О подражании Христу»).

Моральный идеал связывался с загробным миром, оставаясь монашеским или полумонашеским. Однако образованные люди, средний класс, гуманисты, щедро черпавшие знания из источников новооткрытой литературы Греции и Рима, наполнялись восхищением перед этим миром. Пребывая в окружении растущего богатства, они ощущали несовместимость и расхождение между идеалом и повседневной жизнью. Старые ценности, унаследованные из прошлого, вступали в противоречие с материальными и интеллектуальными стремлениями настоящего.

Деньги оставались причиной зла, и все же мирянам казалось, что церковные приходы и прежде всего сам Рим чаще стремились к накоплению золота, чем к христианской добродетели.

Все в церкви, говорили неутомимые хулители, продается за деньги — прощения, мессы, свечки, обряды, чудеса, приходы и само папство. «Если бы верховные первосвященники, наместники Христа, попробовали подражать ему в своей жизни, — жили бы в бедности, в трудах, несли людям его учение, готовы были принять смерть на кресте, презирали бы все мирское... разве они походили бы на тех пап, кто сегодня покупает свой престол за деньги и защищает его мечом и ядом?» — восклицал Эразм Роттердамский («Похвала глупости»).

Эразм побывал в Риме в 1509 году, Лютер в 1511-м, и никому из них он не понравился. Гораздо позже Лютер ска-

жет: «Я бы не отказался увидеть Рим даже за сотни тысяч флоринов, иначе, боюсь, буду несправедлив по отношению к папе».

Слово «Реформация» (которое, в отличие от слова «Ренессанс», широко использовалось современниками и продолжало употребляться в течение более двух веков) показывает, что жажда перемен по образу и стандарту прошлого была типично средневековой. Все авторы позднего Средневековья смотрели на древнюю церковь сквозь розовые очки.

В жизнеописаниях святых они видели героизм и апостольское рвение. Видя обыкновенность или дурные качества окружавших их людей, они испытывали тоску и обращались к прошлому, где, как им казалось, когда-то был золотой век, несущий преданность, рвение, религиозность, чистоту сердец. Теперь же этот древний золотой мир явно стал серебряным, золото уступило место дереву, на смену дереву пришло железо. «Есть множество различий между нами и первыми христианами, и они такие же, как между навозом и золотом», — писал Мартин Лютер.

Интересно, что это был не первый призыв к Реформации. За три века до этого святой Бернард (Бернар) из Клерво (1090—1153) писал, что хотел бы видеть церковь такой, какая она была в древние времена, когда апостолы расставляли свои сети в поисках душ, а не золота и серебра. Это был один из типичных призывов средневекового проповедника.

Многие реформаторы думали, что император Константин навлек все беды на церковь, передав церковную и светскую власть папе Сильвестру. Как только папа начал богатеть, золотой век христианского мира закончился.

Новые гуманисты XV века уже не так безоговорочно верили Константину. Один из них, папский секретарь Вала, доказал, что история о даре императора была поздней выдумкой. Хотя слабые ростки критической истории легко позволяли воспринимать настоящее в черном свете и обелять прошлое, такие образованные гуманисты, как Эразм, продолжали верить, хотя и не так рьяно, в утраченный век святости и чистоты. Реформация всегда смотрела назад.

За сотни веков перед этим попытки соперничества и конкуренции пап вынуждали церковников говорить о реформе

церкви в умах и среди ее членов. Соборы в Констанце (1414—1418) и Базеле (1431—1439) приняли множество резолюций и успешно разрешили конфликт в папстве. Однако национальные и материальные интересы разрушили надежды на изменение церковного управления. Так и не осуществив задуманного, соборы посеяли семена дракона, которые к 1500 году проросли в вооруженных воинов[1].

Соборы легитимизировали идею Реформации, ибо на них ее свободно обсуждали, признавая необходимость перемен, отмечали ошибки, предлагали средства их достижения, нередко далекие от реального воплощения, чем только усиливали недовольство. Ведь они далеко не всегда оценивали практические последствия от реализации своих предложений. Не достигнув никаких практических результатов, они оставили общественное мнение в состоянии нестабильности, критиканства, беспокойства, смятения. В 1496 году некий француз писал, что в беседах людей ни она другая тема не обсуждалась так часто, как реформирование церкви. Известно, что широкое распространение реформистских идей без их реализации приводит к революции.

Многие епископы, пытавшиеся ввести перемены в своих епархиях, не только сталкивались с жестким сопротивлением у себя, но и вызывали крайнее неприятие своих действий в ближайших безнадзорных епархиях. Каждый настоятель, который пытался привести свой монастырь к более строгой и упорядоченной жизни, невольно оскорблял других. Ведь требование реформы означало признание имеющихся нарушений и злоупотреблений. Обнародование злоупотреблений, выраженное в критике церковных властей, подвергая их тем самым общественному порицанию, означало удар по авторитету монахов, членов нищенствующих орденов, приходских священников, епископов и, наконец, самого папы римского. А католическая иерархия и так страдала от нападок с разных сторон.

---

[1] Намек на миф о походе аргонавтов за золотым руном. Выполняя задание колхидского царя Ээта, Ясон бросил во вспаханное им поле зубы дракона, и те, прорастая как семена, превратились в воинов, с которыми Ясон должен был сражаться. Бросив в гущу воинов волшебный камень, который дала ему дочь царя Медея, Ясон перессорил их, заставив перебить друг друга. (*Примеч. пер.*)

И все же это был мнимый антиклерикализм, ибо только в XIX веке это слово приобрело заметную степень язвительности. Однако еще в 1502 году Эразм заметил, что наименование церковником, священником или монахом в устах мирянина звучало как оскорбление. В 1515 году епископ Лондона, канцлер которого обвинялся в убийстве портного, писал кардиналу Вулси, что любой суд из 12 присяжных осудил бы любого священника, даже если бы он был невинен, как Авель. Несколько лет спустя некий Скидмор из Айсворта записал в своем дневнике, что «сегодня самыми презренными являются валлийцы и священники».

Однако раздуваемый повсюду призыв к Реформации, не предполагавший критику основ или новый судебный порядок, породил волну ученых споров, переросшую внутри университетов во всеобщее возмущение. Но почему же старый призыв к реформам за сто лет не угас, а с такой силой проявился именно в конце XV века? Последним толчком в длинной череде событий стали действия папы Александра VI Борджа. Именно при нем любые попытки реформ были жестко подавлены.

Одним из проявлений этого процесса стала трагедия доминиканского монаха Джироламо Савонаролы. Когда французский король Карл VIII с войском проходил через Флоренцию в 1494 году, Савонарола страстно умолял его созвать экуменический собор в Риме и сместить папу Александра VI. Однако для завоевания Франции было более полезно, чтобы папа римский оставался на троне.

Как страстный и яростный пророк, Савонарола убедил Флоренцию признать главенство Христа, клеймил роскошь и симонию, призывал к отстранению, а затем и к отлучению папы римского. Рассылал страстные призывы к европейским правителям о созыве собора для реформирования церкви. Однако его типично средневековые призывы к реформе могли дать лишь мгновенный триумф над толпой. Когда флорентийская чернь не вняла призывам Савонаролы, он был арестован, подвергнут пыткам и затем сожжен на площади Синьории 23 мая 1498 года.

Большинство современников не придали никакого значения трагедии Савонаролы. Его поражение расценивалось как печальный пример того зла, какое встречалось среди монахов. Менее чем через двадцать лет выступил Эразм, чей призыв к реформе прозвучал вдвое менее страстно, но оказался намного более эффективным.

Что же сделало призыв к Реформации в начале XVI века более действенным и революционным, чем за сто лет до этого? Может быть, то, что разгул злоупотреблений и коррупции настолько разрушил церковный организм, что он начал разваливаться от первого же сильного толчка?

Хотя показания трудно оценить, все же их можно увидеть. Реформация наступила не потому, что Европа оказалась нерелигиозной, а именно потому, что, в отличие от прежних времен, стала излишне религиозной. Средневековая церковь породила неистовый идеализм и собиралась продолжать это делать. Осуждаемые заблуждения признавались таковыми и всегда осуждались общественностью.

Как и раньше, множество приходских священников в 1500 году оставались невежественными. Реформаторы заблуждались, видя в прошлом золотой век. Церковь начала господствовать в Западной Европе в варварские времена, и шрамы подобной грубости все еще были видны. Большинство заблуждений вовсе не были так плохи. Новым оказалось представление о недостатках в церковной обрядности и предложения по их исправлению.

Действительно, в XV веке имелись отклонения как в обрядовой практике, так и в некоторых областях церковной жизни. Новый мир, построенный на доверии, представлял карьеристам гораздо более широкие возможности, нежели их предшественникам. Появились новые вопиющие случаи непроживания в местах служения, заполнения церковных должностей, содержания наложниц, получения должности священников за деньги, а не путем посвящения.

«Мы, итальянцы, — писал Макиавелли, — не столь религиозны и более коррумпированы, чем остальные... потому что церковь и ее представители подают нам худшие примеры». Возможно, в этом самообвинении и есть доля истины. Даже в Италии Позднего Возрождения мы встречаем-

ся с достаточным количеством случаев реформаторского идеализма.

Несомненно, сыграл роль и размах совершения обрядов. Как рассказывают, король Генрих VIII посещал мессы трижды в день, когда охотился, и пять раз в другие дни. Благочестивая Маргарита Бофор ежедневно слушала шесть месс. Средневековое благочестие породило новые формы религиозного рвения, а более поздний XV век узнал о нескольких новых формах набожности.

Савонарола убеждал флорентийцев принести свои сокровища и сжечь их. В 1507 году папа Юлий II санкционировал культ Святого дома в Лорето (к юго-востоку от Анконы), который, как верили, был яслями Господа, чудесным образом перенесенными ангелами из Назарета. Доминиканец Ален де ла Роше (ум. 1475) популяризировал использование старинного розария[1].

Самым распространенным памятником в храмах стала Пьета — скульптурное изображение Оплакивания Иисуса Христа, где скорбящая Богородица изображена вместе со своим умершим сыном. На внутренних стенах храмов и около них появляются кальварии[2]. В конце XIV века вводится «Ангелус» — молитва Пресвятой Богородице, читаемая в сопровождении ударов колокола. Перед Реформацией начало зарождаться и то явление, которое позже получило наименование Контрреформация.

Усиление культа Пресвятой Богородицы, естественно, привело к росту культа святых и их реликвий, а также паломничества к их могилам. Плохо регулируемое рвение могло приобретать характер суеверия и даже одержимости. В 1500 году подвергли пыткам и сожгли много ведьм, не говоря уже о евреях.

Однако суеверие вовсе не было чем-то новым. Начиная со Средних веков крестьяне покупали и хранили прах со святых

---

[1] Р о з а р и й (*лат.* rosarium — венок из роз) — традиционные католические четки, а также молитва, читаемая по этим четкам. Современный вид четки приобрели в XIII веке. (*Примеч. пер.*)

[2] К а л ь в а р и й — 14 изображений крестного пути Христа, расположенных внутри храма, около него или по дороге к нему, а также крестный ход, участники которого молятся перед каждым из этих изображений. (*Примеч. пер.*)

гробниц или использовали в качестве оберега амулеты с мощами святых, собирали поддельные реликвии, верили в неправдоподобные и непризнанные чудеса или заменяли Спасителя Девой Марией или соименным святым-покровителем. Известно, что и в 1500 году это было обычным явлением. Новинкой стало использование всех этих суеверий властями.

Короче говоря, вечный разрыв между религией грамотных и неграмотных продолжал расширяться, и длилось это до тех пор, пока уже между ними нельзя было навести мосты. Пока народные молитвы подкреплялись распространенными суевериями, выйдя из-под контроля епископов и богословов, в то время как рвение людей искало эмоциональный культ, работал печатный станок, с 1457 по 1500 год было выпущено более ста изданий Библии[1].

Таким образом, нам приходится искать другие объяснения, нежели руководствоваться простой теорией, что церковь оказалась слишком неэффективным институтом, чтобы продолжать свою деятельность. Необходимо сказать о двух важнейших обстоятельствах: усиливавшейся власти местных правителей над своими царствами и улучшении образованности интеллектуальных умов западного мира[2].

УСИЛЕНИЕ ВЛАСТИ МЕСТНЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Английские короли Генрих VII и Генрих VIII оказались более влиятельными правителями, чем любой из их предшественников. Подобным же влиянием пользовались король Фердинанд и королева Изабелла в Испании, короли Пор-

[1] Естественно, Библия печаталась только на латинском языке и была недоступна мирянам, ибо считалось, что ее текст могут понять только священнослужители. (*Примеч. пер.*)

[2] Некоторые авторы добавляют третье обстоятельство — открытие Америки и следующее за этим расширение возможностей знаний и нерешенность проблем. Сохранилось немного свидетельств, чтобы подтвердить столь пространное суждение. Практические и социальные последствия усугубились позже, в XVI веке, особенно в отношении роста цен, но после выступлений протестантов. Теоретические последствия занимали христианских мыслителей не только в XVII веке. Возможно, Мартин Лютер и не появился бы, если бы не было Христофора Колумба. (*Примеч. пер.*)

тугалии и Дании; некоторые немецкие правители и даже германский император также оказались не такими слабыми, как их преемники.

Система управления в разных странах постепенно изменилась, хотя и не так сильно, как в наши дни. Правда, в каждой стране этот процесс происходил по-своему. В Англии феодалы, личные армии которых были ослаблены Войной Алой и Белой розы, подчинились власти Тюдоров. Во Франции феодальная аристократия обладала достаточной силой, чтобы отчасти разделять власть с монархом, а в Польше знать доминировала над королем.

Однако основание гражданской службы, централизация управления и судопроизводства, использование образованных юристов, — все эти составляющие современного государства уже в XV веке обозначили конституционное развитие нескольких государств. И вокруг этих более действенных правительств складывалась идея нации, самосознания и патриотической верности этих народов.

Связь между этими процессами и успехом протестантизма несомненна, но выявляется не так легко, хотя очевидно, что успех Реформации в Англии и Голландии определялся тем, что ограничение власти церкви оказалось необходимым условием дальнейшего развития действенного правительства.

Эффективное управление требовало ограничений вмешательства папы, отстаивая законодательное право власти внутри страны взимать налоги, выступало против церковных привилегий и освобождения церкви от налогов. Все эти процессы в той или иной степени еще до 1500 года начались во всех государствах Западной Европы, а не только в тех, которые позже стали протестантскими.

Однако связь между становлением конституционности и протестантским движением, столь сильно проявившим себя в английской истории, была характерна далеко не для всей Европы. Еще до начала Реформации короли Испании и Франции частично достигли желаемых целей и начали контролировать церковь.

В 1478 году папа предоставил правителям Испании учреждать инквизицию и управлять ее работой — в частности, посредством системы судов, эффективно контролировавших

священнослужителей страны и находившихся под постоянным надзором со стороны королевской власти, а не папы или епископов. Инквизиторы обладали властью над всеми религиозными орденами, а с 1531 года и над епископами, причем никакие апелляции из Рима не могли отменить их вердикт.

В течение XV столетия короли Франции, хотя и менее успешно, чем короли Англии, ограничили власть папы. В 1516 году, после длительных переговоров между папой и королем Франциском I был подписан Болонский конкордат, соглашение, определявшее законодательные отношения между папой и французской короной вплоть до Французской революции 1789 года.

Король получил право назначения на все высшие посты во французской церкви и ограничил право апелляции духовенства перед римским престолом. Теперь он смог назначать 10 архиепископов, 82 епископа, настоятелей 527 аббатств, а также бесчисленное количество приходских священников и каноников. Распределяя милости и пожертвования, король косвенно контролировал собственность церкви. Он не церемонился, если ему требовалось получить церковные деньги.

В XV веке английские короли также контролировали назначения в епископства. Даже такие слабые правители, как германский император Фридрих III Габсбург и короли Шотландии, получили право назначать своих епископов. Венецианской республике пришлось выдержать несколько войн с Римом, чтобы прийти к тому же самому результату.

Папы медленно, но неуклонно теряли реальную (не формальную) власть над церковью в различных государствах: право назначения на высшие посты, взимать контрибуции и устанавливать освобождение церковных учреждений от налогов, вмешиваться в постановления местных властей.

Очевидно, что самыми большими потерями для папского авторитета стало разрешение испанской инквизиции и подписание Болонского конкордата с французским королем. Власть папы уменьшалась, государства становились сильнее. Чем более сильным становилось правительство, тем более беззащитными оказывались обширные богатства и владения коррумпированной церкви перед лицом закона, усиливая тем самым призывы к Реформации.

Реформация не всегда становилась средством укрепления власти законных правителей страны. Напротив, во многих случаях протестантское движение было связано с политическим протестом против внешней экспансии или иностранного сюзерена, как, например, в Шотландии, Нидерландах, Швеции, некоторых швейцарских городах, в отдельных немецких княжествах, искавших независимости от императорского надзора. Даже английская политическая революция против папы оказалась слабой рефлексией на попытку избавления от иностранного господства.

По мере того как при усилении местной власти авторитет папы ослабевал, церковные реформаторы воспринимали государство как средство, несущее перемены. Реформа нуждалась в ноже, чтобы разрубить законодательные узлы, защищавшие установившиеся злоупотребления.

Противоречивые правила и предписания, конфликты светских и церковных законов, двойственная юрисдикция судов открывали возможности для выжидательной тактики, при которой процветали беспомощность епархиальной системы, анархия в работе церковной администрации, праздность и порочность.

Вы хотели реформировать монастырь? Если вы отправитесь в провинциальный орден, в епископство или к папе, возможно, вы закончите свои дни в утомительной литургии, в конце которой совершите лишь малую толику добра. Но если вы отправитесь к королю, то он может грубо разрушить тенеты и велеть монахам вести себя подобающим образом или убраться восвояси. Лучшие из реформаторов, по крайней мере те, что находились в Испании, Англии, Франции, Германии, хотели, чтобы их сюзерен функционировал. Только он обладал властью и мог действовать результативно.

Кардинал д'Амбуаз, которому король поручил возглавить Реформацию во Франции, нуждался в подкреплении реформы буллой (от папы Александра VI), предоставляющей ему полную власть как папскому легату. Обладая полномочиями, полученными от глав церкви и государства, он возглавил удивительную Реформацию нескольких монастырей и конгрегаций.

В 1501 году он направил двух епископов для реформирования монастыря Сердца Господня (кордельеров) в Париже. Когда комиссия прибыла, монахи поспешно направились в собор, начали священное таинство и стали петь псалмы. Два епископа подождали в течение четырех часов, устали и ушли.

На следующий день они вернулись вместе с парижским провостом, сотней лучников и группой констеблей. И снова монахи начали петь свои псалмы. Однако теперь их остановили, зачитали папские буллы и королевский декрет. Они ответили чтением отрывков из своих хартий и Кодекса канонического права, совершенно противоположных по смыслу. Дело надолго зашло в тупик, пока, наконец, не образовали другую комиссию, уже из кордельеров, и кардинал смог реформировать монастырь.

Чтобы благополучно преодолевать хитросплетения законов, реформатор более нуждался в полномочиях от короля, нежели от папы, ведь даже для точного выполнения папских булл ему требовалась королевская охрана. Заинтересованность была взаимной. Реформируя церковь, государство приобретало силу, становясь более эффективным и самостоятельным, а церковь, в свою очередь, повышала авторитет, прислушиваясь к насущным требованиям времени.

Становление национальных государств привело к краху древнего представления о единстве христианского мира. Однако устами Иннокентия III или Бонифация VIII Ватикан попрежнему возвещал о притязаниях на мировое господство. В 1493 году папа Александр VI, как «господин над всеми континентами», разделил недавно открытые земли Америки и Индии между Испанией и Португалией соответственно.

В европейских конфликтах папы стремились сместить неугодных им королей в их царствах. Во время торжественной аудиенции Александра VI в соборе Святого Петра Чьерегато повторил давнюю теорию двух мечей власти, согласно которой для защиты христианства Богом были даны два меча — церковный и светский. Оба они переданы церкви, которая, сохранив для себя духовный меч, светский передала монарху. Поэтому он должен подчиняться церкви. Однако сторонники независимой светской власти, напротив, утверждали, что императоры получили свой меч непосредственно от Бога.

Понятно, что подобные притязания совершенно не отвечали суровой реальности европейской политики. Иногда папа достигал желаемого, но лишь дипломатическим путем, а не декретами. Буллы по-прежнему продолжали выкрикивать в храмах, но в тех случаях, когда шел торг, они были малоэффективны.

Чтобы достичь чего-нибудь значительного во Франции, Испании, Португалии, Англии, частях Италии или немецких княжествах, папа должен был достичь расположения или заключить договор с действенным правителем. Именно в это время во всех европейских столицах появились папские послы — нунции. Первых нунциев отправили в 1500 году в Венецию и в 1513-м в Париж.

Распоряжения церкви больше не выполнялись бездумно. Выслушав их, правители шли на компромисс, оспаривали их, даже покупали, чтобы защититься от своих врагов. Однако в 1500 году явно предпочитали откупаться.

По мере того как система европейских государств врастала в общество, итальянские нужды и внутренняя политика папства все сильнее соотносились с международной обстановкой. Как и другие европейские правители, глава папского государства должен был установить результативный контроль над своей территорией.

Чиновниками курии могли быть только итальянцы, пап перед избранием заставляли подписать обещание, что все римские чиновники могут быть только римлянами, количество итальянских кардиналов постоянно увеличивалось. Сохранение пропорции, при которой большинство составляли итальянские кардиналы, означало ограничение влияния, которого короли хотели добиться через своих национальных кардиналов.

В течение XV века только двое из пап были неитальянцами, один из них испанец Александр VI Борджа. Другой неитальянец, англичанин Адриан VI, правил недолго, в 1522—1533 годах. Следующий подобный папа, поляк Кароль Войтыла (Иоанн Павел II), появился только в 1978 году. Причина проста — все считали, что только итальянец сможет эффективно осуществлять итальянские обязанности папы.

НОВОЕ УЧЕНИЕ

Знать, правители, купцы становились все более образованными. Больше людей читали книги, и знания становились доступными более широкому кругу людей. Печатные станки работали, количество печатников умножалось, библиотеки, хотя и крошечные по сравнению с поздними стандартами, расширяли количество и состав своих книг.

Печатные станки делали возможными методики изучения, находившиеся в зачаточном состоянии во времена рукописей. Теперь тексты можно было сравнивать, объекты изучения требовали меньше денег, выходили критические издания, хотя слово «критическое» не использовалось в том же значении, что в XVII веке. Ведь рукописи продолжали лежать сокрытыми в библиотечных сундуках, да и методика обучения еще была в начальной стадии. Однако знания распространялись, потому что все больше людей читали книги.

Ренессанс не только принес знания, это было духовное и умственное движение, сформировавшее иное мышление. Идею Ренессанса трудно определить однозначно. Иногда ее связывают с новой атмосферой индивидуализма, восхищения человеком, природой и искусством и всеми достижениями человечества, которая и стала важнейшей предпосылкой для религиозной революции.

Поднявшись подобно Самсону, человек стремился сбросить путы, которые связывали его с ортодоксальным и аскетическим идеалами. Однако было бы неправильно видеть прямую связь между Ренессансом и Реформацией, ибо даже поверхностное знакомство с историей ее опровергает. Однако не менее ошибочно и противоположное мнение, что между Возрождением и Реформацией нет никакой связи.

Здравомыслящие историки не оспаривают эту связь, хотя и не могут точно установить причинно-следственные связи, говоря о необходимости более глубоких изысканий. Ведь гораздо легче поверить в то, что связь существует, чем категорически ее отрицать. Моральное рвение, подобное тому, какое владело святым Бернаром, более ответственно за Реформацию, чем свободная критика Петра Абеляра. Реформация в большей степени оказалась движением веры, чем разума.

Гуманисты были разнообразны, насколько это было возможно. Их объединяла только любовь к классической Античности. В Италии, где возрождение классики связывалось с возраставшим чувством национализма и прославлением итальянского прошлого, они жили в атмосфере, явно отличной от той, какая питала гуманистов севера — Германии, Франции и Англии. Гуманизм в Италии проявлялся в литературе, искусстве, философии, тогда как в Северной Европе он проявлялся в религии и богословии.

Однако при подобном рассмотрении данное различие оказывается малозначимым. Нельзя серьезно принимать демонстративное язычество эксцентриков типа Помпонио Лео, называвшего себя «Высшим жрецом», падавшим ниц каждый день перед алтарем, посвященным царю Ромулу, и каждый год праздновавшим основание города Рима.

За немногими исключениями итальянский гуманизм проникся религиозным духом, а на севере существовала гуманистическая философия и литература. Однако все же различия оставались. Восприняв итальянское стремление возрождения античных традиций, гуманисты Франции, Германии и Англии преобразовали его на религиозной основе. Это был так называемый «христианский гуманизм», который представляли Джон Колет и Томас Мор в Англии, Лефевр из Этапля во Франции. Дальше всех пошел Эразм Роттердамский.

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ (ОК. 1466—1536)

Эразм полагал, что в своем отрочестве Северная Европа ничего не знала о новом классическом учении, уже расцветшем в Италии. Как рассказывают, он не мог посвятить свою жизнь конкретному делу, иначе как устроившись с комфортом. Однако, как только Эразм приступал к изучению дисциплины, так тотчас намеревался вдохнуть новые штудии в примеры и принципы, дабы излечить государство от северного «варварства».

Между 1498 и 1514 годами Эразм жил в Париже, Оксфорде и Италии, два года преподавал в Кембридже и, наконец,

осел в Базеле, где и прожил с перерывами вплоть до своей смерти в 1536 году. Хотя Эразм по безобидному тщеславию и тешил себя мыслью о том, что только ему удалось привнести образование в северные университеты, поток знания разливался гораздо шире, чем он предполагал.

В отличие от других гуманистов Эразм писал книги, которые проникали в дома и становились достоянием широкого читателя Северной Европы. Книжные магазины продавали их в удивительных для тех дней объемах. Один парижский печатник, услышав о том, что, возможно, вскоре Сорбонна осудит «Диалоги» как еретические, поспешил напечатать их 24 000 экземпляров.

Эразм считался не только виртуозом стиля и образованным человеком. Его природный ум направлялся деликатными, юмористическими и иногда циничными наблюдениями за состоянием дел людских. Он мог писать и обучать и в то же время воздействовать на чувства, не говоря об умении веселить. Однако он никогда не становился скучным, редко делался суеверным, его мощный и столь же изощренный интеллект проникал в самую суть предмета.

Как сатирик, Эразм излучал смех, часто мягкий и иногда горький, охватывая практически все различные профессии и классы общества. Объектом его осмеяния становились короли, купцы, солдаты, торговцы, ученые. Но более и язвительнее всего Эразм высмеивал заблуждения церкви.

Он высмеивал церковь не только потому, что считал себя морально оскорбленным или из-за того, что сами священнослужители оказывались легкой добычей для сатирика. Эразм верил, что насмешка станет поворотным моментом, дав толчок ожидаемым реформам.

Именно в Нидерландах на стыке немецкой мистики и реформаторских настроений возникло «Братство общей жизни», в котором появилась знаменитая книга Фомы Кемпийского «О подражании Христу». Эразм одно время обучался под их опекой. По крайней мере, ясно, что он писал не потому, что знал, что критика духовных лиц увеличит продажи его книг, и не из простого стремления к удовольствию. Эразм не разделял накала реформаторских страстей, хотя коррупция церковников и оскорбляла его чувства ученого.

Презирая невежество, суеверие и мракобесие, Эразм пытался излечить от них своих современников. Благодаря своему перу он смог изобразить эти пороки в самом неприглядном виде и донести свое презрение до множества других умов. Такие его книги, как «Похвала глупости» (1511) или «Диалоги» (1518), вдохновили несметное множество читателей.

Образованные люди давно уже говорили о безнравственности духовенства, монахов и папы, коррупции и незаконных доходов церкви, общественных предрассудках и идолопоклонстве. Эразм облек все эти мысли в блестящую форму, превратив в притчу во языцех и заставив смеяться всю образованную Европу. Короли и епископы, ученые и купцы, все, кто претендовал на то, чтобы называться образованными людьми, сначала восхищенно приветствовали его, а затем даже одобряли.

К 1517 году Эразм стал частью установленного порядка вещей. Во Франции и Англии, Испании и Германии и даже в Италии новая Эразмова критика церкви шла рука об руку с новым знанием, особенно среди духовенства. Никто не принижал европейскую репутацию пап и духовенства, монахов и монашествующих братьев более Эразма.

Более всего он ненавидел богословов, считая их «струпом на теле человечества». Эразм осуждал их как педантов, оперирующих логикой, манипуляторов бессмысленными идеями, создателями силлогизмов, борцами за термины. «Человек найдет выход из лабиринта быстрее, чем все эти реалисты, номиналисты, томисты, альбертисты, оккамисты и скоттисты», — писал он.

Понятно, что публичное осмеяние богословов ослабляло бастионы традиционной доктрины, нуждавшейся в объяснении. Хорошо известно, что проблемы логики, этики и метафизики могут смутить умы, но презирать их вовсе не было обязательным.

Неуважение ученых диктовалось и презрением к их «трудно понимаемому» (то есть не отличавшемуся цицероновской ясностью») стилю или грамматическим ошибкам. Оно оказалось более глубоким, сильным, страстным, чем неуважение романтического поэта или неоготического архитектора его классическими предшественниками.

Скорее всего, его можно сопоставить со «сражением между древними и современными» в конце XVII века, где литера-

турные разногласия основывались на глубоких расхождениях в философии. Древние считали современных безрассудными и, возможно, еретическими, современные находили древних недалекими и фанатичными. «Я слышал, как верблюд молился в Лувене, — говорит один из персонажей Эразма, — так что в этом нет ничего нового».

Во-первых, теологи защищали убеждения методами, которые казались устарелыми. Их теология переплеталась с философскими принципами, которым многие философы отказывались верить.

В течение двух столетий школа номиналистской философии[1] завоевывала университеты Северной Европы. Номиналисты скептически относились к возможностям человеческого разума достичь истинных заключений в метафизической области. Они стали известны как «современная школа» и к 1500 году стали доминировать в ведущих университетах Германии и Франции.

Фактически номиналисты были ортодоксами, ибо не отвергали учения церкви, но лишь показывали ее неспособность доказать ведущие положения христианства. Поэтому они проявляли скептицизм и в отношении «Сумм» великого Фомы Аквинского[2], пытавшегося согласовать христианское учение

---

[1] В раннем Средневековье номинализм (тогда, собственно, и появились термины «номинализм» и «номиналисты») выделяется как реакция на рационалистический мистицизм неоплатоников. Номиналистическая интерпретация некоторых теологических догматов (Беренгаром Турским, Росцелином) вызвала недовольство церкви — номинализм был осужден Суасонским собором (1092). Однако это не остановило развития номиналистических идей, продолжавшегося в позднем Средневековье в области философской антропологии (Генрих Гентский), психологии (А. де Серешаль), логики (Петр Испанский, У. Оккам, Ж. Буридан). Тогда же номинализм начал конституироваться как философия опытной науки, отделившейся от схоластики (Николай из Отрекура, Николай Орем).

[2] Два обширных трактата Фомы Аквинского (1225—1274), охватывающие широкий спектр тем — «Сумма теологии» и «Сумма против язычников» («Сумма философии»), дискуссии по теологическим и философским проблемам («Дискуссионные вопросы» и «Вопросы на различные темы»), подробные комментарии на несколько книг Библии, на 12 трактатов Аристотеля, на «Сентенции» Петра Ломбардского, на трактаты Боэция, Псевдо-Дионисия и на анонимную «Книгу о причинах». (*Примеч. пер.*)

и естественную философию Аристотеля. Отразив в этих «Суммах» различные точки зрения многих авторов, он стремился подтвердить их неверие в силу разума.

По мнению номиналистов, все эти тщательно подобранные доказательства на самом деле подрывали основы теологии, превращая ее в груду мусора. Номиналисты вовсе не считали, что доктрины церкви неверны, ибо полагали, что познаются не разумом, а откровением, а также авторитетом Библии или церкви (на самом же деле благодаря авторитету как Библии, так и церкви).

Отношение номиналистов к богословам видно на примере трактовки догмата о пресуществлении. Следуя своему философскому учению, святой Фома Аквинский проводил различие между «сущностью» (или универсальным концептом хлеба) и «проявлением» (или свойствами конкретного куска хлеба).

Толкуя таинство евхаристии, Аквинский предполагал, что сущность хлеба меняется в сущность тела Христа, в то время как ее проявление сохраняется, равно как и цвет, вкус и форма хлеба. Номиналисты не могли поверить и привести реальные доказательства существования универсалии или «сущности» хлеба.

Поскольку только личность «реальна», номиналисты не признавали изменение субстанции при сохранении сущности. Они верили в то, что учение о пресуществлении верно, ибо так считает церковь. Если же мы бы руководствовались только разумом, то решили бы, что оно неверно. Но доводы разума неприменимы к таинству.

Так номиналистские теологи вбили первый кол между истиной, как откровением, и сомнениями в возможности разума. Номиналисты более не искали согласия между верой и разумом, поскольку они представляют собой два разных способа познания мира, и пытаться привести их к соглашению все равно что смешивать масло и воду.

Религиозная философия стала пользоваться дурной славой. Веревка номинализма давила дыхательное горло, через которое дышали философы. Вскоре после начала английской Реформации оксфордцы начали рвать тяжелые тома Дунса Скота и выбрасывать их в корзину. Его величественные построения

оказались никому не нужными. Данное отношение к Дунсу Скотту было не следствием, а сущностью Реформации.

Критики XV и XVI веков погрязли в мелочах, которые пытались разрешить схоласты. Их представление о рациональности теологии закончилось вместе с верой в возможности логических умозаключений. Оно связано со скандалом, последовавшим после того, как схоласты пытались выяснить, какое количество ангелов сможет находиться на острие булавки.

В частности, Фома Аквинский считал, что если ангелы обладают Божественной сущностью, то они могут быть одновременно во многих местах. С точки зрения аксиомы, выдвинутой Аквинским, на эти вопросы казалось возможным найти ответы.

Номиналисты считали подобные построения надуманными, поскольку на них нет ответов в Священном Писании или в определениях церкви и их нельзя объяснить разумно. С точки зрения номиналистов, Фома Аквинский оказался слишком самонадеянным вместо того, чтобы искать настоящее решение реальных проблем.

Для Эразма и для первых реформаторов, воспитанных в обществе, скептически относящемся к метафорической причине, понятие «силлогизм» пахло абсурдностью и самодовольством. Эти предсказатели, презрительно замечал Эразм, думают, что, как атланты, держащие на своих плечах небо, они смогут подпирать католическую церковь своими силлогическими подпорками.

Философия не являлась мертвой дисциплиной. Францисканцы оставались скотистами, доминиканцы все еще были томистами, в университетах продолжалось изучение старых способов мышления. Но это уже не было магистральным направлением философии. Избегая неразрешаемых проблем, номиналисты сделали предметом своих изучений логику и проблемы смысла, выведя таким образом философию из области теологии.

Изучение логики оздоровляет разум, но дает мало пищи для души. Томас Мор однажды заметил, что «чтение трудов схоластов столь же полезно, как доение козла в решето».

На смену разлагавшимся изнутри богословским школам пришел гуманистический критицизм с его незаинтересован-

ностью философскими построениями, расширением существующих форм образования и интересом к критическим и историческим исследованиям.

Разрыв между схоластами и гуманистами вовсе не был неизбежным, ибо несогласие между старым и новым образованием часто преувеличивают. Определенное противоречие между ними возникло не потому, что схоласты закрывали глаза на новое знание, но потому, что новые схоласты оставались заносчивыми, высокомерными и агрессивными.

Тем не менее традиция школ часто страдала от безапелляционных недостатков традиционализма. Говорят, что в 1505 году Вимпфелинг поставил Университет Фрайбурга в затруднительное положение, пытаясь доказать, что Христос, святой Павел и святой Августин не являлись монахами.

Лефевр из Этапля вступил в длительную схватку, когда предположил, что Мария Магдалина и Мария, сестра Марты, не являлись одним и тем же человеком. Эразм верил, что Послание к евреям не было написано святым Павлом. Он также сомневался в том, что Книга Откровения вышла из-под пера святого Иоанна. Он знал, что тринитаристская версия Первого послания Иоанна не встречается ни в одной греческой рукописи, а также выяснил, что труды Дионисия Ареопагита являются подделкой.

Неразработанность методологии критики нередко приводила к конфликтам между новыми исследованиями и ортодоксальными трудами схоластов, традиции которых блюли теологи.

Начавшийся в 1514—1516 годах спор о еврейских книгах расколол схоластов на два лагеря, став прологом к Реформации. Крещеный еврей по имени Пфефферкорн начал кампанию с целью конфискации еврейских книг, не являвшихся христианскими. Против него выступил Иоганн Ройхлин — известный правовед и выдающийся филолог-гебраист, которого считают создателем науки о еврейском языке. Консерваторы обвиняли Ройхлина в увлечении каббализмом, а Эразм сравнивал его со святым Иеронимом. Ройхлин категорически восстал против сожжения еврейских книг. Автор грамматики и словаря древнееврейского языка, он указывал на значение еврейских книг для развития человеческой мысли и самого хри-

стианства. Его книга Rudimenta Hebraica (1506) прояснила многие неясные места в тексте латинского перевода Библии IV века (вульгате).

В 1511 году Ройхлин написал книгу Augenspiegel («Ручное зеркало»), в которой перечислил 34 ошибочных или заведомо ложных суждения, а то и просто подтасовки своих оппонентов. Кельнские церковники приговорили ее к сожжению. Ройхлин ответил обскурантам новой брошюрой «Защита против кельнских клеветников» (1513), где называет их не только архиклеветниками, но и фальсификаторами. Ройхлина потребовали привлечь к суду как еретика, а книгу осудили инквизиторы в Майнце и торжественно сожгли в Кельне. Обе стороны обратились к папе, который, наконец, поддержал осуждение.

Известие о предстоящем суде над Ройхлином взволновало гуманистов Европы. Многочисленные сочувственные письма, полученные от культурных и государственных деятелей, мыслящих по-новому, Ройхлин напечатал в виде сборника «Письма знаменитых людей» (1514). А следом появилась настоящая боевая сатира против кельнских схоластов и обскурантов — «Письма темных людей» (1515). Главным предметом критики стала алчность и продажность католического духовенства, его бытовое разложение. Считается, что первая книга была написана Кротом Рубеаном, магистром из Эрфурта, а вторая (1517) — его учеником, молодым гуманистом, известным поэтом-рыцарем Ульрихом фон Гуттеном.

Всеобщая дискуссия, начавшаяся в Кельне в 1507 году, продолжалась десять лет. В конце концов дело разбиралось Латеранским собором в 1516 году и решено было в пользу Ройхлина. Спор вокруг древнееврейских книг закончился расколом, отпадением протестантизма.

Не так легко провести грань, отделяющую догмат от теологического мнения. Намереваясь критиковать догму, гуманисты не могли просто отвергнуть традиционных теологов, не затрагивая основ католического вероучения. Чтобы выполнить столь грандиозный замысел и восстановить истинную теологию, Эразм подготовил ряд трудов. В 1503 году он опубликовал Enchiridion militis Christiani («Настольную книгу христианского воина»), где попытался очертить эту ис-

тинную теологию. Она представляла собой более простую теологию, более примитивную, более библейскую, менее запутанную логическими тонкостями и более обращенную к душе человека. Свободную от домыслов и комментариев.

В 1516 году Эразм опубликовал издание греческого Нового Завета, приложив к нему обновленный латинский перевод. Для Евангелия он использовал греческую рукопись XIV века, для Деяний и Посланий две греческие рукописи того же времени, для Апокалипсиса рукопись VIII века, ошибочно считавшуюся им апостольской.

Однако его версия оказалась ничем не лучше вульгаты, которую он иногда изменяет без достаточных оснований; было бы гораздо лучше, если он продолжал использовать греческие рукописи. Порыв Эразма был ясен, он хотел, чтобы все могли читать Библию на народной латыни, он хотел, чтобы она дошла до самых убогих.

Эразм отбросил комментарии схоластов и осторожно отсылал ученых к Отцам Церкви. Он опубликовал труды Иеронима и других латинских Отцов Церкви, сделал переводы Афанасия и Иоанна Златоуста и других греков. Эразм хотел, чтобы Библия пришла к человечеству обновленной, и написал латинский пересказ всех книг Нового Завета, кроме Апокалипсиса.

Это новое изучение Библии при всей своей простоте не соответствовало путаной и иногда абсурдной народной вере. Эразм и его сподвижники проявили излишнюю нетерпимость к ее внешним проявлениям. Поклонение статуям, паломничество к Мадоннам, вращающим глазами, или кровоточащие гостии (евхаристический хлеб из пресного теста у католиков, в англиканской и некоторых других протестантских церквах. — *Ред.*) казались им вовсе не безобидными проявлениями наивной веры, а знаменем истинной религии.

Население склонялось к религии, которой были свойственны внешние проявления, и заменяло паломничество, индульгенции, реликвии внутренним преображением и очищением. Лучшей стороной Эразма было тяготение к истинной религии, обратившей его сатиру в жестокое осуждение.

«Как ты можешь поверить, что все твои грехи отпускаются небольшим кусочком бумаги или пергамента с печатью, мел-

кой монеткой, восковым образком или совершением недалекого паломничества. Тебя нагло обманывают». «Возможно, без обрядов ты не станешь христианином, потому что не они делают тебя христианином». Исконная средневековая оппозиция между идеалом и реальностью начала превращаться в противостояние Библии и религиозной практикой католической церкви.

Европа хотела реформ, но не ожидала революции. Многие образованные люди подобно Эразму хотели, чтобы осмеяние недостатков церкви способствовало ее очищению. Однако собственник вряд ли стерпел бы насмешку над тем, что ему принадлежит. Поэтому в противостояние включились весьма влиятельные силы, считавшие, что существующее состояние церкви вовсе не свидетельствует о ее глубоком моральном кризисе и что его нельзя улучшить через насилие и нарушение закона.

Известно высказывание XVI века: «Эразм снес яйцо, а Лютер его высидел». Конечно, очевидно, что в одиночку Эразм не смог бы довести задуманное до конца. Сам же он впоследствии говорил, что написал бы свои книги, даже если бы предвидел, что из этого выйдет.

Глава 2
ЛЮТЕР

В дорогостоящем мире Ренессанса над папством постоянно нависала угроза банкротства.

Годами римская администрация жила не по средствам, чтобы противостоять растущим тратам, постоянно поднималась плата за разрешение брака между родственниками, освобождение от налогов, продажу индульгенций и подобное. Высокопоставленные священнослужители расплачивались огромными суммами. Например, епископ Шартра ежегодно выплачивал 30 000 ливров налогами, законным жалованьем и взятками. Но из этих денег далеко не все доходило до Рима.

Неповоротливая бюрократическая машина кормила множество посредников от чиновников до короля. Папа постоянно упрекал их за алчность, хотя и ему также кое-что перепадало. Чтобы преодолеть возникающий дефицит средств, он создавал новые должности и продавал их.

Поскольку каждая новая контора нуждалась в доходах, подобное незатейливое решение сравнивалось с проживанием капитала, который просто тратили, не думая о последствиях. При Иннокентии VIII группа мошенников заработала кучу денег, выставив на продажу поддельные буллы. Данный случай ярко характеризует финансовую атмосферу того времени.

Доход Венецианской республики составлял примерно миллион дукатов. Даже в лучшем случае доход папы составлял не более половины этой суммы, хотя он нес значительно большую политическую, духовную и иногда военную ответственность, чем Венеция.

В 1484 году папа Иннокентий VIII был вынужден заложить свою тиару за 100 000 дукатов. Папа Александр VI, чья

финансовая проницательность относилась к одному из главных его достоинств, сбалансировал бюджет Ватикана. Стремясь возвысить влияние папства в европейской политике, оказывая щедрое покровительство великим художникам и архитекторам, его преемник Юлий II свободно тратил во всех направлениях. Лев X также продолжал сорить деньгами. В 1513 году он задолжал по крайней мере 125 000 дукатов.

Постоянные траты вынуждали его обращаться за займами к банкирам. Финансовые дома Европы, такие как Медичи во Флоренции, Джустиниани в Генуе или Фуггеры в Аугсбурге, обеспечивали папу необходимыми кредитами. Эффективно ведя дела, они укрепляли и свою собственную безопасность, заботясь о полном взыскании всех церковных сборов.

Банкиры были тесно связаны с источниками папских доходов, ассигнованиями, освобождением от налогов, обетов и продажи индульгенций, стремясь получить не только возмещение своих займов, но и долю от прибыли. Понятно, что в стремительно развивающемся мире в займах нуждались не только папы.

Королям неоднократно приходилось отправлять в банки посланцев с протянутой рукой. Известно, что однажды Фуггеры спасли Карла V от угрозы возникновения волнений. Нуждались в кредитах и архиепископы, и именно архиепископ, отчаянно нуждавшийся в кредите, связал потребность в административной реформе с учением.

ИНДУЛЬГЕНЦИЯ

Архиепископ Альберт Майнцский был принцем двадцати семи лет, отцом эрцгерцога Бранденбургского. Он также являлся архиепископом Магдебурга (в этой епархии находился Виттенберг) и администратором прихода Хальберштадта. Чтобы соединить все три высокие должности, ему требовалось получить разрешение из Рима.

Плата за разрешение оказалась настолько огромной, что Альберту пришлось взять заем у Фуггеров, крупнейшего в Германии банкирского дома. Для погашения долга он организовал по всей Германии продажу индульгенции с целью постро-

ения собора Святого Петра в Риме, о которой недавно объявил папа. Верующие, опасавшиеся, что их умершие родственники страдают в чистилище, где их души, согласно католическому догмату, очищаются от грехов, покупали индульгенции не только для себя, своих родственников, но и для умерших. Папа богател, не предполагая, что массовая продажа индульгенций в конечном счете приведет к Реформации.

Одним из наиболее удачливых продавцов был монах-доминиканец Иоганн Тецель. Призывая братьев и сестер в вере каяться, не жалеть жертвовать Богу самое дорогое, что есть у каждого, он показывал устрашающую картину, на которой был изображен дьявол, мучающий души грешников. Это действовало безотказно. Кружки для сбора денег не хватало. Поэтому Тецель возил с собой огромный железный ларь, на котором была стихотворная надпись: «Как только на дне монетка зазвенит, так сразу измученная душа из чистилища улетит».

Однако во владениях немецких курфюрстов и феодалов его активная деятельность нравилась далеко не всем. Здравомыслящие и особенно образованные люди прекрасно понимали, что собираемые в огромном количестве деньги настоятель мог использовать так, как ему вздумается. А это уже не богоугодное дело. Пользоваться чужими деньгами себе во благо — большой грех. Об этом написано в Библии.

Эрцгерцог Фредерик Мудрый, правитель Саксонии, запретил Тецелю продавать индульгенции на своей территории. В отличие от других князей он возмущался по поводу утечки денег со своей территории и не хотел поддерживать дом Бранденбурга, представленный архиепископом Альбертом, который гордился своим собранием реликвий и индульгенциями с даваемыми ими преимущественными доходами.

В его замковой церкви в Виттенберге хранились шкатулки с 17 443 фрагментами священных костей и другими предметами, включая и мощи одного из святых мучеников.

Тем не менее люди эрцгерцога пересекали границу, находившуюся в нескольких милях, чтобы услышать Тецеля, проповедовавшего в соседних городах. Мартин Лютер, преподававший богословие в Виттенбергском университете, уже несколько лет выступал против системы индульгенций. Больше всего его беспокоило, что невежественные люди предпо-

лагали, что нет нужды в покаянии, потому что они купили отпущение грехов.

Лютеру показали копию инструкций архиепископа, данных Тецелю, и он испытал потрясение. В канун Дня Всех Святых, 31 октября 1517 года, он прикрепил к двери Замковой церкви в Виттенберге плакат с написанными на нем 95 тезисами об индульгенции[1]. Лютер заявил, что готов защищать эти тезисы на общественном диспуте, и утверждал, что духовенство и церковь не могут быть посредниками между верующим и Богом. Душа человека и Бог должны быть связаны напрямую. Лютер указывал на ошибочность веры в очищение от грехов путем покупки индульгенций. Очевидно, что тезисы написаны как сердцем, так и разумом. Хотя тезисы носят в основном консервативный характер и содержат основные доктрины лютеранской Реформации, дух академического диспута в ряде случаев переходит в болезненный стон.

«Папа обладает богатством, во многом превышающим то, чем владеют другие люди, — почему же он не строит собор Святого Петра на собственные деньги, вместо того чтобы получать их от бедных христиан?» Перед нами явно тезисы, направленные на теологию индульгенции. Однако хотя они отражали стон немецкого народа в связи с итальянскими поборами, все же тезисы, по сути, не оказались антипапскими.

Лютер осмелился предположить, что папа не одобряет несправедливую продажу индульгенций, если знает об этом. Он также писал о том, что христианам следует сказать, что, если папа знает о том, что происходит, он скорее увидит церковь Святого Петра в руинах, чем построит ее на костях и плоти своей паствы.

МОЛОДОСТЬ ЛЮТЕРА

Во время написания 95 тезисов Лютеру было почти тридцать четыре года. Он происходил из крестьян, был плотно сложенным коренастым мужчиной с глубоко посаженными

[1] Первое свидетельство о прикреплении этих тезисов исходит от Меланхтона, упомянувшего о них спустя 29 лет. Вероятно, Меланхтон был свидетелем этого события.

беспокойными глазами, отличался открытым и общительным характером. Его ум был активным и живым, однако вовсе не отличался гибкостью. Лютер считался человеком скорее горячим и настойчивым, чем мягким и деликатным. Друзья уважали его за упорство и открытый характер, зная, что он ничего не утаивает от них, не отгораживается, позволяет проникать в его истинную суть. Он не переставал быть крестьянином и гордился своим происхождением. Его речь пестрела разговорными оборотами, могла быть даже грубой, резкой и с простецкими шутками.

Мартин Лютер родился в 1483 году в семье Ганса Лютера (1459—1530) — бывшего крестьянина, перебравшегося в Эйслебен (Саксония) в надежде на лучшую жизнь. Там он поменял профессию, занявшись горным делом на медных рудниках. После рождения Мартина семья переехала в горный городок Мансфельд, где отец стал зажиточным бюргером.

В 1501 году после окончания начальной школы Лютер поступил в Эрфуртский университет, поскольку в те времена все бюргеры стремились дать своим сыновьям юридическое образование. Но ему предшествовало прохождение так называемого курса «свободных искусств». В 1505 году Лютер получил степень магистра свободных искусств и приступил к изучению юриспруденции. Именно в это время против воли отца он поступил в августинский монастырь в Эрфурте. Возможно, причиной стало сильное потрясение во время грозы, но скорее всего им двигало желание освободиться от родительского гнета. Лютер был примерным монахом и в 1507 году был посвящен в священники.

В монастыре Лютер изучал святого Августина и полюбил его сочинения. Как последователь учения Августина и Святых Отцов, он разделял, как было типично для его времени, пренебрежительное отношение к ученым аристотелевской школы. Он не был гуманистом. В начале же реформ гуманисту полагалось быть гуманистом. Подобно Эразму и Меланхтону, Лютер принял греческое имя и стал называться Элевтерием. Однако оно оказалось весьма неподходящим и впоследствии редко использовалось.

Позже некоторые из его друзей жаловались, что Лютер мало интересуется литературой Древнего мира, считая, что

она может помочь ему смягчить грубость речи. Гуманизм оставался европейским явлением и в то же время интернациональным, предполагая существование интеллектуальной аристократии. Лютер же был немцем, националистом, человеком из народа. Удивительно, что при этом он оказался не чуждым прекрасному, умел играть на лютне и обладал приятным тенором.

Действительно, Лютер не следовал древним авторам и не заботился ни о стиле, ни об изяществе своих речей, на протяжении всей жизни оставаясь чем-то вроде школьного учителя по своим методам и отношениям.

В 1508 году Лютера отправили преподавать в новый университет в Виттенберге. Там Лютер одновременно преподавал и учился, чтобы получить степень доктора теологии. В 1511 году Лютера отправили в Рим по делам ордена. Поездка произвела на молодого богослова неизгладимое впечатление. Именно там он впервые столкнулся и увидел воочию развращенность римско-католического клира. В 1512 году он получил степень доктора богословия и занял должность профессора теологии. Помимо своих обязанностей преподавателя он являлся смотрителем 11 монастырей и проповедовал в церкви.

Однако еще до 1516 года он принял идеал простой теологии, возвращения к истокам христианской веры, изложенной в Священном Писании и трудах Отцов Церкви. Вначале Лютер был ревностным монахом, прилежно читающим молитвы и рьяно соблюдавшим посты. Однако спустя несколько лет он начал сомневаться. «Я пытался, как только мог, придерживаться Устава. Я привык каяться и составлять список своих грехов. Я снова и снова каялся. Я добросовестно выполнял наложенное на меня покаяние. И все же продолжал беспокоиться. Что-то внутри меня говорило: «Тебе здесь тесно». «Ты недостаточно раскаиваешься». «Вынь этот грех из своего списка». Я пытался извлечь сомнения и угрызения из своего сознания, объясняя их человеческими немощами и традициями. Чем больше я пытался излечиться, тем сильнее смятение и беспокойство овладевали мной».

Он преисполнился доминировавшим в нем чувством величия и возмущения Господа. Лютер чувствовал, что его ис-

кушают, чтобы он поверил, что является отверженным и греховным, что он никогда не искупит свою вину, и Господь полюбит любого, но только не его. И он заболевал от мысли, что Господь прав.

Направляемый Штаупицем, генеральным викарием своего ордена, к изучению Библии и святого Августина, Лютер обнаруживает в Послании к римлянам новый смысл, помогающий ему обрести успокоение, к которому так стремится его душа. Важно, что он не достигает подобного постижения ни в неожиданном просветлении, ни в ослепляющем откровении.

В XX веке современные ученые обнаружили и изучили курс лекций о Библии, которые Лютер читал между 1513 и 1518 годами. На протяжении этих лет его понимание святого Павла росло, оттачиваясь в своей точности, чистоте и зрелости. Хотя начало этого процесса видно уже в прочитанных в 1513—1515 годах лекциях о Псалтири — они отличаются более схоластичным и традиционным языком, нежели его произведения написанные в последующие годы.

Позже, оглядываясь на свое прошлое, Лютер писал, что, читая в башне Послание к римлянам, он неожиданно почувствовал смысл выражения «ты станешь жить верой»[1]. Его сочинения показывают, что осмысление происходило постепенно.

Лютеру показалось, что обещание соотнеслось с самым глубоким опытом его морального существования. Стойкий монах не должен верить в свою непоколебимость и тщательно каяться. Прощение Господа обещано всем, кто верит в Него. Только через веру милость Господня может снизойти на заблудшие души и принести им упокоение в вечном мире, лежащем за пределами его сознания. Сердце человека слишком порочно, чтобы спасти себя, прощение — дар, его нельзя выиграть.

Еще не зная о Тецеле и индульгенции, Лютер писал, «что божественную праведность мы получаем последствием самой веры в Бога и благодаря ей, тем самым милостивый Господь оправдывает нас последствием самой веры». Этот тезис нашел понимание и поддержку в Виттенберге. В мае 1517 года

[1] Опыт башни точно не датируется. Спорят, произошло ли это событие после индульгенции или восходит к 1518 году. Возможно, оно случилось в 1512 году.

Лютер писал другу: «Моя теология, то есть теология святого Августина, продвигается и начинает преобладать в университете. Это сделал Господь. Аристотель повержен и, возможно, совершает свой путь вниз, в ад. Меня забавляет, что немногие хотят слушать лекции по Петру Ломбардскому. Никто не идет на лекции, если лектор не станет учить моей теологии, то есть теологии Библии, святого Августина и всех истинных теологов церкви».

«Я совершенно уверен в том, что церковь не реформируется до тех пор, пока мы не избавимся от канонического закона, схоластической теологии, философии и логики в том виде, как они преподаются сегодня, и заменим их чем-то иным».

Учение об оправдании верой не упоминалось и в 95 тезисах. Однако, несмотря на замалчивание тезисов, нападки Лютера на индульгенцию выплеснулись из «моей теологии», из Павловского осуждения милости Господа. Лютер считал, что индульгенция оказывает пагубное влияние, потому что вводит в заблуждение простые души. Он видел в ней внешнее проявление ошибочного и пагубного для христианства представления, что веру в Господа можно заменить внешними действиями, формами, выплатами, «благочестивой деятельностью».

Лютер не нападал на индульгенцию и тем самым познал доктрину оправдания только через веру. Он лишь применил уже поддержанную слушателями доктрину оправдания, чтобы осудить частичную индульгенцию.

НАПАДКИ НА ПАПУ РИМСКОГО

Архиепископа Альберта Майнцского интересовали не богословские тонкости, связанные с продажей индульгенций, а доходы от нее. Обнаружив, что протест никому до сих пор не известного священника в Виттенберге уменьшает продажи, он сообщил о Виттенбергских тезисах папе, который счел разногласия тривиальными и велел главе августинского монастыря заставить замолчать своего монаха.

Являлись ли нападки на индульгенцию еретическими? Доминиканские богословы, выступавшие хранителями веры и являвшиеся естественными соперниками монахов-августинцев, объявили, что, сомневаясь в индульгенции, Лютер является еретиком, и попытались это доказать. Он пытался оспорить непогрешимость папы римского, а это уже ересь. Однако полемика быстро переросла в дискуссию о власти папы и ее границах, так что споры по поводу индульгенции остались позади, войдя в более широкий круг обсуждаемых проблем.

Сначала Лютеру вовсе не нравилось, что к нему относятся как к лидеру движения, направленному против папы. Люди верили, что он собирается сделать то, чего он делать вовсе не собирался. «Нота, — заявлял он, — взята выше, чем может взять мой голос».

Возможно, Лютер успокоился бы, однако число его сторонников начало быстро увеличиваться. Его мирской сюзерен, курфюрст Фридрих Саксонский, встал на его защиту. Бесспорно, курфюрст не разбирался в теологических аргументах. Однако, как саксонец, он гордился своим университетом в Виттенберге, видя в нем защиту от просачивания итальянцев в Германию. Кроме того, он вовсе не хотел, чтобы епископ Бранденбургский обогащался за счет его земель, и, наконец, доверял своему священнику Спалатину, являвшемуся другом и опорой Лютера. В свою очередь, папа вовсе не хотел из-за соперничества между двумя орденами обидеть могущественного германского князя, который мог оказаться ему полезным в предстоящей борьбе за императорскую корону.

Тем временем по всей Германии распространялись не только тезисы, но и соответствующие памфлеты, волновавшие общественность и повышавшие число сторонников Лютера. В Германии неожиданно стала подниматься волна недовольства, направленная против отдаленного и раздражающего контроля Рима. Тецель, которого в Риме сделали доктором богословия, боялся выйти из дома, опасаясь насилия со стороны населения.

На рейхстаг 1518 года в Аугсбурге вынесли ряд требований, направленных против освобождения церкви от уплаты

налогов и вмешательства Рима в дела Германии. На стороне папы выступил известный доминиканский богослов и сторонник схоластики, а также папский легат кардинал Каэтан. Лютер предстал перед Каэтаном 12—14 октября, и, несмотря на гарантии, обещанные ему курфюрстом, ему угрожала большая опасность, чем когда-либо.

Каэтан вовсе не хотел вступать в спор по поводу индульгенции, считая вопрос, попросту говоря, находящимся вне юрисдикции папы или вызывающим возмущение. Он велел Лютеру отречься от своих слов, пригрозив суровым наказанием. Лютер проявлял уважение, умеренность, смирение, однако не отступил ни от одного пункта. Он предпочитал скорее умереть.

Друзья Лютера заставили его той же ночью поспешно уехать из Аугсбурга. Если стремление к истине означало выпад против папы, то это следовало прояснить. И Лютер напечатал отчет о беседах с Каэтаном, приложив к нему комментарий, где в оскорбительной форме отозвался о притязаниях римского престола на верховенство и непогрешимость в вопросах вероучения. 18 ноября 1518 года он торжественно подал в Высший совет христианской церкви апелляцию на папу.

Советники папы Льва X оказались не готовы к решительным действиям. Они отправили немецкого дворянина Карла фон Мильтица, чтобы тот вручил курфюрсту Фридриху Золотую розу и заручился его поддержкой против турок и Лютера. Мильтиц поместил Золотую розу на хранение в банк Фуггера в Аугсбурге и допросил Лютера в январе 1519 года в Альтенбурге.

Искусный дипломат увидел состояние немецкой мысли и понял, что, даже обладая армией в 25 000 человек, он не смог бы силой заставить Лютера подчиниться Риму. «Мартин, — заявил он ему, — я представляю тебя через несколько лет пожилым теологом, бормочущим доводы самому себе в уютном уголке за очагом. Сейчас же нахожу, что ты молод, силен и отличаешься оригинальным умом». Он вынудил Лютера написать смиренное письмо папе Льву (оно датируется 3 марта 1519 года). В нем Лютер выражает почтение католическому престолу, но ни от чего не отрекается.

Спустя шестнадцать месяцев после «Тезисов» несломленный Лютер продолжал оставаться преданным своим августинцам и в некотором смысле признавал папу главой церкви. Что бы ни писали современные цензоры, некоторые средневековые богословы даже в марте 1519 года не считали Лютера еретиком.

Все начало 1519 года Лютер изучал историю папства. Он нашел то, что искал, — основания, чтобы подтвердить сомнения по поводу высшей власти папы. Изучение Библии убедило его в неверности продажи индульгенций. Как продолжали напоминать его антагонисты, индульгенции держатся только властью папы.

Следовательно, противопоставив Библию и авторитет папы, Лютер нашел множество авторов, убедивших его, что папа вовсе не обладает божественным правом главы всех церквей. Высшая власть в церкви принадлежит Вселенскому собору, а папа является главным слугой его.

Дальнейшая аргументация Лютера основывалась на положениях самого блестящего и непреклонного полемиста его времени Иоганна Экка (1486—1543) из Ингольштадта. Если быстрота и находчивость могли одержать победу, то Экк легко бы положил Лютера на лопатки.

В июле 1519 года Экк встретил друга Лютера Карлштадта (насколько их можно было считать друзьями) на публичных дебатах в Лейпциге и вступил с ним в перепалку. Дебаты прошли в зале замка Плейссенберг, на некоторых заседаниях присутствовал герцог Георг Саксонский.

Дискутировавшие разместились напротив друг друга на кафедрах, с одной стороны — Экк со своим хриплым, скрипучим голосом и готовностью отвечать, прямо написанной на его лице. На другой — Лютер с его четким, мелодичным голосом, аскетическим видом и невнятными ответами. В большинстве дебатов Экк одерживал верх как над Карлштадтом, так и над Лютером. Его величайшая и роковая победа принудила Лютера переменить свои взгляды и перейти ту грань, которая отделяет реформу от революции.

Как известно, Лейпциг расположен неподалеку от границы с Чехией (Богемией). Для короля и жителей Чехии Ян Гус, сожженный по решению собора в Констанце в 1415 году,

стал самым известным из еретиков. Вполне естественно, что оппоненты Лютера щедро поносили его обидными словами «богемец» или «гусит», хотя и не носившими ярко выраженной коннотативной оценки.

Лютер, также считавший Гуса еретиком, с негодованием отвергал все прозвища. Экк намеревался показать, что отдельные положения Лютера сходятся с точкой зрения Гуса, и поэтому тот должен разделить с ним обвинения в ереси.

Если Лютер и не смог оказывать активное противодействие Экку, то искусно избежал подобных обвинений. Однако он обладал непреклонным мышлением, скорее стремился достичь истины, чем победить. Кроме того, Лютер обладал моральной храбростью, смешанной с упорством или упрямством.

Столкнувшись с искусным маневрированием Экка, стимулируемый его выпадами, Лютер сделал то, что от него и ожидал противник. Он признал, что Гус в некоторых вопросах прав, а собор в Констанце, осудивший его, ошибался. «Многие убеждения Яна Гуса и его учеников на самом деле являются христианскими и евангельскими, и католическая церковь не должна их осуждать». Эти слова вызвали бурную реакцию, и в ответ герцог Георг Саксонский, причем так громко, что все это слышали, воскликнул: «Чума все это!»

Экк ликовал. Вначале Лютер выступил против непогрешимости папы, а теперь отрицал единственную его альтернативу, то есть непогрешимость собора. Где же тогда следовало искать истину?

Допущение имело особое значение для понимания особенностей склада ума Лютера. Он был консервативен, его вел не ум, а темперамент. На протяжении всей своей жизни Лютер возмущался по поводу ненужных перемен и вовсе не стремился к революции, он только хотел очистить католическую церковь и сохранить ее догматы.

Однако дебаты в Лейпциге сломали последний барьер, который мешал проявлениям враждебности со стороны Рима. Лютер публично и безвозвратно объявил себя сторонником человека, осужденного церковными властями. Соответственно, он осуждал несовместимость между Библией и существующими церковными властями, между правдой, несомой сло-

вом Божьим, и ошибками, вытекающими из человеческой природы папских церковников.

К февралю 1520 года Лютер пошел дальше, чем допускал в Лейпциге. «Мы все гуситы, хотя и не знаем об этом, — писал он. — Святой Павел и святой Августин также были гуситами».

Теперь Лютер стал известным или, точнее, знаменитым человеком. Люди всегда охотно покупали то, что он печатал, поскольку Лютер открыл миру то, что тот хотел от него услышать. Хотя Лютер и не располагал достаточными доводами, но все же обладал великолепным даром полемиста. Его стиль отличает человека прямого, наносящего резкие удары, подкованного в Библии, развитого.

Своим все большим поклонникам Лютер направил ряд немецких и латинских памфлетов, они легко читаются, отличаются красотой выражений, хотя иногда резкого свойства. Именно благодаря своему языку Лютер и стал известен. «Мой нрав отличается горячностью, — писал он в 1520 году, — и мое перо легко разогревается».

Памфлеты Лютера могут быть возмутительными. В них часто повторяется одна и та же тема, и религиозный аспект явно преобладает над полемикой. Лютер нападал на папу, сосредоточившись на библейском учении и религиозном усердии. Он с одинаковой легкостью писал комментарий к «Посланию к галатам» или вступление к «Магнификату», проповедь, послание, утешающее страдающих. Лютер не видел никакого различия между высоким и низким стилем. У него была только одна цель — духовная и моральная Реформация христианского мира.

Естественно, что для человека, оказавшегося в глазах многих церковников еретиком и, следовательно, ощущавшего смертельную опасность, необходимо было представить свою деятельность как поединок с силами тьмы. Религиозные идеалы милости и справедливости заставили Лютера воспринимать христианскую душу как крепость Господа, осужденную и оскорбляемую армиями демонов.

Лютер пробивал собственный путь, страдая физически, преодолевая искушения. Однажды Лютер сравнил свою душу с гусем, выставленным в качестве приманки в яме с кольями.

Со всех сторон он окружен волками, падающими в яму и погибающими на кольях.

Самый известный гимн Лютера, «Господь — наш оплот», выходит из самых глубин его сердца:

И если в этом мире правят дьяволы,
Только и ждущие, чтобы разорвать нас,
Мы не станем печалиться,
Равно как и не будем стремиться превзойти их.
Пусть порочный правитель
Смотрит мрачно, он, как и всегда,
Не нанесет никому вреда, только насмешкой,
Но почему — его участь известна,
И слово быстро убьет его.

Гимн написан через несколько лет после дебатов, в 1527 году. Он помогает понять уникальное сочетание в Лютере искренней набожности с постоянным стремлением полемизировать.

Среди сочинений Лютера 1520 года наиболее известны три программных документа Реформации: «К христианскому дворянству германской нации» (на немецком), «О вавилонском пленении церкви» (составлен на латинском языке) и «О свободе христианина».

Второй из них считается выпадом против настоящей доктрины о семи таинствах. В третьем содержится обновленное заявление к папе по поводу учения об оправдании верой и его применения к моральной жизни христианина. Свобода христианина может быть обретена только в вере как милость Божья. Первое считается самым революционным из всех его полемических трудов. Лютер считал его звуком трубы, разрушившим стены Иерихона. Он призывает князей и магистратов Германии реформировать церковь ради добродетели их деятельности.

Однако духовенство не могло или не хотело реформироваться. Короли и принцы волей-неволей должны были выступить и реформировать церковь. Во время кризиса необходимо действовать оперативно. Следует ли нам ожидать распоряжений мэра, прежде чем мы побежим гасить огонь, даже если случилось так, что огонь подойдет к его дому?

Если вторгнувшаяся армия нападает на город, каждый горожанин должен поднять тревогу.

Реформа невозможна, пока не придет конец власти папы в Германии. Короли и князья должны восстать и уничтожить ее. Они должны запретить индульгенции, отлучения, десятины, поборы, жизненные блага пап и богатство кардиналов, излишества, похвальбу, ввести светское управление папой и епископами, в обязанности которых входят только проповеди и молитвы, но не мирские дела.

«Неудивительно, если Господь обрушит с небес огонь и серу, обратив Рим в пепел, как однажды он покарал Содома и Гоморру». Князья должны положить конец отлучениям, действиям бесполезных чиновников Римской курии, руководству со стороны клира, находящегося в состояния целибата (безбрачия). Они должны уменьшить число процессий, паломничеств, клятв, юбилеев, месс по умершим, монахов нищенствующих орденов и попрошаек.

Также необходимо реформировать учебные планы в университетах, вернуть обратно изучение Библии и небольшого количества действительно добродетельных книг, кроме Библии. Германская нация и империя должна быть свободной и следовать собственному образу жизни. Правители должны издавать законы, направленные на моральное изменение людей, ограничивать чрезмерность в одежде, праздниках или остротах, уничтожить общественные бордели, контролировать банкеты и выдачу кредитов.

Разве верно, чтобы миряне подстрекали против церкви? Является ли это святотатством? Разве в обязанности духовенства не входит Реформация церкви? Лютер осудил замечание, что церковь состоит из духовенства. В соответствии с Новым Заветом, священники составляют ее скелет, а народ — тело. Миряне также обладают правом служить в церкви, ведь у них такие же духовные устремления, как и у священников.

Правитель призван Господом, чтобы он заботился о благосостоянии своих людей. Если он видит, что его народ грабят или облагают налогами, то должен защищать его. Если ему не удастся этого сделать, то все, что он может, — это обратиться к папе. Тогда портного следует заставить прекратить шить облачения, сапожника — изготавливать обувь епи-

скопам. Плотникам не нужно строить дома для духовенства, повару перестать готовить. Самому же князю не удастся выполнять свои обязанности, если он не будет стремиться к Реформации.

СОЖЖЕНИЕ БУЛЛЫ

Летом 1520 года Германия объединилась вокруг Лютера, ставшего выразителем явного и скрытого недовольства против церковной администрации. 15 июня 1520 года папа римский Лев X издал буллу «Про отлучение» (Excurge Domine), в которой осуждались 41 предложение Лютера как еретические. Одновременно верующим предписывалось сжигать книги Лютера везде, где удастся их обнаружить. Самому Лютеру давалось два месяца, чтобы он раскаялся, иначе его отлучат от церкви. Иоганну Экку, написавшему большую часть буллы, поручили опубликовать ее в Германии. Однако в нарастающих волнениях сделать это оказалось весьма затруднительно.

Князья, университеты и даже епископы неохотно допускали публикацию буллы в своих районах. Лютер встретил буллу открытым неподчинением. 10 декабря в 9 часов утра перед толпой горожан и членов университета он сжег книги канонического закона, папские декреты и копию буллы на костре на лугу между стеной Виттенберга и рекой Эльбой.

Лютер наблюдал, как папская булла обращается в пепел, затем вместе со своими коллегами вернулся в город. Огромная толпа студентов осталась около костра. Они начали двигаться и торжественно запели Te Deum. Затем начали выкрикивать остроты и запели погребальную песню, посвященную декрету.

Несколько студентов, одетых как ряженые, в сопровождении духового оркестра прошли через весь город, неся на щите пародийную буллу и собирая книги Экка и схоластов. Затем они вернулись к костру, сожгли книги и пародийную буллу вместе с другим Te Deum.

3 января 1521 года отлучение Лютера стало неизбежным. Раскол произошел, поэтому впереди были или война, или под-

чинение папе. «Я говорил (на Лейпцигском диспуте 1519 года), что собор в Констанце осудил некоторые предложения Гуса, являвшиеся действительно христианскими. Я заявляю, что все его предложения являлись христианскими, а осуждение их папой означает осуждение Евангелия».

Теперь ссора больше не являлась разногласиями монахов, или мелким спором между теологами различных орденов, или проблемой неуступчивых еретиков. Она вышла на сцену европейской политики. «Вся Германия находится в состоянии революции, — писал папский легат. — Девятая часть выкрикивает «Лютер!» как военный клич, одной десятой нет никакого дела до Лютера, но они кричат: «Смерть папскому двору!»

Больше случившееся не являлось проблемой профессоров, придворных, церковников. Жившие около Виттенберга крестьяне, встретив на дороге путника, могли его спросить: «Ты за Мартина?» Если путник говорил «нет», его били.

РЕЙХСТАГ В ВОРМСЕ, 1521

Когда Лютер сжег буллу, император Карл V являлся королем в Испании (под именем Карла I. — *Ред.*) уже три года и избранным немецким императором в течение двух. Все выглядело так, как будто вся Германия сделает то, что позже произойдет в Англии, — отречется от союза с Римом и объявит о создании национальной германской церкви.

Если бы германский император поддержал национальное движение и возглавил его, то это и произошло бы. Однако, хотя Карл V относился к германской пастве и считал папу Льва X своим политическим врагом, едва ли он видел себя германским сюзереном. Его власть опиралась на Испанию и Неаполь (а также Сицилию). Карл V верил в реформы в том виде, в каком их принимали испанцы. Он не мог отделить Германию от Рима, не разделив свою монархию на части.

Через двадцать четыре дня после отлучения Лютера Карл V открыл свой первый рейхстаг в Вормсе. Ему был двадцать один год, но он отличался хладнокровием, решительностью и

набожностью. Император уверил Лютера в поддержке, чтобы тот пришел и выступил, и Лютер решил это сделать, проявив определенную смелость. Ведь Гус отправился на собор в Констанце на подобных же условиях и впоследствии был сожжен. Лютер заявил Спалатину, что отправится в Вормс назло всем демонам и вратам ада.

В Вормсе 19 апреля 1521 года в присутствии императора у Лютера спросили, не отречется ли тот. Он ответил, что готов извиниться за ошибки в своих полемических сочинениях, но не может осудить свои оскорбления папы. «До тех пор пока мне не докажут с помощью Святого Писания или неоспоримых доводов, что я являюсь пленником Слова Господа, я не отрекусь, или меня отлучат. Идти против него не является ни безопасным, ни верным. Пусть Господь поможет мне. Аминь».

Следуя обещанию, Лютеру разрешили вернуться домой из Вормса, но не прошло и месяца, как рейхстаг объявил в Вормсском эдикте Лютера вне закона. Лютер полагал, что созыв рейхстага влечет за собой разрядку напряжения и является потерей времени. «Я надеялся, — писал он художнику Кранаху, — что его величество император соберет пятнадцать докторов богословия, чтобы те доказали своими аргументами несостоятельность доводов монаха. Но они лишь сказали: «Это твои книги?» — «Да». — «Ты отречешься?» — «Нет». — «Тогда убирайся вон».

ВАРТБУРГ

Благодаря поступкам Лютера курфюрст Фридрих Саксонский оказался в затруднительном положении. Испытывавший политическую симпатию к личности Лютера, он вовсе не намеревался выдавать его, обрекая на сожжение или повешение. Однако в то же время он побаивался открыто защищать человека, которого церковь объявила еретиком, а большинство в государстве поставило вне закона.

Поэтому Фридрих устроил так, чтобы Лютера «похитили», когда тот возвращался из Вормса, и дал тому знать об этом. Когда карета Лютера проезжала через лес близ Мёре, пять

всадников окружили ее и схватили Лютера, продолжавшего держать свои книги, и переправили без всяких происшествий в замок Вартбург.

«Одни говорят, что это я захватил его, — писал папский легат, — другие — что архиепископ Майнца. Как бы мне хотелось, чтобы это было правдой!» В Вормсе распространили слух, что нашли тело заколотого Лютера и бросили его в шахту.

В Вартбурге, где о его местонахождении никому не было известно, Лютер жил под именем дворянина Георга и пережидал выпавшую на его долю угрозу. Существует недостоверная легенда, что он бросал чернильницу в дьявола, который сражался с ним, и что до сих пор пятно видно на стене.

Находясь в глубочайшей депрессии и испытывая упадок физических сил, Лютер чувствовал, что вокруг него скопились демоны. Он представлял, что слышит, как дьявол берет орехи со стола и щелкает их всю ночь на потолке. Вороны и сороки каркали за окном вокруг башни, звуча как отдаленное эхо стонов, раздававшихся в его душе.

Какое-то время Лютер сомневался, имеет ли он право сражаться и сопротивляться. Он спокойно отдыхал, выходил на прогулку, чтобы собирать землянику или присоединиться к охоте на зайцев и куропаток. Охота вызывала в нем отвращение, он сравнивал ее с организацией ловушек папами и священниками для беззащитных душ бедных.

Вскоре Лютер оправился от потрясений и снова начал писать. Один из своих полемических памфлетов в виде проповеди он написал, чтобы показать, что частная исповедь не должна быть обязательной. В своей книге в проповеди по поводу посланий и евангелий он намеревался доказать, что монашеские обеты неверны.

Кроме всего прочего, Лютер начал переводить Новый Завет на немецкий язык. Он намеревался сделать так, чтобы Библия оказалась в домах простых людей. Лютер поддержал призыв Эразма о том, что Священное Писание должен читать пахарь в перерывах между работой или ткач под звуки своего ткацкого станка.

Работа по переводу Нового Завета заняла немногим более года, править текст ему помогал юный друг и коллега Филипп

Меланхтон. Конечно, и до этого существовали немецкие версии Библии, а Лютер не был ни скрупулезным знатоком греческого, ни литературным гением. Однако простота, прямота, свежесть и настойчивость Лютера сказались на переводе, как, впрочем, и на всем остальном, написанном им. Законченная в 1534 году немецкая Библия стала вместе с гимнами Лютера опорой лютеранской Реформации.

ВОЛНЕНИЯ В ВИТТЕНБЕРГЕ

Восстание было не подавлено, а перешло в скрытую форму. Сторонники Лютера полагали, что пришло время выступить против злоупотреблений, которые они подвергали критике. Учение Лютера пропагандировали по всей Германии. Множество монахов покинули свои монастыри или собирались это сделать, чтобы проповедовать о новой Реформации.

Гуманисты младшего поколения, такие как Филипп Меланхтон, внучатый племянник Ройхлина, присоединились к Лютеру в Виттенберге. В Базеле толпа приветствовала священника, когда тот нес Библию вместо Гостии во время процессии на празднике Тела Христова. В присутствии студентов Виттенбергского университета Лютер сжег буллу и папские декреты.

Правда, вовсе не ожидали, что студенты согласятся с увиденным. Им сказали, что обеты, целибат священнослужителей и причастие хлебом неверны. 29 сентября 1521 года Меланхтон и несколько его молодых приятелей приняли причастие и хлебом, и вином.

4 декабря разъяренная толпа студентов разрушила алтарь в церкви францисканцев. В канун Рождества толпа нарушила порядок в приходской церкви, распевала песни, насмехаясь над службой. Во время Рождества один из профессоров (коллега Лютера Карлштадт), одетый мирянином, чтобы праздновать мессу, упростил литургию и дал мирянам причастие обоих видов.

В январе издали распоряжение, что плату за совершение месс, являвшуюся постоянным источником дохода для братств, следует передать в управление комитета мирян. Он должен

был назначать пособие священникам, облегчать положение бедняков и выделять приданое для неимущих девушек. Запрещалось попрошайничество и бордели. Велели, чтобы предметы таинства во время причастия находились в руках причащающихся, чтобы причастие осуществлялось в двух формах и чтобы убрали иконы и боковые алтари в церквах. Одновременно с установлением предписаний происходили и местные выступления, сопровождавшиеся разбиванием статуй и икон.

Кроме вспышек ярости раздавались угрозы, направленные против консервативных священников или монахов, языка «трех пророков» (так называемые проповеди в Цвиккау), появившиеся во время беспорядков. Подобные нововведения были достаточно умеренными, хотя такой набожный католик, как курфюрст Фридрих, их не принял.

Лютеру не нравилось происходящее. В марте 1522 года он выехал из Вартбурга, сменил свою светскую одежду и появился на улицах Виттенберга одетым так, как было принято у августинцев. Стремясь избежать насилия, он был готов отказаться от частных месс, приостановленных обетов и женитьбы священников. Однако Лютеру удалось утихомирить выступление личным давлением. В марте 1523 года он одобрил упрощенную литургию, в 1524 году Карлштадту пришлось покинуть Саксонию.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 1524—1525 ГОДОВ

В Германии центральное правительство не играло особой роли. Фактическая власть находилась у представителей разных слоев общества: князей, городских магистратов, знати, крупных феодалов, награбивших свое состояние, рыцарей. Они управляли, полагаясь не на имперские законы, а на свою силу. Поэтому в Германии велась постоянная борьба против частных армий крупных феодалов или рядовых рыцарей, периодически происходило подавление крестьянских восстаний.

Хотя Лютер и ненавидел беспорядки, он успешно противостоял центральному правительству, призывал всех правед-

ных людей подняться и реформировать власть духовенства, остававшегося самой консервативной силой в Германии. Зажженный внизу огонь постепенно разгорался.

Крестьяне в своей жизни вели мучительное существование и выказывали недовольство. Их мятежи, происходившие под знаком башмака, в течение долгого времени носили антицерковный характер, они возглавлялись голодающими солдатами или обедневшими рыцарями. Крестьяне поддерживали простые лозунги, основанные на том, что на христианской земле вся собственность должна быть общей. Они верили в апокалиптические проповеди, которые распространяли странствующие пророки типа Томаса Мюнцера.

В 1524—1525 годах по Южной Германии прокатился ряд крестьянских восстаний. Вожди требовали справедливости, освобождения, свободы от давления землевладельцев, права выбирать своих пастырей, восстановления общинного землевладения.

Крестьяне бунтовали по всей Центральной и Южной Германии, сжигая монастыри и замки. В мае 1525 года саксонская крестьянская армия была разбита под Франкенхаузеном, Мюнцера казнили, восстание подавили, в некоторых местах с предельной жестокостью, что усилило власть князей, управлявших Германией, и повлекло за собой радикальные последствия для Лютера и его движения.

Лютер родился в крестьянской семье и хорошо знал о жалком положении крестьян. Он резко выступал против угнетения землевладельцев и соглашался с большинством требований крестьян. Однако Лютер ненавидел вооруженные выступления. Как он полагал, путь мирного и настойчивого требования является единственным для христианина.

Когда началось восстание, Лютер путешествовал по стране и, рискуя собственной жизнью, проповедовал ненасилие. Потрясенный новостями о резне в Вайнсберге, где под звуки труб крестьяне подняли на копья графа Хелфенштайна в присутствии его жены и ребенка, он написал свой самый печальный трактат «Против убийственных и грабящих орд крестьян», где назвал расправу с зачинщиками беспорядков богоугодным делом.

На четырех буквально пылающих страницах он призывает правителей «освобождать, спасать, помогать и жалеть бедных людей, принужденных присоединиться к крестьянам, однако безнравственных бунтовщиков закалывайте, бейте и убивайте, причем всех, кого только сможете». В это необыкновенное время правитель мог получить право на небесную жизнь, проявив свой кровавый нрав, а не смиряя себя молитвой.

Лютер оказался между двух огней. Радикально настроенные крестьянские вожди говорили, что он поддерживал угнетателей, а дворяне утверждали, что его страстный язык заставлял крестьян убивать. Лютер отказывался сдаваться. «С повстанцами нельзя говорить разумно. Лучше всего ударить его в лицо, раскровянив ему нос».

Противники Лютера пользовались выражениями из его сочинений. Защищаясь, он написал другой памфлет, и результат оказался никак не лучше.

Это был ответ на его полемический выпад. В начале 1520 года друг предупредил Лютера, чтобы тот не был таким вздорным. Хотя Лютер прекрасно понимал, что его перо не слушается его, и иногда жалел об этом, его простое и ограниченное воспитание мешало ему понять воздействие резкого языка на неискушенные умы.

Хотя Лютер и не являлся экстремистом, часто его речь звучала именно таким образом. Он представлял, как храбрый горожанин встречается с взбудораженным крестьянином с саблей в руке, и не имел ни малейшего понятия, что его язык мог подталкивать к нападению на беззащитных крестьян.

Все, кто ненавидел Рим или духовенство, собрались вокруг него, причем не всякий немец, ненавидевший Рим, руководствовался принципами и мотивами Лютера. Такие воины, как Ульрих фон Гуттен (1488—1523) или Франц фон Зикинген, охотно обсуждали похищение папских легатов.

Только частично благодаря своему темпераменту Лютер склонялся к методам прямых действий, потому что это было ему вовсе не свойственно. «Я не могу, — писал он Спалатину, — сражаться за Евангелие посредством насилия и убийства».

Однако в течение нескольких лет он оставался голосом немецкого самосознания. Призыв Лютера собрал не только сторонников религиозной Реформации. Поднятая Лютером волна немецкой чувствительности захлестнула его и потащила вперед. Однако его помыслы вовсе не отличались чистотой. Чем более противоречивым он становился, тем более разделял Германию. Те, кто восхищались Лютером, когда он выступал против индульгенции, теперь колебались и затем уклонялись от прямого выпада против папы.

Естественно, что они должны были отшатнуться назад. Теперь произошла революция, и стало очевидным, что с плеч полетят головы. Вскоре после того, как Лютер проследовал через Эрфурт в Вормс, студенты и городские жители в ярости побежали к церковной собственности города, нанося ущерб библиотекам, уничтожая книги.

Лютер объявил случившееся и другие беззакония безумием, а мирные люди придерживались мнения, что, если подобная распущенность и считается Реформацией, они не хотят иметь с ней ничего общего.

Такие гуманисты, как Пиркхеймер, однажды, подобно Лютеру, оскорбивший Экка, также решительно подчинились Риму. Приветствовавший Лютера как человека, жаждущего реформ, Эразм написал ультимативное письмо, принуждая курфюрста Фридриха не прислушиваться к ропоту по поводу ареста Лютера, он также говорил папе Льву X, что нападки на Лютера преждевременны.

К 1522 году Эразм считал манеру поведения Лютера сомнительной, хотя на самом деле тот оставался самим собой. К 1524 году Эразм проявлял явную враждебность к Лютеру, они были заняты прениями по вопросу «О свободе христианина» и «О рабстве воли» Эразма. Печальнее всего для Лютера, что его друг и духовник продолжал подозревать, что Лютера поддерживает Рим. Все же он оставался другом, всегда благодарным Лютеру за то, что тот вывел его на свет. Он считал, что Реформация невозможна, если она одновременно подвергает опасности единство церкви.

Лютер начал как пророк Германии. К 1524 году он стал пророком огромной партии.

ОБРАЗОВАНИЕ ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВИ

Политическая защита

Германия была разделена, после 1524 года Лютера можно было раздавить только силой, то есть с помощью гражданской войны. Рейхстаг в Шпейере в 1529 году, где лишь небольшая часть германских князей симпатизировала Реформации, приняли Protestatio — документ, в котором открыто высказывалось несогласие с решением рейхстага запретить ряд реформ внутри церкви. Именно слово «протест» определяет содержание документа.

В 1531 году протестантские князья и города объединились в политическую конфедерацию — Шмалькальденскую лигу, решительную и способную противостоять католическим властям и императору. Лига стала новой властью в Европе. К 1539 году она включала курфюршество Бранденбург, герцогство Пруссию (где в 1525 году Великий магистр Тевтонского ордена Альберт из рода Гогенцоллернов осуществил секуляризацию владений Тевтонского ордена), курфюршество Саксония, ландграфство Гессен, графство Мансфильд, герцогство Брауншвейг, графство Анхальт и другие территории, включившие двадцать городов империи.

В регионе появилась новая политическая сила, протестантский союз, где религиозная общность подчинялась политическим интересам. Не всегда оказывалось ясным, действительно ли лига защищала протестантов или же права князей в их противостоянии императору, или же сам император защищал католицизм и свое превосходство как верховного правителя.

Помимо протестантов внимание Карла V было занято другими опасностями. Оставаясь королем Испании, он много времени отводил решению своих испанских проблем. Карл V вел войну с Францией и выступал против ее союзника, папы Климента VII. В 1527 году имперская армия, солдатам которой долго не платили жалованье, армия, находившаяся в состоянии анархии, разграбила Рим и заставила папу подчиниться власти императора.

Император был слишком занят, чтобы повернуть всю свою боеспособную армию против могущественного протестантского союза. В равной степени и сторонники папы не беспокоились о том, чтобы подавить протестантов. Точно так же, как и французский король не колеблясь вступил в союз с турками во имя политических интересов. Однажды он даже разрешил турецкому адмиралу праздновать Рамадан на улицах Тулона.

В данной ситуации французские короли предпочитали видеть Германию раздробленной. Они могли казнить протестантов в своих собственных владениях, но вовсе не радовались уничтожению немецких протестантов. Организация Контрреформации только как политической, а не религиозной силы провалилась частично и потому, что некоторые католики были заинтересованы в протестантском мятеже. Даже некоторые папы искали поддержку со стороны протестантских князей, чреватую конфликтом с испанцами или немецкими католиками.

В Германии католические князья уклонялись от эффективных действий против протестантов, ощущая угрозу своим юго-восточным границам. Турки уже были в Венгрии, и было ясно, что протестанты представляют для Германии меньшую опасность, чем вторжение с юга.

Лютеранская церковь, не так легко распространявшаяся на юг, получила время, чтобы мирно организовать свою жизнь.

Исповедание веры

Сбросить идолов проще, чем заменять веру, которую они представляют. Как только люди начинают переделывать старый и консервативный порядок, необходимо определить, насколько далеко следует им зайти, что сохранить и что изменить.

Все были согласны, что следует прекратить всевластие папы, освободить монахов и монахинь от отягчающих обетов, иногда наложенных насильственно, ибо они были еще слишком молоды, чтобы осознать последствия этого шага.

Также следовало ликвидировать систему продажи церковных должностей или евхаристии, использовав пожертвования на приходские нужды или для помощи бедным.

Священники должны были превратиться в учителей и наставников, образованных, простых и интеллигентных. Также следовало убрать те части вероучения, которые не встречаются в Священном Писании. Руководствоваться положением оправдания верой, иными словами, перенести культ из внешнего во внутренний, проводить богослужение не в ритуалах и церемониях, а в умах и сердцах. Прийти к вере, нуждающейся во внешних действиях для выражения внутреннего богопочитания.

В реформированных странах и государствах первые шаги оказывались относительно несложными. Изданную на немецком языке Библию разместили на кафедрах, священникам разрешили жениться. Те монахи, которые хотели освободиться от своих обетов, покидали монастыри. Население училось молиться, распевая гимны на немецком языке. Церковные пожертвования переставали поддерживать священников, осуществлявших частные мессы, или помогать разрушавшимся женским монастырям.

Сам Лютер верил в постепенность изменений. Он вносил реформаторские предложения, поощрял эксперименты, сделал многое в отношении местных реформаторских инициатив. Его реформа богослужения перевела литургию с латыни, считавшейся священным языком, на немецкий. Он усилил влияние проповедей, разрешив их только в воскресные и праздничные дни (соответственно боковые алтари в церквах утратили свое значение). И все же многое осталось без изменений.

Сохранилось причастие двумя способами, хотя вознесение Тела Христова во многих церквах сохранилось, и многие священники продолжали носить традиционные облачения. Консервативность Реформации ярко показывает сохранение во многих храмах орнаментированных средневековых заалтарных перегородок.

В работе «О Вавилонском пленении церкви» 1520 года, составленной на латинском языке, Лютер уменьшает количество таинств, которые доминировали в течение 350 лет, с

семи до трех, признав крещение, евхаристию и личную исповедь.

Хотя Лютера и беспокоило, что самоанализ перед покаянием мог обременить добропорядочного христианина, в лютеранских церквах исповедь перед причастием продолжала считаться нормой. Предметы для евхаристии принимались с выражением глубочайшего почтения. Лютеранские священники по-прежнему учили, что хлеб и вино являются Телом и Кровью Господа.

Исторические разыскания убедили Лютера в том, что учение о пресуществлении хлеба и вина является поздним добавлением, не подтвержденным Священным Писанием. Он считал, что в Библии говорится только об Истинном присутствии Господа, но воздержался от дальнейших разысканий, чтобы определить мистические истоки таинства.

Требуя, чтобы мессу проводили на немецком, который понимали даже невежды, Лютер допускал и богослужение на латыни в среде образованных людей. Ни Лютер, ни Меланхтон не считали, что основывают новую церковь. Они верили в то, что остаются членами католической церкви всех столетий и заняты лишь ее очищением от позднейших наслоений и явных ошибок.

Их взгляды канонизировали в исповедании веры, которое Меланхтон представил рейхстагу в Аугсбурге в 1520 году и которое вошло в историю под названием «Аугсбургское вероисповедание» (Confessio Augustino), составленное Меланхтоном и ставшее основным теоретическим документом лютеранских церквей.

В послесловии к нему Меланхтон писал, что «это почти полное изложение нашего учения. Очевидно, что ничто в нем не вступает в противоречие со Священным Писанием или учением католической (римской) церкви, в том виде, который известен нам по трудам древних авторов. Следовательно, мы будем несправедливы, если останемся на точке зрения еретиков. Наши суждения выше некоторых заблуждений, которые просочились в церковь без должного одобрения».

Какое-то время Лютер испытывал беспокойство, и многие лютеране чувствовали себя так же с тех пор, как Мелан-

хтон озаботился установлением мирных отношений и стал говорить не столь часто, что правда исключает случайности. Впоследствии, в латинском издании 1540 года, Меланхтон изменил учение о причащении в интересах сближения с кальвинистами, отчего получилось две редакции Аугсбургского исповедания: invariata и variata. Последняя использовалась при заключении всех религиозно-политических договоров. Аугсбургское исповедание во второй редакции было подписано Кальвином и прочими немецкими реформаторами, а потому из лютеранского исповедания веры превратилось в общепротестантское.

Меланхтон

После Аугсбургского вероисповедания Меланхтон составил «Апологию», занявшую свое место среди лютеранских норм веры. Союз двух мыслителей, Лютера и Меланхтона, совместно организовавших лютеранскую реформу, интересен для изучения, поскольку они сыграли в ней вовсе не одинаковую роль.

В ходе их рассуждений страстность и нетерпимость одного уравновешивалась спокойствием другого, пастырская душа Лютера, ставшего апостолом бедных, корреспондировала отточенной учености Меланхтона, считавшегося апостолом учености.

Пилигрим, двигающийся к Господу, продираясь сквозь сонмища демонов и искушения, сравнивался с современным искателем истины. Грубые крестьянские манеры сопоставлялись с этикетностью. Храбрость с застенчивостью. Стояние за истину через падение церкви соотносилось с разумным мыслителем, готовым встретиться с оппонентом, если удастся, на полпути. Враг Эразма сравнивался с его другом.

И Лютер и Меланхтон находили свой союз запутанным и болезненным. После смерти Лютера (1546) разногласия между мастером и учеником стали проблемой, порождавшей споры и разделявшей преданных. Пока Лютер был жив, они хвалили друг друга. Увидев ошибки Лютера и сожалея

о них, Меланхтон восхищался ими со страданием и в то же время отдавал должное Лютеру как восстановителю истины в церкви.

Уважение Меланхтоном традиций и власти устраивало внутренне консервативного Лютера, его позиция подпитывала учение, поддерживая систематическое богословское образование («Книга согласия», 1521, переработана в последующих изданиях) как идеальную форму для университетов, дававшую успокоение духа.

На фресках, находящихся в церкви Святой Девы в Пирне, святой Лука изображен с лицом Лютера, святой Марк — с лицом Меланхтона.

Организация лютеранских церквей

Позорные пятна, которые веками пытались искоренить добрые люди, не могли исчезнуть сразу. Невежественных людей нельзя было обучить грамоте за один день, тупых или безнравственных священников реформировать или просто сместить. Кроме того, не существовало организации, которая могла бы вести подобную работу.

Епископы, следившие за соблюдением порядка служб в своих епархиях, не могли контролировать нравственность духовенства. В лютеранских государствах и городах такое наблюдение прекратилось, хотя в ряде мест и на некоторых территориях епископы по-прежнему пытались осуществлять свои функции.

Некоторые, такие как епископ Земланда, активно способствовали введению реформированного вероучения и новых священников. Однако внутренний порядок в приходах практически отсутствовал. Немногим были известны церковные законы. Многие реформаторские акты разрубили гордиев узел законодательных прав и привилегий.

Каждый монах, оставивший свой монастырь, всякий магистрат, запрещавший совершение частной мессы и передававший пожертвования, любой реформатор, прогонявший некомпетентного священника из прихода, вбивал новый гвоздь в гроб существовавшей законодательной системы.

Когда Лютер отправлялся с пастырским визитом, он брал с собой двух теологов и трех адвокатов. Церковь нельзя было реформировать без согласия поддержки закона, то есть в городе с помощью магистратов, а в государстве при поддержке местного правителя.

Князь (или иной правитель) считал более естественным и простым заполнить пустоту, образовавшуюся после падения авторитета Рима, поскольку в конце Средних веков власть светских правителей усилилась, и они стремились назначать епископов или приходских священников. Они даже получали свою долю церковных доходов.

Магистраты свободных городов Германской империи уже контролировали свою приходскую администрацию. Во всей империи, от Гамбурга на севере до Цюриха или Женевы на юге, города легко принимали новое учение, и члены их советов легко начинали реформы и боролись с предрассудками в приходах.

Воспользовавшись Реформацией, городские власти и князья вырвали духовную власть из рук церкви и воспользовались этим, чтобы усилить ускользавшую политическую власть.

Естественность перемен можно проследить по Нюрнбергу. В 1524—1525 годах привлеченные Лютером настоятели кафедральных соборов обновили литургию, запретили мессы по умершим и провели другие перемены. Епископ в Бамберге отлучил провостов, объявил, что они смещены с должностей, и распорядился провести новые выборы.

Настоятели отказались подчиниться, их поддержал городской совет, угрозами и преследованиями добившись послушания местного духовенства. Епископ утратил свою власть в городе, поскольку его полномочия перешли к городскому совету, начавшему упразднять монастыри и контролировать приходы. Никто больше не имел права этого делать.

Современники считали утрату власти епископом менее революционным изменением, чем это могло представиться их потомкам. Ряд богословских школ позднего Средневековья ставили на первое место священника и папу, а епископа рассматривали не как священника, а скорее как чиновника,

интегрированного в католическую церковь. Отстранение от власти епископа Бамберга было для них равноценно разоблачению инкуба или развратного архидиакона, но никак не приравнивалось к реформе вероучения или мессы.

Многие реформистские и консервативные богословы и XV и XVI века считали главной частью духовенства священника или пресвитера. Поэтому они и считали нецелесообразным, чтобы один священник посвящал другого, хотя никаких богословских возражений против этого не было.

Лютер не видел причин, почему правитель не должен реформировать церковь. Напротив, это входит в его обязанности, является его долгом, одной из целей, ради которых его призвал Господь. Поскольку реформа требовала решительных перемен в законе, она оказывалась невозможной без его прямого участия.

Хотя Лютер основывал свою веру на положении о духовности мирян и долге князя, его рассуждения во многом носили практический характер. Он видел конкретные нужды и конкретные пути их решения. Он советовался с Иоанном, новым курфюрстом Саксонии, убежденным лютеранином, по поводу ревизии саксонских церквей. Одна из них привела к появлению новой организации, учрежденной в Виттенберге в 1542 году. Курфюрст отменил старый судебный порядок епископата, учредив консисторию.

Консистория, как типичная форма церковного управления в лютеранских (позже реформированных) церквах, далеко не сразу появилась в каждом лютеранском государстве. Полная консисторианская система формировалась достаточно медленно. В Померании ее создали только в 1563 году, в Гессене — не ранее 1610-го, а в Вальдеке в 1676—1680 годах.

Обычно консистория состояла из адвокатов и священников, назначенных правителем, и вначале воспринималась скорее как гражданское, а не церковное учреждение. Иногда правитель лично возглавлял обсуждение, в других случаях его представлял специально назначенный представитель. Присутствующие в любом случае обращались к правителю, докладывали ему, оставляя за ним окончательное разрешение просьбы. Консистория занималась всеми церковными делами.

Следовало ожидать, что положение о духовенстве из мирян приведет к созданию новой модели церковного управления, в котором объединение мирян получит определенную власть. Согласно этому учению Лютер наделял правителей правом реформировать церковь, считал, что мирян должно учить, чтобы они стали священниками и могли заботиться об истинной вере и должном порядке совершения обрядов.

Однако, столкнувшись с практикой конгрегационного управления церковными делами, Лютер отверг его. В Гессене странствующий бывший францисканец Франсис Ламбер предложил в 1526 году демократическую схему церковного управления, предоставлявшую каждой конгрегации право выбирать своих священников и контролировать их работу.

Когда обратились к Лютеру, он не захотел с этим иметь ничего общего. В нескольких городах (Ульме, Страсбурге, Ройтлингене) группа старейшин помогала финансовой администрации, представляя интересы мирян в делах церкви. Некоторые из подобных представителей даже заслужили расположение Лютера.

Однако данное начинание так и не было воплощено в жизнь. Меланхтон не одобрял подобное сотрудничество, предпочитая изолированность консистории. В городах муниципальное правительство обычно действовало так, как будто оно представляло собой консисторию.

Лютер вовсе не хотел, чтобы правители контролировали вероучение. Он оставлял за курфюрстом традиционные административные функции епископа, как светского, так и законодательного характера. Лютер считал, что вероучение должно основываться на Священном Писании и соотносящихся с ним традициях католической церкви.

Однако в мире религиозной разобщенности личная вера правителя неизбежно и значительно влияла на религиозную ситуацию в его государстве. В Англии именно смена правителя определила прогресс Реформации, точно так же произошло и в некоторых немецких государствах.

Власть правителей над духовенством и собственностью церкви повышала их авторитет и эффективность управления государством. Точно так же она делала церковную админи-

страцию менее продажной и более эффективной. Реформация, по крайней мере частично, устраняла административную неразбериху и некомпетентность, свойственные старой церкви.

Однако Реформация требовала пересмотра законодательства, и этот процесс развивался неровно. Такие идеи, как выдвинутая протестантами программа избавления от бедности, оставались всего лишь теорией и почти не получали практического воплощения. Эффективность проведения реформ сильно различалась в разных государствах.

При существовавшей в Германии анархии сильные люди всегда пользовались возникавшими возможностями, чтобы контролировать или перенаправлять церковные доходы. Теперь возможности для перемещения пожертвований расширились. Многие монахи из хорошо обеспеченных монастырей покинули их и разбрелись по стране, монастыри стояли пустыми, поступающие доходы не использовались. Адвокаты меняли назначение пожертвований, передавая их из монастырей или частных храмов. Как ожидалось, часть средств в конце концов должна была оказаться в светской сокровищнице.

Лютер не возражал против передачи средств, однако считал, что часть специальных вложений разумно использовать для удовлетворения текущих потребностей государства, но только на благотворительные нужды. Он негодовал по поводу незаконного присвоения доходов. «Мне совершенно не нравится видеть, как правители жадно домогаются епископства... Знать съедает монастыри, от этой диеты их тошнит, все выглядит так, будто собака обжирается падалью».

Однажды Лютер даже ворвался в кабинет курфюрста в поисках защиты церковной собственности.

В самой Саксонии все пожертвования из конфискованных монастырей отдавались на благотворительность, выделялись пособия для священников или школьных учителей, давались пособия по безработице. В Гессене некоторые монастыри превратили в госпитали или отдали здания для основания университетов, как произошло в Марбурге в 1527 году. Таким образом, в Марбурге основали первый в Европе протестантский университет.

Некоторые вклады отдали первым лицам государства, чтобы те смогли позаботиться о бедных, как в свое время поступали религиозные ордена.

ДВОЕЖЕНСТВО ФИЛИППА ГЕССЕНСКОГО

Власть правителя демонстрирует история двоеженства ландграфа Филиппа Гессенского. В 1523 году девятнадцатилетний Филипп женился на Кристине Саксонской (1505—1549), дочери Георга, герцога Саксонского, но и после женитьбы продолжал забавляться с разными любовницами, хотя у супругов родилось четверо детей. Обращение в протестантизм не изменило его образ жизни.

В 1539 году Филипп увлекся Маргаритой фон дер Заале (Зале), юной аристократкой семнадцати лет. Ее мать потребовала, чтобы тот женился. Поскольку Филипп не мог сделать этого публично, ему следовало заручиться поддержкой главных священников церкви. Филипп обратился с просьбой к Лютеру, Меланхтону и Буцеру, чтобы они дали разрешение на второй брак. В качестве довода он говорил, что если ему не позволят жениться законным образом, то будет продолжать жить в грехе. Филипп также пригрозил, что, если Лютер не даст разрешение на брак, он обратится к папе и императору.

Это не было пустой угрозой. В прошлом полномочия папы позволяли ему объявить первый брак недействительным, что означало развод с первой женой. Протестантские государства отказывались признать власть папы, и, следовательно, его власть оказывалась не такой общераспространенной. Дав клятву хранить в тайне вторую женитьбу, Лютер и Меланхтон санкционировали ее, признавая случившееся меньшим злом, чем жизнь в грехе.

Лютеру не было известно о том, что Филипп имел склонность менять любовниц. Впоследствии он говорил, что если бы знал об этом, то никогда бы не согласился одобрить брак. Он верил в добродетельность Филиппа, полагая, что тот искренне страдает от своей «слабости».

Попытки оправдать женитьбу библейским прецедентом с Авраамом показались современникам неубедительными. Об-

ряд провели в присутствии Меланхтона и Буцера. Таким образом, обещание сохранить все в тайне нарушили, и хотя, согласно некоторым авторам, католики, равно как и протестанты, разделяли мнение, что сожительство со второй женщиной лучше развода, все же Европа была шокирована поведением протестантских священников.

КАТЕХИЗИС И ГИМНЫ

Побуждаемый всеобщим невежеством, которое он увидел во время своего первого посещения Саксонии в 1528 году, Лютер пишет Большой и Малый катехизисы (1529), один для духовенства, а другой для мирян и детей, а кроме того, составляет их сокращенные формы для частных молитв и благодарения во время еды.

Как и немецкая Библия, эти книги стали основой для приходских наставлений и семейных обрядов. До самого конца своей жизни Лютер писал гимны, используя и адаптируя старые религиозные песни и мелодии.

Первая брошюра из восьми немецких гимнов, включая и четыре, написанные Лютером, появилась в Виттенберге в 1524 году, за ними вскоре последовало издание из еще тридцати двух гимнов, где Лютер написал двадцать четыре. Все собрание стало основой лютеранской гимнографии. Гимны Лютера не предназначались для обучения, в них не использовалась сложная богословская терминология, а просто передавались идущие из сердца чувства и восхваления.

Их использование оказалось существенно различным в разных государствах. В одних разрешалось их исполнение в церкви, в других допускалось только исполнение псалмов. Считая, что песни Лютера предназначались больше для частного, чем для публичного исполнения, их использовали в школе и дома. Хормейстеры иногда дополняли их другими, однако уже в 1624 году синод запретил использование любой книги, кроме оригинальной.

Конгрегация разрешила изучение гимнов в школах, их знали и дома, так что в церкви их нередко пели по памяти, то есть и без книги гимнов. Даже в 1697 году крестьяне из Мерзебур-

га, приносившие книги Лютера в церковь и певшие из них гимны, осуждались своим священником за подобную вольность.

Лютер оставался человеком из народа, он боролся за то, чтобы ввести истинную веру в сердца и дома людей, показать им, что религия может быть не только церковным ритуальным действом, но и частью повседневной жизни.

Наивно предполагать, что ему за короткое время удалось достичь того, чего средневековая церковь не смогла добиться в течение столетий. Даже в XVII веке чтение Библии в сельской местности (в отличие от городов) было распространено лишь среди знати и конгрегации продолжали жаловаться, что не могут настоять на совместном пении гимнов.

Достигнутый Лютером успех проявился в четырех начинаниях в пользу упрощения — немецкой Библии, немецкой мессе, немецких гимнах, немецком катехизисе. Полагали, что только виттенбергская типография Люффта напечатала между 1534 и 1584 годами 100 000 Библий. Кохлий, один из оппонентов Лютера, жаловался, что Библия нравится простым людям, что сапожники и пожилые женщины читают ее и спорят по поводу ее текстов. Библии было суждено стать первой немецкой книгой для народа, повлиявшей также и на развитие немецкого языка.

ХАРАКТЕР ЛЮТЕРА

Лютер умер в 1546 году после тяжелой болезни. Он начал свою деятельность во время Реформации, его опыт и взгляды неотделимы от хода истории. Влияние Лютера ярче всего видно в простой, суровой и открытой набожности, ставшей характерной чертой Северной Германии.

Несмотря на его учение и публичный статус, он всегда оставался сельским жителем, сохраняя исконное осознание милости Бога, поддерживавшего его душу среди искушений и гнусностей. Лютер всегда ощущал, что сражается с грехом бесстрашно. Рассказывают, что его ненависть и его смех всегда были огромными.

Однако его ненависть не носила личного характера, он не противоречил самому себе, ибо внутри него не было ничего низкого. Его ненависть была направлена против угнетателей или ведущих по ложному пути руководителей, выступающих, как он верил, против его возлюбленного немецкого народа.

Думая о своих немцах, Лютер прежде всего вспоминал о бедных и невежественных. Между ним и его слушателями не было преград, со свойственной ему детской непосредственностью Лютер одинаково свободно говорил с крестьянином и с аристократом, обладая гениальной способностью проповедника, склонностью к ясному и бесхитростному наставлению.

Его ум отличался наглядностью и образностью, он легко отвечал на противоположную точку зрения, подкрепляя свои суждения комическими примерами, и все сказанное им без труда соотносилось с повседневной реальностью. Его гимны, его немецкая Библия, его катехизис, его церковное учение — все это вместе с доктриной оправдания только верой создали лютеранскую традицию набожности, семьи и общественного культа.

В памяти немцев Лютер остался не только как проповедник, но и как отец семейства. Во время протестантской войны, в 1525 году, он женился на бывшей монахине Катарине фон Бора и жил вместе с ней в опустевшем доме августинских монахов. Их связывали не только романтические отношения, но и искренняя привязанность друг к другу. Катарина не была красавицей, отличалась невыразительными чертами лица, всегда одевалась подчеркнуто скромно. Однако она оказалась превосходной женой и прекрасной хозяйкой.

Лютер говорил: «Я не променяю мою Кати на Францию и Венецию, потому что Господь дал ее мне, у других женщин множество ужасных прегрешений, она же верна мне и хорошая мать моим детям». Наиболее типичное представление, определяющее образ человека, сидящего за столом с коллегами и друзьями, собравшимися вокруг него, спорящими с ним или слушающими его рассуждения, мнение о политике и шутки.

Один из его друзей, не стесняясь, вынул записную книжку и начал записывать замечания Лютера. Привычка распростра-

нилась, и двенадцать разных авторов составили свои собрания. Иногда Лютер подтрунивал над ними, однако никогда не возмущался и не запрещал записывать его слова. Через двадцать лет после его смерти один из них, Аурифабер, опубликовал подборку высказываний Лютера на разных собраниях. Со временем «Застольные беседы» Лютера дополнились новыми материалами и стали классической книгой Реформации.

Лютер говорил просто и точно, но иногда бывал грубым и резким. «Дорогой муж, иногда ты бываешь слишком резким», — упрекала его жена. «Меня вынуждают быть грубым», — отвечал Лютер. Он настолько откровенно высказывался о своих противниках, что они пытались извлечь выгоду из «Застольных бесед». Однако они непригодны как источник сведений об истории, особенно в тех случаях, когда события происходили задолго до времени переданной беседы, поскольку Аурифабер не редактировал и не комментировал его слова.

Тем не менее книга воссоздает уникальный и точный образ человека и священника, ведь Лютер был открыт для контактов и прекрасно понимал суть природы и людей. Его с полным основанием можно назвать старым классическим эпитетом magnanimus, в его первоначальном смысле «широкая душа».

Тем временем поднятая Лютером волна прошла по швейцарским долинам в Италию, по Рейну во Францию и затем в Испанию, через горы на юго-востоке и юге в Чехию, Венгрию и Австрию, через моря в Англию, Шотландию и Скандинавию. Успех Реформации в Германии отозвался эхом по всей Европе.

Глава 3
КАЛЬВИН

ЦВИНГЛИ
(1484—1531)

В Цюрих Реформация пришла обычным для вольных городов Священной Римской империи путем. Вдохновленные реформаторскими идеями граждане отказались подчиняться власти епископа города Констанц, и, когда тот попытался вмешаться, городской совет провозгласил реформу в храмах и приходах. По совету главных пастырей духовенству разрешили жениться, вынесли изображения святых и реликвии, распустили монастыри и использовали их состояние для развития образования. Вместо мессы вели литургию на родном языке. Этот процесс начался в 1522 году и завершился в 1525-м. Как и в других городах, совет ввел реформированные правила общественной морали.

Ульрих Цвингли родился в зажиточной крестьянской семье, в деревне Вильдгауз, в Тоггенбургском графстве (в кантоне Санкт-Галлен). Учился в школе Святого Теодора в Базеле, а затем и в университете, где стал священником. С 1506 до 1516 года он был пастором в Гларусе, в 1513—1515 годах являлся капелланом папской армии. В 1516 году Цвингли занял место капеллана в Айнзидельне (кантон Швиц. — *Ред.*), продолжая выступать с проповедью против различных суеверий и церковных злоупотреблений. В 1518 году занял должность священника в Цюрихском соборе и здесь в основу своих проповедей положил Евангелие. Стремясь к реформе церкви и государства, выступил против торговли индульгенциями настолько успешно, что доминиканцу Самсону, торговавшему ими в Швейцарии, был закрыт доступ в Цюрих.

Цвингли заявлял, что его реформа независима от лютеровской и что он разработал реформу вероучения до того, как узнал о Лютере. Однако обращение к источникам не подтверждает этого. Как и другие вольные города, Цюрих получил толчок от лютеровских реформ, а Цвингли в то время тщательно следил за учением и методами Лютера. Но основа всюду одна — апелляция к Священному Писанию как высшей истине.

Как и Лютер, Цвингли был поклонником Эразма, хотя относился к реформам более рассудительно. Он был мудрее, ученее, философичнее, но менее основательным и религиозным, чем Лютер. Цвингли призывал к реформе церкви, вслед за гуманистами ненавидя обскурантизм и неэффективность. Но вместе с тем Цвингли, как священнослужитель, был убежден, что борется с искушением, отравлявшим души людей, и оптимистично подходил к человеческой природе, надеясь на лучшее.

Эразм пробудил в нем интерес к греческим Отцам Церкви, и, попав под влияние трудов Августина, Цвингли обнаружил такое же религиозное чувство, что и в сердце Лютера. И Цвингли, и Кальвин были замкнуты в своем внутреннем мире, не имея друзей, которые бы восхищались их умом и следовали за ними подобно ученикам, парализуя их расположение своей холодностью. Лютер, напротив, был человеком открытым, не скрывал своих мыслей и чувств, располагал к себе не моральной твердостью, но утонченностью ума. Но этому противопоставлению не следует придавать слишком большого значения. Чем больше мы узнаем о швейцарских реформаторах, тем менее склонны судить о них лишь как об интеллектуалах.

Цвингли испытывал меньшее почтение к прошлому, чем Лютер, и был меньше связан с традиционными формами культа, сразу же изменив убранство церкви в Цюрихе. Он убрал орган и реликвии, продал картины и замазал фрески, снял алтарные украшения и в соответствии с северогерманским порядком празднования Тайной вечери (1525) немного оживил средневековую литургию. После проповеди и молитв пресный хлеб и вино не возлагались на алтарь, а раскладывались на столе, поставленном среди верующих по-

середине нефа. Повернувшись лицом к конгрегации, священник в мирской одежде обносил сидевших молча верующих хлебом на большой деревянной доске. И в других службах Цвингли практически исключил традиционные литургические формы, оставив только проповеди и молитвы.

Лютер считал, что богослужение должно точно соответствовать слову Божию. Но вместе с этим, проявляя достаточный консерватизм, полагал, что допустимо все, что не запрещено Священным Писанием. Поэтому он и не стремился запретить вознесение Даров во время евхаристии. Цвингли же, считавший, что богослужение должно соответствовать слову Господа, создавал совершенно иную атмосферу. По его разумению, в Писании четко предписано все, что следует делать во время богослужения, а все остальное ему было безразлично, как, например, слова молитвы, в которые священник может включать любые нравоучения, хотя Цвингли считал, что во всем надо стремиться к простоте. Поэтому культ и убранство в швейцарских храмах изменились гораздо революционнее, чем в северогерманских. Например, в некоторых лютеранских церквах с подачи Лютера развилось пение гимнов. В швейцарских же гимны считали светской музыкой и в храмах пели только стихотворные переложения псалмов. В лютеранских церквах продолжали принимать личную исповедь как таинство, а в швейцарских не запрещали только личное покаяние священнику, считая, что таинство исповеди не предусмотрено в Писании, усиливает власть священника, а следовательно, ведет к коррупции.

ИСТИННОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Принципиальные различия проявились как в учении о евхаристии, так и в порядке совершения литургии. Понятно, что вокруг мессы образовалось множество суеверий. Чуждый мистицизму, Цвингли смотрел на евхаристию не как на таинство, а как на воспоминание об искупительной жертве Христа. Он считал, что именно догмат о пресуществлении хлеба и воды в Тело Христово противоречит христианскому учению о ней. Четко разграничивая материальное и духов-

ное, он не допускал, что материальные объекты могут быть источником благодати. Поэтому он рассматривал таинство не как проявление милости Господа, а как знак соглашения между Богом и людьми. Празднуя Тайную вечерю, мы вспоминаем искупительную жертву Господа и благодарим Его.

Еще в ранние годы Цвингли вместе со своим другом Эколампадием решили разобраться в том, чем же на самом деле является Тайная вечеря. В результате тщательного изучения Библии Цвингли пришел к выводу, что учение о реальном присутствии (а в то время «реальное» понимали как «телесное, материальное») является результатом неправильного толкования текста Библии. На самом деле в ней говорится о духовном даре Христа посредством искупления, а духовный дар можно получить не физически, а лишь через веру. Библейские слова Христа «Се есть Тело Мое» являются не чем иным, как обычной для Христа метафорой. Он также говорил: «Я дверь» или «Я вино», но никто не настаивает на буквальном понимании этих слов. Выражение «Се есть Тело Мое» следует, таким образом, понимать как «это символ Моего Тела». А это значит, что хлеб и вино являются не средством присутствия Христа, а лишь знаками веры в Его жертву.

В последние годы жизни под нажимом своих врагов и некоторых коллег Цвингли согласился на некоторое смягчение своей позиции: эти знаки обозначают не присутствие Христа, а наличие особой формы Божьей благодати, которую верующие получают во время молитвы. Но он так и не согласился с традиционным пониманием Тайной вечери.

МАРБУРГСКИЙ ДИСПУТ, 1529

По вопросу о причащении между Цвингли и Лютером происходила полемика, в которой первый обнаружил больше сдержанности и умеренности, чем последний. Лютер сохранял те догматы и обряды, которые не стояли в противоречии со Священным Писанием, тогда как Цвингли устранял все то, что не находило в нем прямого подтверждения. Нако-

нец, по вопросу о церковной организации Цвингли, будучи, как швейцарец, носителем республиканского начала, проводил начала пресвитерианского управления, а Лютер, как поборник княжеской власти, установил консисториальную систему управления церковью.

Желая примирить оба евангелических учения, ландграф Гессенский Филипп устроил в 1529 году в Марбурге встречу Лютера и Цвингли. Первый явился туда в сопровождении Меланхтона, Цвингли — со своим другом и последователем Эколампадием. Присутствовал также Буцер и некоторые известные богословы и светские лица. Происшедший между ними диспут не привел к соглашению по вопросу о причащении вследствие упорства Лютера.

С самого начала прений Лютер написал мелом перед собой на столе слова Евангелия «Се есть Тело Мое» (*лат*. Hoc est corpus meum) и твердо стоял за необходимость так и понимать их, без всяких толкований и уклонений. По окончании диспута Филипп Гессенский убеждал обе стороны, чтобы они жили в мире, как братья. Цвингли высказал полное согласие на это, но Лютер и тут проявил свою обычную религиозную нетерпимость, резко отвергнув это предложение. Он даже отказался пожать протянутую Цвингли руку, заявив, что не может воспринимать Цвингли ни как единоверца, ни как брата, а только как представителя грешного человеческого рода.

Меланхтон страстно стремился к согласию, его особенно беспокоило, что расхождения оказались столь непреодолимыми. Но Лютер остался непреклонным, и раскол внутри протестантизма лишь углубился. Но за Цвингли и Эколампадием последовали многие богословы из городов Рейнланда и нижних земель, а их церкви стали искать поддержки и руководства не в Виттенберге, а в Цюрихе.

БУЦЕР (1491—1551)

Мартин Буцер первоначально был католическим монахом-доминиканцем (с 1505 года), в 1517 году был переведен в Гейдельберг (Хайдельберг), что позволило ему обучаться в мест-

ном университете. Знаток греческого и древнееврейского языков. После личного знакомства с Лютером стал ярым последователем Реформации. Оставив орден, женился на бывшей монахине и стал священником в Эбернбурге. С 1523 года возглавлял проведение Реформации в Страсбурге, где в течение многих лет был наиболее авторитетным богословом, так что имя Буцера стало знаменем Реформации в этом городе. Прекрасный оратор, Буцер также был искусным дипломатом, владевшим даром убеждения, хотя всегда оставался верен своим принципам.

По теологическим взглядам занимал промежуточную позицию между Лютером и Цвингли, в том числе пытался примирить их позиции. Вначале он предполагал, что удастся добиться согласия, надо только найти удовлетворяющую всех формулу.

Однако в вопросе о причастии и предопределении занимал более радикальную позицию, чем Лютер, так что можно говорить о влиянии взглядов Буцера на теологию Кальвина. Во время диспута он разбил все аргументы Цвингли, утверждавшего, что физическое присутствие Господа в Святых Дарах невозможно, и его можно воспринять лишь посредством веры. Но вместе с тем он понимал и прямолинейность лютеранского тезиса о том, что в Писании указано на материальное присутствие Христа в Святых Дарах, соглашаясь с Цвингли, что Божественная Благодать передается не в форме хлеба и вина. Возникало неразрешимое противоречие — верующий получает благодать, подобно тому как ему дают вещественный хлеб. И этот дар символизирует милость Господа, как считает и католическая церковь. Следовательно, Лютер прав в том, что причащающемуся необходим материальный дар, а Цвингли в том, что неверующий не получает ничего, кроме хлеба.

Такая трактовка вероучения позже стала известна как рецепционизм и вошла в классическое вероучение нелютеранского протестантизма. Одной из ее форм является учение кальвинистов. Один из последователей Буцера составил простое изложение его лекций, которое и использовал Жан Кальвин, учившийся у Буцера в Страсбурге с 1538 по 1541 год. В 1549 году из-за столкновений с властями города Буцер был

вынужден покинуть Страсбург и по приглашению архиепископа Томаса Кранмера навсегда перебрался в Англию, где и скончался в 1551 году.

ФАРЕЛЬ В ЖЕНЕВЕ

Как и другие имперские города, Женева постепенно двигалась в сторону независимости, но этот процесс проходил гораздо медленнее, чем в Нюрнберге, Страсбурге или Цюрихе. Большую роль в развитии Реформации в Женеве и во всей франкоязычной Швейцарии сыграл Г. Фарель.

Гильом Фарель (1489—1565) родился в Дофине, происходил из богатой дворянской семьи. Вопреки желанию отца, хотевшего отдать его в военную службу, Фарель много работал над своим образованием, а затем приехал в Париж и стал учителем в коллеже. В это время Фарель был еще фанатически предан католицизму, но чтение Библии породило в нем некоторые сомнения. Он принялся за изучение греческого и древнееврейского языков, чтобы познакомиться с Священным Писанием в оригинале, и вскоре совсем отпал от католицизма. На него донесли в Сорбонне и в правительство, и в 1521 году он бежал в Мо к епископу Брисонне, покровительствовавшему протестантам. Здесь Фарель с таким пылом стал проповедовать против католиков, что епископ был вынужден его удалить. Фарель отправился в Базель (1524), где публично защищал 13 тезисов против католиков. Оттуда он перебрался в Цюрих, а затем в Берн, где познакомился с Цвингли, а затем в Страсбург, где подружился с Буцером и Капитоном.

Наезжая в Лозанну, он помог местным протестантам изгнать правителя-епископа и превратить ее в свободный протестантский город. Вернувшись в Берн, Фарель пытался продолжать свою деятельность, но его жесткость и непримиримость привели к тому, что бернские власти его изгнали. В 1533 году Фарель снова вернулся туда уже в качестве официального представителя Берна.

Женевские граждане, только что освободившиеся от притязаний епископа и герцога Савойского, особенно дорожили

союзом с Берном. Фарель искусно воспользовался раздражением против католического духовенства, которое подозревали в замыслах против свободы города, и дело Реформации быстро пошло вперед. Городской совет в 1536 году отменил католицизм и ввел богослужение, принятое в Берне и Цюрихе (как раз в это время Берн спас Женеву от нового нападения герцога Савойского). Фарель занялся выработкой церковного исповедания (Confessio helvetica), где ставил церковь в зависимость от светской власти и в отлучении видел только «дружеское исправление», не придавая ему еще того характера, который оно получило у Кальвина. Человек борьбы, Фарель не обладал организаторскими способностями, и реформированная женевская церковь находилась в полной анархии. Выход из этого состояния связан с именем Жана Кальвина.

КАЛЬВИН (1509—1564)

Летом 1535 года Кальвин оказался в Женеве по пути из Парижа в Страсбург, ставший убежищем для бежавших из Франции протестантов. Он родился в 1509 году в Нуайоне, изучал богословие и латынь в Париже, а затем юриспруденцию в Орлеане. В 1532 году напечатал перевод Clementia Сенеки. Почувствовав, что в Париже ему оставаться небезопасно, перебрался в Базель, где в 1536 году выпустил «Основания христианской веры» — доступный справочник по протестантской теологии. Оказавшись в Женеве, он остался там по предложению Фареля, а городской совет предложил Кальвину место преподавателя основ Священного Писания.

Фарель не был хорошим организатором. Реформация в Женеве свелась к произнесению странных проповедей и разбиванию статуй. Кальвин, как образованный адвокат, проработал в Женеве недолго. Уже через четыре месяца он вступил в конфликт с городским советом из-за предложенной им программы реформ. У него была своя точка зрения, которую он не только выражал на бумаге, но и воплощал на практике. Едва ли не главным для него было неприятие католиче-

ской мессы. Поэтому Кальвин стал искать такую организацию церкви и священства, которая соединяла бы благопристойность и твердый порядок. Как и другие реформаторы, он считал, что этого можно достичь только воспроизведением практики раннехристианской церкви, искаженной в новозаветные времена.

Первые попытки Кальвина реорганизации церкви привели к его изгнанию с 1538 по 1541 год, поскольку женевские власти не приняли его переложений. Но через некоторое время его призвали обратно, и он сумел убедить городской совет принять ряд предложений Кальвина, известных как «Наставления в христианской вере». Спустя двадцать лет Кальвин выпустил их обновленный вариант, но и они не представляли точного изложения устройства церкви. Но с 1541 года основные положения его программы стали воплощаться на практике.

Кальвин принадлежал к следующему после Лютера поколению. Лютер женился на бывшей монахине, Кальвин — на вдове анабаптиста, и это символизирует различие между ними. Главным для него было не ниспровержение папства, а создание новой модели церкви. У Лютера практика преобладала над вероучением, и он остановился на светском священстве. Кальвин считал, что вероучение должно основываться на Священном Писании, и сосредоточился на его теоретических аспектах. Но ему был нужен авторитет и чистота священства. Отвергнув всевластие папы, Реформация вместе с тем отказалась и от священства как носителя благодати. Единственным носителем власти в протестантской церкви был правитель и городской магистрат. Кальвин верил, что в организации церкви в Женеве он должен воспроизвести структуру ранней церкви, и поэтому настаивал на независимости церкви и ее служителей.

В идеальном устройстве Кальвина было мало демократического. Священники выбирали священников, хотя городской совет мог и оспорить их выбор. Верующие встречались раз в неделю и изучали Библию, причем эти собрания не были добровольными. Они выбирали наставников, которые отвечали за изучение Библии и образование, хотя совет настаивал на подтверждении им этого выбора.

Самые старшие члены общины, и это характерно для Кальвина, отвечали за дисциплину и моральный климат в конгрегации, а также могли запретить согрешившим принять причастие и сообщить об этом «уважаемой компании». Эти лидеры также входили в городское самоуправление, но с одобрения священников.

Каждый вторник они встречались со священниками в церковном суде и обсуждали непорядки в церкви, а также меры их устранения. Кроме того, они увещевали еретиков, прихожан, которые забывали о своем долге и на которых жаловались священники. Если же согрешивший упорствовал, то они могли отлучить его и сообщить об этом городским властям.

В контроле над общественной моралью не было ничего нового. Издавна этим занимались епископские суды и городские магистраты, издававшие декреты, которые граждане расценивали как проявление тирании и покушение на свободу. Кальвин требовал, чтобы этим занимались только церковные власти, но если они обвиняли грешника, то для наказания должны были передать его светским властям.

Как и в других швейцарских городах, городской магистрат Женевы не имел желания уступать свои права священнослужителям. Ссылаясь на ордонансы, магистрат заявлял, что священник может действовать только после уведомления городского совета. Магистрат добавил в последнюю редакцию Кодекса канонического права примечание, в котором говорилось: «Эти полномочия не значат, что пастор (священник) имеет гражданскую юрисдикцию, а консистория может вмешиваться в дела магистратов и гражданских судов».

Добавление породило проблемы. В качестве ответной меры магистраты принуждались разрешать отлучение. Священнослужители не только ограничили действие двусмысленного примечания, но и настаивали, что гражданский чиновник должен быть председателем консистории с посохом в руке, подтверждающим, что он действует не только как гражданский магистрат, но и как светский старейшина. Убрать посох Кальвин согласился только в 1561 году.

Совет всегда сохранял больший контроль над выборами консистории, нежели подтверждение ее полномочий, неред-

ко просто отказываясь их подтвердить, если между ними возникало несогласие.

Протоколы заседаний консистории после 16 февраля 1542 года сохранились. В них упоминается множество проступков, которые сочли оскорблением веры. Вот один из них. Женщина преклонила колени перед могилой своего мужа и воскликнула «Покойся с миром!», другие женщины увидели и последовали ее примеру.

Услышав, что в город следуют богатые французские беженцы, ювелир изготовил золотой потир. Ожидая их, некоторые подняли плату за жилье. Женщина пыталась исцелить своего мужа, привязав ему на шею каштан с пауком. Кто-то танцевал. У кого-то нашли экземпляр «Золотой легенды», средневекового сборника житий святых. Женщина 62 лет вышла замуж за 25-летнего мужчину. Парикмахер выбрил тонзуру священнику. Кто-то проклинал Женеву за казни по религиозным мотивам. Действительно, с 1542 по 1546 год в Женеве было принято 58 смертных приговоров и 76 декретов об изгнании из города. Самым известным актом расправы над неугодными является казнь антитринитария Мигеля Сервета.

В каждом обыденном отклонении от общепринятого поведения Кальвин видел опасность. В 1547 году особым распоряжением был подтвержден декрет 1535 года против ношения брюк с разрезами, как сеющих беспорядок. Кальвин призывал к жесткой борьбе с любыми нарушениями. Когда несколько известных граждан города попали в тюрьму за то, что они танцевали в частном доме, Кальвин заявил, что будет идти к истине даже ценой своей жизни.

Все государственное устройство Женевы получило строгий религиозный характер. Постепенно вся городская власть концентрируется в малом совете, на который Кальвин имел неограниченное влияние. В 1550 году магистраты распорядились, чтобы священник ежегодно навещал каждого прихожанина, чтобы убедиться, что в его доме соблюдаются церковные правила.

Реформация открыто боролась с суевериями, аморальностью и коррупцией церкви и общества, и эффект от этой борьбы превзошел все ожидания. Консистория неутомимо

поддерживала нормы морали. Ее члены запрещали деятельность предсказателей и знахарей, были безжалостны с торговцами, уличенными в обмане или обмере, боролись с ростовщиками, с врачами, требовавшими слишком высокую плату, наказали портного, который обобрал проезжего англичанина.

Они сравнивали себя с собаками, с лаем следующими за охотником. Но вместе с тем они думали о старых людях, сиротах, вдовах, детях и больных. Они намеревались исправить общественное сознание и своей страстью, властью и непопулярностью напоминали древнееврейских ветхозаветных пророков.

Границы между духовной и светской юрисдикциями везде были достаточно зыбкими, а в Женеве вообще почти исчезли. Как практикующий адвокат, Кальвин представил проект городского устава, в котором предусматривалась слежка как безотказное средство очищения. Нелегко различить, когда он действовал как заинтересованный мирянин, а когда как главный священник города.

Когда в город приехал первый дантист, Кальвин лично убедился в его знаниях, прежде чем допустил его к работе. Несмотря на то что это, по всей видимости, вымысел, он показывает, насколько тесно переплелись в Женеве церковь и светская власть. Консистория устанавливала банковский курс, налоги на войну, экспорт и импорт, следила за скоростью рассмотрения дел в судах, стоимостью жилья и расходом свечей.

С другой стороны, даже в конце жизни Кальвина городской совет контролировал духовенство и выполнял другие функции консистории. Он не оставлял без внимания слишком длинные проповеди или священников, которые уклонялись от пастырских визитов в дома горожан. Члены совета проверяли объявления священников, даже если они касались дней поста, устанавливали даты общественного покаяния, распоряжались переводом священников в другие храмы, заботились об их жилье и жалованье, цензурировали богословские книги.

При этом между магистратами и священством установилось своеобразное равновесие. Некоторые служили в маги-

страте и в консистории, так что и сами не разграничивали работу для города и церкви. Но священник, который управлял консисторией, не помогал правителям города так же хорошо, как церкви.

На самом деле Кальвин вовсе не был тем абсолютным «хозяином города», каким изображается в легендах и устами врагов. Известно много случаев, когда ему не удавалось достичь желаемого. Например, он настаивал на воспитании священников и хотел, чтобы городской совет не только назначал их, но и следил за их работой. Кальвин хотел, чтобы священники сами подыскивали своих преемников и присутствовали при выборе старейшин. Но такая практика существовала в последние годы его жизни и затем была возобновлена лишь через восемь лет. Он требовал наказывать проституток, но их никогда не наказывали так строго, как хотел того Кальвин.

В октябре 1558 года совет постановил, что женщину, уличенную в этом преступлении вторично, проведут через весь город в дурацком колпаке в сопровождении барабанщика, но так и не решился применить это наказание на практике.

В 1546 году Кальвин потребовал запретить таверны и открыть вместо них кафе. В них должны были действовать жесткие правила: запрещалось петь непристойные песни, перед едой и после нее обязательно произносили молитву, в зале будет выложена французская Библия. Однако кафе не прижились, потому что люди предпочитали таверны, которые и стали открываться снова.

В том же году был принят специальный акт против использования небиблейских христианских имен, но снова люди оказались сильнее. Они требовали, чтобы священников посвящали возложением рук, а совет разрешал только молитву и проповедь. Кальвин так и не смог убедить городской совет вернуть все церковные налоги, которые отменили подобно другим городам в первые дни реформ, хотя и не требовал этого особенно настойчиво.

Гораздо ближе ему оказался вопрос, насколько часто следует праздновать Тайную вечерю. Кальвин считал, что это надо делать еженедельно, на воскресной обедне, подобно древней церкви, и стремился ввести это в Женеве. Но сред-

невековые миряне привыкли делать это нечасто, из-за чего и реформаторы так и не смогли приучить к этому население. Ордонансом 1541 года Кальвин повторил свое требование ежемесячной обедни, но ему отказали даже в этом, принудив согласиться на празднование четыре раза в год.

Непримиримость не способствовала популярности Кальвина, у него были только ученики или оппоненты и очень мало друзей. Перед смертью он написал своему другу Фарелю о жителях Женевы: «Они больше боялись меня, чем любили». Действительно, некоторые прозвали его Каином, а один раз на него даже спустили собаку. Известно, что ему подбрасывали на кафедру записки с угрозами, сочиняли оскорбительные баллады, в которых именовали его ханжой и тираном. Тридцать игроков в мяч, собиравшихся на площади у церкви, где он проповедовал, однажды даже хотели заплатить 500 крон тому, кто с ним покончит.

Вместе с тем Кальвин знал, чего он хочет, и упорно шел к своей цели. Обладая в общем-то мягким характером, он не церемонился со своими оппонентами. Являясь прекрасным знатоком Библии, он считал, что возражающие ему оскорбляют слово Господа, а значит, с ними надо покончить.

Личная жизнь Кальвина сложилась не очень благоприятно. Он жил в небольшом скромном домике на Рю-де-Шануа, получая небольшое жалованье. Непрерывная напряженная работа и жизненные перипетии подорвали его здоровье. В последние годы он часто болел. В 1540 году Кальвин женился в Страсбурге на вдове бывшего анабаптиста, перешедшего на его сторону, Иделетте Штордер. Она была бедна и вместо приданого принесла лишь трех своих детей от первого брака. Дети, которые рождались у четы, умирали в первые же месяцы. В апреле 1549 года Иделетта умирает. С тех пор Кальвин живет замкнуто и одиноко, питается самой простой пищей. Все время он отдавал работе, прерываясь лишь на немногие часы сна. Он редко улыбался и был начисто лишен лютеровского задора и жизнелюбия. Но это были не запреты, а лишь железная выдержка.

Приняв решение, он никогда не отступал. «Если он ударит, — сказал однажды его друг священник, — то нет шансов уцелеть». Однажды некий Амье, продавец игрушек и

игральных карт, чей бизнес попал под запрет карточных игр, сказал за обедом, что Кальвин — дурной человек и проповедует ложное учение.

Городской совет постановил, что Амье должен принести публичные извинения, встав на колени перед Кальвином. Но тот настаивал, что такое извинение недостаточно, и пригрозил своим уходом. Тогда совет постановил, что Амье должен пройти по городу в одной рубахе, со свечой в руке и вымаливать прощение у Господа.

Можно сказать, что Кальвин сдерживался там, где Лютер переходил через край, не допускал грубостей, которые иногда проскальзывали у Лютера, хотя ему и не хватало лютеровской теплоты и великодушия.

Вместе с тем Кальвин не оставлял оппоненту места для маневра. В отличие от Лютера, который проклинал оппонентов, и Цвингли, который мог их оскорбить, Кальвин признавал аргументы спорящих с ним и считал, что их необходимо опровергнуть. Жесткость, которой проникнуты его работы, основана на убежденности в силе своих логических построений и силе разума, как в теоретических, так и в практических вопросах. Но абстрактные рассуждения не всегда доходят до сознания. Поэтому даже в последней редакции «Наставления» Кальвина менее логически последовательны, чем принято считать. Их внутренняя связность определяется не жесткостью аргументации, а прежде всего ясностью изложения и отточенностью языка.

Кальвин был достаточно замкнутым, даже скрытным человеком, не допускавшим в свой внутренний мир даже ближайших друзей, в отличие от Лютера, полностью раскрывшегося в «Застольных беседах». Постоянно погруженный в книги, Кальвин не замечал окружающего мира и его красот. Но на самом деле он просто сдерживал свои чувства, которые ясно видны в той нежности, с которой Кальвин пишет Фарелю о смерти своей жены Иделетты.

На первый взгляд удивительно, что он смог управлять городом, гражданином которого не являлся до 1559 года и где он никогда не пытался завоевать расположение населения. Его реформы вызывали сильную оппозицию, с которой покончили лишь в 1555 году. В 1548 году Кальвина вызвали

в магистрат для объяснений по поводу перехвата писем и так порицали, что он собрался снова покинуть город. Его сторонники стали называть оппозицию либертинцами, но вся их оппозиционность заключалась в несогласии с Кальвином.

В 1553 году в Женеве по обвинению в антитринитаризме сожгли испанца Сервета, и этот приговор потряс даже радикальных протестантов. Выступая против чрезмерной жестокости сожжений, Кальвин стремился сделать казнь более милосердной, но оставался столь же непримиримым к еретикам. Иногда это оборачивалось против него.

Когда Бертелье, один из членов группы либертинцев, отлученный от церкви, два дня спустя попросил городской совет, а не консисторию (то есть светские, а не духовные власти) разрешить ему причаститься и получил разрешение, то Кальвин публично заявил с кафедры, что отказался бы причащать отлученного. Он ожидал, что с ним согласятся, и даже приготовил особую проповедь по этому поводу.

Городской совет заявил, что он должен выполнить постановление, но проницательно посоветовал Бертелье не присутствовать на службе. Противостояние продолжалось до 1555 года, когда, наконец, были поддержаны предложения Кальвина, и лидеры либертинцев перебрались в Берн. Теперь Кальвин оказался в безопасности.

Ему помогло то обстоятельство, что Женева продолжала оставаться естественным убежищем для французских протестантов, бежавших от преследований. Французские протестанты смотрели на Женеву как на руководящий орган, и многие беженцы, прибывавшие в Женеву, поддерживали Кальвина. В 1546 году ни один из тринадцати священников-пасторов не являлся по своему происхождению женевцем. «До свидания, Женева, — сказал один из людей, ненавидевших Кальвина. — В конце концов ее гражданином станет и король Франции».

Искавшие убежища были набожными людьми, покинувшими родину ради спасения своей веры. Каждый вновь прибывший из Франции, Шотландии, Италии, Нидерландов или Англии укреплял власть Кальвина. Именно шотландский беглец Джон Нокс назвал Женеву «самой совершенной обите-

лью Христа, какая когда-либо существовала со времен апостолов».

Не следует, правда, полагать, что власть Кальвина держалась только на внешней поддержке. Далеко не все искавшие убежища соглашались со всем, что находили. Таковым оказался Клемент Маро, удостоенный лаврового венка в Париже, веселый романтический эпиграммист, француз, однажды заключенный за то, что позволил себе в пост в 1541 году напечатать стихотворные переложения тридцати псалмов, чем заслужил обвинение в ереси. Стихотворная Псалтирь Маро стала использоваться всеми протестантскими церквами, а он был вынужден бежать в Женеву.

Там он перевел еще двадцать псалмов, к которым Кальвин написал предисловие. Вскоре их запели в конгрегациях. Поэзия Маро точно отвечала потребностям реформированных. Стихотворные переложения псалмов открывали новый путь для идущих из сердца чувств и вскоре всем стали нравиться. Однако Маро как человек чувствовал себя в Женеве неуютно. В декабре 1543 года консистория обвинила человека, игравшего с ним в триктрак, и он покинул город.

Настоящая причина власти Кальвина заключена в его личности. Его бескомпромиссность поддерживалась верой в истинность того, что он делал. Его стойкость, смелость и решительность вызывали восхищение и желание следовать за ним, как за Христом.

Кальвин всегда говорил и писал с особым напором, веря в то, что хотел и что собирался сделать, был чужд роскоши или лицемерия, а также сентиментальности. Своей твердостью он поразил не только Женеву, но и всех последующих кальвинистов. Ему были свойственны последовательность и ясность взглядов, которые не отличали ни лютеран, ни анабаптистов, ни англиканцев.

В 1559 году Кальвин основал в Женеве академию — высшее богословское заведение для подготовки проповедников. Он укомплектовал ее штат профессорами, вышедшими в отставку из аналогичной коллегии в Лозанне, которые не смогли добиться от своего городского совета, чтобы тот согласился с их правом отлучения от церкви. Он также выбрал

одного из них, Теодора Безу, их главой, позже сделав его своим преемником.

Вскоре академия стала одной из самых значительных школ протестантской мысли, где получили образование многие кальвинистские лидеры второго поколения. Ректор, профессора и все наставники назначались консисторией, хотя требовалось и одобрение со стороны городского совета.

Сначала все студенты были обязаны подписывать жесткое признание в ортодоксальности, однако в 1576 году от этого отказались, частично потому, что такой порядок исключал тех, кто в основном и нуждался в наставлении, а также в знак несогласия с лютеранскими коллегиями, где студентов принуждали подписывать Аугсбургское исповедание.

Большее влияние Кальвина исходило из ясности его богословской системы и ее библейской сущности. Первое издание «Наставлений в христианской вере», опубликованное в 1536 году, представляло собой небольшую книгу, выделявшуюся среди теологических трудов в основном логичностью доводов и прекрасной латынью.

Год от года издание расширялось, в частности во время досуга в ссылке в Страсбурге, где Кальвин выпустил первый французский перевод этого пространного издания в 1541 году. Окончательное и более расширенное издание вышло в 1559 году. Во время болезни Кальвин диктовал своим секретарям новые фрагменты, и даже тогда сумел внести в текст важные дополнения.

Стиль Кальвина отличался простотой и краткостью. Ему не были свойственны ни громогласность прозы Буцера, ни страстность Лютера. С его точкой зрения можно было не соглашаться, некоторые просто не понимали то, что он хотел сказать, но ее нельзя было не уважать.

По мере того как от издания к изданию выстраивалась структура, его руководство становилось все более ясным. Уже в Страсбурге оно содержало в себе основу здания, а те добавления, что были сделаны, проясняли и делали практически пригодными те теологические положения, которые родились в его сознании при подготовке первого издания. Однако при под-

готовке текста для священников и самой церковной организации добавления оказывались необходимыми, хотя в практическом отношении содержание и структура книги выгляделиче весьма внушительно.

Как и во всех других случаях, Кальвин зависел от воздействия других и от своего собственного прошлого опыта. Чем больше мы узнаем о Буцере, тем более очевидным становится, что определенные взгляды Кальвина по поводу теологии и церковного управления вытекают из его высказываний.

Однако хотя пребывание в Страсбурге при Буцере и можно счесть формальным, Кальвин ни в коем роде не являлся простым подражателем. Как сторонник Библии и твердый приверженец Отцов Церкви, он размышлял, формировался и учился, пока в итоге известные заключения и основополагающие доводы не стали для него родными и близкими.

Учение Кальвина основывалось на вере в особое Провидение Господа, направлявшего все события мира. Мы не думаем об общем руководстве. Библия является нашим наставником в повседневной жизни. В ней мы читаем, что даже ласточка не способна упасть на землю, если на то не будет воля Божья.

Нам также известно, что именно Господь послал смерч в пустыню, и таким образом нам понятно, что «ветер не подует без его повеления». Мы читаем и о том, что Господь дает детей одним матерям и уносит их у других. Все это вовсе не предопределение, но воля Всемогущего Господа. Именно Он вращает мельницы и управляет стремлениями людей, чтобы те шли по пути, который Он указывает. Нам же остается подчиняться Ему, потому что Его цель — тайна для людей.

Обостренная религиозность Лютера основывалась на его безусловной вере в искупляющего Спасителя, его безоговорочном постулате, что «только в вере мы сможем существовать». Религиозное чувство Кальвина основывалось на подчинении верховной власти всемогущего Господа. Из лютеровских посылок он сделал вывод о том, что одни от века Богом предопределены к погибели, а другие от века Богом же предопределены ко спасению. Это учение о безусловном

предопределении одних к погибели, а других ко спасению и есть главный постулат его учения.

Если обстоятельства оказывались благоприятными, то христианин завоюет славу Богу, но ничего не получит для себя. Если же обстоятельства неблагоприятны, то он испытает кару Господню и будет взывать подобно Иову: «Господь дал и Господь взял, да будет воля Его». Ни один богослов не цитировал библейские изречения о покорности и вере чаще него. Но Кальвин внес новый смысл в библейское учение о предопределенности.

Опираясь на текст Послания к римлянам и труды Августина, Лютер учил, что заслужить царство небесное можно праведной жизнью и верой в милость и любовь Господа. Писание учит, что Господь выбирает одних и отторгает других. Если все это и вера — дар Господа, то Он одним дает жизнь вечную, а других обрекает на вечные муки, но воля Его скрыта от людей. Все согласны с тем, что надо подчиняться конгрегации, ибо «все раскаявшиеся спасутся». С предопределенностью согласны все христианские богословы, последователи традиции святого Павла и святого Августина. Поэтому у Кальвина практически не было теоретических расхождений ни с Лютером, ни с Августином, ни с Фомой Аквинским (кроме ветхозаветной предопределенности. — *Ред.*).

Но, в отличие от Лютера и Аквината, Кальвин понимал предопределенность в контексте со своей верой, что придавало особую важность культу и религиозной практике. Иоганн Экк писал, что предопределение является интеллектуальным упражнением для воспитания его незрелого мышления. Кальвин был категорически не согласен с этим. Он считал, что его христианская убежденность в выборе жизни вечной является неисчерпаемым источником веры, покорности и моральной силы. «Если с нами Бог, то кто может быть против нас?»

Несмотря на таинственность, учение не является тайной для образованных. Об этом говорится в Посланиях к римлянам, ефесянам и в других местах Библии. Эти тексты несут знание, которое надо проповедовать с кафедр и учить непосвященных. Вера должна привести каждого к осозна-

нию своего призвания, уверенности в том, что его охраняет милосердная рука Господа. Вслед за святым Павлом Кальвин был убежден, что ничто не может лишить его любви Господа.

Пропагандируя величественное учение, Кальвин освободился от нерешительности своих предшественников. Ничего не скрывая, он пришел к неприятному выводу: Господь принял крестную смерть не ради всех, а лишь ради избранных, Он не хочет, чтобы спаслись все, кого создал, но лишь те, кто вел жизнь праведную. Тому, кто упрекал Господа в несправедливости, он отвечал, что каждому будет воздано по его грехам, и в этом заключается всемогущество Господа. Мы знаем, что Господь всегда справедлив, и не должны задумываться над тем, как осуществляется эта справедливость.

В последующие сто лет и католические и протестантские богословы ломали голову над тем, как столь бескомпромиссное выражение учения августинианцев соответствует Новому Завету. «Я никуда не предназначен, — страстно заявил юный Бертелье, — что бы ни писали вы и ваш Кальвин!»

История бывшего кармелита Жерома Больсека стала причиной ожесточенных дебатов, потрясших весь христианский мир. В октябре 1551 года один из коллег Кальвина трактовал текст 8-го стиха Евангелия от Иоанна. Больсек, французский беженец, выразил сомнение в том, что Христос умер не для всех и что вера является предвечным даром избранным, сказав, что эти слова превращают Господа в тирана. Кальвин внимательно выслушал его, затем встал и произнес длинную речь. Она продолжалась почти час, после чего Больсека посадили в тюрьму. Удивленный последствиями спора и аргументами сторон, городской совет, еще не поддерживавший Кальвина, обратился за разъяснениями к другим швейцарским церквам. Ответы не удовлетворили Кальвина: бернская церковь ответила, что Божья воля это тайна и люди не должны о ней думать. Базель и Цюрих выразили общую поддержку Кальвину, хотя цюрихцы высказали неодобрение его действиям в отношении Больсека. Только Фарель из Невшателя прислал письмо, в котором Больсек именовался Искариотом. Городской совет, стремившийся сохранить мир, а не

установить истину, изгнал Больсека. В 1577 году Больсек опубликовал жизнеописание Кальвина, в котором привел несколько скандальных историй о нем.

В длинной череде событий этой истории было суждено стать камнем преткновения кальвинизма. Вначале людей привлекала организующая сила церкви и вероучения. Но кальвинистское учение и, соответственно, организация церкви их не привлекали. Их вела дисциплина кальвинистов, связывавшая с кальвинистской ортодоксальностью.

Однако более всего привлекало учение об избранности, набожность и моральное превосходство. Кальвинисты отличались жесткостью, бесстрашием, умением много трудиться, преданно относились к Библии. Они знали, во что они верили, они знали, что должны делать, они знали, что должны подчиняться власти. В течение сотни лет они оставались самой действенной религиозной силой в протестантизме.

Глава 4
РЕФОРМАЦИЯ В АНГЛИИ ДО 1559 ГОДА

Реформация в Саксонии в первую очередь руководствовалась религиозными побуждениями и лишь затем политическими. Во Франции, Голландии и Шотландии Реформация началась как религиозное движение, но затем неизбежно затронула и национальную политику.

Однако так происходило далеко не везде. В некоторых странах Реформация началась потому, что нации развивались, а религиозные изменения влияли на это развитие. В Дании и Швеции Реформация оказалась в основном политической революцией, имевшей религиозные последствия, но так и не стала религиозной революцией с политическими результатами.

Английская Реформация является уникальной, потому что ее итогом стало утверждение новой церкви. По характеру она, безусловно, является политической революцией, а ее автор король Генрих VIII в течение некоторого времени решительно противостоял ее религиозным последствиям, подобным тем, которые сопровождали политические перемены в Европе.

Королевская власть в Англии стала антипапской вовсе не вследствие традиции. Король не мог эффективно управлять страной, когда почти треть ее территории находилась в руках церковников, а те обладали особыми правами и могли независимо судить и платить налоги. Вот почему ему пришлось отобрать у папы высшую власть для контроля над своим духовенством.

Интересным примером применения королевской власти может служить история кардинала Вулси. Он был главным министром Генриха VIII с 1514 года, стал кардиналом в

1515-м и являлся канцлером с 1515 года до своего падения в 1529 году. Казалось, что он обладал всей полнотой власти в государстве. Однако он нуждался не только в королевской власти.

Чтобы управлять государством в 1520 году, ему потребовался авторитет папы римского, благодаря которому он возвысился над епископами и религиозными орденами. Став папским легатом, он получил власть, которая постоянно обновлялась и расширялась под тем предлогом, что Вулси нуждался в них ради реформации церкви. Он публично говорил о необходимости реформ, но оказался слишком занятым высшими делами государства.

Вулси закрыл монастыри, чтобы основать два колледжа, попытался покончить со святынями. От того, насколько он добивался контроля над феодальными землевладельцами, зависел и порядок в церкви. Однако сам Вулси «реформировался» не полностью.

Вулси извлекал доходы не только из своей должности архиепископа Йорка, но еще, по крайней мере, из нескольких приходов, хотя никогда не посещал ни одну из своих епархий до своего отстранения от власти. Он брал огромную плату или взятки за предоставление мест любого рода и выставлял напоказ свое богатство. Вулси не отличался моральной чистоплотностью, содержал любовницу, от которой имел, кажется, дочь и сына, которого сделал деканом Уэльского собора, когда мальчик еще учился в школе.

С 1518 по 1529 год Вулси правил Англией как представитель и короля, и папы. Его непопулярное правление, а особенно способы извлечения денег усиливали разочарование образованных мирян властью церковников и, таким образом, недовольство папой.

Контроль папы в этой новой форме оскорблял потому, что он происходил на глазах прихожан и оказывался более эффективным, чего не удавалось бы сделать на расстоянии. Большинство землевладельцев и церковников хотели избавиться от папского контроля сильнее, нежели когда-либо раньше.

Вулси, однако, оставался королевским, а не папским слугой. Без расположения короля он не удержался бы и мину-

ты. Пользуясь расположением папы, король уже семь лет до 1529 года фактически контролировал и церковь, и Английское королевство. Даже при враждебности населения к папе он смог бы продолжать управлять церковью и государством и без расположения папы. Отставка Вулси произошла потому, что король захотел избавиться от своей жены Екатерины Арагонской (против чего возражал папа), так что компромисс оказался невозможным.

«РУКОВОДСТВО» ЦЕРКОВЬЮ

Генрих VIII захотел жениться на Анне Болейн. Екатерина старела слишком быстро, была слишком немощной и не могла удовлетворять страстную энергию короля. Кроме того, из ее детей выжила одна Мария, остальные появлялись мертворожденными или умирали в младенчестве. Свои физические потребности король удовлетворял только с помощью любовницы.

Однако на самом деле решение Генриха VIII было продиктовано более высокими мотивами. По договору Екатерина должна была стать женой Артура, старшего брата Генриха. Таким образом, она не могла быть невестой Генриха и вышла за него замуж только после освобождения от обязательств папой.

Возможно, больные дети и отсутствие наследника доказывали, что благословение Господа не снизошло на женитьбу, запрещенную Законом Божьим. Памятуя о Войне Алой и Белой розы, династия Тюдоров явно чувствовала себе неустойчиво, а для обеспечения единства и процветания Англии был необходим законный наследник мужского пола, который со временем стал бы королем. Как теперь начал сам себя убеждать Генрих VIII, Екатерина никогда и не была его женой. Он обратился к церкви, чтобы объявить об этом факте и добиться одобрения его женитьбы на Анне Болейн.

Папа Климент VII, прилежный, но неудачный политик, оказался слишком слабым или рассудительным, чтобы категорически воспрепятствовать его намерениям. Он продолжал затягивать с решением. При благоприятных обстоятельствах,

возможно, он действовал бы достаточно быстро, чтобы объявить о том, о чем его просил король. Однако то, о чем просили Генрих VIII и Вулси, казалось совершенно невозможным с точки зрения веры и практического наполнения. Король и Вулси просили папу объявить, что освобождение от обета и разрешение Генриху VIII жениться на Екатерине было неправомочным.

Папа не мог дезавуировать действие своего предшественника, не ослабив таким образом собственную власть. Кроме того, среди череды итальянских политиков армии императора Карла V оказался племянник Екатерины Арагонской, разграбивший Рим в 1527 году и захвативший папу. Климент не мог облагодетельствовать Генриха VIII, не обидев Карла V.

Летом 1529 года английский король, отчаявшись убедить папу «сдаться», уволил Вулси и от политики убеждения перешел к угрозам. Он решил последовать примеру северогерманских князей, которые благополучно отреклись от власти папы в своих владениях. Генрих VIII начал вести работу в этом направлении. Король созвал парламент 1529 года, разрешив присутствовать мирским и антицерковным адвокатам, освободил Вулси от его должности, а затем принял ряд биллей, направленных на реформирование церковной администрации.

С 1393 года главным законом, ограничивающим папское вмешательство в дела английской церкви был статус Praemunire. Первоначально с его помощью предполагали прекращать действие папских декретов, которые ограничивали права английских епископов, но английские суды медленно расширяли сферу его применения. Именно в связи с этими решениями отставка Вулси основывалась на совершенно безосновательном обвинении в том, что он выступал как папский легат в Англии.

В 1531 году адвокаты повернули это угрожающее оружие против всего английского духовенства. Церковников Англии обвинили в нарушении Praemunire, потому что все церковные суды следовали римскому Кодексу канонического права. «Никто, — писал императорский посланник, — не может постигнуть тонкостей этого закона. Его интерпретация зависит

только от настроений короля, который трактует и определяет его в зависимости от своего желания, применяя его к кому он захочет».

Конвокации[1] английской церкви после резкого протеста и без словесных обвинений купили свое прощение за 118 000 фунтов (100 000 фунтов уплатила конвокация Кентербери и 18 000 фунтов — Йорка). Затем король заставил признать себя главой церкви, «единственным и высшим Господином, который, насколько позволял закон Христа, даже стал выше неба».

Данная формула практически ничего не означала, ибо она не отрицала власть папы. Фраза «насколько позволяет закон Христа» могла указывать на любое ограничение. Однако лорды и адвокаты парламента согласились с королем в том, что выступили против папы. Один из советников — лейтенантов Вулси, Томас Кромвель, теперь поднялся наверх. Основываясь на опыте Вулси, управлявшего церковью и государством как единым целым, Кромвель поставил перед собой цель — контролировать короля и парламент, но уже без папы.

В 1532 году, следуя петиции парламента, Генрих VIII взыскал у конвокаций «субмиссию», то есть обязательство, чтобы их законодательные полномочия, вытекающие из канона, не вступали в конфликт с законодательной властью короны и парламента. Другими словами, отныне они должны были действовать только по предписаниям короля и представлять все свои канонические решения комитету, назначенному королем для их утверждения.

В тот же самом году появился закон, ограничивающий выплату Риму десятины или первых плодов, а в 1534 году этот налог передали короне. В 1533 году закон запретил обращения из Англии в Рим, в 1534 году все остальные законодательные права и обязанности папы также передали короне. Тогда же, в 1534 году, в акте о супрематии объявили, что король является главой англиканской церкви, и опустили статью о членах конвокации.

[1] К о н в о к а ц и я — собор духовенства епархий Кентербери и Йорка (состоит из верхней палаты — епископов и нижней палаты — низшего духовенства). (*Примеч. пер.*)

Новый архиепископ Кентерберийский Томас Кренмер заявил, что женитьба Генриха на Екатерине не считается браком, и в 1533 году на Троицын день Анну Болейн короновали. В июне и июле 1535 года епископа Фишера Рочестерского и бывшего канцлера сэра Томаса Мора обезглавили, потому что те отказались признать превосходство короля, принизив тем самым власть папы. В январе 1535 года Кромвель получил разрешение посетить церкви и духовенство во всем государстве.

Что чувствовало духовенство, когда от него потребовали отречься от папы и принять королевское превосходство в эти несколько лет после 1534 года?

На юге Англии практически не осмелились возражать открыто. Впоследствии католические историки следующего поколения заявляли, что сохраняли молчание, опасаясь и дрожа от страха. Трудно сказать, насколько верно это утверждение. Сохранились свидетельства людей, заявлявших о превосходстве папы своим личным друзьям. Поскольку сохранились свидетельства только тех, кто впоследствии был предан этими друзьями, то, наверное, глухой ропот все же был более распространен, чем нам известно.

Все перемены в религии причиняли беспокойство. Священник в церкви Святого Альбана заявил, что не может отречься от старых обычаев, потому что его так воспитали. Перемены тревожили, люди не знали, чего им ожидать. Произнося проповедь по поводу перемен, монах Бренчли заявил: «Господа, будьте осторожны, сегодня у нас много новых законов. Я полагаю, что вскоре у нас появится новый Господь».

В Гисберне, в Йоркшире, когда священник зачитывал статьи акта о супрематии, человек выступил из толпы, выхватил книгу из его рук и выбежал из церкви. Это было проявление всеобщего страха, люди не понимали, в какую сторону двинется правительство, боялись лютеранства, страшились, что король может отобрать церковные земли. Во время утренней службы Джон Сметсон сказал служившему вместе с ним священнику: «Не стану молиться за короля, он ведет себя как попрошайка».

Большинство недовольных были простыми людьми. Исключения незначительны, вспомним Фишера и Мора, при-

державшихся мнения, что никакой парламент не может запретить власть папы.

Допрошенный 29 апреля 1535 года доктор Рейнольдс говорил, что «все порядочные люди королевства поддерживают его». Приведем и другое высказывание: «За меня весь Генеральный совет, писатели, все ученые богословы последних 1500 лет, особенно святой Амвросий, святой Иероним, святой Августин и святой Григорий».

Он считал, что по католическому вероучению власть папы является частью христианской веры, ни один закон парламента не может отменить ее, потому что она стала частью сознания. Возможно, положение приняли все, кто находился в окружении королевы Екатерины Арагонской, потому что без опоры на папский закон Екатерина не смогла бы выйти замуж за Генриха.

Все, кто считал развод противозаконным, должны были согласиться с тем, что папа не ошибся, дав согласие на брак, и тем самым признавали, что папа обладает религиозной властью, данной Господом, и административной властью, данной людьми.

По большому счету такие люди были редкостью. Высшее духовенство не сильно страдало, отрекаясь от папы. Они рассматривали папство как институт, придуманный людьми, который можно было законодательно отменить ради выдвижения лучшего устройства. Самое удивительное, что они были готовы подписать бумаги, что юрисдикция епископа Рима не распространяется на Англию, как и любого другого иностранного епископа.

Они поддерживали епископов, объявивших в феврале 1535 года, что папская власть связана с человеком, а не с Богом. Однако епископы не всегда следовали велениям времени. Например, Танстел из Дарема, человечный и честный, энергично поддержал супрематию короля только после того, как ему приказали это сделать.

Роланд Ли, епископ Ковентри и Личфилда, возмутился вовсе не тем, что ему велели проповедовать против папы, а тем, что в случае отказа ему пригрозили лишением кафедры. В Северной Европе большинство поддерживало принятые сто лет назад решения Констанцского и Базель-

ского соборов, что папа является «исполнительным слугой церкви».

Высшее духовенство, часто связывавшее консерватизм с mumpsimus и обскурантизмом, иногда было право. Брат Артур из Кентербери, молясь в Герни перед огромной аудиторией, обвинял новые книги и проповедников в том, что они вводят людей в заблуждение и препятствуют постам, молитвам и паломничествам. Он называл их иудействующими и говорил, что любой, кто отдаст хоть одно пенни на гробницу святого Фомы (Аквинского), заслужит большую милость от Господа, нежели если пожертвует ее бедным, ведь один поступок духовный, а другой — телесный.

Простые люди придерживались консервативных взглядов и оставались невежественными. Кренмер удивился, узнав, что такой образованный человек, как доктор Рейнольдс, мог настойчиво утверждать подобную точку зрения на папу.

Архиепископ Йоркский Эдуард Ли распорядился, чтобы все его кюре читали декларацию против папы, но указывал, что не следует точно выполнять это распоряжение, поскольку многие кюре плохо владеют грамотой, и лично ему известно менее дюжины светских священников в епархии, способных произносить проповеди.

Хотя некоторые нравственные вещи и вызывали беспокойство, однако писатели следующего поколения (времени правления Марии Тюдор) указывают еще на одно обстоятельство. Упразднение папской власти вовсе не было самым рискованным законом Генриха VIII. Страна едва заметила отлучение папы, а Генрих VIII заявил, что не станет волноваться, даже если папа отлучит хоть 10 000 человек.

Легкость, с которой была отменена власть папы, и вынужденное подчинение духовенства земельному закону вдохновили короля и Кромвеля на дальнейшие изменения. Все города, отрекавшиеся от папы, упраздняли монастыри. Король и Кромвель положили глаз на английские монастырские земли, теперь оказавшиеся беззащитными перед властью короны. Вулси уже закрыл двадцать восемь монастырей, чтобы основать свой новый колледж в Оксфорде (позже колледж Крайст-Черч) и школу в Ипсуиче.

УПРАЗДНЕНИЕ МОНАСТЫРЕЙ

Отношение протестантских государств к монастырям было различным, хотя все протестанты были едины в том, что монашество представляет собой ошибочную форму христианской жизни. Так это или нет, но монашество следовало упразднить. Для начала все протестантские государства отменили законы, предусматривавшие наказание бежавших монахов и монахинь. Они также поощряли монахов и монахинь вернуться к светской жизни, пытаясь смягчить этот переход, предоставляя им пансионы вне монастырского окружения и окружая их пастырской заботой, выплачивая им жалованье, если они оставались священниками. Монахини, пожелавшие выйти замуж, также получали приданое. Иногда монахов заставляли учиться, намереваясь направить в сторону от ошибочного поведения. Более революционные города, например в Швейцарии, просто упраздняли монастыри и конфисковывали их собственность, получая деньги для снабжения всем необходимым вышедших из монастырей монахов.

Некоторые лютеранские государства последовали их примеру. В других, например в Саксонии, Швеции и особенно в Дании, некоторым монастырям позволяли продолжать свою деятельность, пока те не выдыхались естественным путем.

Многим монахиням, ушедшим в мир после закрытия монастырей, явно приходилось труднее, чем большинству монахов, и в Швеции несколько женских монастырей спокойно просуществовали несколько лет до своего угасания. Так, монастырь в Марибо на о. Лолланн, в Дании, не закрывался вплоть до 1621 года.

Англия, как и во многом другом, оказалась исключением. В консервативной Англии Генриха VIII применяли разные оговорки, чтобы вовсе не закрывать монастыри.

Летом 1535 года наделенный особыми полномочиями Кромвель организовал посещение монастырей. Два уполномоченных, Ричард Лайтон и Томас Ли, посетили монастыри на юге Англии между июлем 1535 года и февралем 1536-го. Они сообщали о множестве случаев безнравственного поведения в монастырях.

Не все увиденное полностью удовлетворило уполномоченных. Согласно закону 1536 года самые маленькие монастыри (с ежегодным доходом менее 200 фунтов) упразднили. Однако даже после принятия этого закона король не имел намерения распустить все монастыри и сам основал два монастыря в 1537 году. В мае 1538 года женский монастырь в Киркли получил патент для начала восстановления.

Все же с ноября 1537 года большие и более состоятельные монастыри начали «поддаваться», то есть самораспускаться согласно соглашению. По стране снова были разосланы уполномоченные, чтобы убедить монахов разойтись. Сделать это оказалось нетрудно, частично потому, что распространился слух, что вскоре все монастыри упразднят, а также и потому, что некоторым монастырям уже было сложно продолжать свою деятельность. Поэтому число монахов и монахинь, просивших о снятии обета, оказалось весьма значительным.

В мае 1539 года парламент издал закон, передавший короне все монастырские владения согласно закону 1536 года. Ни один из аббатов, присутствовавших в палате лордов, не выразил протест. Распад протекал мирно, кровопролитие происходило только в том случае, если кто-то отказывался признавать превосходство короля. Правда, не совсем ясно, выдвигались ли обвинения против неуживчивых аббатов, если те действительно не подчинялись. Последний монастырь, Уолтемское аббатство в Эссексе, перешел к королю 23 марта 1540 года.

Законом 1536 года учреждалась особая палата приращений, которая должна была принимать и управлять изъятой собственностью. Сначала намеревались просто владеть ею и получать ежегодный доход. Вскоре земли начали сдавать в аренду, часто служащим людям короля. Некоторые земли оказалось возможным продать, так что часть собственности перешла из ведения короны к обществу.

Распад монастырей оказался не просто самым значительным социальным событием в происходившей революции. На протяжении трехсот лет, с раннего Средневековья, монастыри олицетворяли моральную, духовную и интеллектуальную власть. А поскольку их земли и работа на них обе-

спечивали существование многих деревень, они стали социальным фактором, определявшим все стороны европейской сельской жизни.

Вероятно, в любой стране можно найти множество монастырей, которые воздействовали на ее религиозную жизнь, но в целом они составляли небольшую долю в общем количестве. Собственный дом Лютера в Эрфурте, находившийся под попечительством Штаупица, явно оказался тем местом, где верующие люди искренне пытались вести религиозный образ жизни. Бенедиктинский монастырь в Меттене, в Южной Германии, протестанты уважали за его благочестие. Картузианцы в Англии обладали силой духа, который позволил им доблестно умереть, подчинившись акту о супрематии Генриха VIII.

Возможно, встречались и монастыри, отличавшиеся своим более чем пылким поведением, их справедливо можно было назвать позорными. Многие монастыри Германии известны своим пьянством и распутством. Уполномоченные Генриха VIII рассматривали моральные проступки с точки зрения государства. Хотя они собрали коллекцию из множества вопиющих случаев, имелось и немало примеров противоположного рода, подтверждавшихся теми или иными косвенными свидетельствами.

Все же большая часть монастырей не отличались ни бурными нравами монахов, ни безнравственным поведением. Они оставались приятными, полусветскими заведениями для комфортного проживания. Самые маленькие монастыри являлись не чем иным, как фермами.

Хотя и трудно найти надежные подтверждения по данному поводу, ревностные католики верили, что многие монахи безразлично относились к распаду своих монастырей, убежденные в том, что смогут разделить деньги между собой или, по крайней мере, получить достойную пенсию. Кроме подобного утверждения мы не располагаем сведениями, в соответствии с чем большие монастырские дома в Англии «добровольно» распустились между 1536 и 1540 годами.

Весьма небольшое число английских монахов или монахинь в 1539 или 1540 годах искали пристанища за морями, чтобы продолжить в католических странах привычный для

них образ жизни, невозможный в Англии. Известны несколько примеров того, как вышедшие в отставку монахи продолжали жить вместе со своим руководителем. Так, пять монахинь из Киркли в Йоркшире вместе с настоятельницей много лет прожили в Мирфилде. Трое или четверо монахов Бреттона вместе с настоятелем поселились поблизости от монастыря, забрав с собой часть библиотеки и документов.

Елизавета Трокмортон, аббатиса из Денни в Кембриджшире, вернулась в свой монастырь вместе с двумя монахинями и продолжала сохранять верность уставу монастыря. Возможно, подобная неофициальная жизнь имела большее распространение, чем свидетельствуют факты. И все же перед нами исключительные случаи, и, даже взятые в совокупности, они вовсе не говорят о том, что монастыри сохраняли верность папе.

В 1539 году за неповиновение повесили аббатов из Гластонбери и Колчестера, однако подавляющее большинство безропотно приняло безоговорочную власть короля и отказ от авторитарной власти папы. Сходные примеры известны и в Германии. Распад монастырей не стал основанием для разрушения власти папы. Однако повсеместная передача земель, наделение многих новыми правами и заботами поощряли тех, кто соглашался с лютеранами.

Что же произошло с деньгами и землей распущенных монастырей?

Сначала они использовались, чтобы обеспечить бывших монахов и монахинь пособиями или приданым. Для обычных верующих они показались не слишком большими, но они регулярно выплачивались по всей протестантской Европе. Некоторые из получателей пособий прожили достаточно долгую жизнь. Фуллер утверждал, что последний из таких пенсионеров в Англии умер только в 1607—1608 годах, нам же известно, что бывший монах из цистерцианского монастыря в Битлесдене умер в должности ректора Даунси в 1601 году.

Многие бывшие монахи вошли в состав приходского духовенства и в течение некоторого времени позволяли церковным властям не посвящать новых священников. В Данстабле из двенадцати известных каноников по крайней мере

десять занимали свои должности в 1556 году. Другие монахи, являлись ли они мирянами или служителями, занимались мирской деятельностью.

Английские аббаты и приоры получали большие пособия из монастырских доходов. Из самых богатых аббатств шесть новых основал Генрих VIII (в Вестминстере[1], Бристоле, Честере, Глостершире, Оксфорде и Питерборо). Во всех новых соборах бывшие монахи были деканами и почти в каждом в должностях епископов.

В Питерборо дворец аббата преобразовали в епископский. От двадцати до тридцати настоятелей стали епископами за годы распада, некоторые другие главами колледжей или госпиталей. Если у старых соборов были монастырские учреждения (как в случае с Кентербери, Даремом, Винчестером, Или, Нориджем), монастыри превращались в часовни каноников, многие бывшие монахи продолжали свою деятельность в качестве новых каноников. Так, например, нам известно, что более двадцати монахов остались пребендариями в Нориджском соборе, что в Винчестере сохранились все монахи, кроме четырех, в Дареме двадцать шесть из пятидесяти четырех.

Однако наделы, переданные новым епархиям, представляли собой всего лишь часть монастырских земель. Еще одна, небольшая их часть, пошла на образование. Было основано или расширено несколько колледжей в Оксфорде и Кембридже. Небольшая часть денег пошла на основание школ, особенно в тех случаях, когда местный муниципалитет приобретал участок специально для строительства школы. Правда, подобные учреждения не могли компенсировать потерю монастырских школ, поскольку в то время образование шло в основном через духовные, а не светские заведения.

В германских государствах, где роспуск монастырей проводили столь же последовательно, как в Англии, от них получили гораздо больше средств, которые передавали в университеты или в школы. Все правительства остро нуждались в деньгах, поэтому основная часть доходов от этих земель должна была пополнить государственный бюджет, а также

[1] Епархия находилась в графстве Мидлсекс. Приход был распущен.

использовалась для вознаграждения за верную службу государству. Годовой доход английской короны в эти годы превысил 100 000 фунтов.

Там, где роспуск монастырей проходил неорганизованно, их судьба складывалась менее благополучно. В Шотландии, где центральное правительство было слабее, чем в Англии, этот процесс шел постепенно и иногда принимал грубые формы. Там, где центральное правительство не проявляло себя, монастыри оказались сокровищами, оказавшимися без защиты при передаче власти.

Все же не будем преувеличивать потери. Во всех странах Европы церковь превратилась в своего рода корпорацию, обладавшую настолько огромным богатством, что это угрожало здоровью нации. Передача части этой собственности стала насущной необходимостью. Конечно, этот процесс всегда проходил болезненно и обычно сопровождался несправедливостью по отношению к конкретным людям.

Роспуск множества монастырей связывался не с нанесением вреда христианскому образу жизни, но с очищением. Национализация предполагала минимальную компенсацию конкретным личностям, фермерам или городским общинам. Для тех, кто воспринимал монастырский идеал как единственно возможный и лучший, утрата такого сообщества стала настоящей катастрофой. При ликвидации монастыря одновременно закрывались школы, больницы, дома призрения, исчезло множество певческих школ, музыканты лишались работы и влекли самое жалкое существование. Исключением были бывшие монахини, которые не выходили (или не могли выйти) замуж.

Огорчало не только то, что церковь страдала от потери пожертвований, но что нуждавшиеся в деньгах протестантские правители Европы упустили уникальную возможность использовать эти благотворительные ресурсы в действительное благодеяние, создав образовательные учреждения, больницы или облегчая участь бедняков.

Перемены не казались бы столь суровыми, если бы они показали, что пожертвования действительно передавались на национальные нужды. Конечно, в некоторых случаях так и происходило, но гораздо чаще результатом распада монасты-

рей было перемещение денег и земель в руки землевладельцев. Все эти отклонения позволяли правительству выжить или на какое-то время сохранять свои позиции.

Если монастырские строения размещались в городе, то они представляли собой ценную собственность. Если они находились в сельской местности, то нередко оказывались бесполезным, ибо их было невозможно продать или использовать. Английское правительство предписывало разбирать такие постройки, что часто оказывалось невозможным из-за дороговизны. И ободранные остовы домов превращались в руины, причем вовсе не романтического вида.

В Льюисе группа рабочих под руководством итальянского эксперта использовала порох, чтобы взорвать огромные колонны. Работу выполнили быстро, потому что здесь захотел жить родственник Томаса Кромвеля. Местный офицер из Линкольншира подсчитал, что для того, чтобы разрушить объект, придется затратить более 1000 фунтов. Поэтому он предложил вначале разрушить крыши и лестницы, чтобы сделать невозможным проживание в монастыре, а затем разрешил всем, кому нужен камень для строительства, использовать стены точно так же, как обычно применяют камни из каменоломни.

Некоторые владельцы отнеслись к использованию руин без должного уважения. Ричард Гренвилл позже превратил церковь Баклендского аббатства в жилой дом, похожая трансформация ожидала неф и трансепт собора в Денни в Кембриджшире. Огромные ворота нового дома лорда Райотесли оказались в середине аббатской церкви. Сам король Генрих VIII использовал часовню Лондонского дома престарелых, чтобы построить беседки и ограду в своем саду.

В Малмсбери один состоятельный продавец одежды и тканей купил монастырь, чтобы использовать его как фабрику, оснастил каждую комнату ткацкими станками и собирался построить многоквартирный дом для своих ткачей на его территории. Другие монастыри становились приходскими церквами, иногда города покупали аббатские церкви с той же целью. Так, аббатство в Тьюксбери, одно из сокровищ английской средневековой архитектуры, сначала хотели разобрать как бесполезное строение, но сумели спа-

сти, так как, к счастью, оно перешло в собственность города.

Не удавалось обойтись без потерь. Кроме монастырей в Германии и Шотландии, разграбленных толпой, обычно посуда и драгоценности, а возможно, и некоторые книги из библиотеки передавались в казну или государственную библиотеку.

В Англии содержимое монастырей выставлялось на аукцион, часто продажа проводилась в самом монастыре или доме каноника. Таким образом, собравшиеся участники, торговцы или коллекционеры, представители консервативных слоев общества могли собрать стекло, облачение, требники, подсвечники, кадила, лестницы, органы, кафедры, кирпичи и черепицу.

Часто спасали весьма ценные работы по дереву, не меньшее значение имели свинцовые крыши. В известном письме (1591) приводится описание распродажи в аббатстве Рош, где монах пытался распродать все содержимое своей кельи, а крестьяне вырывали железные крюки из стен.

Сочувствующий консерватор купил некоторые деревянные части церкви и колокольни. Спустя некоторое время его племянник спросил у него, как тот решился сделать это. Тот ответил: «Как я мог поступить иначе? Разве я не мог, как и другие, извлечь прибыль из разрушения аббатства? Ведь я видел, как все это делали, и поступил, как и остальные».

Часть содержимого перешла в приходские церкви, в первую очередь те, что находились в Англии и Северной Германии. Сто сорок шесть тонн камня из аббатства Торни передали на строительство новой часовни в колледже Корпус-Кристи в Кембридже. На башне в Крайст-Черч, открывавшей проход в Оксфорд, висел огромный колокол, некогда принадлежавший аббатству в Осни и переделанный в 1678—1679 годах.

В приходской церкви в Ричмонде в Йоркшире можно увидеть сиденья с хоров собора в Исби, приобретенные во время его разрушения. Сегодня подобные реликвии редко встречаются в английских церквах, поскольку потери во время аукционов оказались огромными. На местных аукционах, часто проходивших в сельской местности, немногие знали истин-

ную цену предметов. На распродаже в Стаффорде Остинского братства некая Стамборд заплатила шесть шиллингов и получила алебастровый перестол (выступ алтаря, retable), дверь и высокий алтарь.

Некоторые библиотеки были скудными и небольшими. Лучшие библиотеки также оскудели, не столько из-за уничтожения средневековых ученых трудов, сколько из-за рассеяния рукописей и текстов. Они попадали в руки обычных книготорговцев, которые чаще всего не представляли их истинную ценность. Хорошо, если что-то случайно оказывалось в поле зрения знатока.

В протестантских странах антиквары, или люди консервативных взглядов, или священнослужители, интересовавшиеся историей, специально ходили по книжным магазинам, собирая все, что могли спасти, и затем передавали свой бесценный урожай некоторым учреждениям, которые могли обеспечить их сохранение. Так, архиепископ Мэтью Паркер позже предложил самые ценные экземпляры из своей коллекции рукописей колледжу Корпус-Кристи в Кембридже. Роберт Хейр передал собранные им рукописи в Тринити-Холл и в Киз-колледж, явно руководствуясь мнением, что эти сообщества окажутся достаточно консервативными по духу и оценят дар.

Однако насильственное рассредоточение тысяч рукописей не обошлось без утрат, более всего потому, что в новый век печатания немногие осознавали, насколько невосполнимыми окажутся потери. Все же они происходили, хотя и случайно, не систематически. Если рукопись сжигали в огне, то это происходило, как и в наши дни, когда современный продавец превращает в волокнистую массу бесполезную груду викторианских романов. Так и грязные старые бумаги, преданные забвению на чердаках и ставшие грудами мусора, оказывались никому не нужными и уничтожались вовсе не из-за фанатического рвения.

В английской глубинке упразднение монастырей нередко становилось причиной недовольства и выступлений. Когда уполномоченные закрывали приорат Святого Николая в Эксетере, они оставили рабочего, чтобы тот разобрал крышу, а сами отправились обедать. В это время в церковь ворва-

лась толпа женщин, стала травить рабочего, бросать в него камнями, пока тот не укрылся в башне. Он спасся, выпрыгнув из окна, отделавшись сломанным ребром и едва не сломав шею.

В Линкольншире, Йоркшире и Камберленде народный гнев, вызванный скорее возмущением роспуском монастырей, чем неприязнью к религиозной политике короля, привел к восстанию, потрясшему трон, — паломничеству милости. Поражение выступления способствовало постепенной ликвидации или «добровольной передаче» самых больших монастырей.

Невозможно было разрушить монастыри, не уничтожив другие места традиционного поклонения, к которым с презрением относились даже образованные консерваторы, воспринимая их как суеверие или пережиток. В 1538 году королевские представители разграбили или уничтожили основные усыпальницы святых, и прежде всего усыпальницу святого Томаса Бекета в Кембридже. Рассказывают, что добыча составила двадцать шесть телег, сюда входила и глина, с помощью которой Господь создал Адама, камни темницы, из которой спасся святой Петр, и терн из тернового венца Господа.

В Лондон привезли и Распятие из Боксли, старинную статую, глаза и губы которой двигались с помощью проволочного механизма, размещенного внутри. На проповеди в соборе Святого Павла действие креста продемонстрировали конгрегации, а затем раздали куски собравшимся. Образ Дарвел Гадарн из Северного Уэльса сожгли на Смитфилде[1] вместе с францисканцем, бывшим духовником королевы Екатерины, отрицавшим супрематию короля.

Статую Девы Марии из Уолсингема переместили, прежде чем расправиться с монастырем. В 1545 году, за два года до смерти короля, закон парламента санкционировал разрушение часовен, построенных на вклады. В них проводились частные мессы за упокой души их основателей или по другим поводам. Однако повсеместно закон не вводили вплоть до правления Эдуарда VI, когда его обновили и расширили.

---

[1] С м и т ф и л д — лондонский оптовый рынок мяса и битой птицы, в прежние годы традиционное место казней. (*Примеч. пер.*)

Хотя всеми революционными законами руководствовались многие консерваторы, тем не менее они поощряли и тех, кто таковыми не являлись.

АНГЛИЙСКИЕ ПРОТЕСТАНТЫ ПРИ ГЕНРИХЕ VIII

Расскажем и другие истории. На месте современной Кавендишской лаборатории в Кембридже находился августинский монастырь. В 1520 году его главой был Роберт Барнс, среди его членов числился Майлс Ковердейл. Кембриджские монахи охотно следовали курсу Лютера, выдающегося теолога их ордена в Виттенберге. Со своими единомышленниками по духу — Томасом Билни из Тринити-Холл, Хью Латимером из Клер-колледжа они собирались в гостинице «Белая лошадь», расположенной поблизости, чтобы обсудить немецкую теологию. Группа стала известна в университете как «немецкая».

Кембриджская группа распалась после 1525 года, однако радикалы спокойно переместились в Германию или Швейцарию, чтобы изучать или обсуждать свои планы реформ.

Среди многих англичан, оказавшихся в Европе во времена правления Генриха VIII, оказался Роберт Барнс, ранее бывший августинским монахом в Кембридже, учившийся в Виттенберге, а затем вернувшийся благодаря благосклонности Томаса Кромвеля, симпатизировавшего протестантам. Он даже был королевским представителем за границей, но в конце концов был сожжен как еретик на Смитфилде в 1540 году.

Уильям Тиндейл, в 1525—1526 годах напечатавший первый Новый Завет на английском языке в Вормсе, был задушен и сожжен близ Брюсселя в октябре 1536 года. Майлс Ковердейл, также один из августинских монахов Кембриджа, напечатал полный английский перевод Библии в Цюрихе в 1535 году. Его изысканное чувство ритма знакомо всем, кто использует псалмы в «Книге общей молитвы».

В 1535—1539 годах, пока продолжалось разрушение монастырей, Томас Кромвель оказывал покровительство ре-

форматорам, если только те не являлись радикалами. Тогда возвысили Хью Латимера, дав ему приход в Вустере, тщетно пытались пригласить в Англию Филиппа Меланхтона.

Кромвель, организовавший дипломатический обмен с лютеранскими князьями Северной Германии, велел, чтобы английскую Библию доставили в каждую сельскую церковь. Эта Библия, напечатанная в Париже и Лондоне в 1538—1539 годах, основывалась на переводах Тиндейла и Ковердейла. К ее повторному выпуску в 1540 году написал предисловие архиепископ Кренмер из Кентербери.

ТОМАС КРЕНМЕР (1489—1556)

Кренмера, члена Иезуитского колледжа в Кембридже, привлекли в связи с королевским разводом и назначили английским послом к императору Карлу V. Находясь в Нюрнберге, Кренмер женился на племяннице лютеранского теолога Осиандера, вскоре после этого (в 1532 году) был отозван в Англию и назначен архиепископом Кентерберийским.

Возможно, король Генрих VIII не знал, что назначенный им архиепископ уже настолько реформировался, что завел жену, ему оказалось достаточно того факта, что о нем тепло отзывалась Анна Болейн.

Кренмер вовсе не стремился стать прелатом, он медленно перемещался по Европе, надеясь, что его назначение отзовут. В дальнейшем он подчинялся королю, заявив перед своим посвящением, что клятва верности папе не связывает его, если он выступит против законов Господа или государства — скажем, проводя суд в Данстабле, чтобы определить недействительность женитьбы короля на Екатерине Арагонской или при передаче церковных земель королю на благоприятных условиях.

Кренмер одобрил и роспуск монастырей, хотя хотел, чтобы доходы от их земель использовались для образования и облегчения положения бедных. Он не был силен в политике. Как архиепископ, Кренмер продолжал посвящать науке то же самое время, что и в Кембридже, то есть три четверти време-

ни. Оставшуюся часть он отводил стрельбе, ходьбе, шахматам или верховой езде, поскольку считался превосходным наездником.

Вряд ли даже в лучшую пору епископского досуга в XVIII веке епископ мог результативно управлять церковью за четверть дневного времени. Кренмер остался первым и последним мирным ученым, и сама церковь управлялась скорее без него, чем под его руководством.

Он пережил превратности правления Генриха VIII, отчасти потому, что был спокойным и отчасти полезным орудием в руках короля, а возможно, и потому, что верил в превосходство королевской власти и политику короля. Хотя Кренмер лично заступался за осужденных людей, шла ли речь о ереси или папизме.

Время дружбы во время реформ закончилось в 1539 году. Генеральный викарий короля и друг Кренмера Томас Кромвель, замешанный в плохо устроенный план очередной женитьбы короля на Анне Клевской, потерял свою голову в июле 1540 года. В 1539 году в репрессивном «законе шести статей» католическую веру попытались защитить, установив строгое наказание за отрицание пресуществления, частных месс, индивидуальных исповедей или необходимости целибата духовенства. Этот закон потряс протестантов, надеявшихся на изменения в Англии.

Епископы, сочувствовавшие реформам, — Хьюго Латимер из Вустера, Николас Шекстон из Солсбери — вынуждены были оставить свои приходы. До конца правления Генриха VIII Шекстона осудили как еретика и вынудили отречься. Считают, что жена Кренмера вынуждена была находиться вне Англии в течение четырех лет, сам же Кренмер говорил, что хотел бы тоже скрыться за границей.

На улицах Лондона устраивались пари, что Кренмер последует за Кромвелем в Тауэр, в Европе прокатился слух, что его казнили. Однако Кренмер все же устоял, в 1539 году он выступил против «закона шести статей» в палате лордов, таким образом о его отступничестве стало известно среди сторонников ортодоксальных взглядов. В 1544 году король получил обвинения, выставленные против архиепископа некоторыми пребендариями Кентерберийского собора.

«Теперь я знаю, — заявил король Кренмеру на барке, проплывавшей под Ламбертским мостом, — кто являлся самым большим еретиком в Кенте». Король препятствовал всем попыткам консерваторов нанести вред Кренмеру и включил его в число исполнителей собственного завещания. Все, от слуг до графов, любили Кренмера, и король оказался в их числе.

Сохранение Кренмера многое значило в продвижении реформаторских идей. В аспекте будущего англиканской церкви сохранение Кренмера означало, во-первых, что он был честным человеком. Служа королю, он делал это из принципа, не из-за личной выгоды, но и не из-за малодушия. Кремер верил в учение о богоизбранном правителе, причем в его экстремальном варианте. Хотя он и верил в то, что король, который находится на троне, «способен причинить зло», ведь его распоряжения основываются на его обязанностях перед Господом и людьми.

Похоже, что протестантские убеждения Кренмера сложились только в последние два года правления Генриха VIII. В конце 1543 года Кренмер по распоряжению короля принял учение о пресуществлении. Практически единственным его вкладом в протестантское движение стало литературное предисловие к официальной английской Библии, которую Кромвель распорядился поместить во всех приходских церквах.

Благодаря этой Библии намеревались не только познакомить население со Священным Писанием, но также предотвратить стремление обращаться к ложным и еретическим переводам, которые после 1543 года разрешалось читать только духовенству, знати, дворянству и купцам.

Хотя консервативные круги подозревали Кренмера, но даже они ничего не знали о его жене. Они не недооценивали его. К 1546 году он сам поверил в учение об оправдании верой и перестал верить в учение о пресуществлении. Ведь Кренмер обладал научным, нерешительным, медлительным умом, неохотно соглашался и не склонялся к неожиданным переменам.

Осуждения 1546 года предваряли длительные колебания и изучение предмета. Не удовлетворявшая протестантов

малоэффективная деятельность Кренмера в Кентерберийском приходе сводилась к поддержке их умеренных представителей.

ПРАВЛЕНИЕ ЭДУАРДА VI (1547—1553)

28 января 1547 года король умер, и, наконец, открылись двери для партии реформаторов.

Новому королю, Эдуарду VI, было девять лет, и власть вскоре оказалась в руках регента лорда-протектора Сомерсета, друга Кренмера и поборника реформ. «Закон шести статей» и другие подобные законы, хотя формально оставались в силе вплоть до их отмены в ноябре, тотчас перестали применяться.

Протестантские священники свободно обучали протестантским догматам. После появления собственных церквей протестантские ктиторы (церковные старосты) свободно удаляли оформление или меняли облик церквей. Протестантские типографии начали выпуск антикатолических книг.

В июле 1547 года напечатали предписания, требовавшие удаления из храмов икон и чтения Евангелий и Посланий только по-английски. Сложность определения того, какие иконы надо было удалить, привела к разногласиям, и споры вылились в решение, что удалению подлежат все иконы.

Латимера призвали произносить проповеди, в законе парламента постановили, что в дальнейшем причастие может проводиться обоими способами. В законе от февраля 1549 года духовенству разрешалось жениться, и тогда жена Кренмера стала появляться в обществе за одним столом с мужем.

МОЛИТВЕННИК 1549 ГОДА

Сначала реформаторы хотели упразднить латинскую мессу и заменить ее литургией на родном языке. В марте 1548 года издали «Последование причастия», в котором английские мо-

литвы включались в латинскую мессу. В январе 1549 года закон о единообразии упразднял латинскую мессу и объявлял новую литургию (в соответствии с молитвенником 1549 года) единственной законной формой культа.

Формально эта книга появилась в результате деятельности «Виндзорской комиссии» — группы из тринадцати духовных лиц, встречавшихся в Чертси и Виндзоре. Фактически в ней виден единый стиль Кренмера, проходящий через всю книгу и свидетельствующий о его глубоком знании литургики.

Три четверти дня, отведенные научным занятиям, принесли свои плоды. В течение ряда лет Кренмер занимался литургическими проектами, только один из них стал известен общественности во времена правления Генриха VIII как «Английская литургия», впервые напечатанная в 1544 году и почти точно сохранившаяся в этой форме до наших дней.

Молитвенник 1549 года частично следовал немецким протестантским образцам. Его реформаторские принципы были принципами Лютера. Службы полагалось сделать понятными и доступными, вместо одного зрелищного восприятия верующие должны были сами активно молиться. Полагалось провести среди мирян серьезное обучение, поэтому ввели обучающие проповеди. При этом отрицалась идея многократных жертвоприношений во время причастия.

Самой значительной из протестантских книг, лежавших в основе молитвенника 1549 года, оказалась литургия, написанная Мартином Бухером для Кельна и известная под названием «Литургии 1547 года», а также английский перевод 1548 года «Простого и религиозного утешения».

Несколько немецких фраз (например: «Кого Господь соединил, человек не может разделить») вошли в книги лютеран. Ритуал во многом упростили, однако тем не менее в нем сохранились многие старые обычаи и особенности обрядов. Молитвенник 1549 года следовал лютеранскому принципу, что обычай можно изменить, если того требует Священное Писание.

Однако в него не ввели революционную швейцарскую доктрину, что в основе каждого действия должно быть Священное Писание. Странствующий английский купец спра-

ведливо описал общественную службу как проводившуюся «в манере, свойственной церквам Нюрнберга и, отчасти, Саксонии».

Лютеранские службы приспособили к новым условиям литургии Средних веков. Точно так же и Кренмер использовал средневековые литургии Англии, особенно Сарума (Солсбери). Он ввел служение вечерни, как в некоторых лютеранских странах, в которых соединилась старая вечерня и восхваления из средневекового Бревиария.

Кренмер ввел служение вечерни в действующую службу, кроме старых сокращенных исполнений требников и последней службы дня. В торжественные моменты священных обрядов он часто сохранял слова и внешние признаки средневекового ритуала, кроме того, сохранил консекрационную молитву[1], сильно напоминавшую канон римской мессы.

Однако разнообразные элементы, над которыми он работал, независимо от того, являлись ли они традиционными или протестантскими, были отобраны в результате тщательного изучения и превращены в красивую, одновременно утонченную и строгую литургическую прозу и поэзию. Литургии сами собой не появлялись, они вырастали в ходе поклонения в течение столетий. Однако насколько литургия могла всегда являться в результате деятельности одного ума, настолько и молитвенник вырос благодаря ученому, предвидевшему народные чаяния.

Будущие проблемы английской Реформации во многом вытекали из молитвенника Кренмера, если бы английские протестанты последовали за этой попыткой, стремясь соединить лучшее старое с лучшим новым. Или следовать за событиями, что приведет не к необходимому единству, а к пестрой смеси, так искусно созданной мастером, что только время и потрясения обнаружат стыки.

Даже до публикации книги она вряд ли удовлетворяла самого Кренмера. В конце 1548 года его мысль тяготела к швейцарской трактовке евхаристии и традиционная структура мессы его не удовлетворяла. На Кренмера влияли его

[1] К о н с е к р а ц и о н н а я м о л и т в а — молитва, во время которой происходит пресуществление хлеба и вина в тело и кровь Христа. (*Примеч. пер.*)

друзья: Николас Ридли, новый лондонский епископ, а также выдающиеся эмигранты из Европы, которых Кремер пригласил в Англию, — Мартин Буцер из Страсбурга, ставший региусовским профессором (то есть профессором кафедры, учрежденной одним из королей) кафедры богословия, учрежденной Генрихом VIII, итальянец Петр Мартир Вермильи, получивший аналогичную кафедру в Оксфорде, Иоанн Ласко из Польши.

Буцер обучал умеренной форме протестантизма, позже названной по имени его ученика кальвинистской, Петр Вермильи и Ласко были последователями Цвингли из Цюриха. «Восхвали Господа, — писал юный цвинглианец в Цюрих в сентябре 1548 года. — Латимер пришел к нашему учению о причастии, так же поступил и архиепископ Кентерберийский, и другие епископы, которые еще сегодня кажутся лютеранами». После публикации в 1549 году молитвенник не понравился обеим сторонам, консерваторам он показался слишком радикальным, реформаторам — слишком консервативным.

В период с 1550 до 1553 года, во время протекторства герцога Нортамберлендского, английская реформаторская партия успешно вводила все то, что произошло в немецких или швейцарских городах. Британские реформаторы составили новую и упрощенную литургию с использованием просторечия вместе со швейцарским учением о евхаристии. Опубликовали новое изложение вероучения, по крайней мере внешне схожее со швейцарской теологией (сорок две статьи 1533 года).

Кроме того, церкви освободили от икон и боковых алтарей, заменили высокий алтарь святым престолом, запретили совершать обряды, не упомянутые в молитвеннике, и разрешили светское использование церковной собственности. Продолжая политику Генриха VIII, реформаторы ослабили власть епископов, перейдя к прямому выражению королевской супрематии.

Там, где епископы отказывались поддерживать реформы, их смещали из приходов. Так, заменили Боннера из Лондона, Гардинера из Винчестера, Танстелла из Дарема, Дея из Чичестера, Хита из Вустера. Внешне продолжала использо-

ваться древняя система церковного управления. Фактически церковью управлял Государственный совет, как происходило в Виттенберге, Нюрнберге или Цюрихе.

Два новых епископа, Хупер из Глостершира и Ковердейл из Эксетера, побывавшие в длительной ссылке в Европе, оказались горячими поборниками Цюриха, не одобрявшими древний епископат, пока оставались посвященными епископами. Хупера даже на некоторое время заключили в тюрьму Флит, что принудило его отвести свои требования по отношению к некоторым внешним проявлениям епископского посвящения.

МОЛИТВЕННИК 1552 ГОДА

Книга продолжала оставаться литургией, дав измененную версию 1549 года и еще неупрощенные проповедь и молитвы, псалмы из Цюриха или Женевы. Если теперь Кренмер верил, что швейцарцы оказались правы в своей идее евхаристии, здравый смысл заставлял его оставаться внутренне осторожным — возможно, из-за того, что он стал менее революционным, внутренне сопротивляясь отторжению того, чему посвятил большую часть своей жизни.

Чтобы доказать, какие ошибки содержатся в книге 1549 года, Мартин Буцер написал научный труд, известный как Censur («Цензура», 1551), и его умеренная критика повлияла на Кренмера. Буцер возражал против коленопреклонения, облачений, молитв за умерших, надевания белых одежд или крестильной сорочки при крещении, помазания маслом, экзорцизма. Поэтому обряды, содержащиеся в книге 1552 года, во многом упрощены.

Консерваторы, вроде епископа Стивена Гардинера, заявляли, что книга 1549 года придерживается лютеранской или римской католической доктрины об истинном присутствии, то есть того, во что Кренмер уже перестал верить. В новой книге подверглись переделке разнообразные абзацы, отмеченные Гардинером. Самым значительным переделкам подверглись слова, использовавшиеся во время получения Святого причастия.

Сравним их: «Тело Господа нашего Иисуса Христа, которое дано тебе, сохраняет тело и душу для вечной жизни» (молитвенник 1549 года).

И: «Прими и съешь это в память о том, что Христос умер за тебя, и впитай веру в свое сердце, благодаря Его».

Редакция 1552 года четко следовала швейцарскому учению о том, что евхаристия первоначально проводилась как воспоминание о жертве Иисуса Христа, и этот дар был духовным даром, получаемым разумом, но не телесно.

Кренмер соглашался с замещением старых обрядовых действий, именовал алтарь престолом, но по-прежнему называл служителя священником и преклонял колени перед получением причастия. В октябре 1552 года шотландский капеллан, имя его в источниках не сохранилось, обычно считают, что им оказался Джон Нокс, произнес резкую проповедь, направленную против коленопреклонения.

Совет приостановил публикацию молитвенника и попросил Кренмера снова обратиться к данной проблеме. Кренмер отказался отступить, компромисса достигли, поместив в книгу так называемые «Черные правила богослужения», в которых заявлялось, что требование причащающимся преклонять колени «вовсе не подразумевает, что любое поклонение совершено или собирается стать таковым и... превратится в действительную и явную суть естественных плоти и крови Христа».

Подобное объяснение никак не устраивало реформаторов, принявших швейцарский принцип соответствия Священному Писанию всего, что совершается в церкви. Традиционная атмосфера, несомненно сложившаяся вокруг молитвенника из-за его следования средневековым литургиям, использование знаков креста при крещении или надевание креста при женитьбе, формальная и литургическая природа молитв, требование коленопреклонения — все это вызывало возражения кальвинистов и цвинглианцев.

В правление королевы Марии Тюдор среди английских изгнанников, проживавших в Европе, распространился слух, что Кренмер, тайно согласившись с ними, неоднократно переделывал молитвенник, сделав его более совершенным,

чем тот, что вышел в 1552 году, но не смог напечатать его из-за «порочного духовенства».

В 1553 году английская Реформация для большинства населения, несмотря на ее законодательный характер, попрежнему казалась несущественной. Приходы сотрясались от разрушения монастырей, но людей больше задевало запрещение латинской мессы, введение двух ускоренных литургий на местном наречии и изменения во внешнем виде церквей и служившего в них духовенства.

Религиозное братство, по сути, оставалось консервативным и отвергало перемены. Возможно, множество прихожан в стране с симпатией относились к корнуоллским повстанцам 1549 года, которые назвали английскую литургию «игрой в христианство» и хотели вернуть латинскую мессу и единое причастие.

Реформация в Англии захватила власть только благодаря нескольким ученым богословам и образованным купцам и другим членам среднего класса, в основном проживавшим в Лондоне. Ее, хотя и по другим мотивам, также поддержали представители знати. В 1553 году Англия еще не представляла собой протестантское государство. Но она почти приблизилась к нему в правление королевы Марии Тюдор.

ПРАВЛЕНИЕ КОРОЛЕВЫ МАРИИ (1553—1558)

Наполовину испанка, дочь и наперсница Екатерины Арагонской, иногда воспринимавшаяся своим отцом как незаконнорожденная, Мария была воспитана в преданности католической церкви, оставаясь такой же пылкой, как и фанатичной. В течение нескольких лет протестантских перемен при Эдуарде VI Мария подвергалась унижениям и преследованиям, когда хотела проводить свои мессы.

Она взошла на трон в тридцать семь лет, уже озлобленной и незамужней. Устроенная в 1554 году свадьба с сыном императора Карла V, Филиппом II Испанским, стала самым разрушительным событием ее правления. Он был на одиннадцать лет моложе и всем нравился.

В 1555 году Мария убедила себя, что ждет ребенка, 30 апреля звонили колокола Лондона и пели благодарственный Te Deum ради рождения здорового ребенка. Ее личное счастье, как и надежда на будущее католической Англии, зависели от ребенка и наследника, поэтому после крушения всех надежд Мария больше не оправилась.

Основной целью Марии являлось восстановление католической веры, хотя в связи с ее собственными корнями это, возможно, означало реставрацию, но не католицизма ее отца, а власти престола Рима. Перемены оказались заметными. Пять лишившихся мест епископов вернулись в свои приходы. Гардинер стал лорд-канцлером и главным советником королевы. Ридли, Латимер, Ковердейл и Хупер были заключены в тюрьму.

Такая же судьба ожидала и Кренмера, поскольку он выступал против латинской мессы, хотя акт парламента восстановил его в правах после ареста. Тогда же изгнали порядка 2000 священников за то, что те женились, хотя некоторые вернулись и стали жить там, где о них никто не знал. Петру Мартиру Вермильи и другим изгнанникам разрешили беспрепятственно покинуть Англию, и те англичане, которые посчитали, что благоразумнее покинуть страну, нашли, что это сделать совершенно не сложно.

Во время своей коронации, произошедшей 1 октября 1553 года, Мария обещала поддерживать права Святого престола, равно как и свободу в государстве. В акте парламента отменялись все законы правления Эдуарда VI, связанные с молитвенными книгами, единообразием и женитьбой духовенства. Синод Кентербери объявил, что доктрина о евхаристии верна.

Однако произошедшего оказалось вовсе не достаточным, чтобы восстановить власть папы. Королева обнаружила, что легче было восстановить католическую церковь 1546 года, чем католическую церковь 1528 года. Английский парламент совсем не хотел, чтобы власть папы в Англии была восстановлена. Он стремился, чтобы королева вышла замуж за англичанина, а вовсе не за испанца, и нанес ей обиду, подав петицию по данному поводу.

Оказалось, что не так легко восстановить церковь в том виде, в каком она существовала до 1547 года. Епископ Бон-

нер требовал, чтобы дарохранительницу повесили над алтарем, воссоздали каменный алтарь, распятие, хоры, кадило, одеяния и священный колокол. Поскольку многие священники или церковные сторожа, не говоря о толпе, уничтожили или продали эти предметы, то осуществить распоряжение епископа первоначально оказывалось невозможным.

Лондонцы проявляли такую ожесточенную враждебность, что императорский посол Симон Ренард даже сразу же заподозрил, что начнется революция. Из отчетов церковных старост того времени ясно, что обновленные хоры оказалось легче заменить, чем восстановить старые разрушенные.

Миряне подозревали, что если они примут папского легата Реджинальда Пола в качестве своего нового архиепископа Кентерберийского, то рискуют тем, что их заставят отдать прежние монастырские земли. Согласно каноническому закону, церковную собственность нельзя было отчуждать.

Палата общин опасалась, что законодательное восстановление власти папы может означать земельные изъятия у многих ведущих землевладельцев страны. Их опасения усилились, когда папа отказался полностью подтвердить, что согласен с возмещением за отторгнутые церковные земли.

7 ноября 1554 года папа Юлий III, наконец, дал соответствующие гарантии. Еще через месяц папе разрешили высадиться в Дувре, его восторженно приняла толпа в Лондоне. 30 ноября 500 членов парламента преклонили колени, чтобы получить у папы отпущение грехов за неподчинение и раскольнические действия в Английском королевстве, затем спустились в часовню, чтобы спеть Te Deum.

Спустя шесть лет конвокация подчинилась легату и, таким образом, получила прощение. Однако закон парламента, который повторял законы Генриха VIII, направленные против папы, также подтверждал права мирян в связи с продолжавшимся владением бывшими церковными землями. Мария начала возвращать обратно собственные земли, но этот процесс вскоре сошел на нет.

Королева также восстановила несколько монастырей, самым значительным из них стало Вестминстерское аббатство. Поскольку старые монастырские земли оказались недоступными по закону, каждый монастырь следовало вновь обе-

спечить постоянным доходом, и недостаток денег ограничивал количество монастырей, которые можно было основать. Попытка вновь основать монастырь в Гластонбери провалилась, поскольку вклады оказались незначительными. В основном монастыри были перенаселены, в них находились монахи и монахини из разрушенных монастырей.

Сожжения

В декабре 1554 года снова опубликовали три старых закона против ереси. 4 февраля 1555 года на Смитфилде сожгли первого протестанта, Джона Роджерса.

За последующие три с половиной года почти три тысячи человек, высокого и низкого положения, богатые и бедные, сжигались по обвинению, что они являлись протестантскими еретиками. Среди них оказались и пять бывших епископов: Феррар из Святого Давида, Хупер, Ридли, Латимер и Кренмер. Ридли и Латимера сожгли вместе в Оксфорде 16 октября 1555 года.

Двух испанских монахов отправили в Оксфорд, чтобы те вступили в диспут с Кренмером и убедили, что умеренному и нерешительному по взглядам лучше поверить в Отцов Церкви, чем в папское превосходство (как он ожидал, что от него потребуют).

В конце февраля 1556 года Кренмер подчинился католической церкви и папе как высшему главе, заявив, что верит во все положения католической веры, и объявил еретиками Лютера и Цвингли. 18 марта он подписал документ о покаянии, о том, что признает ошибочным свое архиепископство и объявление о разводе короля Генриха VIII.

Когда назначили день сожжения Кренмера, шел дождь, и его поместили на платформе перед церковью Святой Марии, где доктор Коль прочитал ему проповедь. В конце проповеди Кренмер помолился, глубоко раскаиваясь, и затем, к удивлению собравшихся и ужасу властей, отрекся от всего. Он сказал, что не верит в то, под чем подписался, и сделал так исключительно потому, что надеялся спасти свою жизнь. У столба Кренмер держал свою правую руку в поднимавшемся пламени.

Так правительство, следовавшее своим принципам, оказалось глубоко униженным человеком, который более двадцати лет являлся архиепископом Кентерберийским. Кренмер не был неразборчивым в средствах служителем времени. Он никоим образом не являлся мирским священнослужителем, разделявшим выгоды с церковью, а был ее безусловным сюзереном.

Кренмер был ученым и совестливым человеком, искренне веровавшим в превосходство королевской власти, которого, наконец, поставили перед крайним выбором, когда толпа требовала от него отречься от превосходства власти короля. Своим непритязательным умом он осознавал, что вопрос не так прост. Однако Кренмер оставался религиозным человеком, хотевшим рассмотреть доводы с обеих сторон. Возможно, его убедили бы частично, если бы правительство не оказалось столь фанатичным.

Никто не верил в терпимость. Такие протестанты, как Кренмер или Джон Филпот, одобряли сожжение упорствующих еретиков так же яростно, как это делала королева Мария. Однако эти люди, занимавшие ведущее положение в церкви при Генрихе VIII или Эдуарде VI, вовсе не были такими, как еретики прежних времен. То, чему они учили, они проповедовали в пользу и от имени правительства Англии. Нельзя было ожидать от образованных и честных людей, чтобы они изменили свои взгляды, потому что теперь в Англии правительство стало думать иначе.

Против некоторых обвиняемых власти выдвигали обвинения, что их ересь настолько основательна, что даже протестанты должны признать, что они должны понести наказание. Против других выдвигались обвинения в богохульстве. И все же английское правительство сожгло меньше протестантов, чем французские короли или испанские губернаторы в Нидерландах.

Однако сюда входили не только радикалы, составлявшие незначительное меньшинство, но и выдающиеся представители точек зрения, широко распространенных среди влиятельного духовенства и мирян. Мария не казнила нескольких непопулярных фанатиков, но зато некоторых из главных лидеров оппозиционной партии.

Никто моложе тридцати пяти лет не знал, что собой представляла папская Англия, и папу хотели только консервативные священнослужители, которые теперь верили, что католическую ортодоксальность нельзя сохранить без признания авторитета папы. Англия получила обратно папу по просьбе Марии, но вовсе не потому, что страна хотела этого.

Большинство населения в той же степени, то есть практически никак не высказывая, хотело протестантизм. Однако в некоторых частях страны враждебность по отношению к старому порядку укоренилась достаточно глубоко. Резкий антиклерикализм времен Вулси заставил даже простых мирян возненавидеть восстановление папы.

В конце августа 1554 года жители Суффолка попытались сжечь церковь вместе со всеми собравшимися. В тот же самый месяц возмущенные крестьяне отрубили нос у священника в Кенте. В феврале 1555 года Ренар сообщал о том, что опасается восстания, если не прекратятся сожжения.

29 августа 1556 года 1000 человек с гиканьем проводили по улицам связанных одной цепью 22 мужчины и женщины из Колчестера к месту сожжения. Два выживших франциканца в Гринвиче сообщали, что народ бросал в них камни, когда они отправлялись за пределы города.

Кто же ответствен за преследования?

Вовсе не испанцы из окружения короля Филиппа II, находившиеся в Лондоне. Никто не видел опасность более отчетливо, чем здравомыслящий посол Симон Ренар. Он посылал Филиппу II одно сообщение за другим, убеждая, что епископов следует освободить, поскольку существуют другие пути, чем влекущие за собой опасные последствия общественные сожжения. Лучше проводить тайные казни или просто сажать таких людей в тюрьму. Он с беспокойством наблюдал за растущим сочувствием толпы к жертвам: собираясь вокруг пепелища, они благоговейно собирали золу и, бережно завернув, уносили с собой, выкрикивали угрозы или сочувственно рыдали.

Сожжения начались после прибытия папы, сидевшие в судах, чтобы осудить еретиков, епископы находились под его юрисдикцией как папские легаты. Папа хотел, чтобы перед казнью с осужденными не обращались жестоко, если же не

удавалось убедить деликатно, то тогда наказание оказывалось неизбежным.

Ренар считал, что самым кровожадным из епископов является грубый и по-старомодному остроумный Боннер, в записях протестантов фиксируется, что жертвы придерживались того же мнения. Стивен Гардинер, остававшийся лорд-канцлером вплоть до своей смерти в 1555 году, также нес огромную ответственность. Другие епископы разделяли ее. Королева и ее ближайшие советники убивали мужчин и женщин не из политических соображений или из мести, а руководствуясь своими принципами: чтобы очистить царство перед всемогущим Господом.

Власти не ожидали храбрости со стороны мучеников. Веря, что английские протестанты были немногочисленными и нестойкими, они ожидали отречения. Они и получили отречение, из которого самым значительным стало отречение сэра Джона Чика, бывшего наставника короля Эдуарда VI, которого похитили около Брюсселя и не предали огню.

Однако они переоценили способность человеческих существ принимать то мнение, которое им велели принять. Упорство жертв, от Ридли, Латимера и других, крестило английскую Реформацию кровью, внедряя в английские умы неминуемую связь духовной тирании с римским престолом.

Старый антиклерикализм, ненависть к Вулси и его власти, возмущение папским произволом получили новое и ужасное подтверждение. За пять лет до этого дела протестантов отожествлялись с разграблением церквей, разрушениями, непочтительностью, религиозной анархией. Теперь же они начали отожествляться с добродетелью, честностью и лояльным английским сопротивлением полуиностранному окружению.

Все ожидали ребенка, которому не было суждено появиться. По всей Европе люди знали, что затем на трон взойдет принцесса Елизавета, а вместе с ней придет другая, на сей раз снова протестантская революция. Слухи о болезни Марии, сообщения о ее смерти распространились по всей Европе, пугая сторонников Рима и укрепляя боевой дух протестантов.

Английские изгнанники в Германии теперь легко одалживали деньги под залог своих английских поместий, поскольку европейские банкиры были уверены, что эти англичане вскоре окажутся дома в добром здравии и у власти. Любое несчастье, поражавшее одного из преследователей, тотчас отмечалось и оставалось в памяти как проявление воли Господа. Такая судьба постигла лорд-канцлера, когда он собрался отправить девяносто человек на допрос. Тюремщик Ньюгейтской долговой тюрьмы (в Лондоне) умер от гниения плоти (гангрены). Шерифа Лондона разбил паралич.

Если бы родился ребенок, политический облик Англии переменился бы за ночь. Однако королева сидела и страдала в своих комнатах или бродила по коридорам как призрак, плача по поводу своего отсутствующего и безразличного мужа. Иногда просто сидела на полу, обняв колени руками. Вокруг нее шептались придворные, испытывая страх или надежду, что она умирает.

Мария умерла ранним утром 17 ноября 1558 года, кардинал Пол скончался несколькими часами позднее.

ВОСШЕСТВИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ

Вера Елизаветы оставалась тайной не только потому, что она молчала по этому поводу. Свободно высказываясь при иностранных послах, она менее откровенничала со своими советниками. В результате информация оказалась весьма противоречивой, и неудивительно, что испанский посол в отчаянии писал: «Ко всему прочему она женщина, не отличающаяся постоянством».

Религиозные вопросы лежали в основе английской дипломатии, и бесспорно, что описание веры Елизаветы якобы должно было удовлетворить короля Филиппа II Испанского или короля Франции, голландских гугенотов или немецких и шотландских феодалов. Елизавета была склонна говорить людям то, что они хотели услышать.

Видя подтверждение в глазах остальных, мы боимся доверять им. Однажды на Елизавету напал враждебный критик,

упрекая ее в атеизме, но безуспешно. Историки обвиняли Елизавету в том, что она была слишком «мирской», упрекали в анахронизме. Другие укоры оказались менее абсурдными, но все равно нелепыми, когда все религии казались одинаковыми.

Елизавета никому не стремилась открывать свою душу, не раскрывала своих истинных намерений по поводу замужества, хотя много раз и высказывалась по этому поводу. Однако никто не мог продвинуться вглубь. Возможно, как и любая женщина, она не всегда понимала сама себя. Ее сердечные механизмы вовсе не были простыми. Жизнь во времена правления Марии оказалась настолько опасной для Елизаветы, что она привыкла весьма искусно скрывать свои проблемы.

Вследствие сказанного историки продолжают спорить, что собиралась сделать королева и ее советники, созвав в 1559 году английский парламент: подтолкнуть нерешительное собрание или же палата общин должна была воздействовать на колеблющуюся королеву.

Как дочь Анны Болейн, Елизавета должна была стать протестанткой. В правление Марии она страдала от уголовных процессов протестантов, растущая протестантская партия приветствовала ее как своего защитника, изгнанники торопились обратно из Европы.

Обладая дипломатическим талантом, Елизавета не захотела иметь дела с папой и, не церемонясь, отозвала английского посла из Рима. Во время Рождества 1558 года она приказала, чтобы епископ Карлайл не поднимал Дары, когда же тот отказался, вышла из церкви после чтения Евангелия.

Во время открытия парламента 25 января 1559 года, когда Елизавета тожественно вошла в Вестминстерское аббатство, ее приняли аббат и монахи со свечами, ладаном и святой водой, но она отпустила их со словами: «Отойдите с этими фонарями, нам и так светло». Елизавета собрала протестантских священников, окружила себя протестантскими лордами, приблизив прежде всего первого секретаря Уильяма Сесила Сомерсета.

Неблагоразумно было оставаться протестанткой, когда казна истощилась, а земли требовали защиты. Французы за-

являли о своих на правах на корону, требуя утвердить королевой Марию Стюарт (1542—1587, королева Шотландии в 1560—1567. Будучи правнучкой английского короля Генриха VII Тюдора, претендовала на английский престол. — *Ред.*), испанская армия находилась в Нидерландах, а две трети Англии оставались католическими. Однако по рождению, образованию и убеждениям Елизавета должна была быть протестанткой. Она открыто заявила испанскому послу, что не может выйти замуж за Филиппа II, потому что является еретичкой.

Елизавета была дочерью Генриха VIII, и стало ясно, что она привержена тому же религиозному устройству, что и ее отец, хотя рассматривала его в целом, но не в деталях. Ее идеи включали католицизм, но без папы, супрематию короля, желательно безбрачное духовенство, Истинное присутствие во время евхаристии.

В марте 1559 года Елизавета заявила испанскому послу, что намеревается восстановить веру в том состоянии, в каком оставил ее отец. Это не была конкретная программа, поскольку никто в стране этого не хотел. Правления Эдуарда VI и Марии сделали католиков более ориентированными на Рим, а протестантов более реформированными. Так и сложилось, что Елизавета правила разделенным народом, среди которого одни хотели папу, а другие — молитвенник, ради которого умерли Кренмер, Ридли и Латимер.

Спустя семь лет Елизавета уже без дипломатических увертюк заявила испанцам, что протестанты завели ее отца дальше, чем она хотела бы. Но у Елизаветы не было выбора. Если протестанты вопреки ее словам в поддержку Аугсбургского исповедания, несмотря на ее утверждение о несогласии только с тремя или четырьмя вещами в мессе, поддерживали ее, у нее не было альтернативы молитвеннику, освященному огнем.

Судьбой королевы Елизаветы и Англии стала политика, соотнесенная с ее предпочтениями. Насильственные изменения культа под знаком борьбы с «поклонением идолам», возможно, не только спровоцировали революцию на севере Англии, но и обусловили вторжение армий Франции или Испании. Елизавета смогла сохранить союз с испанцами и

благожелательное отношение короля Филиппа II как лучшего защитника против французов.

Елизавете посоветовали продвигаться осторожно: «В сосуд с узким горлышком следует вливать осторожно, если же делать это неожиданно и резко, то он не наполнится». Насколько возможно, ей следовало примирить таких умеренных консерваторов, как епископ Танстелл из Дарема, и тем самым утвердить религию, которую могли принять консервативные круги.

Под влиянием сильной оппозиции в парламенте билль о супрематии утвердил Елизавету верховным главой церкви. Она приняла власть, но отказалась от титула, стала «верховным губернатором». Оставаясь консервативной и радикальной одновременно, Елизавета возненавидела титул «главы», ей больше нравилось новое слово.

Поскольку молитвенник 1552 года оставался единственно возможной литургией, его перепечатали в соответствии с актом о единообразии, хотя и с важными поправками в уступках консерваторам. Согласно предписанию, выносилось решение, чтобы украшения церкви и священники были теми же, что и на второй год правления короля Эдуарда VI, когда еще продолжали носить традиционные облачения, и церкви по-прежнему сохраняли во многом свой средневековый облик и обстановку.

Тогда же отменили «Черные правила богослужения» (выделенные таким цветом) 1552 года, где заявлялось, что нет никакого Истинного присутствия и не должно производиться коленопреклонение во время причастия.

Кроме того, сохранялась цвинглианская формула из книги 1552 года, определявшая порядок принятия Святого причастия. Однако за ней следовала более традиционная формула 1549 года: «Данное тебе Тело Господа нашего Иисуса Христа да сохранит твое тело и душу для жизни вечной».

МЭТЬЮ ПАРКЕР

Незанятый приход Кентербери доверили Мэтью Паркеру, человеку, известному своим дружественным отношением к реформам, проведенным при Эдуарде VI. В период прав-

ления Марии Паркера лишили его привилегий, потому что он был женатым человеком, и он тихо закончил свою жизнь в Англии. Как и Кренмер, Паркер отличался уединенным образом жизни и стремился к занятиям наукой, но в глазах правительства сохранил мнение о себе как об умеренном человеке, который способен побороть недоверие.

Епископы, поставленные при Марии, не были готовы сотрудничать с правительством. Они встречали в штыки билли в палате лордов. Архиепископ Хит из Йорка отказался короновать королеву. Соответственно, только двое из семнадцати епископов, поставленных при Марии (в Лландафе и в Содоре и Мэне), сохранили свои приходы при Елизавете. 14 епископов, 12 деканов, 15 глав колледжей и от 200 до 300 священников были отправлены в отставку или смещены.

Подобный отказ от консервативных лидеров предельно усложнял задачи, стоявшие перед Паркером. Он должен был опираться на священнослужителей, сочувствовавших протестантизму.

Однако многие духовные лица из партии протестантов вовсе не оказались такими сдержанными, каковыми они были при Эдуарде VI. Те, кого изгнали в Европу, восприняли учение и обряды, бытовавшие в церквах Швейцарии и землях Рейна. Они сами не пришли к согласию, являлся ли молитвенник 1552 года действительно реформаторским.

Во Франкфурте-на-Майне изгнанники перессорились. Менее радикальное крыло, возглавлявшееся Ричардом Кохом, согласилось, что молитвенник 1552 года стал той книгой, ради которой умирали мученики Англии. Наиболее радикальное крыло, возглавлявшееся Джоном Кохом, соглашалось, что в ней все же содержатся остатки папизма. Все эти люди теперь стремились вернуться в Англию, но лишь на некоторых из них правительство могло положиться благодаря их умеренным взглядам.

17 декабря 1559 года Паркер, после своего избрания деканом и главой капитула, был посвящен в архиепископы Кентербери. Правительство хотело, чтобы все сделали по древним образцам, надеясь, что четыре епископа, назначенные при Марии, согласятся с рукоположением. Надежда

оказалась тщетной. Паркера рукоположили Барлоу, епископ Бата и Уэлса при Генрихе VIII, Скори, епископ Чичестера при Эдуарде VI, Ходжкин, викарный епископ Бедфорда, и Ковердейл, переводчик Библии и епископ Эксетера при Эдуарде VI.

Об испытываемых Паркером трудностях можно судить по одеждам священников. Барлоу надел мантию, свое законное одеяние. Скори и Ходжкин, явно не решившись надеть мантию, остались в стихарях, Ковердейл также засомневался и остался в черном платье. Вскоре стало ясно, что священники не намерены соблюдать правила использования церковной утвари, требующие традиционного облачения.

У старых изгнанников теперь были новые епископы, такие как Гриндаль и Джуэлл, угрожавшие оставить свои приходы после введения новшеств. Судя по сохранившемуся экземпляру, Паркер боролся за то, чтобы сохранить хотя бы стихарь.

Во время всех этих превратностей большая часть приходского духовенства оставалась на своих постах. Несколько человек в каждой епархии последовали за епископами, назначенными при Марии, в отставку или в ссылку. Однако большинство представителей духовенства продолжали проповедовать в своих приходах на протяжении всех перемен.

Августинский каноник Данстабла по имени Джон Сталуорт был вынужден оставить свой религиозный орден, а когда его монастырь в 1539 году распустили, получил пенсию. Он впоследствии жил при Генрихе VIII, Эдуарде VI, Марии и Елизавете и умер в должности ректора Грейтуорта в Нортгемптоншире в 1590 году.

Хотя он и прожил дольше прочих, его карьера вовсе не была типичной. Хью Карвен, относившийся к людям, выдвинувшимся при Марии, точно так же, как и протестантский архиепископ Дублина, не видел ничего странного в том, что просил у Елизаветы предоставить ему английский приход — напоминая, что служил ей и ее сестре Марии в течение восьми с половиной лет.

Пылко отказавшийся от епископства Николас Уоттон был деканом в Кентербери и деканом в Йорке одновременно, начиная с правления Генриха VIII вплоть до правления Елизаветы. Однако, получая жалованье от епархии, он был меньше деканом, чем дипломатом.

Некоторые, будучи викариями, открыто высказывались против обвинений протестантов. Доктор Эндрю Перн был главой колледжа Святого Петра в Кембридже с 1554 по 1589 год. Когда в 1557 году останки Буцера и Фагиуса выкопали и сожгли как еретиков на рыночной площади в Кембридже вместе с грудой протестантских книг, Перн являлся вице-канцлером и невозмутимо отнесся ко всему происходившему.

Спустя три с половиной года, когда парламент выпустил анонимное помилование, возвращавшее Буцеру и Фагиусу их степени, он отслужил в их честь поминальную службу. Доктор Перн снова стал вице-канцлером. Памфлетисты времени правления Елизаветы придумали слово (на манер латинского) pernare, означавшее «быть ренегатом». Однако Перн оказался исключением, поскольку большинство глав колледжей в Кембридже и Оксфорде после восшествия Елизаветы сместили.

Некоторые священнослужители довольствовались низкими мотивами, зная, что альтернативой их сопротивлению станут возможные голод и бытовые неудобства. В нашем распоряжении оказался отчет о беседе между двумя священнослужителями, вызванными в собор Святого Петра в Лондоне, чтобы подписать новые обязательства перед комиссией. Они встретились перед дверью.

Доктор Кеннелл. «Что вы намереваетесь сегодня сделать?»

Доктор Дербишир. «Находясь в здравом уме, не стану подписывать».

«Вот как! — ответил Кеннелл. — Думаю, что вы не настолько глупы, чтобы отказаться подписать и лишиться столь многих вещей, которыми вы дорожите!»

Дербишир. «Я должен делать то, что спасет мою душу, независимо от того, что станет со всем моим имуществом».

«Перед Господом, — пылко ответил Кеннелл, — если вы когда-нибудь попадете к нему и останетесь такими же добродетельными, как многие, и мы снова встретимся, я отдам вам свою голову!»

Большинство духовенства оставалось невежественным, отличалось простодушием, было поражено бедностью и в целом оказалось «нереформированным». Остальные, более способные принимать решения, были убеждены, что церковь нуждается в реформе.

Их не радовало то, что они видели вокруг в виде реформ, они предпочитали народный диалект латыни и жену наложнице. Знали, что прихожан следовало крестить, кормить, женить и хоронить. Каков бы ни был статус папы, канонический закон или схоластическая философия, люди по-прежнему нуждались в таинстве.

Однако в 1559 году религиозная и духовная модель английской Реформации по-прежнему нуждалась в определении. Дело зашло так далеко, что тем или иным способом английской церкви надлежало стать протестантской.

Хотя Реформация везде имела политические последствия, в Англии, в отличие от всех других государств, политические мотивы переплелись с реформаторскими идеями. К 1558 году протестантизм в стране пустил корни, что стало очевидным благодаря появлению мучеников во времена королевы Марии Тюдор и отношению к ним Лондона.

Однако Реформация как преобразовательная сила начиналась тяжело. Внешний вид церквей менялся, монастыри распускали, духовенству разрешали жениться. Иконы и ризы уничтожались или продавались, независимая власть церкви уменьшалась, авторитет епископов ослабевал.

Однако духовенство оставалось таким же невежественным. И на практике протестантское вероучение не продвинулось, за исключением проповедей, которые составлялись, чтобы их читать, и литургии, которую заставляли использовать. Основная масса представителей мирской точки зрения (чем дальше от Лондона, тем больше) предпочитала идти проторенными путями.

Ведущие реформаторы, за исключением Мэтью Паркера, невзлюбили старые, все еще сохранявшиеся реликвии, хотели продвигать новые порядки дальше, упорядочив церковную жизнь по образцам Цюриха или Женевы. Конец революции не наступил ранее 1559 года. Некоторые говорят, что восхождение Елизаветы означало не начало Реформации в Англии, но ее конец.

Глава 5
РАЗВИТИЕ ПРОТЕСТАНТСКОЙ РЕФОРМАЦИИ

Швейцарский образец реформированной церкви стал нормой для протестантских церквей за пределами лютеранских церквей Северной Германии и Скандинавии. Они не соглашались с существующими отношениями между церковью и государством, разделившись на кальвинистов и их противников. Церкви сходились в том, что учение о евхаристии отрицает, что милость причастия воплощена в хлебе, в аскетической простоте обряда поклонения, в признании верховенства моральной дисциплины и в ревностном стремлении принести Библию в каждый дом.

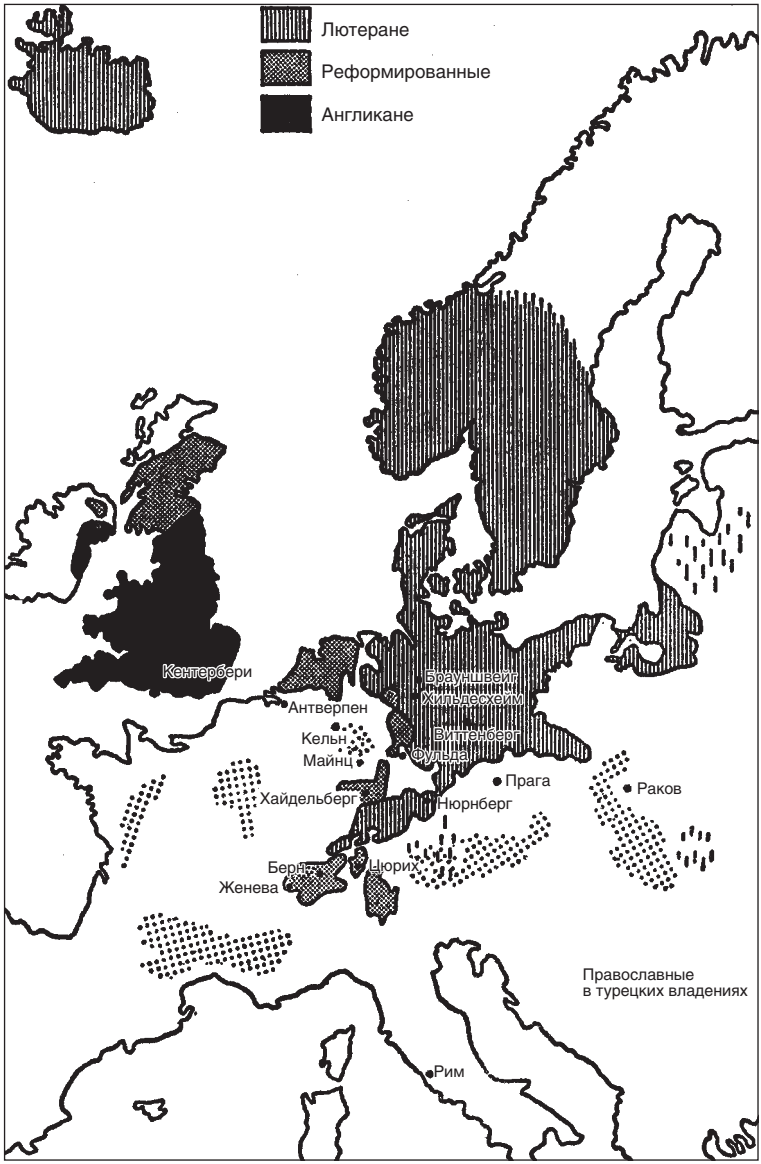
В основном они одерживали верх в тех странах, где правительство было католическим и проявляло враждебность к протестантам. Основные консервативные реформаторы находились в тех странах, где правительство рано или поздно понимало суть Реформации и поддерживало ее, например в северогерманских княжествах, Дании, Швеции, Англии.

В тех странах, где правительство оказывало силовое сопротивление и религиозная революция сопровождалась политической, как, например, во Франции, Нидерландах, Шотландии, Реформация была менее консервативной. Чем большую враждебность проявляло государство, тем сильнее протестанты тяготели к кальвинистам, поскольку кальвинизм утверждал авторитет священников, свободных от духовного подчинения светской власти.

Однако реформаторы начали увеличивать расходы — не только у католиков, но и у лютеран Северной Германии. Вначале понятие «реформированный» вошло в обиход, означая противопоставление не только католикам, но и лютеранам.

Протестантизм в 1529 г.

Протестантизм в 1555 г.



Протестантизм в 1600 г.

ГЕРМАНИЯ

Разделение лютеранства

В течение года, прошедшего после смерти Лютера, последовавшей в 1546 году, немецкий протестантизм пережил суровые испытания, оказавшись на грани разрушения.

В 1544 году, согласно договору при Крепи, императору Карлу V, наконец, удалось заключить мир с Францией. Турки завязли в Иране, и на восточных границах было спокойно. Карл привлек на свою сторону протестантского герцога Морица Саксонского, стремившегося приобрести титул и владения курфюрста Саксонии.

Войска Морица двинулись на север и в битве при Мюльберге в 1547 году разгромили саксонцев, захватив город Виттенберг и самого курфюрста Иоганна-Фридриха. Ландграфа Филиппа Гессенского заманили ко двору обманным путем и бросили в тюрьму. В качестве награды герцогу Морицу отдали титул курфюрста и все его владения, за исключением Тюрингии. Все выглядело так, как будто император решил силой подавить протестантское движение.

Аугсбургский интерим, 1548

В национальном парламенте в Аугсбурге в 1548 году император Карл V объявил решение по поводу религиозного поселения, известного как Аугсбургский интерим (*лат.* «передышка»). Он разрешал протестантам до окончательного решения Генерального совета сохранять законность женитьбы духовенства, использовать чашу во время причастия. Ничего другого им не дозволялось, поэтому сразу же возникла проблема, насколько все это окажется возможным без применения силы.

Буцер бежал из Страсбурга в Англию, другие духовные лица на север, заключенный Иоганн-Фридрих попытался перевести свой университет из Виттенберга, оказавшегося в числе земель, изъятых из его владений, в Йену, в Тюрингию. В Йене собрались самые яростные противники интерима, самые бес-

компромиссные из учеников Лютера. Они призывали Меланхтона присоединиться к ним.

Тот отказался это сделать. Он бежал из Виттенберга незадолго до его захвата испанскими войсками, но вскоре вернулся туда. Герцог Мориц уверил его в том, что протестантская церковь Саксонии сохранится. Меланхтон согласился — отчасти потому, что охотно вступал в дискуссии с оппонентами, отчасти потому, что не хотел покидать Виттенберг, который он воспринимал как «зарождающееся светило Реформации».

При поддержке Морица он улучшил интерим, сделав его более сносным. Лейпцигский интерим от декабря 1548 года содержит удовлетворявшую лютеран формулу веры, но принимает епископальное управление церковью (в той степени, в какой они не противоречили воле Божьей), латинскую литургию, семь таинств, облачения и посты.

Уверенный в том, что основные положения Евангелия не затронуты, Меланхтон согласился принять католический ритуал и обряды, хотя ему самому они вовсе не нравились. В письме к Карловицу он сообщал, что остается мирным человеком, и косвенно критиковал лютеранскую страстность и несдержанность.

Карл V не пользовался любовью населения. Стало ясно, что протестантские вера и обряды глубоко проникли в народное сознание. В Южной и Центральной Германии принятие интерима обеспечивалось присутствием испанских войск. В Саксонии и Бранденбурге оно оказывалось возможным, поскольку отчасти походило на евангельские формулы. Однако в Северной Германии разразился открытый бунт.

Император продолжал не считаться с традиционной независимостью немецких городов и местных князей. Даже в Южной Германии встречались люди, не принимавшие восстановленную мессу, которые с трудом находили нужных им священников. Ведь многие протестанты отказывались приспособиться, а большинство католиков сомневались в переменах, вводимых без одобрения папы.

Если Карлу V и не удалось уничтожить лютеран, то он преуспел в их расколе. Филипп Меланхтон оказался единственным учеником Лютера европейского уровня, только он смог возглавить лютеранские церкви. Однако сократившее-

ся вдвое количество лютеран ослабили и его позицию. Хотя Карл V и продолжал воспринимать его как наставника Германии и автора, которому обязаны многим истинам в религии.

Тем не менее за несколько месяцев Меланхтон потерял главенствующее положение в церкви и остался главой группы теологов. Лютеране разделились на умеренную партию, базировавшуюся в Виттенберге под предводительством Меланхтона, и классическую, или экстремальную, партию, помещавшуюся в Йене и Магдебурге, ее возглавлял Маттиас Флациус Иллирийский.

Лютеранской церкви больше не удалось восстановить свое единство, которое она потеряла благодаря Аугсбургскому интериму 1548 года.

Аугсбургский религиозный мир 1555 года

Вскоре в политическом смысле лютеране стали нуждаться в воссоединении, ибо император не мог удержать свою власть. Поддерживаемая новым вторжением турок, союзом с Францией и герцогом Морицем Саксонским протестантская лига склонила императора к Аугсбургскому религиозному миру 1555 года.

По нему каждая земля, бывшая лютеранской до 1552 года, должна была оставаться таковой законодательно, а в будущем каждому правителю государства предоставлялся выбор между прежней религией и лютеранством. Но, несмотря на требования лютеран, Аугсбургский мир не предоставил права выбора религии подданным имперских князей и рыцарей. Подразумевалось, что каждый правитель сам определяет вероисповедание в своих владениях. Позднее это положение трансформировалось в принцип «чья власть, того и вера» (*лат.* cujus regio, ejus religio). Уступкой католиков в отношении конфессии подданных стала фиксация в тексте соглашения права на эмиграцию для жителей княжеств, не пожелавших принять религию своего правителя, причем им гарантировалась неприкосновенность личности и имущества. Договор утвердил основы религиозного мира в Герма-

нии на шестьдесят последующих лет. После этого протестантизму больше ничто не угрожало.

Однако расхождения по поводу интерима спровоцировали длительный период разногласий между лютеранскими церквами. Флациус Иллирийский оказался самым образованным, воинственным и вздорным священником XVI века. Он происходил из Истрии, расположенной неподалеку от Венеции (отсюда и его прозвище), говорил на итальянском, языке его матери, но так и не смог свободно владеть немецким.

Меланхтон считал его «неблагодарным учеником», «змеей, которую взрастил Виттенберг». Флациус готов был защищать «истинную веру» до смерти. Отчасти он обладал теми же качествами разоблачительного памфлетиста, как и Лютер, выступая не только против Филиппа Меланхтона и его партии, известных как филипписты. Едва ли осталась хоть одна христианская школа, которую Флациус не пытался бы опровергнуть.

Испытывая страстную привязанность к ортодоксальной церкви, руководствуясь высшими религиозными правилами, он соединял в себе смесь эксцентричного человека и фанатика. Умерший в 1560 году Меланхтон составил небольшой список доводов, почему он не боится смерти. С левой стороны располагались слова: «Ты не свободен от греха. Ты не освобожден от заботы и от гнева теологов».

По мере того как реформированная вера начала распространяться на север в Германию, пробным камнем лютеранской веры стало учение о евхаристии. Меланхтон всегда придерживался точки зрения, что различие между «в хлебе» и «с хлебом» несет в себе скрытый смысл, и представил в 1540 году обновленный текст Аугсбургского исповедания, открывший путь к реформированию (позже известный как Особое исповедание (Confessio Variata).

Филиппистов вскоре обвинили в скрытом кальвинизме, покровительстве реформированной доктрине евхаристии. Отличавшиеся более строгими взглядами лютеране иногда признавались, что католицизм к ортодоксальности не ближе, чем кальвинизм.

Меланхтон хотел как можно чаще встречаться со швейцарцами, чтобы мирно трудиться вместе с ними. Не оставалось

других источников раздора. Филипписты, как наиболее ревностные лютеране, не могли позволить, чтобы Лютер хоть как-то подвергался критике, ибо выражали свою преданность через верность идеям Лютера.

«Формула согласия»

В 1577 году удалось достичь частичного урегулирования споров в лютеранстве путем издания «Формулы согласия».

«Формула» не стала посмертным торжеством Флациуса Иллирийского, чьи взгляды, напротив, в ней осуждались. Однако в ней также содержалось бескомпромиссное исключение как реформированного учения о евхаристии, так и кальвинистской доктрины предопределения. Ни один филиппист не смог подписаться под ней.

«Формула», ставшая обязательной для священников в лютеранских государствах, принявших ее, установила религиозный мир в большей степени, чем во время Аугсбургского интерима 1548 года.

Большинство лютеранских общин (86 государств или городов и порядка 8000 священников-пасторов) приняли «Формулу согласия», и в течение некоторого времени все выглядело так, как будто лютеране объединились.

Однако не все государства приняли ее. Король Дании бросил свой экземпляр «Формулы согласия» в огонь. Среди прочих, кто отказался принять ее, оставаясь филиппистами, были Бремен, Анхальт, Нюрнберг. Продолжавшие существовать филиппистские церкви способствовали распространению в Германии реформированного протестантизма.

По своим предпочтениям они оказались так же близки Кальвину, как и строгие лютеране, и мало-помалу перестали отличаться от реформированных церквей. Реформированные церкви быстро распространялись по Германии, поскольку все больше лютеран начинало верить, что в основных моментах они оказывались правы.

Тем не менее в популярной литературе распространено заблуждение, что после Аугсбургского мирного договора 1555 года лютеране потеряли свою энергию.

На самом деле, хотя большинство земель формально стали лютеранскими до 1555 года, но именно на нескольких самых больших территориях, например в Пруссии и Швеции, лютеранские церкви сформировались во второй половине XVI века.

В Германии к началу Тридцатилетней войны лютеране сильно консолидировали свои территории. Не позже 1598 года они быстро овладели Страсбургом, когда город Мартина Буцера и Жана Кальвина принял «Формулу согласия» и стал лютеранским. Даже Пфальц, в Германии, где кальвинистские пресвитеры появились еще в 1570 году и который был краеугольным камнем немецких реформированных церквей, продолжал упорно оставаться лютеранским и в течение семи лет после 1576 года.

Критикуя друг друга, лютеране не задумывались над тем, что потеряли динамику. Страстность скорее является признаком не энергии, а слабости. Старая картина лютеранской церкви как статичной и угасающей под ударами реформированных (кальвинистов) и иезуитов относится к области церковных легенд, переписанных благодаря современным исследованиям.

Между 1556 и 1559 годами курфюрст Пфальца Отто Генрих сделал свое владение протестантским. В то же самое время герцог Христофор из Вюртемберга, протестантского государства с 1534 года, наконец организовал церковь с помощью теолога Иоганна Бренца. В 1568 году герцогство Брауншвейг перешло на сторону протестантов. В Ольденбурге сильная лютеранская церковь появилась в 1573 году. Ряд церковных орденов преобразовали и другие государства.

После 1555 года одним из важных способов расширения протестантских территорий стало поглощение земель епископств. В Германии они были и светскими правителями. Чтобы учредить протестантский приход в Магдебурге, следовало сделать протестантскими не только епархию и духовную администрацию, но и правительство и светскую администрацию.

Католики заявляли, что обращение епархии в протестантство незаконно. В Аугсбургский мирный договор 1555 года они добавили статью, известную как «Духовная оговорка», где

прописывалось, что, если епископ или аббат становились протестантами, они теряли свое место, а патрон монастыря должен был назначить новые выборы. Протестанты отказались принять эту статью и постоянно выступали против нее.

Такой способ получения территорий оказался весьма простым: следовало добиться избрания протестантского епископа и передать ему земли. Затем епископу предоставлялась свобода действий в отношении Аугсбургского исповедания внутри своей территории, и назначенные им протестантские каноники обеспечивали успех всего дела.

Проще оказывалось в том случае, когда епископа назначал протестантский князь, а не избирали в капитуле. Так Бранденбург присоединил к своей территории те три, где курфюрст обладал правом назначения, — Бранденбург, Хафельберг и Лебус.

Не легче, но неизменно похожим образом происходило в приходах, где земли находились в окружении протестантских территорий или располагались в большом протестантском городе. Хотя капитул и каноник там оставались католическими, они не могли сопротивляться избранию протестанта, поскольку полагали невозможным с политической точки зрения предпочесть человека, который не принимался соседней властью.

Таким образом Саксония поглотила приходы Майсена (Мейсена), Мерзебурга и Наумбурга. Капитул Мерзебурга, где протестанты находились в большинстве, потребовал, чтобы епископом избрали младшего сына курфюрста (в декабре 1561 года). Ему было восемь лет, поэтому курфюрст стал править епархией от имени своего сына.

Спустя три года, когда умер епископ Наумбурга, курфюрст окружил место выборов войсками, пообещал деньги и пребенду и удовлетворился, когда того же младшего сына (теперь ему исполнилось двенадцать) избрали главой прихода.

В 1585 году протестантский глава Бремена избрал мальчика десяти лет из аристократии, и тот стал архиепископом. Руководствуясь теми же самыми доводами, непреклонный католический герцог Баварии поместил своего сына Эрнеста на приход в Фрайзинге, когда тому было тринадцать.

Католический капитул Хальберштадта избрал в 1567 году внука герцога Брауншвейга, двух лет, отчаянно и напрасно стремясь заручиться поддержкой Брауншвейга ради прихода. Ребенка избрали при условии, что воспитают в католической вере. Однако старого герцога похоронил протестантский аббат с протестантскими молитвами, а ребенка воспитали протестантом. Хотя со временем епископы посвятили его по католическому обряду, он отказался посещать мессу и объявил себя сторонником Аугсбургского исповедания.

Обозначенным выше способом несколько старых епископских княжеств посвятили в новую систему[1].

Император объявил подобный способ захвата духовных резерваций незаконным, но после переговоров начал смотреть на происходящее сквозь пальцы, снисходительно взирая, как огромные приходы Магдебурга, Любека, Фердена, Миндена, Хальберштадта переходили в руки протестантов.

Самыми большими церковными княжествами считались три архиепископства: в Майнце, Трире и Кельне. Несмотря на то что среди их жителей оказалось много протестантов, но всего несколько каноников, они не смогли избрать протестантского архиепископа. После 1555 года произошло только одно обращение немецкого архиепископа в протестантскую веру — в Кельне в 1582 году, — оно стало огромным отступлением назад, обернувшись протестантской проблемой, существовавшей до Тридцатилетней войны.

Неподалеку от рейнских земель и Северо-Западной Германии размещалась самая внушительная армия в Европе, испанская армия в Нидерландах. Политические и религиозные интересы Испании связывались с защитой католицизма от рейнских епископов.

Однако протестантская вера не распространялась только благодаря политическим мерам со стороны князей-архиепископов. На самом деле ее распространение проявлялась, когда обе стороны стремились следовать Аугсбургскому исповеда-

[1] Большинство проблем в связи с избранием в Страсбурге было с 1592 до 1604 года, когда протестантские каноники избрали протестантского епископа (пятнадцати лет), а католические каноники — католического епископа, и представители каждой стороны перешли от споров к открытой войне.

нию, становившемуся прелюдией к обращению в протестантство этой территории.

Даже в таком государстве, как архиепископство Майнца, где правитель не только не выказывал расположение, но даже и не стремился к этому, протестанты достигли быстрого успеха. В южных германских землях, которые в современное время станут рассматриваться как исключительно католические, в Австрии, Баварии, Тироле и Чехии, протестанты увеличивались в количественном и силовом отношениях на протяжении 60-х годов XVI века, особенно среди знати и среднего класса горожан.

В 1568 году императора Максимилиана II вынудили предоставить некоторую законодательную свободу австрийским лютеранам. Через четыре года он допустил подобные отношения и в Чехии. Тогда дворянам, их челяди и арендаторам разрешили свободно исповедовать протестантизм в местах, где находилась их собственность.

Однако подобным образом не разрешали поступать в королевских городах или торговых городах. Там указанной части населения приходилось признаваться в том, что они в своих религиозных обрядах не поступают как католики. В конце 1575 года все продолжало выглядеть так, как будто протестанты могут прийти к окончательному обращению всей Германии.

Среди тех немецких городов, которые приняли доктрину и политику Реформации, самыми значительными оказались следующие: Пфальц, полностью реформировавшийся, хотя и умеренным образом, после 1583 года; Бремен, где филиппистская лютеранская церковь, реформировавшаяся в 1580 году, продолжала настойчиво отвергать имя кальвинистов; Анхальт, считавшийся реформированным княжеством с 1595 года; основная часть Гессена, ставшего, как полагают, реформированным к 1605 году; и, наконец, правитель, но вовсе не население Бранденбурга.

В 1613 году курфюрст Бранденбурга Иоганн-Сигизмунд, которому его отец разрешил учиться в Хайдельберге (Гейдельберге) в Пфальце, стал кальвинистом. Повсюду лютеран беспокоило, что два из трех протестантских курфюршеств Германии (Саксония, Пфальц, Бранденбург) следовало ре-

формировать, среди них своим влиянием и значением выделялся Бранденбург.

В отличие от Пфальца, где близость верховий Рейна и Швейцарии сделали влияние Реформации неизбежным, в Бранденбурге население оставалось в основном лютеранским. Неспособный привлечь их к переменам Реформации, курфюрст Иоганн-Сигизмунд на законодательных основаниях ввел в Бранденбурге реформаторское образование, и обе конфессии продолжали существовать вместе, причем лютеране оказались в большинстве.

Если церкви здесь называли реформированными или даже кальвинистскими, то это вовсе не означало, что немецкие церкви следовали за шведским образцом церковного управления. Если, как и Бремен, они оказывались филиппистскими по происхождению, то обычно сохраняли лютеранскую форму консистории.

Если, как и Пфальц, они управлялись князем, тот удерживал верх над консисторией, даже если разрешал введение женевских старейшин. Курфюрст Пфальца Фридрих III постоянно председательствовал в консистории, его внук Фридрих IV председательствовал в ней один раз в течение месяца.

Теперь в Германии успешно образовалась настоящая кальвинистская форма правления. Германские реформаторы скорее ориентировались на Цвингли и его преемников в Цюрихе, не одобрявших беспрепятственное право отлучения от церкви без соотнесенности с магистратом.

Только на Нижнем Рейне создали по подобию кальвинистских Нидерландов настоящие пресвитерианские синоды — в Везеле в 1568 году и в Эмдене в 1571 году. В течение длительного времени филиппистские церкви отказывались признавать любые исповедания, кроме Аугсбургского.

Эраст
(ок. 1524—1583)

Столкновения между церковью и государством, Цюрихом и женевскими идеалами духовной политики в Пфальце приобрели открытый характер. Томас Любер, более известный

миру под своим именем Эраст, был учеником Биллингера в Цюрихе. Он приехал в Хайдельберг в 1558 году в качестве лекаря курфюрста Пфальца.

С 1560 года кальвинист Гаспар Олевиан попытался ввести в Пфальце кальвинистские консистории и дисциплину. Эраст выступил его основным оппонентом, когда курфюрст Фридрих III, наконец, был вынужден ввести пресвитерианскую дисциплину, хотя в 1570 году она находилась в строгих границах, но не настолько жестких, чтобы помешать Эрасту несколько лет вести процессы в церковных судах.

В течение своей жизни Эраст не напечатал ни одной работы против пресвитерианских притязаний отлучения. Но он писал и распространял тезисы, направленные против права отлучения, выводя общее основание, что, если отлучение сопровождается гражданским наказанием, его следует осуществлять только магистратам, которым и следует передать это право.

После смерти Эраста его тезисы опубликовали в 1589 году в Лондоне. В Великобритании (и только здесь) вскоре стали применять понятие «эрастизм» — весьма несправедливо по отношению к его носителю — как термин, позволяющий описывать любую теорию, предполагающую абсолютный контроль церкви государством.

Лютеране и кальвинисты

Лютеранские церкви медленно разрастались и распространяли свое учение. Старейшие университеты в Тюбингене, Ростоке, Грайфсвальде и Лейпциге реформировали, после основания университета в Марбурге (1527) появились университеты в Кенигсберге (1544), Йене (1558), Хельмштедте (1576) и Гисене (1607).

Мартин Хемниц из Брауншвейга (1522—1586), ученик Меланхтона, превратился в самого образованного протестантского теолога столетия. Он продолжил упорядочивать лютеранское учение. Его известной книгой стало «Исследование собора в Тренте» (вышло в четырех частях, в 1565—1573 годах), где содержались самые полные из всех современных

оправданий протестантского движения. В различных государствах устраивались церковные ордена, администрации состояли из образованных людей, лучше организовывалась помощь бедным.

В лютеранских княжествах раздробленной Германии лютеране не допускали мессы или кальвинистский культ. Кальвинистские консистории наказывали любого, кто придерживался католических или лютеранских доктрин реального присутствия. Поскольку в Германии имелось больше протестантских государственных образований, чем где-либо еще, религиозный разлад стал гораздо откровеннее.

По своей сути протестантская Германия не стала единой общностью с различными точками зрения. Кальвинисты более дружелюбно относились к лютеранам, чем лютеране к кальвинистам. Но они спровоцировали недовольство, открыто заявив, что лютеране все еще запятнаны «наследием папизма», а также сознанием своего превосходства. «Хотя Хешель и лютеранин, — писал Скалигер, он — образованный человек».

До 1648 года лютеране никогда не забывали, что они и римские католики оставались единственными легитимными религиями в Германии и что статус «реформированных» считался таким же незаконным, как и анабаптистов. Они верили, что кальвинистское отрицание «реального присутствия» представляет собой крайнее направление католической веры. Они редко признавали общее единение среди протестантов.

Лютеранский профессор Поликарп Лейзер защищал положение, что ошибки кальвинистов хуже, чем заблуждения папистов. Когда опубликовали молитвенник против кальвинистов, религиозное рвение приобрело воинственный характер. Хотя точка зрения Лейзера не поддерживалась большинством, более требовательные лютеране верили, что его верность истине не соотносится с реформированными (кальвинистами).

Когда Теодор Беза встретился с лютеранином Андреа на дискуссии, посвященной воссоединению в Монбельяре, после ее завершения они не смогли пожать друг другу руки.

Смерть тысяч гугенотских мучеников во Франции показалась Гуттеру справедливым возмездием Господа за нару-

шение религиозного мира. Разразился неистовый шум против филипписта Каликста, встретившегося за завтраком с реформированным (кальвинистским) придворным капелланом в Берлине.

«Возможно ли, — спрашивал Каликст, будучи под огнем ради поддержки реформированных теологов, — чтобы эта ненависть поднялась среди нас до такой степени, что реформированные отвергают человека, пересекающего рядом с ними улицу? Сам я не стану избегать компании добропорядочных людей, независимо от того, являются ли они кальвинистами или папистами».

Столкновения происходили по всей Германии, ослабляя политическую власть протестантов в Германии, Польше, Франции, Венгрии и Трансильвании, открывая дорогу Контрреформации богословской полемикой. Однако даже антагонистическое богословие продолжало оставаться таковым, и знания, необходимые для военных целей, оказались более полезными, чем глухое и однообразное безразличие.

Некоторые лютеране не боялись использовать сочинения кальвинистов, хотели даже переводить книги английских реформистских авторов. Лютеранские ученые включали в свой маршрут путешествий Магдебург, Хайдельберг или Лейден, лютеранский университет в Тюбингене оказывал дружеский прием даже резким кальвинистским студентам.

Филипписты менее дружелюбно относились к реформированным, отмечались лишь отдельные случаи личных привязанностей. Так, Пеларг, суперинтендент во Франкфурте-на-Одере, перешел от филиппизма к открытому кальвинизму. Некоторая часть лютеранского духовенства продолжала поддерживать его, он посвящал в сан как лютеранских, так и реформаторских священников, а университет допускал степень доктора для членов обеих конфессий.

Шотландского священника Джона Дьюри в 1628 году сделали капелланом английских купцов в Эльбинге (теперь Эльблонг) в Восточной Пруссии (ныне в Польше). Страдавший от религиозных разногласий в Германии, Джон посвятил оставшуюся часть своей длинной жизни созданию союза лютеран и реформированных, исходя из признания ими веры, основанной на апостольском кредо.

Он путешествовал по всей Европе, от Лондона до Трансильвании, от Женевы до Стокгольма. Швейцарская церковь упоминает его в молитвах, а Шведское государство его изгнало. Симпатизируя многим и не отличавшийся четкими богословскими взглядами, практически ничего не смысливший в делах, Джон Дьюри доказал, что в случае, когда речь идет о христианском единении, чувств и привязанности недостаточно.

Реформированные считали нелепым говорить, что лютеране из-за своих ошибок не являлись частью истинной церкви. «Не стану отрицать, — писал Ричард Хукер о лютеранах, — что существует возможность их спасения, которая является нашим самым главным инструментом, хотя они и уносят с собой в могилу убеждения, во многом противоречащие истине».

Поскольку XVI век сменился XVII веком, реформированные (кальвинисты) продолжали воспринимать лютеран критически, но стали относиться гораздо благожелательнее, ослабив количество позиций, на которых первоначально настаивали. В 1631 году французский синод Шарантона наконец признал в лютеранах братьев и решил, что они могут общаться в своих церквах и даже становиться спонсорами их детей. Во время Тридцатилетней войны (1618—1648) шведские церкви дружелюбно принимали лютеранских беженцев.

ФРАНЦИЯ

Кальвин считал своей первоочередной задачей обращение Франции. Французский был его родным языком, он обращался на французском к своим друзьям. В общественном сознании Кальвин воспринимался как французский теолог. В его женевской академии обучались евангелисты для Франции, именно там перевели французскую Библию, опубликованную Оливетаном в 1535 году, и Псалтирь, переведенную Маро.

Хотя вначале французское правительство за ересь изгоняло, его спровоцировали и на более суровые преследования. Поводом послужило следующее событие. 18 октября

1534 года жители Парижа, Орлеана, Блуа и других мест обнаружили на главных улицах резкие и вульгарно непочтительные плакаты. Один нашли на двери королевской спальни в замке Амбуаз.

Плакаты нелегально привезли во Францию, тщательно организовав их распространение, при этом не удалось избежать сопротивления со стороны опытных протестантов. Королева Маргарита Наваррская, друг реформаторов, полагала, что плакаты, вероятно, написали и затем распространили враги, чтобы дискредитировать реформаторов. Она ошибалась.

Король Франциск I совершил торжественную процессию в собор Нотр-Дам вместе с реликвиями и горящими свечами, чтобы очистить город Париж. На банкете в епископском дворце он объявил, что его целью является очищение государства от скверны. Более тридцати пяти лютеран сожгли, многие бежали из страны.

Государство оказалось в роли преследующего, причем часто в весьма резкой форме. Больше других в первые годы пострадали вальденсы Прованса, потерявшие несколько сотен простых людей во время беспощадного набега 1545 года. Позже его романтично назвали «крестовым походом».

Хотя «лютеране» (как их называли до 1560 года, когда распространилось наименование «гугеноты») преследовались, правительство не могло делать это постоянно. Ведь население не способно непрерывно терпеть жестокость. В отношении множества людей это даже оказывается неэффективным, особенно в том случае, если жестокость направлена против огромного количества явно добродетельных мужчин и женщин.

Несмотря на то что Франция казалась единым государством, на самом деле в политическом отношении она не являлась таковой. Корона оставалась влиятельной и явно католической силой, поскольку Болонский конкордат (1516) предоставлял ей огромную и гибельную власть над пожертвованиями церкви.

Однако территория страны была обширной, дворяне доставляли беспокойство и проявляли свою самостоятельность, коррупция в духовной жизни слишком бросалась в глаза. В 1558 году за сухопутной границей на востоке и за Ла-Маншем

находились протестантские государства. Купцы и землевладельцы обрели новое учение, открыли свои Библии и нашли в них надежду на обновление церкви.

Часто испытывая лишения и теряя близких на кострах и эшафоте, они все же не так легко уступали давлению. Как только политические группы ведущих представителей дворянства начали борьбу за власть, короне оставалось только слабеть, оказавшись в меньшинстве, и переходить к регентству. К 1560 году гугеноты стали достаточно многочисленными во всей Франции и значимым элементом в политической борьбе.

Университеты и другие гуманистические общества часто двигались в сторону реформ. Группы выпускников из провинциальных колледжей иногда оказывались на стороне протестантов, иногда их действия направлялись на защиту католиков. В 1560 году 400 студентов в Тулузе заняли церковь и публично распевали псалмы Маро, но их выступление подавили. Огромный средневековый университет в Монпелье привлекал множество студентов из Германии и других протестантских земель.

Особенно привлекательной реформа казалась дворянам, проживавшим в сельской местности, и купцам в городах, в то время как крестьяне оставались последовательно консервативными или поступали как их феодал. Многое зависело от пристрастий местных дворян.

В Нормандии адмирал Колиньи симпатизировал реформе, и под его руководством церковь смогла организоваться. В Наварре и на окружающих землях сформировали местные конгрегации, поскольку король из династии Бурбонов и королева Наваррская относились к ним дружелюбно.

В Орлеане, где сами жители испытывали те же чувства, кальвинистам удалось продвинуться. Точно так же произошло в Дофине и Провансе на отдаленном юге Франции, где соединились наследие, полученное от вальденсов, и средневековая ересь, образовав независимую политическую традицию.

Большинство жителей Парижа, Бордо и Тулузы всегда оставались католиками. Лотарингия и Северная Франция контролировались католическими дворянами, Гизами и Монморанси.

Вначале службы гугенотов проводились тайно: в частном доме, в амбаре, в лесу или в поле. Некоторые конгрегации требовали клятву, что член никогда не раскроет имена других протестантов. Немногочисленным священникам удавалось отчасти защищаться с помощью переодевания или вымышленных имен, их тотчас смещали, если их личность раскрывали в городе.

Хотя гугеноты провели свой первый национальный синод в Париже в 1559 году, центром организации и контактов оставалась Женева. Гугеноты использовали женевские псалмы и Библию, а также порядок службы. Испытывая необычайный недостаток в священниках, многих привлекли из Швейцарии.

В некоторых приходах священник спокойно принимал протестантскую точку зрения и продолжал наставлять свою паству. Избрали ряд священников и монахов, они приняли на себя роль пасторов.

В 1560 году монах по имени Темпест стал проповедовать реформированное Евангелие в Монтелимаре, даже не отказавшись от своих привычек. В 1561 году августинец в Монтобане стал молиться, прочел известный курс проповедей во время Великого поста, во время Пасхи публично отказался от сана и присоединился к гугенотам во время причастия.

Однако французский эксперимент с лишенными духовного сана священниками и монахами не всегда оказывался удачным. Мотивы были сомнительными, их чрезмерно ненавидели духовные власти. Гугенотские консистории устанавливали правила, согласно которым бывшие священники или монахи могли снова принять свой сан. Они полагали, что помощь придет из Швейцарии, и посылали студентов в Женеву, чтобы те становились пасторами.

Между 1555 и 1562 годами из Женевы прибыло по крайней мере восемьдесят восемь священников-пасторов для гугенотов, а в Берне и Невшателе рукоположили остальных. Швейцарские города жертвовали своих проповедников в пользу Франции.

В течение 1561 года, по мере того как гугеноты стали появляться открыто, французский город мог выдворить своего священника, разбить статуи в церкви и обратиться за новым

священником-пастором, хотя иногда даже некого было послать. Женева помогла в 1558 году, когда Берн изгнал нескольких пасторов из Лозанны и других мест, потому что они настаивали на сохранении женевской консисториальной дисциплины на территории Берна. Многие из отлученных пасторов отправились во Францию.

В начале 1561 года французское правительство формально выразило протест Женевской республике за то, что та посылала священников, подстрекавших к мятежу или размолвкам в государстве. Поэтому Женеве приходилось проявлять осторожность, закрывать глаза на неофициальную помощь, которую обеспечивали ее пасторы и горожане.

В 1561 году адмирал Колиньи подсчитал, что во Франции было 2150 протестантских конгрегаций.

Сохранилось современное описание, показывающее рост количества протестантов в небольшом городке Кастр в Лангедоке. В 1559 году несколько жителей города отправились в Женеву, чтобы купить Библии и попросить прислать им пасторов. В конце 1559 года почтенное сообщество выбрало Жоффруа Брюна, которого Берн недавно изгнал с территории Лозанны.

В апреле 1560 года члены конгрегации благополучно переправили Брюна в Кастр, приведя его в город под покровом темноты и разместив у видного горожанина по имени Гош. В его доме проводились службы, всегда ночью и соблюдая конспирацию. Однако через месяц встреч о доме Гоша узнали, и гугеноты перенесли службы в дом другого протестанта.

Тем временем конгрегация росла. Только спустя шесть месяцев Брюн решил, что должен быть второй пастор, и вернулся в Женеву, что подыскать его. Пока он отсутствовал, пришел пастор из Тулузы, чтобы проповедовать и крестить, но его обнаружили и изгнали.

Теперь наступил 1561 год, гугеноты начали действовать открыто. В феврале 1561 года новый помощник Брюна возобновил службы в частных домах. 18 апреля другой новый пастор начал проповедовать публично в старом школьном доме, а когда магистраты приказали ему перестать, он отказался подчиниться распоряжению.

Сам Брюн вскоре вернулся из Женевы, и магистраты сами присоединились к конгрегации. Паства настолько возросла, что не смогла собираться в частных домах, поэтому они стали занимать общественные здания и силой освободили протестантских заключенных. Так город стал гугенотским.

Синод Парижа в 1559 году организовал национальную систему пресвитерии. Каждая церковь управлялась консисторией, священниками с мирскими старейшинами. Кроме того, существовали районные собрания, совещательные органы. Над ними находился провинциальный синод, еще выше — национальный синод.

В течение многих лет государственная система страны мешала существованию такой системы, оставаясь в основе папской организацией. Однако в большинстве свидетельств говорится, что во многих районах консистории и совещательный орган работали вполне эффективно.

В 1559 году из-за инфляции в ходе европейского кризиса кредитов Франция оказалась банкротом, и в этот худший для создания общественного порядка момент умер король. 30 июня 1559 года во время турнира в правый глаз короля Генриха II попал кусок расщепившегося копья. Хотя несколько выдающихся врачевателей попытались провести поспешные эксперименты, вставляя королю глаза четырех преступников, умерщвленных для этой цели, король умер спустя десять дней.

Новый король, Франциск II, уже женатый на Марии, королеве Шотландской, хотя ему и не было шестнадцати, оказался болезненным. Когда он умер 5 декабря 1560 года, корона перешла к его младшему брату Карлу X, которому было десять лет. Его мать, Екатерина Медичи, провела остаток своих дней, зыбко колеблясь между двумя фракциями дворян.

На одной стороне оказались Гизы, возглавляемые герцогом Гизом и кардиналом Лотарингии: католиками, которым помогали при возможности испанцы. На другой стороне находились Бурбоны, возглавлявшиеся принцем Конде (поскольку номинально возглавивший партию Антуан де Бурбон, хотя

и был женат на набожной протестантке, оказался немощным и нерешительным). Его поддерживали три шатильонских (шатийонских) брата (кардинал Шатильонский (Шатийонский), адмирал Колиньи и д'Андело). Они дружелюбно относились к гугенотам и при необходимости вступали в союз с немецкими протестантскими князьями или с королевой Елизаветой Английской.

Королевская власть не смогла выдержать испытания меньшинством и регентством иностранной королевы-матери (Екатерина Медичи была наполовину француженкой (по матери). — *Ред.*). В борьбе за власть центральное правительство ослабело, и провинции самоутвердились. Возможно, разразилась бы гражданская война, весьма схожая с английской Войной Алой и Белой розы, если бы религиозный вопрос не разделил Францию.

Даже в 1560—1561 годах современники делились между «политическими» гугенотами и «религиозными» гугенотами. Политические — знать, возмущенная доминированием католических землевладельцев над короной, — были готовы использовать религиозные прения в качестве инструмента. И среди них не отмечалось согласия, их лидеры различались по своим взглядам. Конде пользовался дурной славой в личной жизни, Колиньи считался преданным и великодушным протестантом.

В связи со слабостью правительства гугеноты иногда переступали через закон. Невозможно стоять в стороне и смотреть, как твоих друзей сжигают, если в твоей власти остановить это. Они начали защищать свои собрания, чтобы можно было спокойно молиться под охраной вооруженных людей.

В Кане они завладели оставленными церквами, повсюду они иной раз изгоняли нападающую сторону, если той удавалось овладеть помещением раньше. В Монпелье гугеноты осадили каноников в соборе. Весной 1560 года гугенотская церковь Руана насчитывала 10 000 человек вместе с четырьмя пасторами и двадцатью семью старейшинами.

В Дьепе конгрегация оказалась настолько наглой или отчаянной, что построила «храм» в центре города, в классиче-

ском стиле, как и Колизей, однако власти разрушили его. В тех городах, большинство жителей которых составляли протестанты, скрываться стало невозможным и бессмысленным делом.

Конечно, гугеноты не могли встречаться без поддержки, но общественные власти не могли защитить их. В Валансе в 1560 году молодые гугеноты захватили францисканскую церковь, и вооруженные охранники защищали их службы. В Ниме конгрегация встречалась в пригородах и служила женевскую литургию при охране, вооруженной пиками и аркебузами. 26 августа 1560 года конгрегация из 7000 человек встретилась на рыночной площади в Руане, пела псалмы и слушала проповедника, стоявшего на кресле. Его окружало 500 человек с аркебузами.

Занятие церквей гугенотами казалось католикам отвратительным, они рассматривали его как святотатственное. Гугеноты вовсе не ощущали себя осквернителями, они считали себя церковью Господа, очищали свои здания и восстанавливали истинную религию. Если почти все жители города оказывались гугенотами, они считали вполне естественным и справедливым, что могут встречаться и поклоняться Господу в одной или более пустых церквах.

Тайная организация, где религиозный мотив составлял небольшую часть или являлся просто предлогом, чтобы захватить короля и добиться терпимости по отношению к гугенотам (беспорядки 1560 года в Амбуазе), была предана Гизами и разбита. Страна оказалась на грани гражданской войны.

Следовало ли верующим объединяться, чтобы выступить против законного правителя? По этому поводу между женевскими и гугенотскими лидерами велись многочисленные дискуссии. Ведь и Кальвин верил, что власть исходит от Господа, что никто не имеет права восстать против законного правителя.

В конце 1562 года Беза выступил с известным обращением к королю Наваррскому, высказавшись за пассивное сопротивление: «Сир, истинная участь церкви Господа, от имени которой я говорю, выдерживать удары и не противостоять им. Возможно, вы вспомните, что это та наковальня, которая выдержала множественные удары молотом».

С другой стороны, великий адвокат Анн дю Бур, ожидавший казни за ересь в своей парижской тюрьме (в 1559 году), написал памфлет, в котором утверждал, что любой монарх незаконен, если принуждает своих подданных жить против воли Господа.

Две точки зрения порождали множественные разногласия. Гизы захватили короля и управляли им. Разве христиане не должны были сражаться, чтобы спасти своего короля от незаконного деспотизма? Являлась ли защита короля восстанием против тирании?

Даже Кальвин соглашался, что подобная схватка возможна, правда, при одном условии, что ее возглавит главный магистрат или принцы крови. Так что когда Конде мобилизовал свои войска, то Женева одобрила тех, кто устремился под его штандарт. Такую же точку зрения явно поддерживал и Беза. Гугенотские консистории позволили использовать их в качестве гражданской и военной организации, равно как и религиозного правительства.

Обсуждение в Пуаси

Окруженная бряцающими клинками и взаимными обвинениями, Екатерина Медичи билась как тигрица в клетке. Обратившись за помощью в Кельн, она издала декрет, заявляя, что все религиозные преследования следует прекратить, заключенных освободить. Находившиеся в Швейцарии и Англии изгнанники устремились обратно во Францию.

Конгрегации гугенотов открыто встречались в городах, где находились в меньшинстве, общественные выступления и беспорядки прекратились. В сентябре 1561 года Екатерина призвала теологов с обеих сторон на встречу в Пуаси (к западу от Парижа), пытаясь добиться согласия между ними.

Они собрались в трапезной монастыря близ Парижа. С католической стороны присутствовал кардинал Лотарингии и сорок или пятьдесят епископов с сопровождавшими их теологами. Им противостоял Беза, поддерживаемый ведущими пасторами Франции, к нему позже присоединился Петр Мартир из Цюриха.

Теологи и принцы крови отстаивали свое дело перед королем и его матерью. Все напоминало многоэтапные диспуты, помогавшие утвердить протестантизм в Цюрихе и других швейцарских городах. Однако здесь наличествовала совсем иная атмосфера. Опасаясь за свою власть, выстроившиеся в ряд прелаты выглядели агрессивными. Из частных писем Безы ясно, что он внутренне был менее уверен, чем таковым казался, когда самоуверенно выступал перед ассамблеей. Символично, что сидячие места предоставили кальвинистам, выглядевшим как защитники в суде.

Если Екатерина собиралась прийти к соглашению или добиться терпимости, она вскоре разочаровалась. Когда вошли Беза и его коллеги, кардинал громко сказал: «Вот идут гугенотские собаки». Услышав реплику, Беза повернулся и заявил: «Закон Господа нуждается в преданных овчарках и изгнании волков».

Он попытался примириться с ними, заявляя о реформированной вере во всех основных положениях традиционного учения. Сначала епископы молча слушали его, выражая свое почтение. Утверждают, что кардинал Лотарингии, наконец, искренне решился добиться согласия, если достижение мира вообще оказывалось возможным.

Даже когда Беза начал выражать недовольство Библией, оправдание верой, традициями церкви, епископы продолжали хранить молчание. Он заявил, что реформированные не верят в то, что хлеб евхаристии просто хлеб. Что же касается личного присутствия, «мы говорим, что его тело настолько далеко отстоит от хлеба и вина, как высшее небо от земли».

Тут его прервали криком: «Богохульство!» Только после призыва королевы Екатерины собрание продолжилось. Далее оно продвигалось, не принося никаких результатов, вплоть до октября 1561 года. Полагая, что гугеноты сильнее, чем они были, и опасаясь власти Гизов, Екатерина издала вердикт от января 1562 года. В нем она повелела, чтобы гугеноты вернули те церкви, которые захватили насильственно, и запретила им публичные богослужения в стенах города. Они могли молиться только в частных домах. Однако королева разрешила общественные богослужения повсюду за стенами города.

Так протестанты получили законодательное признание, хотя и весьма незначительное. Но все же они понимали, что многого достигли. Некоторые верили, что, если свобода, даваемая эдиктом, продлится, они смогут превратить Францию в протестантскую страну. Вряд ли они ожидали, что он долго сохранит свою силу.

Вспышка гражданской войны

1 марта 1562 года во время своего путешествия в Париж герцог де Гиз с 200 вооруженными людьми остановился в Васи в Шампани. Все случилось в субботу, около монастырской часовни, где де Гиз намеревался послушать мессу, тогда собралось от 600 до 1000 протестантов — служивших богослужение в амбаре. Они встречались нелегально, хотя амбар был частным жилищем, и они находились внутри замкнутого пространства.

Неизвестно, кто начал драку, или конфедерация вначале бросила камни во вмешавшихся слуг Гиза, или сами слуги первыми выстрелили. По крайней мере, сорок восемь членов собрания убили или смертельно ранили, многие пострадали, были и раненые.

Пример оказался заразительным, отмечались подобные случаи в других провинциях. В Тулузе убили почти 3000 гугенотов, включая женщин и детей. Толпы католиков нападали на гугенотские сходки в разных местах. Гугенотские толпы грабили католические церкви. Герцог де Гиз захватил некоторые владения короля и Екатерины Медичи. Религиозные войны начались.

Такова трагедия Реформации. Все, являлись ли они католиками или нет, признавались, что французская церковь коррумпирована и ее надлежит реформировать. Кальвинисты предложили переделать церковь в соответствии со Словом Божьим, их идеалы ворвались в политический водоворот, смешались с людской жадностью, страхом и страстями, окрасились кровью и втоптались в грязь.

Религия разделила уже трещавшую Францию, последовала тридцатилетняя гражданская война с подозрительными затишьями, гражданская война с убийствами, расправами с мирными священниками, с одной стороны, и невинными пасторами — с другой, — грабежи, сожжения, опустошения и резня. Она длилась периодами (1562—1563, 1567—1570, 1572—1576). После 1576 года война носила более политический, чем религиозный характер.

В 1563 году убили герцога де Гиза, Конде схватили и хладнокровно расстреляли в 1569 году, Колиньи убили вместе с тысячами других во время резни в день святого Варфоломея (Варфоломеевская ночь) в 1572 году. И даже в «мирные» промежутки происходили множественные убийства.

«Что касается войны, — писал венецианский посол Корреро в 1569 году, — Франция теперь становится гугенотской, потому что население быстро меняет свою веру, и священники пользуются среди них особым уважением, обладая и влиянием. Однако когда они перешли от слов к оружию и начали грабить, уничтожать и убивать, население заявило: «Где же тут религия?»

Одна из десяти заповедей, буквально истолкованная швейцарскими богословами, вызвала хаос и возмущение среди умеренной группы, чье расположение могли завоевать в реформаторском процессе. Тогда ни один резной образ, согласно Ветхому Завету, не был бы уничтожен.

Если нерелигиозные толпы с обеих сторон иногда грабили церкви, религиозные фанатики уничтожали статуи, кресты и иконы и пачкали витражи только потому, что верили, что подчиняются Слову Господа, которое выше законов людей. Ничто более так легко не отчуждается, как запрещение законом.

В Кане (в Нормандии) разбили даже гробницы Вильгельма Завоевателя и Матильды. Пасторы призывали к смирению, гугенотские генералы угрожали наказать смертью тех, кто грабит, но остановить фанатизм было невозможно. 21 апреля 1562 года Конде услышал, что громят соборы Орлеана и вместе с Колиньи поспешил в огромную церковь Святого Креста.

Увидев человека, сидевшего высоко на стене и намеревавшегося сбросить статую святого из его ниши, Конде выхватил

арбалет у одного из своих людей и прицелился. Тогда взобравшийся громко закричал: «Сир, подождите, пока я разобью этого идола, и тогда я умру, если вам так угодно». На рыночной площади в Монтобане в августе 1561 года «оскорбительных идолов» сожгли на костре, одновременно детский хор пел стихотворную версию десяти заповедей.

Неверно полагать, что большинство разрушений основывались на религиозном рвении. Данная гражданская война во многом случилась из-за банд нанятых грабителей, чьей религией был разбой.

Когда новости о резне в день святого Варфоломея в Париже дошли до Орлеана, даже самым недалеким стало ясно, что скоро резня произойдет и у них. 400 разбойников прибыли из сельской местности, намереваясь компенсировать свои потери в прошлой войне. Индивидуумы часто пользуются случаем, когда правительство ослабевает. Они намеревались отомстить за свои шрамы или наполнить собственные карманы.

Военная задача оказалась пагубной для религии обеих сторон. Приказы полковников оказались более значимыми, чем проповеди пасторов или предостережения, исходившие из отдаленной Женевы.

Генрих IV

В период мира или краткой передышки в военных действиях гугеноты сохраняли законное признание, незначительное, если течение войны обходило их, или сильное, если война закончилась благополучно.

1 августа 1589 года последний сын Екатерины Медичи, Генрих III, был заколот полоумным доминиканским монахом, оставив трон Бурбонам — Генриху IV Наваррскому, гугеноту, сыну немощного Антуана Наваррского и гугенотки Жанны д'Альбре, законному правителю Франции. Наконец страна получила сильного и решительного короля.

Ему потребовалось пять лет, чтобы отвоевать собственное королевство у Католической лиги и ее испанских союзников, не хотевших признать протестантского короля. Наконец Ген-

рих IV признался, что сможет принести мир в свою страну, только если станет католиком.

Некоторые авторы сходятся в том, что Генрих IV был всегда политическим, но не религиозным гугенотом, указывали на скандальный характер его личной жизни, вызывающий презрение ряд любовниц. Сохранилась известная история времени, что именно он сказал: «Париж стоит мессы».

Сохранились некоторые сомнения в том, что изменение союзника вызовет волнение как в его душе, так и в умственной сфере. Недаром Генрих IV оставался сыном своей матери Жанны д'Альбре и впитал протестантскую веру, как он сам говорил, вместе с материнским молоком.

Поскольку стало очевидным, что перемены в католицизме способны лишить короля поддержки некоторых гугенотов, его верных сторонников, Генриха IV начали беспокоить собственные политические взгляды. Хотя он и не был уверен, что изменения позволят склонить несогласных внутри Католической лиги.

Однако умеренные католики и «политики», практически не обращавшиеся к религии и заботившиеся в основном о мире, убедили его на том основании, что королевство «больше напоминает разбойничий лагерь, чем государство» и что мир наступит только в том случае, если Генрих IV станет католиком.

Большинство французов продолжали оставаться католиками, они «предпочитали проявлять терпимость скорее к туркам, чем к еретикам». Король Франции продолжал советоваться по поводу благосостояния своего государства, альтернативой считалось испанское преобладание во Франции.

Даже два или три гугенотских священника в его окружении могли своими доводами привести к согласию, веря, что таким образом реализуют лучшие надежды, связанные с французским протестантизмом. Все это не отвечало позициям гугенотов. «Разве могло случиться, — спрашивал его личный пастор Габриель, — что величайший из правителей мира настолько труслив, что боится отправляться на мессу?»

«Придите в нашу церковь и очистите ее», — кричали умеренные католики. «Я вхожу в дом, — отвечал Генрих IV, озадаченный находившейся в смятении гугенотской депутаци-

ей, — не для того, чтоб жить в нем, но чтобы очистить его». Он считал, что различия между верами банальны, касаются организации и ритуала.

Самый мудрый и способный из советников короля, гугенот Сюлли, рекомендовал ему изменить мнение, что человек спасется в любой религии, если придерживается Символа веры и занимается благотворительностью.

Генрих IV отказался слишком подробно вдаваться в суть веры по всем пунктам римской церкви и согласился в целом. 25 июля 1593 года его приняли в старой аббатской церкви Сен-Дени, где он принес клятву на Евангелии, отрекаясь от ереси и заявляя, что станет жить в соответствии с апостольской религией и умрет католиком.

17 сентября 1595 года папа Климент VIII торжественно простил послов и уполномоченных Генриха IV на площади перед собором Святого Петра при условии, что король четыре раза в год станет исповедоваться и причащаться, ежедневно слушать мессу, соблюдать посты, произносить литании по средам и читать «Отче наш» по субботам. Он должен воспитать своего наследника католиком и утвердить католичество в своем наследственном владении Беарне.

Стало очевидным, что Франция вовсе не собиралась становиться протестантской страной.

Нантский эдикт 13 апреля 1598 года

Без сомнения, гугеноты выживали, причем на совершенно законном основании. Возможно, в среднем они составляли пятнадцать процентов населения страны, хотя в некоторых местах их было большинство. Восхождение на трон Генриха IV ослабило идею существования одной религии в одном государстве (un roi, une loi, une foi), как бы то ни случалось повсеместно в Европе до этого момента.

Во время своих первых месяцев или лет в качестве католического правителя Генрих IV не смог позволить себе полностью проявлять политику терпимости, поскольку звучало множество голосов, готовых обвинить его в обмане, и силы Католической лиги не уходили из Бретани вплоть до 1598 года.

В 1598 году наконец Генрих IV смог действовать без затруднений, в результате Нантский эдикт стал вехой в истории религиозной терпимости и свободы. Немцы решили вопрос религиозной разобщенности (на некоторое время), разделив Германию на протестантские и католические государства.

Повсюду в Европе (Западной. — *Ред.*), за исключением лишь Польши и Ирландии, государство оказывалось или протестантским, или католическим. Теперь Франция попыталась провести в государстве эксперимент, когда католики и протестанты смогли бы жить бок о бок.

Согласно Нантскому эдикту, протестанты повсюду во Франции имели свободу вероисповедания. Дети обоих религий допускались во все госпитали, университеты и школы. Протестанты могли проводить службы в поместьях ведущих протестантских дворян и во всех городах, где отправление культа проводилось с января 1596 по август 1597 года, включая по два города в каждом округе бейлифа королевства. Но не внутри пяти округов Парижа. Им разрешалось организовывать свои школы в центрах культа. Устраивать общественные кладбища для своих целей и избираться во все учреждения государства.

Протестанты действительно нуждались в кладбищах, как и в учреждении собственных судов. Последние создавались, чтобы рассматривать дела, касающиеся протестантов. В Париже было шесть протестантов из шестнадцати судей (правда, вскоре их количество в суде уменьшилось до одного). На юге страны в судах было равное количество протестантов и католиков. В качестве гарантии их безопасности протестантам давали ежегодную субсидию из казны в виде 225 000 крон, предоставили во временное пользование несколько значимых крепостей.

Тем временем католикам давали понять, что они не только исповедуют официальную религию Франции, но и могут свободно служить мессы в протестантских городах. Первая статья эдикта вводила католическое богослужение всюду, где оно было прекращено.

Нельзя утверждать, что эдикт выполнялся полностью. Убийства оставляли неискоренимое чувство горечи. Присутствие законодательных гарантий в эдикте свидетельствовало о не-

надежности. Университеты отказывались принимать протестантских студентов, еще меньше стремились допускать протестантских профессоров. Архиепископ Тура и еще несколько епископов просили молиться в церквах, чтобы эдикт, поддерживающий ересь, не стал законом.

«Я, — заявлял папа Климент VIII, — являюсь самой опечаленной и несчастной личностью в мире. Я видел самый окаянный эдикт, какой я только могу представить, где дарует ся свобода вероисповедания каждому, что является самым большим злом в мире... Я отпускаю его и признаю его как короля... в обмен на все это я стану пастырем паствы, над которой все будут смеяться».

В некоторых частях Франции Нантский эдикт не исполняли в течение нескольких лет. У дверей гугенотов люди пели песенку о девушке, пригнавшей корову на службу к гугенотам. Поначалу обходилось без кровопролития, но все чувствовали приближение бури.

К возмущению Генриха IV, гугенотский синод Гапа (в 1603 году) патетично подтвердил мнение, что папа является Антихристом. И все это дурно пахло. В Кастельмороне соглашение выполнялось, поскольку жители, исповедовавшие разные религии, согласились использовать совместно общественное кладбище и колокольню.

С 1601 года гугенотам разрешили иметь двух избранных представителей в суде, чтобы те трактовали пункты эдикта. Король нарушил свой собственный эдикт, разрешив парижским гугенотам построить огромную церковь в Шарантоне, расположенную на расстоянии меньше чем предписанные пять лиг[1].

Такова историческая эпоха. Ничего другого не произошло во Франции, она собиралась только проверить, может ли человек оставаться добродетельным гражданином, если его религия и не является государственной.

---

[1] После убийства Генриха IV в 1610 году политическая независимость гугенотов оскорбляла растущую аристократию короны при Марии Медичи и затем при Ришелье. Политические привилегии делали гугенотов независимой корпорацией внутри государства, и они были окончательно отобраны у них в 1628 году. Однако Нимский эдикт в 1629 году вновь подтвердил возможность разных вероисповеданий, отмеченных в Нантском эдикте. Затем при Людовике XIV Нантский эдикт снова отменили.

ГОЛЛАНДИЯ

Испания управляла Нидерландами, и Испания оказалась самым фанатичным и могущественным из всех католических государств. Однако Нидерланды были открыты протестантскому влиянию любого рода. На востоке северогерманские государства оставались лютеранскими или реформированными. На западе после 1558 года Англия одновременно была протестантской и опасающейся испанской власти. На юге, после 1562 года, гугеноты сражались с Гизами и Католической лигой, добиваясь законного права на существование.

Жители Нидерландов были зажиточными, их торговые города и порты процветали, образование расширялось. В целом население относилось к таким людям, среди которых реформаторские идеи распространялись быстро. Испанская корона, руководствовавшаяся положением о вероисповедании и правом государства подавлять ересь огнем и мечом, встретилась с единственной частью Испанской империи, где протестанты оказались достаточно многочисленными, чтобы образовать политическую силу.

Таким образом, к 1564 году в Нидерландах сложилось политическое противостояние, сравнимое с тем, которое встречалось во Франции в канун гражданской войны: две партии в государстве, одна из них католическая, стремившаяся сохранить и упрочить власть короны, покончив с местными вольностями.

Другая включала протестантов и солидарных с ними представителей католической знати.

Последние возмущались расширением королевской власти, стремились сохранить местные и традиционные свободы, в связи с чем и проявляли терпимость по отношению к протестантам. Теперь они оказались слишком многочисленными, чтобы их можно было сжечь у столба или повесить на эшафоте.

Католическим правителем Нидерландов стал иностранец, рассеянный Филипп II Испанский. Так партия, которая стремилась к терпимости (или, по крайней мере, к подавлению всевластия римского католицизма), легко превратилась в партию патриотов, защитников страны от иностранных армий. С

другой стороны, партия короны обладала преимуществом более весомым, чем, например, имели де Гизы во Франции. В распоряжении испанского короля находилось не только огромное богатство, но и самая сильная армия того времени.

Филипп II хотел объединить Нидерланды, отличавшиеся различными, как в Испании, традициями и говорившие на двух языках. Правители поздних Средних веков или Реформации, нацеленные на меняющийся королевский авторитет, находили несложные приемы, чтобы распространить свой контроль над церковью.

Стремясь к осуществлению своей цели, Филипп II в 1559 году создал систему небольших княжеств и епископств, сохранив за собой право назначения правителей. Поддерживая испанскую форму инквизиции, в 1565 году он еще более ужесточил существовавшие и достаточно жестокие законы против еретиков. К 1565 году нидерландская оппозиция начала отождествлять себя с сопротивлением религиозной политике испанского короля и, следовательно, с протестантами.

В 1566 году конгрегации стали собираться открыто, иногда под вооруженной охраной и с перекрытыми подступами. Конгрегация из семи или восьми тысяч человек встречалась в поле около Гента, пятнадцать тысяч собиралось за пределами Антверпена, двадцать тысяч у моста около Турне, при этом треть конгрегации была вооружена, и проповедника на кафедре охраняла сотня вооруженных людей.

Такие обстоятельства общественных настроений при любом внешнем событии могли побудить беспорядки. Напомним, что спустя столетие католическая процессия, прошедшая по улицам Южной Германии, неминуемо привела к Тридцатилетней войне.

Как и гугеноты, протестанты отчаянно нуждались в священниках. Франциск Юниус прибыл из Женевы, чтобы стать пастором конгрегации в Антверпене, хотя ему только что исполнилось двадцать.

Тем же августом 1566 года, когда процессия, сопровождавшая огромную статую Девы Марии, двинулась по улицам Антверпена, разъяренная толпа ворвалась в собор. Женщина, продававшая свечи и безделушки у дверей, была подвергнута издевательствам, а затем, бросив свой товар, убе-

жала. Тогда народная ярость разлилась по городам Нидерландов.

В результате перебили статуи в церквах, сорвали со стен картины, разбили вдребезги витражи, сундуки с облачениями расколотили, требники разорвали, монастыри разграбили, заключенных освободили. Как и во Франции, протестантские пасторы стремились ограничить и подавить беззаконие.

Беспорядки разделили население на противоборствующие партии, страна оказалась в состоянии гражданской войны. Филиппу II Испанскому пришлось править Нидерландами по законам военного времени. 1 декабря 1566 года католический синод в Антверпене объявил о дозволенном вооруженном сопротивлении. Вильгельм Оранский Молчаливый попытался собрать умеренную партию. Однако в 1568 году он оказался вынужден возглавить антииспанское и протестантское движение, формально став кальвинистом в 1573 году.

В конце 1587 года протестанты по-прежнему составляли одну десятую часть населения. Однако кальвинистская организация смогла оказать сопротивление испанским налогам и кровавому закону герцога Альбы. Вместе с кальвинистскими лидерами Вильгельм Оранский сражался за достижение компромисса с католическим большинством и, следовательно, за единство Нидерландов вплоть до 1584 года, когда был убит.

Во Франции религиозная война закончилась созданием государства в государстве. В Нидерландах она привела к разделению страны на католический юг и кальвинистский север (1579), отдаленных предшественников современных Бельгии и Нидерландов. Север достиг непростого признания Испанией в 1609 году и не стесненного ничем признания независимости только в 1648 году.

ШОТЛАНДИЯ

Пока Испания оставалась самой цивилизованной монархией в Европе, в Шотландии королевская власть была слабой — как конституционно, так и из-за того, что с 1542 года там правила не имевшая авторитета женщина, Мария Стюарт.

Поэтому протестанты, подстраховываемые поддержкой землевладельцев, смогли распространять там свои идеи более свободно, чем во Франции, и почти так же явно, как в аристократической Польше. Обряды шотландской церкви оставались такими же нереформированными, как и во Франции, гуманистические критики презирали ее за коррупцию, а церковные земли продолжали манить разных деятелей. Англия стала убежищем для всех шотландцев с реформаторскими идеалами, которые не чувствовали себя в безопасности в своей родной стране.

Подобно реформам во Франции и в Нидерландах, здесь они переплелись с политическими разногласиями шотландских фракций. Одна партия искала поддержки во Франции, принимала французские деньги, пытаясь управлять Шотландией с помощью французских войск, хотела усилить королевскую власть в лице французского регента Марии де Гиз (матери малолетней Марии Стюарт), идентифицируясь с сохранением католической религии. (В 1551 году французские войска изгнали английскую армию из Шотландии. — *Ред.*)

Другая партия искала поддержки у Англии, принимала английские деньги, нуждалась в помощи английских войск и кораблей, отожествляясь с реформаторскими идеями и антипатией к католическим епископам.

В декабре 1557 года группа лордов-землевладельцев, именовавших себя «лордами конгрегации», преобразовалась в лигу и объявила своей целью защиту Слова Божьего. В 1560 году королева Елизавета Английская, которая не могла рисковать католической и ориентированной на Францию Шотландией, послала деньги, корабли и армию, осадившие крепость Лейт (в помощь поднявшим восстание шотландским кальвинистам. — *Ред.*).

Французский регент и войска, согласно договору, покинули страну. Шотландский парламент отрекся от власти папы и запретил мессу. Одновременно он принял «Исповедание веры», написанное Джоном Ноксом. Однако «Книга дисциплины», в которой намеревались представить реформированную политику церковного правительства, чей духовный контроль должен был проявляться через консисторию и старейшин, не получила законодательной силы.

Тогда же сформировали шотландскую генеральную ассамблею, аналог гугенотского национального синода, и утвердили служебник по женевской модели, известной как «Книга общего порядка». В издании 1564 года напечатали стихотворное переложение Псалтири. Поскольку псалмы были самой главной частью книги, она и стала известна как «Книга псалмов».

Несмотря на отсутствие законного разрешения, пресвитерианская политика медленно распространялась по приходам. С 1559 года в церкви Святого Андрея уже начали вести записи законодательного характера. Однако они медленно принимались даже готовым к реформам населением.

В течение ста тридцати лет духовная история Шотландии представляет собой историю попыток создать или отвергнуть систему пресвитерии вместе с законодательным статусом и независимостью. При слабости короны и правительства пресвитериям придают законодательную власть. При сильном правительстве права, на которые они претендуют, отнимают или отбирают.

С 1559 до 1567 года протестантское движение в гугенотской Франции, Голландии и Шотландии приняло кальвинистскую форму. В каждой стране реформаторам пришлось уговаривать людей и организовывать церковь, зубами вырывая власть у короны. В каждой стране пасторы получали образование в Женеве или находились под глубоким влиянием женевского учения.

Во всех странах обращение к населению и безжалостное подавление «идолопоклонства» в церквах, а также разгул насилия заставляли умеренных отступать. Однако в Шотландии гражданская война длилась недолго. Благодаря поддержке Англии протестантское дело легко одержало верх.

Могущественная Франция не могла допустить, чтобы Шотландия так быстро превратилась в протестантскую страну. Однако вспышка религиозных войн резко ограничила возможности Франции в Европе и оставила королеву Марию Шотландскую беззащитной на ее незащищенном троне. Поражение гугенотов во Франции косвенно способствовало торжеству кальвинизма в Шотландии.

Точно так же, как Генрих IV Французский доказал, что протестантский король не может управлять католиками, так и трагедия Марии, королевы шотландцев, показала, что католическая королева не способна править протестантами. В XVI веке неизвестны случаи, когда правитель, отличавшийся по своим религиозным взглядам от народа, мог управлять большинством своих подданных.

Принцип «чья власть, того и вера» означал, что правитель обладает правом склонить свой народ и подчинить его своей религии. Однако данное выражение также признавало, что народ обладал силой, чтобы склонить своего правителя к своей религии или заставить его отречься.

Мария хотела проводить мессы в своей часовне в Холируде. Нокс объявил, что одна месса окажется для него более опасной, чем если 10 000 человек соберутся вместе, чтобы расправиться с истинной верой. Как и Генрих IV Французский, Мария играла с идеей перемены своей религии.

В 1566 году все выглядело так, как будто Мария могла укрепить свою власть и остаться католичкой, но убийство Риццио и Дарнли покончило со всеми надеждами. В апреле 1567 года Мария вышла замуж за Ботвелла и таким образом потеряла всякую поддержку католиков. В том же году ее вынудили отречься.

Однако короткое правление Марии и победа Нокса сильно способствовали укреплению кальвинизма и проявлению характерных черт шотландского протестантизма. Война за свободу или выживание оказалась более затяжной, приведя к революционным преобразованиям в религии. Войну выиграли относительно легко, однако Реформация утвердилась вопреки короне и под опекой Нокса, наиболее фанатичного из учеников Кальвина.

Англия учредила свою Реформацию с помощью короны, обладая такой мощной поддержкой, что в течение нескольких лет существование церкви, казалось, зависело от жизни королевы Елизаветы. Большинство английских протестантов не опасались «вмешательства» короны в дела церкви, поскольку именно королеве были обязаны своим благосостоянием и свободой.

Шотландцы утвердили свою Реформацию в противовес своей католической королеве, рано связав протестантскую веру со стремлением оградить права церкви от вмешательства враждебного или недостойного правителя. Пресвитерианское учение и политика привлекли многих шотландцев на низменность (то есть в Южную Шотландию. — *Ред.*) еще до союза короны с Англией в 1603 году.

МАРТИРОЛОГИ

Протестантское движение временами сопровождалось грабежами толпы, захватом земель, политическими и военными изломами. Армия Вильгельма Оранского помогла голландским протестантам, флот и армия королевы Елизаветы Английской оказали содействие шотландским протестантам. Войска герцогов Альбы (Фернандо Альварес де Толедо герцог Альба (1507—1582), испанский полководец и государственный деятель. В 1567 году был назначен наместником Нидерландов. Сурово расправлялся с мятежниками. Несмотря на успешные военные действия, в том числе против Вильгельма Оранского, не смог подавить революцию и в 1573 году был отозван испанским королем Филиппом II. В 1580 году завоевал Португалию, навязав ей унию с Испанией (до 1640). — *Ред.*) и Пармского (Александр Фарнезе, герцог Пармский, 1545—1592, полководец и государственный деятель испанской монархии. В 1571 году сражался с турками при Ленанто. В 1578 году стал наместником в Нидерландах. Успешно боролся с нидерландской буржуазной революцией и сумел возвратить под власть Испании южные провинции Нидерландов, подавив здесь мятежников (Аррасская уния 1579 года). Смертельно ранен в сражении по Руаном во Франции. — *Ред.*) удерживали Южные Нидерланды за католиками. Наивно думать, что католики или протестанты могли достичь значительного успеха силой.

Протестанты собирали своих людей и создавали конгрегации, защищаясь от систематических и кровавых преследований. Далеко не всегда последователей Лютера или Кальвина считали еретиками и наказывали костром.

Политика сожжения лютеран и кальвинистов вскоре превратилась в необходимость в католических немецких государствах. К сожалению, их успешно сжигали в Италии и в Испании, а именно эти страны определяли отношение католиков к Реформации. В Англии в правление Марии Тюдор, во Франции и в Нидерландах, в меньшей степени в Шотландии протестантские сообщества создавались благодаря личной смелости и искренней вере.

Происходившее воспринималось как нечто естественное. Франциск Юниус произносил проповедь на собрании в Антверпене, когда снаружи сжигали нескольких человек, и пламя костров было хорошо видно через окна комнаты. Несколько ведущих реформистских пасторов в Европе, как и пять английских епископов, закончили свои жизни на костре у столба. За ними последовало множество простых людей.

Реформистские богословы сомневались в старом обычае празднования календаря святых, поскольку считали, что уважение, оказываемое святым, умаляет веру в единственного Спасителя. Тем не менее протестантские авторы начали достаточно рано собирать исторические материалы и рассказы о казнях у столба и на эшафоте. В самой ранней части «Истории Реформации в Шотландии», написанной Джоном Кохом, встречаются многочисленные описания мученичества.

Ряд подобных историй напечатали и голландские авторы. Самой известной и распространенной стала «Книга мучеников» Жана Креспена, французского адвоката, бежавшего в Страсбург и затем в Женеву, собравшего яркие и трогательные истории гугенотских жертв.

Первоначально книга под тем же заглавием была написана англичанином Джоном Фоксом, бежавшим во время правления королевы Марии и создавшим свою «Книгу мучеников» в Базеле между 1556 и 1559 годами. Его работа, написанная под влиянием Креспена, в поздних изданиях стала известна как «Акты и памятники». Однако собственный талант Фокса и особая манера повествования сделали ее ценной и великой книгой.

Как Креспен, так и Фокс включали описания смертей людей, принадлежность которых к Реформации сомнительна.

Фокс описывает по крайней мере двух человек, которые вовсе не умерли. Несмотря на то что каждый подобный промах критиковали современники, такие книги содержат материал, до сих пор недоступный историкам. А в то время эти книги были источниками силы и веры в протестантских сообществах, к членам которых они обращались.

В Англии синод 1571 года распорядился, чтобы экземпляры книги Фокса поместили во всех соборах, многие приходские церкви последовали их примеру, несколько книг до сих пор встречаются в английских церквах. Среди гугенотов и английских пуритан эти мартирологи усилили связь с Реформацией и поощрили сильное антиримское понимание церковной истории.

ПУРИТАНСТВО

«Пуританский» как прилагательное впервые стало использоваться в 50—60-х годах XVI века для обозначения злоупотреблений. Вскоре оно стало означать «точно установленный, сверхстрогий, слишком суровый, не идущий на компромисс». В таком значении это определение применялось, чтобы высмеивать тех, кто оказывался виновным в нелепой сдержанности или взыскательности.

Сохранились многочисленные свидетельства, что пуританство проявляло себя жестким образом. Придворные Карла II, ненавидя круглоголовых, проявляли по отношению к пуританам лишь незначительную суровость и строгость. В Реформацию все было иначе, поскольку пуритане стремились излечивать безнравственность церкви и общества. В целом этот век проявил себя как моральный.

Отношение к испанской Контрреформации городских советов Швейцарии, папы Павла IV или кардинала Борромео, лютеранских бюргеров, шотландских пасторов, лидеров английских реформ, католических и протестантских сторонников предопределения, Арминия, Кальвина или Игнатия Лойолы, Филиппа Нери или Уильяма Лауда, Иоганна Арндта или Джереми Тэйлора менялось и временами приобретало жесткую форму.

Если эпитет «пуританский» перестал использоваться в его обычном значении для осуждения лицемеров и ханжей, то им было вполне возможно описать моральные идеалы Реформации и Контрреформации. Нетерпимость пуритан возрастала, потому что практическое выражение этих моральных идеалов оказалось менее приемлемым, чем других.

Кальвинистам вовсе не свойствен моральный ригоризм. Реформации было нечего противопоставить принятым в обществе помпезности и тщеславию. Пуританство нельзя понять, если не рассматривать его как часть европейских настроений.

Иногда понятие использовали и для того, чтобы включить протестантизм в левое крыло тех, кто вели такой же аскетический образ жизни и позиционировали себя как Божьи люди, даже если они переворачивали кальвинистское учение. Для столь широкого употребления термина имеются некоторые основания. Не все пуритане верили в пресвитерианскую политику церкви, не всех пресвитерианцев следует воспринимать как пуритан.

Однако наиболее отчетливое и связное выражение пуританские идеи получили именно у кальвинистов. Кальвин превратил пуританство в моральную идею, окружив ее атмосферой Священного Писания и особыми формами поклонения и религиозной обрядности. Хотя пуританство и кальвинизм совпадали не полностью, пуританский идеал лучше понять через призму кальвинизма.

Чтобы поддерживать строгий стандарт общественной и частной морали и в то же время обладать возможностями, чтобы использовать мощь государства для подчинения этим правилам, не следовало исключать непопулярность и в конечном счете возможные выступления. Вспомним последовавшие друг за другом субботы 1561 года, когда пять или шесть сотен человек прошли по Монпелье с флагами и барабанами, прыгая и выкрикивая: «Назло гугенотам мы будем танцевать!»

Моральная дисциплина поддерживалась консисторией, ради благосостояния сообщества осуществлявшей свою деятельность наподобие постоянной комиссии по расследованиям. Даже в Женеве действия консистории никогда не ока-

зывались совершенно свободными. В других кальвинистских странах, таких как Голландия и Шотландия, ее независимость или решительно ограничивалась, или допускалась на определенный срок.

Среди французских гугенотов и пуритан в английской церкви указы консистории не влекли за собой никакого светского наказания, соответственно ее власть основывалась только на моральном престиже. Тем не менее существование самой ограниченной или недобровольной консистории утверждало высшие идеалы дисциплины, которые выдвигали реформаторы. Лидеры конгрегаций, устанавливавшие моральный закон, вдохновляли друг друга, определяя общие критерии греховности, стабилизируя традицию и устраняя разногласия.

Стержнем кальвинистской морали было учение о предопределенности. Через все пуританство проходит противопоставление между добрыми и дурными людьми, детьми тьмы и детьми света, усиливая кальвинистское учение об избранности.

Верующий человек полагал, что он призван не благодаря собственной добродетели или личным качествам, а только по свободной и любящей воле Господа. Если он станет заниматься добродетельной деятельностью, то утвердит в своем собственном сердце убежденность в этом призыве, ведь доказательством этого является его благочестивая деятельность. В надежде на милость Господа он должен был искать собственное спасение. Он знал, что если Господь однажды выкажет ему свою милость, то не позволит ему страдать, если тот отступится.

Кальвинисты не обладали подобной уверенностью и все чаще стремились к милосердию. Отсутствие подтверждения не становилось свидетельством проклятия. Однако, как полагали, уверенность сопровождает несгибаемую веру, которая выражается в благочестии. И по мере того как человек смотрел вокруг себя, он знал, что человечество делится на овец и козлищ.

Человек знал, что овцы глупы, а козлы мудры, но слишком невежествен, чтобы понять, кто есть кто. Господь скрывает эту тайну до Страшного суда. Все же понимая, что че-

ловеческий род, таким образом, делится на свет и тьму, он не мог не думать, а иногда и действовать, как будто разделял вечное знание-предвидение и знал, кто остается в ночи, вечной тьме. Лучший пуританин работал над своим спасением и не заботился о спасении своих соседей.

В 1570 году Томас Картрайт, профессор теологии колледжа леди Маргарет в Кембридже, рекомендовал в своих лекциях пресвитерианскую систему церковного управления для Англии. Его сместили с должности. На следующий год несколько священников добровольно создали систему пресвитерианства, в первую очередь в Лондоне, Нортгемптоншире и Эссексе. Их намерения нашли поддержку в палате общин. В 1588—1589 годах анонимный «Мартин Марпрелат» опубликовал клеветнические трактаты, направленные против епископов, и в последующем большинство пресвитерий были ликвидированы.

Хотя и не осуждая драму за дидактические и поучительные концовки, пуритане недружелюбно относились к театру в его основных проявлениях. Несмотря на известность елизаветинской сцены, они часто осуждали ее вполне справедливо. Им казалось, что театр поощряет аморальность, представляя пьяных мужчин или проституток, заставляя аудиторию смеяться вместо того, чтобы выказывать презрение.

В соответствии с Второзаконием (22; 5) Кальвин никогда бы не разрешил носить одежды противоположного пола. Ведь на сцене мальчики обыкновенно изображали женщин. После смерти Кальвина моралисты выказали чрезмерную суровость по отношению к театру. В 1572 году синод гугенотов в Ниме от лица французских реформированных церквей запретил все театры за исключением учебных.

В 1584 году доктор Рейнольдс в Оксфорде осудил пьесы, по его мнению мешающие нормальной учебе в университете. В 1599 году он опубликовал «Ниспровержение поставленных пьес», где подверг критике доводы в пользу образовательного театра для молодежи, придерживаясь мнения, что лицемерные игры снижают моральные устои общества. Рейнольдс говорил, что, хотя и не является врагом поэзии и разумного времяпровождения, все же сомневается, что часы, проведенные в театре, не следует потратить на проповеди.

Если лишь ревностные моралисты были готовы нападать на использование театра в образовательном процессе, то почти все моралисты писали о непристойности профессионального театра в Лондоне.

Ссылаясь на Священное Писание и нормы морали, они называли все происходящее на сцене развратом и показом проституток, считая недопустимым использование воскресенья как обычного дня представлений, поскольку после полудня колокола призывают всех на молитву. Когда их изгнали из лондонского Сити, они перебрались чуть южнее, на другой берег Темзы — в Саутуарк.

Надежды драматургов связывались с подъемом антипуританской партии в Англии. В борьбе против пуритан театр являлся острым оружием, мстящей пародией. Пуританские призывы к моральной чистоте раздувались, так что убежденность переходила в фарисейство, презрение к моде — в показное проявление странности, а готовность стать непопулярным — в манию преследования.

«Я рад, — заявлял в едкой карикатуре на пуританина Ревнитель Баззи, персонаж пьесы Бена Джонсона «Варфоломеевская ярмарка» (1614). — Я рад, что теперь могу соединиться с землей и снимаю носки ради этой святой цели».

Все пародии, будучи действительно юмористического свойства, обладали частичкой правды, и театр ухватился за скрытые омерзительные качества пуританина. «О, Смитфилд, ты погряз в блуде, — восклицал на ярмарочной площади рабби Баззи. — Я покидаю тебя! Здесь повсюду идолопоклонники!»

Благодаря подобным насмешкам имя «пуританин» стало почетным среди некоторых благочестивых людей, и один из них говорил в 1641 году: «Оскорбляя это слово (пуританин), они таким образом распространяют и употребляют его так, что любой честный и добродетельный гражданин и пуританин, верный своей религии, подвергается клевете».

Помимо прочего, название «пуританин» означало притворство или строгость или даже влекло за собой политические раздоры. Пуритане опирались на городских купцов, членов корпорации. Подобные люди поддерживали существование пуританских священников, несмотря на нерасположение вла-

стей, собирали средства, чтобы обеспечить деятельность «проповедника» в своей приходской церкви. Они выбирали лектора, который проповедовал бы кальвинистскую веру, и поддерживали его право занимать кафедру.

Пуритане поощряли также выпуск журналов, считая это своеобразным религиозным упражнением. Они интересовались назидательными историями — с хорошими манерами и приятной беседой, особым вниманием к Провидению, в соответствии с их собственными предпочтениями. Они соединяли исповедь, наставление и рассказ о своей жизни по Господу.

По той же самой причине пуритане восхищались краткими жизнеописаниями добродетельных людей. Так, Исаак Уолтон не был пуританином, он являлся высшим церковным сановником в период Реставрации и в 1640 году опубликовал первое из своих изумительных «Жизнеописаний». Образцом для данного жанра стало множество пуританских сочинений, составивших назидательную агиографию Нового времени. В 1650—1652 годах Самуил Кларк составил новое и более пуританское жизнеописание Фокса, а затем и людей, которые почти неизвестны историкам.

Пуританский помещик

В первой четверти XVII века около Тарвина в Чешире проживал помещик по имени Браен. Он поднимался в пять часов утра зимой, от трех до четырех утра летом, проводил час или два, размышляя над Библией, раздумывая о семье и записывая проповедь, которую недавно слышал. Так что после его смерти в его кабинете осталось множество аккуратно составленных томиков рукописных молитв. Он замечал в тексте, что «семь раз я буду молиться за тебя» в установленное время в течение дня.

Браен будил домашних, звоня в колокол, чтобы те приняли участие в семейных молитвах. Он полагал, что большинство его молитв носят импровизированный характер, всегда начинал с того, что собирался убеждать невежественных людей, полагавших, что установленная им форма незаконна.

Обычно в качестве слуг Браен выбирал добродетельных людей, расспрашивал их и проводил с ними собрания, чтобы те облегчили душу. После вечерних молитв слуги обычно обсуждали вопросы веры на кухне. Браен купил две огромные Библии и поместил их на пюпитр в зале и гостиной, чтобы и слуги, и гости могли обращаться к ним. Когда Браен увидел, что в комнате для гостей играют в карты, он ничего не сказал, но аккуратно вынул из пачки четыре валета, чтобы играть было невозможно.

Однажды за обедом, который давал шериф, предложили тост за правителя. Когда чаша стала переходить по кругу, то все стали ждать, что сделает Браен. Он сказал: «Вы можете пить за его здоровье, я же стану молиться за него»... И передал чашу.

В субботу, когда он отправлялся в церковь, находившуюся в миле от его дома, он звал соседей и арендаторов, и они шли вместе, распевая по пути 84-й псалом. После утренней службы Браен обычно оставался с несколькими из них, повторяя проповедь или распевая псалмы, пока не начиналась вечерняя служба. Затем он возвращался домой вместе со своей компанией, обсуждая проповедь и снова распевая псалмы.

В церкви Тарвина он за свой счет снял витражи и поместил на их место обычное стекло. Браен выплачивал стипендии нескольким священникам или проповедникам, в первую очередь добродетельному священнику из Тарвина, чей приход давал ему лишь незначительный доход.

Ежегодно в одно из воскресений жители Тарвина проводили праздник, на котором много пили и танцевали. Браен призвал трех из лучших священников страны, которые удерживали прихожан непрерывными молитвами. Так что дудочникам, торговцам вразнос, поводырям медведей, игрокам и картежникам пришлось в раздражении уйти. Когда все это повторилось в течение трех лет, праздник прекратился.

Девизом Браена, записанным на титульной странице его книг, было «аллилуйя». Он тщательно следил за различными происшествиями, завел для них журнал. Приведем несколько отрывков из этого журнала:

«1601. Мой слуга отправился с нагруженной телегой, свалился, железные колеса проехали по его ноге, однако он совсем не пострадал. Laus Deo, возблагодарим Господа.

1602. Мой сын Джон отправился в поле, взял косу, чтобы посмотреть, как она косит, та вонзилась в его чулок до кости, сбрила волосы и вышла с задней стороны ноги, не затронув ни плоть, ни кожу. Laus Deo, возблагодарим Господа.

1603. Некто, проживавший на моей ферме в Уимбл-Стафорде, увидел двух добродетельных людей, шедших по своим делам, сказал им, что станет танцевать, хвастаться и клясться, чтобы вызвать гнев вон тех двух пуритан. Так он и сделал, к их большому огорчению. Однако карающая рука Господа сразу же настигла его, он тотчас заболел, его доставили домой на телеге, и через три дня он умер в мучениях. Все в воле Божьей».

Для своих арендаторов Браен всегда оставался снисходительным, не поднимал высоко ренту, поощрял их труд, делал ежегодные взносы, чтобы купить зимнюю одежду для бедных, навещал их, когда они болели, иногда отдавал им свою добротную одежду.

Во времена лишений Браен кормил многих за своим столом. Его гостеприимство было бесконечным, намного превосходя обычаи пуритан. Двадцать один человек разделяли его обед, когда его вторая жена умерла. Юные джентльмены «из лучших семей» приходили учиться в его дом, его стол всегда хорошо снабжался, он выращивал голубей и кроликов, чтобы поддерживать свою кухню.

Браен был три раза женат, имел по крайней мере двенадцать детей. На своем гравированном портрете он одет в хорошо сшитый и модный наряд.

Его щедрость настолько превысила его доходы, что он влез в долги и в старости был вынужден закрыть свой дом на три года и тихо проживать в Честере, пока его дела не поправились.

Такие люди прониклись духом библейских текстов, они чувствовали неотвратимую руку Господа в каждом действии и моменте, отрицали случайность. Они проповедовали о полной потере человеческого облика после падения Адама и считали великим пуританским эпосом «Потерянный рай» (1667) Дж.

Милтона, где торжествует Господь, орошающий души молящихся благочестивым и духовным писанием.

Оставаясь бережливыми и расчетливыми, они тем не менее не разделяли средневековый идеал бедности. Они осуждали и иногда насмехались над власяницами и бичеванием, вовсе не верили в непорочность и монашескую добродетель. Представляя первые века христианства как время отрицающего мир аскетизма, проявившегося в монашестве и бродячих монахах, они вовсе не являлись аскетами в старом толковании этого слова.

Благочестивый человек приходил к благоденствию ценой тяжелого труда, а следовательно, имел право наслаждаться своей собственностью, равно как и другими дарами природы, не говоря о жене и детях. Он не сомневался в браке, равно как и в необходимости растить детей. По обыкновению, такой человек рано вставал, соблюдал дни постов, проявлял постоянную умеренность в одежде и жил в доме с элементарными удобствами.

Даже состоятельный пуританин мог использовать деревянную посуду, как и более бедные его арендаторы. Он мечтал о том, чтобы сохранять свое положение в обществе, простое и сдержанное, отвергая банальности и украшения, только мешавшие ему.

Христианам приходилось жить в мире и использовать его дары как его распорядителям. Точно так же, как существовала своя вера для воинов, была вера для купцов, магистратов, рабочих. Не следовало прятать свой талант в землю, надлежало его использовать. Среди кальвинистов четко и ясно проявилась доктрина Лютера о благословенности всех праведных земных профессий.

Опираясь на Второзаконие (23;19), средневековая церковь осуждала ростовщичество и прилагала усилия, чтобы его запретить. Однако запрещение кредитов явно мешало процветанию Европы. Поэтому ученые разработали формулы, чтобы показать заинтересованность в общественных займах.

Точка зрения реформаторов оказалась вовсе не такой радикальной (связанной с переменами). Отрицательное отношение церкви, существовавшее на протяжении столетий, не

так легко или быстро можно было отвести в сторону. Лютер не относился враждебно к ростовщичеству, более негативно он смотрел на крестьян, использовавших запрет ростовщичества, чтобы отказываться выплачивать свою ренту или возвращать долги.

Швейцарцы оказались более радикальными. Кальвин отвел запрещение ростовщичества, заявив, что положение книги Второзакония (23; 19 – «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост») касается только евреев. Главным для всех христиан должен быть закон милосердия. Вымогательство всегда неверно, исключительные налоги ложны, одалживание бедным ошибочно, однако нормальные займы могут дать разумные доходы всем договаривающимся сторонам. Интерес нельзя осуждать, пока он не нарушает закон любви.

Доводы Кальвина медленно принимались европейским духовенством. В 1564—1565 годах Бартоломей Гернхард, пастор церкви Святого Андрея в Рудолфштадте в Тюрингии, отказал в причащении двум джентльменам, одалживавшим деньги под доход от 4 до 6 процентов. После публичных споров его сместили с должности.

В 1587 году пять священников в Регенсбурге ожесточенно напали на все виды ссуд, сравнивая ростовщика с вором и убийцей. Как и Гернхард, они заявляли о влиянии Лютера. Их изгнали из города, когда они отказались подчиниться и прекратить выступать по данной теме.

В XVII веке некоторые лютеранские и католические авторы продолжали заявлять, что все виды ростовщичества аморальны. В Англии в 1545 году парламент разрешил ссудный тариф в виде 10 процентов в год. В 1552 году при Эдуарде VI закон аннулировали, а в 1571 году взимание процентов вновь разрешили. С тех пор он не подвергался нападкам со стороны правительства.

Церковные власти медленно смирялись с его законодательным характером. В 1638 году протестантский священнослужитель голландец Клод Сомез в своей книге «По поводу ростовщичества» наконец признал, что подобная система теперь необходима цивилизации и что свободная конкуренция пойдет на пользу обществу снижением выплат.

Скрывающаяся за кажущимся соединением пуританства и капитализма истина следующая. Во-первых, менее связанные с прецедентом реформистские священники смогли более активно приспосабливаться к новой экономике. Во-вторых (что не менее важно), те, кто давал ссуды под умеренный и честный процент, заботились о других. Тот, кто верил, что активная жизнь мирян в обществе угодна Господу, оказывался более удачливым торговцем и купцом, нежели тот, кто не обладал этими качествами.

Кальвинистский культ

Согласно швейцарскому принципу, главным авторитетом для всей жизни церкви и культа является Священное Писание. Простота считалась богоугодной добродетелью, все остальное — развлечением. Средневековая церковь с сравнении с реформированной выглядела как переполненная мебелью антикварная лавка, где истинная святость заслонялось пустяками: боковым престолом, статуями, витражами, роскошными облачениями, культом святых и пышными обрядами, резкими ритуальными шумами.

Простые люди, особенно женщины, сожалели об утрате красок, изъятии статуй и облачений. Иначе чувствовал себя истинный кальвинист. Он ощущал, что находится в очищенном от скверны Храме, находился в приподнятом состоянии, воспринимал и себя духовно очищенным, осознающим, что «ветер древнееврейской чистоты» пронесся через церковь, смыв грязь и суеверия, сбросив украшения, приковывавшие его душу к земле. Вот воображаемая беседа женщины с ее духовником, сохранившаяся в домашней гомилии 1563 года:

«— Увы! Что нам делать теперь в церкви, ведь всех святых вынесли, ведь все добродетельные святые, которым мы поклонялись, исчезли (то есть именно христианские святые. — *Ред.*), так что мы не можем слышать и наслаждаться тем пением хора и звуками органа, которыми наслаждались ранее.

— Однако, возлюбленные дети мои, нам приходится с этим смириться и возблагодарить Господа, что наши церкви из-

бавлены от всех тех вещей, что так сильно раздражали Господа, но и недостойным образом оскверняли Его святой дом».

Следовательно, кальвинисты отвергли все обряды, предпочитая без подготовки просто молиться, использовали обыкновенный, а не пресный хлеб во время причастия. Не позволяли своим священникам отличаться особым одеянием ни в церкви, ни вне ее. Отвергали кольцо во время бракосочетания и знак креста при крещении. Верили, что во всех службах должна содержаться проповедь, толкующая слово Божье.

Всегда выступая против «невежественных» или «неумных» ритуалов, кальвинисты были защитниками религиозных наставлений, обучения катехизису, школ, знания Библии. Основная слабость кальвинистского культа заключалась в отсутствии календарной обрядности, связанной со временем года, в пользу длинных назидательных проповедей, а молитва была повернута от заботы о человеке к восхвалению милости Бога.

Лютер писал огромные гимны, большинство лютеранских церквей принимали гимнографию. Для реформистов (кальвинистов) гимны не относились к Священному Писанию и потому не допускались. Во Франции и Женеве единственными гимнами были стихотворные переложения псалмов Маро и других деятелей.

В Англии времен Эдуарда VI Томас Стернфорд, мирянин, написал стихотворные переложения тридцати семи псалмов. Джон Хопкинс добавил к ним еще семь, и затем английские кальвинисты вроде Уильяма Уиттингема присоединяли к ним новые, пока вся Псалтирь не стала стихотворной.

В издании 1582 года также содержатся метрические версии гимнов к утренней и вечерней службам «Приди, Дух творящий» и «Верую». Иногда стихотворную Псалтирь издавали в одном переплете с молитвенником. Формально разрешалось использовать его в начале и в конце утренней и вечерней молитв, до и после проповеди. Одна из версий, та, что известна по словам и мелодии как «Старая сотая часть», сохранилась в каждом современном собрании гимнов.

Известно более 60 изданий, последнее — в каталоге Кембриджской университетской библиотеки, датируемом 1845 годом. Однако в стихотворном переложении Псалтири появи-

лось множество ошибок и искажений, вызванных необходимостью рифмовки. Часть ошибок намеренно сделана теми, кто не переносил консонансное пение как немелодичное и хотел слышать только хоровую музыку. Или теми, кто ратовал за гимны не из Священного Писания вместо переложения псалмов, а также и теми, кто возмущался самим наличием мелодии, именуя ее «женевской джигой» и связывал слова с пуританским духом.

Все эти тексты не представляли собой метрическую поэзию, поскольку были ближе народным религиозным песням, а значит, их и не следовало оценивать по этому стандарту. Как и в издании 1582 года, на титульной странице указывалось, что их предполагалось использовать не только в церкви, но и в частных домах. Так что люди могли «отказаться от неподобающих песен и баллад, взращивающих порок и развращающих молодежь».

Приведем пример переложения первого стиха из 22-го псалма:

Когда Господь меня ведет,
Нужды не знаю я —
Журчит источник чистых вод,
И хлеб родит земля.
Мою Он душу обратил
На правые пути,
И Сам меня исполнит сил
Их до конца пройти.

Возможно, что резкий критик кальвинистов недоуменно поднимет брови при слове «ведет». Однако едва ли справедливо называть столь простую искренность плохими виршами. Эти псалмы пелись под волынку во время местных праздников (*У. Шекспир*. Зимняя сказка, акт 4, сцена 3) или солдатами во время марша.

Естественно, что вирши на темы псалмов звучали из уст Оливера Кромвеля во время битвы при Данбаре (1650). По версии Станфорда и Хопкинса учились жители Англии и ранней реформированной Шотландии, узнавая о христианской вере больше, чем из книг помимо Нового Завета.

Глава 6
РАДИКАЛЫ РЕФОРМАЦИИ

Революционное движение всегда порождало крыло, которое и производило революцию. Что бы ни производила Реформация, она создавала разновидность благочестия, презрительно называвшуюся «механической религией». Все это привело религию в семью, побуждая каждого мужчину и женщину искать подтверждения веры в Библии, объяснять концепцию Господа своим детям так интенсивно и выразительно, как никогда раньше не делали в христианском мире.

Сапожник забирал свою Библию домой, изучал ее и находил в ней собственную истину. Возрастающий уровень грамотности (благодаря развитию печатного дела) начинал взрывать церковные традиции в тот момент, когда старые образцы церковной дисциплины оказались под вопросом. Эти простодушные люди верили, что каждый человек обладает равными правами и сам может найти свою собственную доктрину в Библии.

Они обнаруживали апокалипсические видения, дракона, бросаемого в бесконечную яму, мечтали о Царстве Небесном и о святых, искали путь, как собрать остатки верующих, читали о Вавилоне, презрительно относились к богатым и образованным. «Господь использовал простых людей и массы, чтобы объявить о том, что он всемогущ, и когда, наконец, вернется Христос, бедные получат Евангелие; не мудрецы, не благородные, не богатые, но бедные».

АНАБАПТИСТЫ

Небольшие группы, получившие такое название (анабаптисты — *греч.* «перекрещенцы») потому, что их руководители отвергали крещение детей, считая, что только в зрелом воз-

расте человек может постигнуть смысл этого таинства. Основным признаком движения стал призыв к повторному крещению в сознательном возрасте. Движение было крайне неоднородным. Представители радикальной части анабаптистов (многие из которых придерживались коммунистической идеи общности имущества, а некоторые и общности женщин) приняли участие в Крестьянской войне в 1524—1525 годах, образовали Мюнстерскую коммуну в 1534—1535 годах и в конце концов были уничтожены. Другая часть, которая занимала более умеренные позиции, придерживалась пацифизма или даже сотрудничала с местными властями, сохранилась до настоящего времени в форме общин меннонитов. Идеи умеренных анабаптистов оказали влияние на формирование общин английских баптистов в Нидерландах в XVI веке.

В большинстве случаев небольшие группы анабаптистов были слабо организованы, они представляли собой просто спокойные собрания, на которых читалась и обсуждалась Библия, рассматривались различия между учениями и обрядами. Больше всего приверженцев данного движения было в городах Швейцарии, землях у Рейна и в Голландии.

Анабаптисты верили, что истинная церковь ушла из мира, поэтому большинство из них отвергали способность магистрата воссоздать ее.

Так называемое Шлейтхеймское анабаптистское исповедание (1527), документ, с которым соглашались ранние анабаптисты, провозглашало крещение взрослых и отделение от мира папистов, предостерегало от посещения церквей и таверн. Он осуждал применение силы или подчинение законам, превращение в магистратов или принятие клятв.

Внешний мир смотрел на анабаптистов с ужасом. Полагали, что небольшие группы, отвергавшие традиции и уходившие из мира под руководством эксцентричных фанатиков, могли закончить богохульством и совершением преступлений. Крайними левыми считались апокалипсические ответвления, с помощью которых Томас Мюнцер смог вдохновить немецких крестьян на их губительное восстание 1524 года.

Многочисленные пророчества о приближающемся конце света и грядущем приближении нового Царства Божьего, которое установят силой, распространявшиеся самозваными

пророками, были подобны искре, поджигающей уже приготовленный хворост. Иоганн из Батенбурга, бывший мэр Стенвейка в Нидерландах, выступил с обращением, что всякий, кто не обратится, будет убит, церкви следует разграбить. Если одна из сторон в браке не обращена, развод обязателен. Возможна только общая собственность, поэтому допускается полигамия. Сам же он является Ильей-пророком, посланным, чтобы подготовить людей ко второму пришествию. Хотя Иоганн из Батенбурга и не отвергал крещение, он стал известен как анабаптист, совпав с этой группой по некоторым позициям. Существование подобных членов среди мирных анабаптистов подрывало их положительное восприятие в обществе.

Мюнстер

В конце 1533 года группа анабаптистов в Мюнстере в Вестфалии под руководством бывшего лютеранского пастора Бернарда Ротмана захватила контроль над городским советом. В начале 1534 года в Мюнстере появился Иоганн Лейденский, голландский пророк и бывший владелец гостиницы, заявлявший, что призван превратить город в «новый Иерусалим».

9 февраля 1534 года его партия захватила здание мэрии. Ко 2 марта все, кто отказывался креститься, были изгнаны, город объявили убежищем для угнетаемых. Хотя епископ Мюнстера собрал армию и начал осаду города, Иоганна Лейденского объявили «царем Нового Сиона». Он носил ризу как свои королевские одежды, имел свой двор и трон на рыночной площади.

Принятые им законы учреждали сообщество добродетельных, Ветхий Завет преобразовали, чтобы разрешить полигамию. Бернард Ротман, бывший друг Меланхтона, когда-то обладавший здравым смыслом, взял девять жен.

Теперь они верили, что им дано право и власть искоренения нечистых. Мир погибнет, и только Мюнстер спасется. Ротман выступил с публичным призывом начать мировое восстание: «Дорогие братья, вооружитесь для битвы, не только убогим оружием апостолов, готовым для страданий, но также

доблестным оружием Давида, направленным на отомщение... во имя силы Божьей, и помогите избавиться от нечистых».

Бывший солдат по имени Джон Гиилен выскользнул из города, захватив копии прокламаций в Нидерланды, чтобы учредить подобные коммуны в других городах. Ночью в феврале 1535 года группа голых и невооруженных мужчин и женщин пробежала по улицам Амстердама, выкрикивая: «Горе! Горе! Гнев года падет на этот город!»

30 марта 1535 года Джон Гиилен и 30 анабаптистов, мужчин и женщин, ворвались в старый монастырь в Фрисландии, закрепились в нем, делая из него вылазки с целью завоевания провинции. Их удалось изгнать только после бомбардировки из тяжелых пушек. Ночью 10 мая 1535 года Джон Гиилен с группой примерно в 30 человек напал во время муниципального банкета на городскую мэрию Амстердама, бургомистр и несколько горожан были убиты.

Наконец 25 июня 1535 года здравомыслящие жители Мюнстера открыли городские ворота, и армия епископа вошла в город.

На все последующие века название «Мюнстер» являлось символом отказа от религиозной терпимости, доказывая, что даже законопослушные анабаптисты являются преступниками. «Некоторое время, — писал один из их первых противников, — они остаются мирными, законопослушными овцами, но вскоре начинают превращаться в волков, сделавшись такими же непокорными, как и прежде».

«Когда случилась революция в Монстере, — писал Генрих Биллингер, преемник Цвингли в Цюрихе, — Господь открыл глаза правительству, и с тех пор никто уже не поверит в невиновность анабаптистов».

Оставив в стороне катастрофические крайности, отметим, что группы анабаптистов начали образовываться на четырех территориях. Первая сформировалась в Швейцарии, основана Конрадом Гребелем и Феликсом Манцем в Цюрихе во времена Цвингли. Вторая сложилась в Южной Германии, сначала возглавлялась Балтазаром Хубмайером и Гансом Денком, после их смерти тирольским инженером Пилгримом Марбеком. Тре-

тьей группой стало гуттеновское братство в Моравии. Четвертой были меннониты из Нидерландов и Северной Германии.

В Цюрихе примерно пятнадцать человек, члены небольшой группы, собравшиеся для изучения Библии, отказались крестить своих детей. В начале 1525 года Георг Блаурок, бывший священник, сделавший своей профессией служение вере, был крещен Конрадом Гребелем, а затем он сам крестил всех оставшихся членов группы.

Через несколько дней произошло еще одно крещение взрослых в деревне Цолликон вниз по озеру, вскоре Блаурок и Гребель стали ездить по стране, крестили мужчин и женщин в ручьях, отправляли простые службы в домах или в полях.

В 1526 году городской совет Цюриха распорядился, чтобы всех анабаптистов утопили. Одного из анабаптистов, Феликса Манца, привязали к плетню и бросили в реку. Блаурока приговорили к публичной порке и изгнали из страны. Он перебрался в Тироль, но там его схватили и сожгли.

Гуттериты

С 1526 года небольшая группа, частично находившаяся под швейцарским влиянием, самоутвердилась в Моравии. После раскола и болезненных смен одно из ее ответвлений спокойно сложилось с 1556 по 1620 год как гуттеритское братство. Якоба Гуттера казнили в 1536 году, но он успел сформировать группу своих приверженцев, взяв за основу первые главы Деяний святых апостолов. Краеугольным камнем учения гуттеритов стало представление, что только сообщество добродетельных отличает истинных христиан.

Они собрались в Брудерхофе («братской усадьбе») в Никольсбурге, сохранившемся до сих пор. Брудерхоф состоял из нескольких больших и маленьких зданий. Первый этаж использовался для общественной жизни. Здесь находились столовая, школа, детская комната, кухня, прачечная, ткацкое отделение, кузница, рабочие мастерские. Крыши зданий были высокими и крутыми, в мансардах жили семьи.

Каждый Брудерхоф управлялся избранным управляющим. Таинство проводилось в обеденном зале. Организация жизни

отчасти напоминала устав общежития средневекового монастыря, а сами гуттеритские коммуны являлись поразительным проявлением, хотя и на семейном уровне, старого аскетического идеала.

Основной упор делался не на интерес к конкретной личности, а на сообщество. «Частная собственность, — утверждалось в раннем гуттеритском документе (1545), — величайший враг любви, истинный христианин должен подавлять свою волю и освобождаться от собственности, если собирается стать адептом».

На основании установленного принципа использовались любые материалы для организации общего труда — в той степени, насколько это оказывалось возможным в замкнутых пространствах, зависимых от собственного производства. Любой присоединившийся к гуттеритам должен был обучиться мастерству. Как и большинство мирных анабаптистов, они отличались миролюбивым характером, им не дозволялось производить сабли и шпаги, копья или ружья. Гуттериты выплачивали обычные налоги, но отказывались платить те, что непосредственно шли на военные нужды.

Таким образом, внутри Брудерхофа были свои пряхи, ткачи, дубильщики кож и сапожники. То, что было невозможно изготовить, например инструменты из стали, покупалось во внешнем мире. При возможности гуттериты охотно обменивались своими товарами. Они никогда не «покупали» ради того, чтобы перепродать, продавали только плоды своего труда. «Мы считаем неправильным покупать что-либо и продавать это, извлекая прибыль. Так мы делаем вещь более дорогой для бедных, отнимая хлеб у них изо рта. Таким образом бедный человек делается не кем иным, как слугой богатых».

Все виды работы полагалось выполнять тщательно, основательно, обстоятельно, без спешки. Никто не должен был завещать собственность. Все, что использовал человек, переходило после его смерти в общину.

Тяжелая работа, тщательно устроенная деятельность, аскетический образ жизни и ограниченность расходов предполагали накопление капитала. В мирные времена между 1564 и

1619 годами гуттериты Моравии стали известны тем, что продавали лучшие предметы за цену, которая оказывалась меньше, чем в других местах. Они были также известны как врачи, часовые мастера, переписчики, ножовщики, изготовители мебели. Выше всего ценилась майолика.

Католическая знать часто посещала банные дома и купальни гуттеритов, которые строились на выходах минеральных источников. Гуттеритов охотно брали на должности управляющих фермами или лесопилками. В 1609 году они продали железные кровати австрийскому барону, в 1611 году — богато украшенный позолотой экипаж маркграфу Бранденбурга, в 1613 году — украшенные орнаментом часы кардиналу фон Дитрихштейну. В старинных моравских описях имущества можно увидеть такие пункты, как «голубой анабаптистский кувшин, отделанный серебром и позолотой». Прекрасные образцы майолики сегодня находятся в музеях. Известный врач-гуттерит Цобель стал духовником императора Рудольфа II. В период расцвета существовало около 100 гуттитских коммун, где проживало более 20 000 человек.

Начало Тридцатилетней войны 1619—1648 годов покончило периодом мира и изобилия. В 1620 году имперские войска разграбили Никольсбург, а в 1621-м правительство заставило епископа открыть одну из своих подземных «сокровищниц». Разграбление богатой столицы гуттеритского сообщества породило множество легенд.

В 1622 году гуттеритов вообще изгнали из Моравии, уцелевшие бежали на восток. Через Словакию, турецкие земли и Украину в 1874—1879 годах они перебрались в штат Южная Дакота в Соединенных Штатах. Именно здесь (и в канадских провинциях, расположенных к северу) и встречаются сегодня гуттеритские сообщества. В 1954 году существовало порядка 120 братских домов, где проживало примерно 10 000 человек, проповедовавших жизнь добродетельных людей. Они учат в школе английский, на немецком говорят дома. Читают на своих службах старые проповеди XVII века, не допуская новых текстов. Гуттериты допускают на свои фермы машины и сельскохозяйственную технику, телефоны и электрический свет.

Меннониты

Кроме Мюнстера и гуттеритов известно еще несколько отдельных групп анабаптистов, которых стали именовать (в ортодоксальной манере) как «носителей бремени друг друга». Хотя у каждой из этих групп были свои уникальные особенности, все они имели много общего с гуттеритами.

Непреложным убеждением всех движений была вера в чистую конгрегацию, сообщество святых, истинных обращенных, отъединенных от мира и вовлеченных не только как личности, но и как отдельное общество. В основе данного представления лежит отрицание крещения в детском возрасте и неприятие церкви, установленной законодательным образом. Именно этими обстоятельствами объясняется стремление руководителей отъединить членов сообщества от окружающего мира как социально, так и духовно.

Необходимость отказа от военной службы или выплаты некоторых налогов создавала трудности для их мирного существования. Однако стремление к полной чистоте приводило к еще большим страданиям. Что произойдет, если истинный христианин женится на неверной? В швейцарском эдикте от 1527 года утверждалось, что верующий должен развестись с неверующим партнером или вести себя так, как будто между ними ничего не было.

В 1536 году Меланхтон слушал допросы анабаптистов в Тюрингии и решил, что обвиняемый отстаивал ошибочную веру, что тотчас стало основанием для развода. Подобное отношение к браку проявлялось и в других движениях. Вместе с тем более здравомыслящие лидеры пришли к выводу, что столь бескомпромиссное отрицание брака нецелесообразно.

Вторым источником для противостояния стало отлучение от церкви. В традиционных церквах отлучение вело за собой светское наказание, а иногда и лишение законных прав. Анабаптисты не хотели иметь ничего общего с законом. Однако они верили, что исключение из коммуны должно сопровождаться и изгнанием из общества. Менно Симонс (ум. 1561), главный лидер анабаптистов Голландии, отстаивал именно эту точку зрения.

В 1556 году из эмденской конгрегации был исключен ее член по имени Рутгерс. Его жена заявила, что не бросит своего мужа, и ее тоже исключили. Возникшее в связи со столь категоричным исключением женщины противостояние на некоторое время раскололо меннонитское движение.

Жесткое решение было осуждено на собрании южных германских анабаптистов в Страсбурге в 1557 году. Менно Симонс, сначала возражавший против исключения, похоже, находился в выигрышной позиции, пока неукоснительно сохранял свою позицию. На севере Германии и в Голландии движение разделилось на «либеральное» и «непоколебимое» ответвления[1].

При подобных обстоятельствах все анабаптистские группы даже в XVIII веке отдавали предпочтение бракам внутри сообщества, поэтому стали привычными семейные союзы между двоюродными или троюродными братьями и сестрами. О помолвке сообщалось с кафедр, и среди шведских меннонитов дьякон обычно делал предложение о женитьбе от имени мужчины семье девушки.

Среди меннонитов возникло и несколько других интересных обычаев. Сначала таинство представляло собой ритуал омовения ног, представители разных полов сидели порознь, все заканчивалось поцелуем мира и словами «Господь благословляет тебя».

В Тюрингии анабаптисты сохранили свою собственную версию молитвы «Отче наш», вместе с пунктом «Хлеб наш насущный дай нам днесь». Более строгие группы придерживались необычайной простоты в одежде, убранстве, еде. В воскресенье перед причащением конгрегация встречалась для самоисповеди. Иногда в связи с конкретными случаями разрешалось не переходить к причастию.

Крещение обычно проводилось посредством обливания, как в традиционных церквах, а не с помощью погружения. Такие радикальные привычки американских меннонитов,

[1] Старый орден меннонитов (так называемые амиши) в США продолжает до сих пор поддерживать разновидность этого запрета, его члены отказываются есть за одним столом даже внутри своей семьи, а также от совместной работы на ферме.

как отказ носить пуговицы и обязательное использование крючков и петель (пуговицы считались украшением), постепенно выходили из употребления, и постепенное принятие новых привычек означало компромисс с миром.

Ватерландеры

Напротив, представители либерального крыла голландских меннонитов, известные как ватерландеры, смогли гораздо легче приспособиться к обществу, в котором жили. Придерживавшиеся принципа терпимости ватерландеры быстро начали изменять прежнюю жесткость в нескольких направлениях.

Не отрицая своей приверженности пацифизму, в 1572 году они собрали огромную сумму денег и передали их Вильгельму Оранскому в его лагере в Рурмонде (в Лимбурге).

В следующем столетии их обвинили в том, что они отправляли свои купеческие суда в плавание с военным снаряжением, чтобы защититься от пиратов. К 1581 году ватерландерам разрешили поступать на государственную и военную службу, с условием, чтобы она не включала пролитие крови. Хотя они и не объявляли о признании брака, но допускали возможность женитьбы на неменнонитах.

Полагают, что к 1620 году они допускали кальвинистов, крестились в младенчестве, допускали присоединение к ним без крещения. Они медленно заменяли внутреннюю молитву на молитву, произносимую священниками, и начали петь псалмы.

В целом голландское правительство относилось к ним хорошо, освобождало молитвенные дома и сиротские приюты ватерландеров от налогообложения, допуская, чтобы те просто говорили о своих намерениях вместо принятия клятв. Их освобождали от военной службы, если они вносили определенную плату.

Соответственно их небольшие богобоязненные умеренные группы самоутвердились в голландском обществе как банкиры, купцы, ученые, художники (например, Якоб ван Рейсдаль). Они пережили память о Мюнстере.

Социниане

На гребне анабаптистского движения появилась группа, связь которой с анабаптистами оказалась явно телогического свойства. Она известна под разными именами — социниан, ариан или унитарианцев.

Котел идей среди первых анабаптистов вызвал предположения, которые заставили сомневаться в решениях ранней церкви, особенно в единосущности и рождении Христа. Догмат о Троице, как они считали, необходимо пересмотреть и подвергнуть критике в свете библейских текстов.

Сам Лютер объявил, что слова типа «Троица» и «единосущность» вовсе не нужны христианскому языку, хотя полностью поддерживал идею, которую они выражали.

В Лозанне в 1534 году Вирет составил ортодоксальное Исповедание, не используя слова «Троица», «личность», «субстанция». Кальвин довольствовался тем, что не использовал Афанасьевский Символ веры. Движение было направлено против схоластических тонкостей, теологических спекуляций, той части языка, что использовалась традиционными мыслителями по поводу Троицы.

Большинство анабаптистов стояли на стороне древней ортодоксальности. Действительно, вряд ли все анабаптистские церкви затрагивали данный вопрос. Они не использовали вероучение, довольствуясь моделью вероисповедания, которая тесно связывалась с библейским текстом. Когда среди немецких меннонитов появился приверженец антитринитаризма по имени Адам Пастор, Менно Симонс и другие строгие лидеры исключили его. Однако у него были и менее жесткие последователи.

Удивительно высокий процент антитринитариев составляли изгнанники из Италии или Испании. Самым известным и влиятельным их представителем считается испанец Мигель Сервет. К 1530 году еще молодым человеком девятнадцати или двадцати лет Сервет стал известен своими верованиями в догмат Троицы протестантских пасторов рейнской земли. Он верил в доктрину о Троице до своего трагического конца. Сервет полагал, что его миссией является уничтожение ошибоч-

ных форм и технических терминов, созданных хитрыми учеными и философами.

Сервет был примечательным и многогранным молодым человеком. Он изучал медицину и сделал блестящие работы по анатомии, открыв кровообращение. Он умело отредактировал географа Птолемея. В 1537 году Сервет преподавал в Париже астрологию и составлял для заработка гороскопы. В 1546—1548 годах он опубликовал три обновленных издания своей книги о сиропах.

Сервет зарабатывал себе на жизнь как ученый, издатель и редактор, пока его мир не рухнул в одночасье. Практикуя как врач около Лиона, он осудил папу, Троицу и практику крещения детей. Его обнаружили (не без помощи Кальвина) в Женеве, и он был осужден инквизицией как еретик.

Сервет бежал из тюрьмы инквизиции в Венеции, пойдя на подлог, когда он попросил выйти на прогулку в том, в чем был, в ночной рубашке и колпаке. Распространился слух, что Сервет дошел даже до далекого Виттенберга, что он бежал в Париж и там сошел с ума. На самом деле, когда Сервет проезжал через Женеву в конце недели и решил посетить утреннюю службу, его опознали в конгрегации.

После этого Сервета сожгли 27 октября 1553 года, у столба за стенами Женевы.

Сервет не стал первым казненным протестантами за ересь, равно как и не последним, но он не был и простым искателем правды. Странность и неуравновешенность его поведения, а также заносчивость, с которой он держался, буквально «вынудила» власти вынести столь жесткий приговор, причем на основании чисто интеллектуальной ошибки. Сервет больше чем кто-либо служил делу христианского милосердия. Его смерть, как мы увидим дальше, приблизила христианский мир к ужасающей череде сознательных убийств.

Раков

Распространению Реформации в Польше способствовало то, что каждый владелец поместья получил возможность выбрать свою собственную религию. В частной часовне огром-

ного поместья допускалось любое вероучение, которую поддерживал хозяин.

Бежавшие с запада анабаптисты находили приют в больших польских поместьях, присоединяя их обитателей к различным реформистским конгрегациям. Со временем анабаптисты стали находить похожие убежища в Венгрии и Трансильвании.

Возникла церковь, назвавшаяся младшей реформистской церковью Польши. Она признавала анабаптистские принципы и придерживалась антитринитаризма. Церковь основывалась на нескольких крупных владениях, самым значительным считались имения литовского князя и канцлера Радзивилла (ум. 1565) в Вильно и анабаптистского магната Яна Сенинского, чья жена была убежденной сторонницей антитринитаристов. Для ее спасения Сенинский построил в своих владениях новый город, назвав его Раков (от изображения рака на гербе его жены) и в 1569 году даровал ему хартию, обеспечивавшую широкую терпимость.

«Я, Ян Сенинский, довожу до сведения всех... что не стану вмешиваться в религию вышеупомянутых раковянцев, если они будут отличаться друг от друга... В равной степени разрешу управляющим то же самое, равно как и каждому из всех, поскольку Господь благословляет их, и по мере того, как знание ведет его к истине, стану уважать его религию в согласии с ним и его потомками».

Раков собрал радикалов из всех других польско-литовских земель, изгнанников из Моравии и Германии, привлек одного или двух польских дворян, продавших свои поместья и передавших деньги бедным. Простодушные энтузиасты верили, что Раков станет «новым Иерусалимом».

После нескольких лет религиозной анархии жители Ракова захотели превратить город в подобие гуттеритского Брудерхофа. Они попытались организовать город в строгом соответствии с текстами Нового Завета. Как и все остальные сословия, священники должны были зарабатывать хлеб своими собственными руками.

Они выступали за свободу крепостных и сообщества благочестивых, пропагандировали правый суд, занятия спортом и проведение общественных танцев. Жители Ракова создали

бумажные, ткацкие и керамические производства, а чтобы печатать унитаристскую литературу, в 1600 году установили печатный станок. В 1602 году на средства Якова Сенинского, сына основателя, жители основали колледж, где каждый студент мог также работать в торговле.

Социни

В 1580 году в церковь Ракова получил приглашение вождь анабаптистов Фауст Социни (известный также как Социн), по его латинизированному имени церковь социниан и стала известна.

Как и многие ранние радикалы, Социни был итальянцем по происхождению, потомком известной семьи, один член которой, его дядя Лелий Социни, был известным радикальным протестантом. Трех других его дядей подозревали или обвиняли в ереси.

Родом из аристократического рода города Сиена, потомок Пандольфо Петруччи, сын Алессандро и Агнессы Социни, родной племянник Лелия Социни, он не получил систематического образования. Благодаря своему дяде Лелию, которого он очень высоко ценил, Фауст заинтересовался богословскими науками. Вместе со своими дядьями Сельсо и Камило в 1558 году заподозрен инквизицией в лютеранстве, что вынудило его бежать в 1561 году в Лион. В 1562 году Фауст побывал в Женеве, однако по получении известия о смерти Лелия, в 1562 году, отправился в Цюрих, чтобы забрать оставшиеся после него рукописи. В 1562 же году анонимно вышло первое богословское сочинение Фауста. В конце 1563 года он вернулся в Италию и 12 лет находился в услужении у Изабеллы Медичи, дочери Козимо Медичи. Впоследствии, однако, Фауст говорил об этом времени как о бессмысленно потерянном. В 1574 году он внезапно оставил Флоренцию и отправился в Базель, а в 1578 году в Трансильванию, чтобы вести борьбу с учением Франциска Давида, который проповедовал, что не следует поклоняться Иисусу Христу. Вскоре, однако, Фауст покинул Трансильванию и в 1579 году прибыл в Польшу. Он поселился в Ра-

кове и начал вести богословскую полемику — в особенности с теми антитринитариями, которые склонялись к анабаптизму, а также и с теми, которые совершенно отрицали Божественную сущность Иисуса Христа. В 1583 году Социни оставил Раков и поселился в деревне Павликовице, принадлежавшей знатному шляхтичу Христофору Морштыну, на дочери Елизавете которого он потом женился. Это обстоятельство придало еще больше веса Социни в глазах польской шляхты. От этого брака он имел дочь Агнессу, впоследствии вышедшую замуж за польского магната Станислава Вишоватого. В 1590 году инквизиция в Сиене конфисковала его имения, а в 1598 году толпа в Ракове разрушила его дом, покалечила его людей, а самого Социни изгнала из города. В результате он был вынужден жить у своего последователя Авраама Блонского в Луклавицах, в 30 километрах от Ракова, где и скончался в 1604 году.

Социни начинал как исследователь Библии, и кроме библейского текста все христианские века для него ничего не значили. «Против всего мира со времен апостолов» — так называлась книга, написанная анабаптистским лидером по имени Кампанус.

Польская реформистская церковь отказалась признать Социни. Ему заявили, что он должен вновь креститься, он же не мог поверить, что крещение является необходимым предписанием в церкви. Несмотря на сильное последующее давление, Социни не подчинился и так и не получил причастия в Ракове. Однако он молился вместе с жителями, приходил на их собрания, и хотя и не являлся формальным членом общины, но неизбежно стал их лидером.

Поскольку они совпадали лишь в отрицании, Социни пришлось вступить в область конструктивных размышлений. Самым трудным было убедить синод в Хмельнике в 1589 году отвергнуть веру в надвигающийся миллениум.

Социни призывал к миру с властями и спокойной сдержанности, убеждал руководство церкви выплачивать налоги и разрешать своим членам искать удовлетворения ущерба в светских судах, иметь частную собственность, давать деньги в долг под проценты и служить в качестве магистратов при условии, чтобы в их обязанности не входило вынесение приговоров.

Он придал унитаристскому движению четкое вероучение, ввел традиционную христианскую методику последовательного мышления. Стержнем учения Социни было то, что, несмотря на антитринитаристские убеждения, члены движения считались верующими в Новый Завет, только если поклонялись Христу как Богу.

В 1605 году, через год после смерти Социни, трое его учеников опубликовали в Ракове так называемый Раковский катехизис (латинское издание вышло в 1609 году). Катехизис стал для социниан тем же, что и Аугсбургское исповедание для лютеран. Он был посвящен (без разрешения) королю Якову I Английскому (из династии Стюартов, р. 1566, правил в 1603—1625. – *Ред.*) и сожжен по распоряжению парламента Англии в апреле 1652 года.

Множество лютеранских и кальвинистских профессоров и их студентов не жалели труда на его опровержение. Они смогли доказать, что в нем отрицался не только догмат Троицы, но и первородный грех, перерождение во время крещения, предопределенность смерти и оправдание только верой. Все положения исходили от радикалов, но некоторые из них в своем отрицании пошли дальше.

Конец Ракова

У социниан не было спокойной жизни. Их безопасность обуславливалась слабостью католической власти в Польше, но призывы к пацифизму в тот век войн поставили их перед лицом обвинений в измене. Самого Социни чуть не растерзала толпа молодых католиков на улицах Ракова, а его бумаги сожгли на рыночной площади. Представители третьего поколения семьи Сенинских, внуки основателя коммуны, получившие образование в университете Вены, стали ревностными католиками.

В 1638 году двое студентов раковского колледжа разбили камнями распятие, стоящее на границе городских владений. Раковский епископ продемонстрировал фрагменты распятия перед варшавским синодом, потребовав принятия решительных мер. Колледж закрыли, а социниан изгнали из города.

На месте социнианского храма в 1640 году заложили католическую церковь, а спустя полтора столетия путешественники смогли увидеть только развалины баптистерия, где крестили взрослых.

Соответственно центр унитарианства из Польши переместился к более радикальным голландским меннонитам. Но имя Социни в Англии, Германии и Голландии уже в XVII веке не было забыто. Ведь он и его единомышленники из левого крыла Реформации поставили главный вопрос: как можно защитить догмат Троицы, опираясь лишь на Священное Писание без обращения к опыту ранней церкви.

АНГЛИЙСКИЕ ИНДЕПЕНДЕНТЫ

«Ваших анабаптистов, — писал Джон Джуэл, епископ Солсбери, обращаясь к католическим странам Европы в 1576 году, — мы не хотим знать». Но это была неправда. Король Генрих VIII в бытность католиком сжег тринадцать голландских анабаптистов за один год. В 1575 году протестантская королева Елизавета сожгла двух голландских анабаптистов.

Тридцать девять статей (1571) вместе с их защитой гербов, клятв и объявлением совместного владения собственностью показывают, что смутные сообщения из Европы (а также и эмигранты) достигли Англии. Во времена правления Эдуарда VI и Елизаветы несколько иностранных анабаптистов добрались до Лондона. Однако «статьи» еще боролись с тенью.

Если главная религия оказывается неустойчивой, процветают небольшие группы. Таковой оставалась религия Англии времен Елизаветы. Соседствуя с протестантскими странами, где правил кальвинизм, Англия выбрала среднюю дорогу.

Кальвинистские сторонники «учения о предопределении» и «литургического консерватизма» не испытывали никакого желания отделиться от английской церкви. Они хотели реформировать ее изнутри законодательными средствами. Чем ожесточеннее оказывались их нападки, тем более жесткой по мере учреждения закона становилась защита английской церкви.

Что касается левого крыла, то по крайней мере с 1567 года существовало несколько групп или конгрегаций, которые не соглашались с богослужением в церквах, где использовались стихари, и люди преклоняли колени во время получения причастия. Они склонялись к незаконным, тайным, преследуемым собраниям.

Большинством подобных конгрегаций управляли (а некоторые из них были образованы) англиканские священники, которых лишили сана за отказ следовать англиканскому ритуалу. Они находили невозможным совершать богослужение с молитвенником, формальной литургией, стихарем, знаком креста при крещении или следовать предписаниям адвокатов из светских судов.

Большинство из них были простолюдинами, один или два лидера образованными, даже учеными людьми. Некоторые из них отрицали крещение младенцев. Когда их выдворили из страны, они нашли убежище в Голландии, тогда влияние голландских меннонитов оказалось весьма значительным.

В большинстве конгрегаций центральной была идея соглашения — каждый член связывал себя торжественным обещанием благочестивой жизни, на котором основывалось наставничество других членов конгрегации.

Реформация ратовала за доступную Библию, стремясь к тому, чтобы ее мог прочитать каждый простой рабочий. В XVII веке работники впервые стали обучаться грамоте, что и привело к мощным последствиям. С помощью Библий, переведенных на родные языки, главные протестантские церкви забросили в народное сознание скрытое религиозное оружие. Возникло течение, которое нельзя было ввести в русло искусственного канала даже с помощью цензуры, самого действенного и сурового оружия властей тех дней.

Для Англии середины XVII века начались настоящие испытания, когда медники и валяльщики, кучера и пахари стали изучать Библию, чтобы обрести собственную набожность. Некоторые реформаторы, такие как Лютер, обучали мирян священству. Однако это означало, что мирянин, пусть даже и женщина, может в любое время выступить в конгрегации. Так поступил полковник Хенсон из армии Кромвеля, про-

бившийся к кафедре в Астоне и произнесший речь. И не важно, хотел того священник или нет.

Реформация начала преобразование церкви. Зададимся вопросом: если вы начинаете реформировать, то как далеко вы дойдете в своих преобразованиях и когда вы поймете, что ваша реформа увенчалась успехом? Особенно в том случае, если вы согласитесь, что целью реформы станет устранение скандальных и недостойных людей с должности священников в приходских церквах, хотя некоторые недостойные все же продолжат выполнять свои обязанности священников в приходских церквах.

Реформацию следовало проводить дальше, когда стало очевидным, что работу проделали наполовину. И если протестантские власти страны отказывались продвигать эту деятельность, возможно, лучше всего следовало бы оставить приходскую церковь вместе с ее недостойными священниками и встречаться только с добродетельными людьми, посвятившими себя искренней вере.

Власти в церкви и государстве говорили, что служители должны носить стихари, что причащающиеся обязаны преклонять колени при евхаристии. Веря, что в Священном Писании запрещалось преклонять колени при причащении, некоторые прихожане приходили и садились. Тогда священнику полагалось прогонять их. Не следовало преклонять колени, но выгнанные из сообщества за то, что осмеливались сидеть, образовывали собственные собрания, устроенные, как они полагали, в соответствии с Библией.

Раскол оказывался грехом. «Хотя верно и то, — писал Фрэнсис Клейнелл, — что архиепископ, обличающий их, оказывался большим раскольником, возлагая подобную ношу на хрупкое сообщество, чем люди, отлученные от причащения». Так, по крайней мере, это аргументировали и, наоборот, заявляли, что подобный принцип отчетливо показывает неподчинение всем законам. «Полагаю, что вполне справедливо сказать, — заявлял некий возмущенный критик в 1657 году, — что анабаптистский мюнстерский принцип ведет на дно».

В 1581 году Роберт Браун, формально возглавлявший левое крыло многочисленных пуритан университета Кембриджа, собрал отдельную конгрегацию в Нориджe.

Некоторые идеи Браун воспринял от анабаптистов, например, то, что церковь будет состоять только из истинных христиан, что конгрегация связывает себя «Заветом», выбирает или низлагает собственных священников (и, следовательно, каждая конгрегация управляет своим внутренним порядком), что магистраты не должны вмешиваться в вопросы веры, что учрежденные и «национальные» церкви ошибаются, что супруг может порвать с неверующим партнером.

После заключения за явное оскорбление церкви и государства Браун бежал в 1582 году вместе со многими членами своей конгрегации, в частности со своим главным коллегой, учителем Харрисоном, в голландский Мидделбург.

В Мидделбурге конгрегация разделилась на спорившие между собой группы, через несколько месяцев Браун отправился в Шотландию, где его ожидало новое заключение в тюрьму. Вернувшись в Норидж, он воссоздал конгрегацию. В 1585 году Браун подчинился архиепископу Кентерберийскому и был вынужден вернуться в англиканскую церковь, где спустя сорок восемь лет умер, оставаясь в должности англиканского викария в Нортгемптоншире.

В 1593 году строгий закон, направленный против пуритан и сепаратистов, прошел через парламент, и в том же самом году троих из их лидеров — Барроу, Гринвуда и Пенри — казнили за написание острых памфлетов против устройства церкви и государства. Вплоть до вспышки гражданской войны в 1642 году основным местом, принимавшим английских сепаратистов, оставалась Голландия.

Самая известная группа прибыла из Ноттингемшира и окружающих районов — Скруби, Гейнсборо, Боутри, Бебуорта, Уорксопа, Остерфилда. Некоторые из лидеров придерживались всех установленных форм, бытовавших среди нехристиан. Смит заявил, что использование книги с псалмами для пения незаконно. Хотя Священное Писание зачитывалось публично, оно часто сопровождалось толкованием или беглым комментарием о характере богослужения.

Небольшие конгрегации, каждая из которых считала себя выше других, строили свой культ, ревностно следуя Священному Писанию. Некоторые английские конгрегации оживили традицию «агапэ», или «трапезы любви», введя общее при-

нятие пищи, аналогичное Тайной вечере. Остальные приняли ритуал омовения ног. Они практиковали взаимную исповедь и общее покаяние на еженедельных собраниях. В своей известной речи в церкви перед отплытием «Мэйфлауэра» («Майский цветок») в 1620 году Джон Робинсон выразил общее мнение этих групп, что обрести просветление можно только следуя Библии.

«Он уверен, прежде всего, в том, что Господь обладает большей истиной и просветлением, чтобы продвинуть собственное Святое Слово... Лютеран нельзя подвести ни к чему другому, что бы не предвидел Лютер, хотя воля Господа лежит в иной плоскости... открывшейся Кальвину. Они скорее умрут, чем примут... Вы видите кальвинистов, они ударяют там, где только могут... Ведь они оказались более точными, проливая свет в свое время, хотя Господь и не выказал им полностью свою волю».

Как и меннониты, английские сепаратисты не всегда представляли собой поучительное зрелище. Это было столпотворение несогласных расколов и обоюдных отлучений. Сущность моральной дисциплины, проводимой конгрегацией, по-прежнему не была оформлена до конца, что требовало особого опыта, прежде чем они перестали тратить силы на критику китового уса на нижней юбке жены пастора.

Одно из самых странных отклонений связано с действиями по крайней мере двух английских анабаптистов (особенно Джона Смита в 1608 году). Они крестили самих себя на том основании, что не существует иной церкви, которая примет их. В 1610 году тридцать два члена небольшой конгрегации Смита обратились, чтобы их приняли в ватерландерландские меннониты, и после пятилетних раздумий были приняты.

Английские баптисты, как и их двойники в Европе, крестились обычным способом — погружением в купель. Однако и те и другие как в Европе, так и в Англии изолировали обученных священников и практиковали крещение погружением. Некоторые из меннонитов в Нидерландах приняли обряд погружения в XVII веке. В 1641 году английские особенные баптисты (как и те, кто стал известен кальвинистской теологии), наконец, приняли ритуал погружения.

Ему было суждено стать отличительной особенностью баптистского движения. В 1640 году существовало семь баптистских конгрегаций в Лондоне, сорок семь во всей Англии и множество баптистов находились за морями, в Голландии или в Новой Англии.

НОВАЯ АНГЛИЯ

В Новой Англии радикальное движение приняло новую форму. Страна состояла из множества торговых поселений, образованных лондонскими изгнанниками, спасавшимися от религиозной политики английского правительства, — соответственно пресвитерианцами, индепендентами, баптистами или католиками.

Хартия Виргинской компании от 1606 года постулировала, что истинное Слово Господа следовало нести как колонистам, так и дикарям, но с 1609 года из нее были исключены паписты. В колонии намеревались воспроизвести английскую церковь за Атлантикой. Духовенству полагалось использовать молитвенник, на каждой плантации следовало построить церковь, предусматривались наказания за невозможность осуществлять богослужения. Духовенство предполагалось обеспечить сборами в форме «десятины», каждый священник должен был получать от своих прихожан 1500 фунтов табака и шестнадцать баррелей зерна.

Однако даже в Виргинии устройство улучшили, немного усилив контроль конгрегации над священником. Не сохранился рассказ о личном покровительстве — ни об одном епископе к западу от Атлантики, ни о ритуале конфирмации. Местное собрание прихожан быстро приобрело значение, которым не обладало в Англии.

В 1620 году «Мэйфлауэр» («Майский цветок») приплыл в Америку — так зародилось поселение в Плимуте (Массачусетс). Оно оказалось самой первой плантацией, ставшей убежищем от религиозных преследований. Из 149 человек, кто был на борту «Мэйфлауэр», менее трети (тридцать пять человек) составляли сепаратисты из лейденской конгрегации.

Сорок один из взрослых колонистов еще в каюте корабля подписали договор, чтобы учредить правительство колонии. Позднее они откупились от лондонских купцов, финансировавших путешествие, а в 1629 году обеспечили колонию священником, чтобы тот управлял его политикой и взглядами. Однако в течение многих лет эти люди продолжали составлять меньшинство.

В 1628 году образовалась колония в заливе Массачусетс. В 1630 году эта колония стала управляться компанией залива Массачусетс, более сильной и менее экстремистской группой английских пуритан, возглавляемой Джоном Уинтропом, эсквайром из Суффолка. Многие из них оставались приверженцами англиканской церкви, по крайней мере никогда не исключавшей своих членов из их приходов, которые остались в Англии. Поэтому в Салеме и Бостоне сложилась совершенно уникальная организация церкви. Пытаясь следовать идеалам современных английских пуритан, они отказались использовать молитвенник, установили жесткую моральную дисциплину, которую контролировала не консистория, как у пресвитерианцев, а церковное управление.

В 1631 году они постановили, что полноправным гражданином колонии может быть только член церкви колонии. В 1643 году в колонии проживало 15 000 жителей и только 1708 горожан. Все это оставляло власть за духовенством, которое определяло членство в церкви. Как и в испанских колониях, заокеанская служба привлекала множество решительных людей. Однако окончательное слово оставалось за управляющим советом. В итоге модель церковного управления напоминала больше цюрихскую, чем женевскую. Она была законодательно закреплена в Кембриджской платформе 1648 года.

Поселения-колонии Коннектикут, Нью-Гэмпшир и Род-Айленд были основаны группами, стремившимися преодолеть ограниченность церковного устройства в Массачусетсе. Коннектикут был основан в 1635 году людьми со сходными убеждениями, недовольными аристократическим и квазитеократическим устройством Массачусетса. Они стремились привлечь к себе всех порядочных людей, поэтому каждый,

независимо от того, являлся он членом церкви или нет, имел право голоса.

Род-Айленд был основан радикальным индепендентом Роджером Уильямсом — после того, как Уильямса изгнали из Массачусетса зимой 1636 года, обвинив в сепаратизме. Здесь, в Род-Айленде, выросла небольшая коммуна, склонная к терпимости и свободе вероисповедания, приветствовавшая диссидентов, изгнанных из Массачусетса.

Мэриленд был еще одним сообществом, склонным к терпимости. Карл I в 1632 году издал хартию по поводу Джорджа Кальверта, лорда Балтимора, являвшегося католиком и привлекавшего и беженцев-католиков, и колонистов-протестантов.

Тем временем король Англии и его парламент буквально дошли до рукопашной, а возникшее во время войны безвластие открыло дорогу левому крылу Реформации. Существовавшие в то время конгрегации от гармонии обыкновенного английского пуританства, вылепленного в уникальных условиях Массачусетса вместе с несколькими более радикальными идеалами первых независимых, перешли обратно в Англию благодаря открывшимся при Оливере Кромвеле возможностям.

Глава 7
ВЫПАДЫ ПРОТИВ КАЛЬВИНИЗМА

АНГЛИЙСКИЕ ЧЛЕНЫ ЕПИСКОПАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ

Как и Екатерина Медичи под угрозой гражданской войны в 1562 году, как и Вильгельм Оранский Молчаливый, когда Нидерланды раздирали противоречия, как и короли Швеции, английское правительство находилось в поиске умеренной конституции, достаточно реформированной, чтобы удовлетворить разумных протестантов, и в то же время достаточно консервативной, чтобы удовлетворить католиков, не считавших себя папистами.

Оставался вопрос, действительно ли английских протестантов можно было удовлетворить, отвергнув швейцарский образец, принятый реформаторами во всех окружающих Англию землях — во Франции, Нидерландах, Шотландии.

Ни одно немецкое протестантское государственное образование того времени не осмеливалось объединить лютеран и реформированных. Государство или оставалось формально лютеранским и реформаторских пасторов изгоняли, или оно оставалось формально реформированным, и, соответственно, изгоняли лютеранских пасторов.

Однако благодаря общественному мнению и мотивам политического и личного свойства отношение к вере в Англии за период времени от Генриха VIII до Марии Тюдор резко изменилось. Королева Елизавета Английская, внешне склонная к умеренности, намеревалась удержать вместе людей с такими различными взглядами, как лютеранство и кальвинизм.

Результат оказался неожиданным и даже нежелательным для всех партий. Развитие внутри одного сообщества двух

крупных и достаточно разных религиозных направлений, каждое из которых пыталось доминировать и изгнать оппонента, привело к тому, что, наконец, они начали существовать бок о бок, уходя от крайностей и приходя к формальному согласию.

Их обоюдная враждебность и вынужденные отношения, переплетенные с политическими раздорами между королем и парламентом, породили то уникальное направление Реформации, которому было суждено после 1836 года стать известным как англиканство.

Королева Елизавета и ее советники стремились к достижению компромисса, оставаясь «золотой серединой» между пререкающимися партиями. Они считали, как архиепископ Мэтью Паркер, что верна умеренность, а «меднолобость» ведет к «путанице», как выражались учившиеся в Швейцарии.

Однако стремление к умеренности и компромиссу нередко оказывалось идеалом, опровергавшимся действительностью. Католики, с одной стороны, и кальвинисты — с другой продвигали программу Реставрации или Реформации. Сила оппозиции на срединной дороге располагалась с кальвинистами, потому что большинство здравомыслящих людей считало, что дальнейшая Реформация необходима.

В тогдашней Германии лютеране полагали, что не так легко защитить их консервативную Реформацию против набегов реформированных церквей (то есть кальвинистов). Кальвинисты выступали против вассальной зависимости многих мыслящих священников Англии. Они представляли европейский протестантизм, идеи реформированного и вновь объединенного христианского мира, веру Шотландии, Швейцарии и Нидерландов, Пфальца и страдающих гугенотов Франции.

Стоявшие за ними светские крупные землевладельцы хотели, чтобы епископов упразднили, стремясь заполучить их земли. Действительно, в других протестантских государствах епископские и монастырские земли уже были секуляризированы, в Англии же секуляризировали лишь монастыри и ограничили доходы епископов, неразборчивых в средствах.

Привлекательность учения набожных и реформированных кальвинистов сказалась в том, что Мэтью Паркер стал последним архиепископом Кентерберийским, получившим скрытую поддержку от людей, которые не являлись ни кальвинистами, ни вообще религиозными. Оправдание считалось необходимым, чтобы защитить умеренность на основании христианских принципов.

В первые годы правления королевы Елизаветы оставалось неясным, чему учит некальвинистская школа. Представлявшие эту школу люди не были лютеранами, однако некоторые из них приняли лютеранское учение о евхаристии, а многие и кальвинистское учение о предопределенности.

Духовенство требовало принять «тридцать девять статей», которые приобрели свою окончательную форму в 1571 году. Они содержали классическую доктрину реформированных протестантов, что оправдание достигается только верой, что причастия удостаиваются только люди веры, что церковь должна учить только тому, что содержится в Священном Писании.

В поисках авторитета елизаветинские епископы ориентировались на Биллингера из Цюриха, с которым некоторые из них завязали дружеские связи во время своего изгнания при королеве Марии. Они объединялись верностью королеве в стремлении к национальному устройству религии и сопротивлением кальвинистам, отказывавшимся принять подобное устройство.

Сначала кельвинисты не соглашались, чтобы епископы были апостольскими и даже с тем, что это лучший способ церковного управления. Но они сходились в том, что английское управление церковью и государством может законодательно закрепить епископальную церковь и что это не противоречит авторитету Священного Писания. В этом смысле они походили на лютеран, поскольку, считаясь защитниками умеренности Елизаветы и Паркера, они стремились показать, что ошибки не всегда должны приводить к запретам и что неправильно утверждать, что только папа может сохранить единство церкви.

Ричард Хукер

В 1584 году Ричарда Хукера назначили настоятелем Темпла в Лондоне. Его «проповедником», то есть куратором, которому он прямо подчинялся, оказался Уолтер Треверс, которого посвятила в духовный сан иностранная пресвитерия. Он являлся автором или соавтором «Книги дисциплины», эталона английского кальвинизма. Треверс предположил, что Хукер не мог проповедовать до тех пор, пока конгрегация не опубликовала его «призыв».

Тот отверг предложение, и теперь настоятель и проповедник руководствовались в проповедях каждый своими доктринами, Кентерберийскими виршами Женевы. У Треверса проповеди оказывались более живыми и общедоступными. Ведь Хукер был близорук, читал свою длинную рукопись вяло, поднося лист близко к глазам.

Затем Хукер отправился в два сельских прихода — последовательно сначала в Боскомб, находившийся в Уилтшире, а затем в Бишопсборн, располагавшийся поблизости от Кентербери. В антикальвинистстких проповедях в Кентербери Хукер провел последовательную и систематическую критику кальвинизма, против которого он выступал.

В результате и была создана классическая аргументация умеренного елизаветинского способа Реформации. Хукер изложил ее в фундаментальном труде «О законах церковной политики» в восьми книгах. Первые четыре опубликовали в 1593 году, пятую — в 1597-м. Хукер умер в 1600 году. Книги шестая и восьмая появились только в 1648 году, а седьмая книга — в первом полном издании 1662 года. В результате длительной полемики по поводу аутентичности этих посмертных книг пришли к выводу, что тексты всех книг написаны Хукером, хотя, особенно в книге шестой, заметна легкая редакторская правка заинтересованной рукой.

Кальвинисты сходились во мнении, что все, что происходит в церкви, должно иметь обоснование в Священном Писании, и на этом основании нападали на английский молитвенник и на устройство церкви при Елизавете. Основой

защиты Хукера и было обоснование разумных перемен в церковном устройстве. Помимо прямых наставлений Господа в книгах Священного Писания, оставалась обширная область, где управление церковью и государством могло совпадать с естественным Законом Господа. Его обычно определяли общим согласием человечества, и именно духовные или светские власти обязывались найти ему практическое выражение.

Во все времена человеческие законы не приспосабливались к конкретным случаям. Ведь люди меняются, и государство или церковь должны были предписать то, что практически оказывалось нравоучительным и целесообразным, обязав подчиняться Священному Писанию или находиться в гармонии с естественным законом.

Государство и церковь едины, следовательно, богоизбранный правитель имеет право и должен легитимизировать и духовную и гражданскую политику, постоянно заботясь о том, чтобы его законы находились в гармонии с естественным правом и не противоречили Священному Писанию. Художественная красота прозы Хукера и взвешенное спокойствие его доводов подняли книгу над всеми противоречиями века, которому она была адресована.

Это было новое слово в протестантской мысли. Единство церкви и государства, оправдание власти над церковью богоизбранных правителей (зашедшее так далеко, что стало защищать основы английской политики, которые последующие поколения, соглашаясь с кальвинистами, признавали злоупотреблениями), а также общая традиция швейцарских теологов в отношении оправдания и причастия, впрочем, здесь практически ничего не было нового, кроме способа выражения.

Главнейшей новацией стал рациональный способ защиты, при котором Хукер частично опирался на святого Фому Аквинского. Реформация утверждалась, когда смогла использовать ученых, переставая относиться к ним с презрением.

Намереваясь защитить церковное устройство Елизаветы как мудрое, целесообразное и соответствующее Священному Писанию, Хукер посвятил свою пятую и самую пространную

книгу молитвенника, подвергшейся столь яростным нападкам со стороны пуританских критиков.

Хотя его суровая защита диктуется сердечной привязанностью к этой литургии, видимой сквозь оболочку великой традиции, он считал ее не только мудрой и целесообразной, но и обобщившей опыт христианских веков, несущей красоту реформированной и католической набожности.

Апостольская преемственность

По крайней мере, в своей молодости Хукер еще не был готов согласиться с тем, что епископы — единственно узаконенный вид духовенства. Он защищал их отчасти оттого, что английское общество оберегало епископов, он защищал законность всего устройства и потому, что ценил обычаи католических столетий, которые не могли быть неправильными. В опубликованных посмертно книгах Хукер использовал в отношении апостольской власти епископов более сильные выражения.

Среди его современников некоторые представители духовенства — Адриан Саравиа, Мэтью Сатклифф, Томас Билсон, Ланселот Эндрюс, Джон Оверолл — соглашались в том, что епископы являлись частью истинного духовенства, уполномоченного Христом. Хукер выступал за то, что они не были библейскими. Эта новая группа заявляла, что они являлись духовенством, учрежденным Христом, востребованным Священным Писанием и апостольскими деяниями. Они верили в Божественную власть, переданную церкви и существовавшую столетиями.

Поэтому церковь не была вольна изменять порядок, установленный в I веке от Рождества Христова. Следовательно, они приходили к выводу, что лютеранские или кальвинистские церкви на континенте не являлись таковыми, потому что еще не испытали чувства изоляции от широких реформаторских традиций Европы.

Как они соглашались, европейские преобразования оказались менее удачными, чем английские. «Мы не отрицаем, — писал Джордж Доунхем, — положительных качеств

серебра, хотя золото явно лучше». «Если наша формула Божественного верна, — вторил ему Ланселот Эндрюс, обращаясь к гугеноту Петру дю Мулену, — то отсюда не следует, что нет спасения вне ее или что церковь обойдется без нее. Тот слеп, кто не видит, что церкви не могут существовать без нее».

Заявление, что епископы обладают Божественным правом в церкви, являлось выпадом против кальвинистов. Хотя лютеране часто заявляли о своей власти по отношению к руководителям всех рангов, когда речь шла о противоречии кальвинистской политике, английские притязания среди протестантских церквей оказались уникальными. Часто сохранявшая своих посвященных епископов в ходе умеренной Реформации Швеция также оказалась лютеранской, чтобы нашептывать все эти годы подобные притязания.

К 1590 году некоторые священники стали задумываться о том, являлись ли английские епископы наследниками епископов Средних веков. Отрицание преемственности имело значение для Контрреформации. Если все было именно так, то протестантские и католические епископы оказывались равноценными, поэтому от подобных претензий отказались.

Случай в «Голове пони»

Около 1590 года пожилой священник по имени Томас Нил, бывший преподаватель древнееврейского языка в Оксфорде, ранее капеллан Боннера, так и не примирившийся с елизаветинской церковью, рассказал следующую историю. Разнесся слух, что он заявлял, что вроде бы присутствовал на рукоположении архиепископа Мэтью Паркера.

Для проведения обряда по должной форме в часовне Ламбетского дворца не смогли найти католического епископа. Зато такой епископ оказался в таверне «Голова пони» в Чипсайде. Паркер и другие распростерлись на полу таверны перед Скори, лишенным должности епископом Чичестера во времена Эдуарда VI. Тот возложил каждому на шею Библию со словами: «Получите силу искренне проповедовать Слово Божье».

История распространилась среди католических диссидентов в конце века и, наконец, была напечатана. Ей практически все поверили, и проблема в свое время породила разногласия. В 1613 году Фрэнсис Мэйсон, капеллан архиепископа Кентерберийского, перепечатал этот важный отрывок из записей Паркера, хранившихся в Ламбертской библиотеке.

В нем содержалось описание рукоположения, взятое из государственных бумаг, и даже свидетельство очевидца, графа Ноттингемского, бывшего лорда Говарда из Эффингема, командующего английским флотом, противостоявшим испанской Армаде. Он заявлял, что присутствовал при рукоположении и на последовавшем затем обеде.

В 1614 году, обнаружив, что католические писатели утверждают, что этот отрывок является подделкой, архиепископ Эббот (Аббот) привлек четырех епископов и четырех католических священников, затем заключил их в Тауэре в Лондоне и заставил исследовать отрывок.

Хотя слух породил дурную славу, он показывает, что проблема правомочности протестантских епископов имела значение для обеих сторон, хотя она и не заинтересовала бы Кальвина или Лютера.

Изучение Отцов Церкви

Само дело оказалось для епископов более законным, чем предполагали столетием ранее. Ведь уровень образования продолжал оставаться низким, только постепенно набирая критическую и сравнительную мощь. В 1642 году голландский историк Герхард Фосс доказал, что святой Афанасий не писал Символ веры. Гугенотский автор Давид Блондель окончательно обосновал, что Исидоровские декреты, которые в течение 700 лет считались посланиями первых пап, являлись подделками IX века.

При этом ученые вовсе не стремились разбивать старые сказки. Блондель расстроил своих товарищей протестантов, доказав, что история папессы Иоанны, будто бы ставшей папой в мужском обличье и родившей ребенка во время ше-

ствия, которую использовали протестантские авторы, на самом деле оказалась позднейшей фальсификацией.

Два так называемых послания святого Климента впервые опубликовали в Оксфорде в 1633 году. Латинская версия Игнатия Антиохийского была напечатана Лефевром д'Этапль в 1498 году, однако почти все протестантские исследователи верили, что письма составили в поддержку епископов, пока Джеймс Ушер не доказал в 1644 году, что не получившая толкования версия является подлинной. Открытие изменило доводы, на которых основывались доказательства священства со времен Лютера.

Тщательное изучение открыло новую перспективу в трудах святого Августина. Во время Реформации он считался главным из первых интерпретаторов святого Павла. В 1600 или 1630 году святой Августин (р. 354, ум. 430. — *Ред.*) продолжал оставаться самым великим среди Отцов Церкви. Однако теперь стало ясно, что среди первых христианских толкований Библии существовало больше вариантов и различий, чем до того времени предполагали противоборствующие стороны. Как оказалось, труды Отцов Церкви поддерживали умеренных протестантов больше, нежели радикальных.

В религиозной атмосфере 1600—1630 годов чувствуются перемены настроения. В созданном к тому времени здании протестантизма повеяло свежим ветром, хотя его нельзя было определить точно. Частично это свидетельствовало о зрелости Реформации, уверенности в ее росте и осознании того, что все опасности в прошлом, готовности одобрить лучшие достижения католических веков, если те оказывались полезными, желание изучать философов, читать Платона и Аристотеля, использовать ученых, одинаково относясь ко всем.

В первые годы Реформации приходилось громко заявлять о правде, и подобные крики нередко отличались излишней резкостью, превосходя по накалу трубные звуки догматизма. Хотя они еще продолжали звучать в 1600 году, теперь в них появилась большая гармония.

Возможно, влиял свежий воздух, дувший в Европе во многих формах, — в самом благородном из лютеранских благо-

честивых авторов, Иоганне Арндте; в новых метафизических и мистических интересах английских поэтов от Спенсера до Донна и Воэна; в платонической философии таких англичан, как Томас Джэксон, или же в идеализме, вскоре начавшем изучаться картезианцами во Франции; в духовных исследованиях пуританских и иезуитских священников. И наконец, в той силе, с которой испанский мистицизм стал вводиться в церкви Контрреформации.

> Научи меня, мой Господь и Властелин,
> Всем вещам, которые Ты видишь.

У Спенсера, Донна, Герберта, Джэксона, Арндта подобный природный мистицизм или сознание священного универсального проявили среди протестантов привязанность к древней и католической традиции поклонения, побуждая их смотреть не только на реформированные церкви, а более широко. Более пространное видение содействовало консерваторам Реформации. Оно поощряло привязанность Лютера к традиционным способам молитвы или английскую любовь к литургическому поклонению.

Оплот кальвинистского учения оказался уязвим на двух своих бастионах. Хотя догмат об абсолютном предопределении никогда не поддерживался текстами Священного Писания и не был сравним с другими текстами Священного Писания и полным откровением природы Господа. Кроме того, текст Нового Завета доказывал, что власть священников, старейшин и консистории оставалась единственной, которую предопределяло Священное Писание.

АРМИНИЙ

Яков Арминий обучался у Безы в Женеве, путешествовал в Италии и являлся профессором в университете Лейдена в Голландии с 1603 года вплоть до своей смерти в 1609 году. Другим профессором теологии был Френсис Гомар, кальви-

нист, обладавший гибким умом и достаточным талантом, чтобы установить непреложные истины в их самом отталкивающем облике.

Арминий начал полемизировать с тем, что новозаветная концепция любящего и всепрощающего Бога не соответствует толкованию, которое отправляет многих смертных в ад. Разногласия между гомаристами и арминийцами нарастали, после смерти Арминия сорок шесть священников одобрили документ, ставший известным как «Возражение».

Они заявляли, что условием для вечной жизни является добродетельное поведение в этой жизни, что милость Господа можно приобрести и утратить, что Христос умер ради всех людей. Демонстранты использовали его как аргумент в дискуссии по поводу независимости церкви от государства. Так в Голландии конфликт теологического свойства переплелся с политикой.

В 1618—1619 годах реформированные церкви провели синод в Дордрехте, ассамблею, которая почти стала считаться Генеральным советом реформированных церквей. Его посетили делегаты из Англии, Шотландии, Швейцарии, Гессена, Пфальца и всех основных церквей, следовавших швейцарской традиции. Кроме французских гугенотов, которых не поддерживало их собственное правительство, и курфюрста Бранденбурга, потому что большинство его подданных были лютеранами.

Синод противостоял арминийцам, которых теперь возглавлял Симон Епископий. В таком огромном собрании представителей реформированных церквей, куда входил даже английский епископ, оказывалось невозможным канонизировать экстремальный язык Гомара. Однако синод постановил, что дело избрания относится исключительно к милости Господа, не имеет отношения к добродетельной деятельности, что милость, однажды данная, не может быть совершенно потеряна, что Христос умер только ради избранных, что милость Господня неопровержима. Генеральные штаты постановили изгнать из страны тех арминийцев, которые откажутся подчиниться.

Епископий и другие изгнанные лидеры нашли убежище за границей, в Испанских Нидерландах и во Франции. После 1625 года они добились терпимого отношения к себе в Голландии, в 1630-м им разрешили построить церковь в Амстер-

даме и в 1634 году учредить семинарию. Как протестантская партия, возражавшая кальвинистам с позиций здравого смысла, Епископий постепенно вел к более рациональному и антидогматическому отношению, касаемому всех догм и правил, и они стали искать согласия с социнианами.

Вместе с тем арминийцы всегда оставались небольшим сообществом (к 1841 году количество церквей или часовен равнялось двадцати шести), но стали известны своими учеными, такими как Герхард Фосс, Хьюго Гроциус и Жан Леклерк. Арминийцы стали первой в христианском мире рациональной антидогматической школой, которой было суждено принять на себя лидерство в протестантизме к концу XVII века.

КОРОЛИ ИЗ ДИНАСТИИ СТЮАРТОВ И АНГЛИЙСКИЕ ЕПИСКОПЫ

«Благочестивый правитель» вовсе не обязательно должен был быть членом епископальной церкви, в его обязанности входило сохранение контроля над консисторией и выполнение законов церкви. В Северной Германии эти обязанности выполнял суперинтендент или генерал-суперинтендент, в Швеции и Англии — епископы, а в кальвинистских церквах — консистория, избранная из представителей духовенства или мирян, претендовавшая на законодательную деятельность, отдельную от светской власти.

«Ни один епископ не является королем», — с особым чувством заявлял английский король Яков I на собрании 1604 года в Хамптон-Корте, потому что, насколько он себя помнил, этот король пытался укрепить слабую королевскую власть в Шотландии, противостоя притязаниям пресвитерианцев[1] и проповедям пасторов. Его сын Карл I, умевший держать себя в руках и стремившийся сохранять подобие власти, вынужден был смягчить этот тезис.

И в то же время оба этих короля последовательно препятствовали пуританам и поощряли противоположную партию

[1] Пресвитерианцы — представители религиозной концессии, отвергавшие епископат и признававшие только сан пресвитера, избираемого общиной. Появились в Шотландии в XVI веке. (*Примеч. пер.*)

внутри англиканской церкви. Сам Карл I начал свое правление с того, что попросил помочь части духовенства по представленному списку. Уильям Лауд составил список представленных ему членов парламента, пометив его буквами П (пуритане) и О (ортодоксальные). Противников кальвинизма выставили напоказ за оскорбление.

Английский король отличался от благочестивых правителей Германии или Швеции. Все соглашались с тем, что законный правитель призван Господом и что послушание ему являлось христианским долгом, хотя для лютеран было бы неестественно считать, что на короля снисходит благодать. Как потомок древнего рода, коронованный помазанием в соответствии со средневековым обычаем, правитель сохранял мистический ореол, который не могли поколебать ни Возрождение, ни Реформация.

Любопытен факт, что католический король Франции дотронулся до золотушного за несколько лет до Французской революции. Более примечателен другой факт, когда протестантские монархи Англии от Елизаветы до Якова II продолжали осуществлять тот же самый ритуал исцеления. Отметим, что среди последних правящих монархов его соблюдала королева Анна в 1714 году (дама попросила Георга I дотронуться до нее, и он сделал это).

Король Яков I получил образование в Шотландии, выполнял свои обязанности неохотно и начал свой первый ритуал, произнеся проповедь против суеверий. Постепенно его нерасположенность угасала. Его сын и преемник Карл I уже не испытывал сомнений. Сверхъестественный ореол вокруг помазанника давно начал угасать, и ему пришлось считаться с этим, когда пришлось иметь дело с необычными английскими формами доктрины о божественном праве.

Английская Библия

Первым успехом Стюартов стало оформление одного из самых крупных достижений английской Реформации. Именно при них появилось авторизованное издание Библии, ставшее частью умеренной Реформации.

Дважды правительство Англии авторизовало Библию, чтобы ее читали в приходских церквах, распоряжаясь, чтобы церковные старосты покупали Большую Библию, опубликованную Кромвелем и Кранмером в 1539 году, и Епископскую Библию 1568 года.

Большая Библия должна была вытеснить неофициальные варианты, например версию Тиндала с ее слишком саркастическими заметками и комментариями. Все различные версии, точнее, варианты, не являлись независимыми переводами. Каждый вырастал на основе предыдущего, используя те старые части, которые признавали хорошими, например, многие фразы из издания Тиндала сохранялись во всех версиях.

Однако во времена Елизаветы ни одна из авторизованных версий не соперничала с самой популярной, но неофициальной, Женевской Библией. Английские изгнанники в Женеве во время правления королевы Марии Тюдор опубликовали в 1557 году исправленный перевод Нового Завета, а полный текст Библии — в 1560 году. Он представлял собой тщательную переработку Большой Библии в свете учения Кальвина и Безы и современных французских переводов. Она стала всенародно известна как «штанная Библия», потому что там говорится (в Книге Бытия, 3: 7), что Адам и Ева «сшили смоковные листья и сделали себе опоясания».

Это было не просто улучшенное учебное издание. Текст дополняли карты и таблицы, так появилась первая английская Библия с нумерацией стихов, представленная печатником Робертом Этьеном в его женевском издании 1551 года. Полагают, что Этьен пронумеровал Новый Завет во время своего путешествия из Парижа в Лион.

Нумерация оказалась удивительно удобным нововведением для читателей, священников и студентов. Женевцы в дальнейшем ответили на запросы читателей, выпустив замечательное и дешевое карманное издание. Нумерация стихов в Библии навсегда сохранилась после издания Женевской Библии 1560 года, ставшей священной. Напечатана она была шрифтом «антиква» с курсивным выделением слов, сопровождавшихся переводом, и с делением на стихи. Теперь

легче находился нужный текст, проще оказывалось следовать за продолжающейся историей или пространной аргументацией святого Павла.

Король Яков I, прохладно относившийся к ученым, не вникнув в суть, полагал, что Женевская Библия «худшая», находил, что ее записи «весьма приблизительные, неверные, носят бунтарский характер, обладают не в меру приправленным, опасным и предательским самомнением».

Однако, слишком озаботившись данным вопросом, Яков I выбрал сорок семь ученых-переводчиков и поручил им проверить текст и исправить все неясные места в соответствии с требованиями церкви. Яков I велел следовать епископской Библии 1568 года и стремиться не вносить то, что хотят услышать люди. Тем не менее привлеченные ученые многое приняли из Женевской Библии и Библии Дуэ, которую католические диссиденты опубликовали в 1582—1610 годах. От них также требовалось не добавлять заметки из Женевской Библии, считавшиеся оскорбительными.

Переводчиков разделили на шесть групп, две встречались в Оксфорде, две в Кембридже и две в Лондоне, между ними и распределили книги Библии.

Когда обновление завершили во всех трех центрах, новую версию просмотрела комиссия из двенадцати человек, а затем епископ Билсон из Винчестера и доктор Майлз Смит, принявшие работу в целом. Они внесли заключительные штрихи и добавили предисловие (его написал Смит), где говорилось о благородной задаче, стоявшей перед переводчиками в контексте точки зрения Реформации на Библию. Они заявляли, что не делали новый перевод, а лишь улучшили имеющийся.

В заметке на титульном листе говорилось о том, что ее «следует читать в церквах». Из этого вовсе не следовало, что использование других версий признавалось таким образом незаконным, но только королевский печатник стал обладать правом печатать книгу, только он позволял соперничавшим печатникам печатать другие версии.

Даже Новый Завет Епископской Библии, перепечатанный в конце 1618 или 1619 года, использовали до конца XVII века. Женевская же Библия продолжала широко быто-

вать среди населения, некоторые пуритане подозревали, что версия короля Якова I на самом деле являлась результатом деятельности прелатов. Она медленно пробивала себе путь, и только благодаря своему научному слогу и литературной форме.

Медленный рост популярности английской версии Библии явственно прослеживается на примере молитвенника. Псалтирь напечатана почти в том же виде, как в обновленном издании Большой Библии 1540 года, сопровождается неизмененными отрывками для заучивания. «Магнификат» и «Ныне отпущаеши» представлены в обновленной версии независимого перевода, возможно сделанного Кранмером.

Послание и Евангелия не менялись до 1662 года. Даты на полях Библии не проставлялись вплоть до 1701 года. Они основывались на подсчетах архиепископа Ушера, напечатанных в его «Заметках к Ветхому и Новому Заветам 1650—1654 годов», согласно которым создание мира относилось к 4004 году до н. э.

Греческое (православное) ученое сообщество долгое время не выступало. Через шестнадцать лет после появления версии Якова I Кирилл Лукарис, константинопольский патриарх, передал английскому королю огромную рукописную Библию начала V века, сегодня известную как Александрийский кодекс (хранится в Британском музее). Эта греческая рукопись была лучше тех, что использовали переводчики короля Якова I. Однако задачу научного обновления английской версии Библии отложили до лучших времен.

Лаудианцы

Английская антипуританская религиозная школа была названа по имени самого известного своего епископа, Уильяма Лауда, епископа церкви Святого Давида в 1621 году, Бата и Уэльса в 1626-м, Лондона в 1628-м, архиепископа Кентерберийского в 1633-м, казненного в 1645 году. Ее критиковали даже арминийцы, которых оскорбили элементы кальвинизма, в первую очередь учение о предопределении.

Сторонников епископальной системы церковного управления в Англии не меньше задело его учение о священстве.

Различие оказалось значительным, однако непримиримые современники вовсе не ошибались, называя сторонников Лауда арминийцами. Некоторые из них отрекались от всей доктрины предопределения в ее августинской форме, многие отказывались от ее крайних проявлений, встречавшихся среди кальвинистов третьего поколения.

Однако значимое различие между пуританами и сторонниками епископальной системы скорее проходило в области благочестия, чем вероучения, хотя через учение проводилась праведность, и именно религиозность определяла язык, на котором проводилась служба.

Епископальное учение началось с защиты молитвенника направленной против него пуританской критики. Была укреплена связь высшего духовенства с обрядностью, поскольку связь культа с истинными обрядами, определявшая многое, никогда не утрачивалась.

Рассмотрим обороты в поэме «Британская церковь», написанной Джорджем Гербертом:

Вырисовывается ее прекрасный образ,
Не слишком убогий, не слишком веселый,
Показывающий, кто лучше.
Не следует сравнивать нелепости,
Все они приведены здесь
Чего же еще...

Затем поэт противопоставляет ту, кто, накрасившись, садится на высокое место, с той, что застенчиво сидит внизу, невзрачно одетая и с распущенными волосами:

Они, дорогая матушка, потеряли
Разум, Его милость, Его славу,
Во веки веков
Благословен Господь, ниспосылающий нам
Свою любовь и милость
И никто, кроме Него.

Выражение «И никто, кроме Него», явно приветствует Реформацию. Очевидно, что поэт не сильно заботится об

истине как признаке подобного покровительства. Главное, «прекрасный образ», внешнее благолепие, форма и литургия, искренняя, а не показная вера и почтение к святыням.

Важно, что самыми значительными с точки зрения последующих поколений трудами английских арминийцев являются не богословские книги, а два сборника молитв. Среди них — «Личные молитвы» (Preces Privatae) Ланселота Эндрюса, в основном состоящие из фрагментов Псалтири и древних греческих (православных) литургий. Их издали посмертно в 1648 году.

Во-вторых, отметим «Собрание личных молитв в деятельности древней церкви», опубликованное Иоанном (Джоном) Козином в 1627 году[1]. Последнее не было оформлено в соответствии с кальвинистской традицией и не отличалось благочестивым языком. Впервые его напечатали ради протестантских дам, находившихся при дворе королевы, супруги Карла I Генриетты-Марии.

Ее католические дамы использовали для придворных надобностей свои католические же требники и были заинтересованы в том, чтобы «их карманные книги были как можно ближе к древним формам, использовавшимся до папства».

Сравнение с пуританскими благочестивыми книгами показывает, что они различаются не вероучением, а атмосферой благочестия. Эксцентричного пуританина Принна раздражало, что Козин взял самые консервативные части молитвенника и выделил их. Его поразили слова «религиозное рвение», не понравились слова «древняя церковь», заявление, что картины и образы законны, открытая возможность частной исповеди.

Козин претендовал на авторитет, особенно в начале правления королевы Елизаветы. Принн утверждал, что в те годы еще не были вычищены пережитки папства, как впоследствии, и что Козин ошибается, пытаясь «прикрепить их к старинной традиции и Евангелию».

Все же лаудианцы ввели в церкви искусство, витражи, кресты, даже распятие. Они восхищались церковной музы-

[1] Известный вариант «Приди, Дух творящий!».

кой и поставили обратно органы, подняли на возвышение престол, назвали его алтарем и отгородили барьером. Алтарные барьеры известны с XVI века, но большинство их в английских приходских церквах датируются не ранее XIX века, хотя немалый процент старинных перил установлен при Лауде или после Реставрации.

Чтобы утвердить религиозное убранство и благочестивое поведение в церкви, Лауд использовал авторитет светской власти и Высокой комиссии, заседавшей в Звездной палате. Он стремился к повиновению и единообразию, пытался принудить священников носить рясы, восстанавливать алтари, кланяться при упоминании священного имени, использовать молитвенник и только его.

Лауд чинил обветшавшие здания, порицал грязь в храмах, заброшенные святыни, церковные суды, погрязшие в долгих и абсурдных тяжбах, невежественное, праздное или безнравственное духовенство, университеты, выплачивавшие частичную ренту, пуританских проповедников, строивших церковь внутри церкви. В соборе в Дареме Козин раскрасил и позолотил статуи.

Католический этос поклонения, произнесения молитв и литургии, которые Эндрюс и Лауд извлекли из молитвенника, не сочетались с учением английских кальвинистов. Противостоявшее кальвинизму английское духовенство никоим образом не следовало в своем религиозном рвении за Арминием.

Ричард Монтегю, англичанин, близко познакомившийся с учением Арминия в Голландии, не читал его сочинения до мая 1625 года, но уже в течение нескольких лет нападал на кальвинизм. «Пусть соберутся даже все кальвинисты мира, мне нет до этого никакого дела».

Однако Лауд и его сторонники подверглись поношению со стороны парламента (и не только), получили неточное прозвище арминийцев, которое их пуританские оппоненты использовали как уступку католицизму. Возможно, выпад не был таким уж несправедливым.

Хотя и наделенный дипломатическими навыками, Монтегю однажды дал понять папскому посланнику Панцани, что он может принять все догматы Римской католической

церкви, кроме пресуществления. Монтегю сказал своему другу, что обязан «выстоять против пуританства и папства, этих Сциллы и Харибды древней набожности».

В 1625 году Николас Феррар ушел в отставку в Лондоне с поста члена парламента от Литл-Гиддинга в Хантингдоншире и был посвящен Лаудом в дьяконы, стал вести вместе с семьями своего брата и шурина общинный образ жизни. Дважды в день они посещали службы в крошечной церкви, дважды в день молились в доме. В каждый час в течение дня некоторые члены сообщества объединялись в небольшой комнате для молитвы. Так что вся Псалтирь читалась ежедневно. Ночью по крайней мере два члена из обитателей дома бодрствовали и снова читали Псалтирь.

Члены сообщества занимались благотворительностью по всей округе: посещали больных и обучали детей, а дома занимались искусным иллюстрированием и переплетением книг. Хотя Феррар умер в 1637 году, семья продолжала произносить молитвы, пока их внезапно в 1646 году не окружили и не разогнали войска.

С 1621 года до своей смерти в 1631 году поэт Джон Донн оставался деканом церкви Святого Павла. Его проповеди являются лучшим образцом «лаудианского» наставления, а возможно, и лучшими образцами протестантского наставничества. Их богословие порождено Реформацией, а их язык относится к тому времени, когда английская литература процветала.

Лауд ратовал за прекрасные идеалы. Веря в полное единство церкви и государства, он хотел, чтобы церковь и государство в гармонии обучали людей, как тем правильно поступать, уважали авторитеты, оставались преданными и набожными.

Время, когда архиепископ мог принудить сопротивляющихся людей к внешнему благолепию, прошло. Лейтон, Принн, Бествик (Бастуик), Бартон, Лайлберн — все эти имена напоминают о совестливых людях, беспокойных, фанатичных, эксцентричных. Они становились общественными мучениками, теряя свои уши, их прогоняли по улицам и бичевали, выставляли у позорных столбов.

Критиковавшие английское устройство церкви лишались своих должностей, особенно много их было в период между 1604 и 1607 годами, однако, вдохновленные Лаудом, они бежали за море в Голландию или в Америку, отделившись от приходских церквей и найдя прибежище в сектантских молельнях.

После вступления на престол короля Якова I в 1603 году с сепаратистскими движениями баптистов и конгрегационалистов перестали считаться. Их количество к 1641 году оставалось небольшим, но они больше не находились в забвении. Интеллигентные люди, обладавшие положением, занимали сепаратистские позиции, чему частично способствовала патетическая неосторожность Лауда.

Попытки найти равновесие и консенсус для правого и левого течений в английской церкви были безуспешными. Ведь оба крыла церкви, пуританское и епископальное, заявляли о том, что являются истинной церковью Англии, каждое говорило, что другое является неверующим или незаконным. Они двигались в сторону обоюдного исключения, в то время как корона и парламент двигались навстречу гражданской войне.

КАРЛ I И ШОТЛАНДИЯ

Для того чтобы подавить пуритан Англии, нужно было подавить пресвитерианцев в Шотландии. Шотландцы оглядывались назад на пресвитерианскую Реформацию.

Король Яков I медленно (что было мудро) продвигался по пути выполнения задуманного. Озадаченный Эндрю Мелвиллом, утверждавшим, что большинство шотландских пресвитерианцев изгнаны в Европу, король Англии шаг за шагом восстанавливал епископальную юрисдикцию в Шотландии. В 1610 году он направил троих из них в Лондон, чтобы они получили посвящение от английских епископов.

В 1618 году Яков I сочинил пять статей, которые представил перед ассамблеей в Перте. В них от шотландцев требовалось принять пять пунктов английской обрядности: пре-

клонение колен для получения евхаристии, личное причащение больных, крещение в частных домах при необходимости, конфирмация детей епископом, празднование Рождества, Страстной пятницы, Пасхи, Вознесения и Троицына дня.

Хотя пять статей поддержали сорок шесть из пятидесяти одного членов ассамблеи, для большинства приходов они остались пустым звуком. Достаточно трудной задачей было уговорить конгрегацию вдруг преклонять колени, если в течение двух поколений им внушалось, что преклонение при евхаристии не связывалось со Священным Писанием и выглядело как идолопоклонство.

Бесспорно, английская политика прокладывала себе дорогу постепенно, хотя и не так сложно, как об этом писали впоследствии. В Шотландии было много умеренных, которые не любили английских пуритан.

Карл I, сменивший Якова I на троне в 1625 году, начал свое правление с Акта о ревокации, согласно которому аннулировались все земельные пожалования королями Шотландии начиная с 1540 года. Шотландские землевладельцы заподозрили, что это первый шаг, направленный на оспаривание их права собственности.

Самым надежным способом пробуждения духовных антагонистов стало создание нестабильности в сердцах тех, кто получал выгоду от передачи земли после стремительного вторжения Реформации. Яков I достиг равновесия между знатью и пресвитерианцами, а Карл II отдал знать в руки пресвитерианцев.

В 1633 году, когда Карл I прибыл на коронацию в Эдинбург вместе с Лаудом в качестве своего советника, изысканная литургия коронации показалась шотландцам слишком папской. В 1635 году Карл назначил лорд-канцлером королевства Джона Споттисвуда, архиепископа церкви Святого Андрея, а в 1636 году епископы составили Каноны шотландской церкви.

Согласно I канону предполагалось отлучать от церкви всех тех, кто отрицал супрематию короны в духовных делах. Каноны также запретили импровизированную молитву во время общественного богослужения, заставили заменить пре-

столы алтарями. В канонах отсутствовало упоминание о пресвитериях и приходских собраниях, а в 1637 году была введена новая литургия, предусматривающая целый ряд англиканских элементов, культ святых, богатое церковное убранство. Эти реформы были восприняты в шотландском обществе как попытка реставрации католических обрядов и вызвали консолидацию всех сословий в оппозиции католицизму, епископату и авторитаризму короля.

Король и Лауд хотели, чтобы шотландские епископы приняли молитвенник, который тогда стал бы единым для всего королевства. Епископы думали, что шотландцы охотно примут нечто неизвестное англичанам.

Шотландский молитвенник, составленный епископами Россом и Данблейном под руководством Лауда, представляет особый интерес, как и литургическая программа того, что в тот момент считалось самой сильной антикальвинистской группой в протестантизме, даже более сильной, чем лютеране, которых поддерживал народ, а сторонники Лауда были в меньшинстве. В такой литургической и епископальной традициях появились интеллектуалы, которые смогли напасть на Лютера точно так же, как в свое время это сделал Кальвин. Кроме того, их поддерживал правитель одного из крупных европейских государств.

В основном эта книга совпадала с английской, но возвращала к более традиционной атмосфере первого (1549) английского молитвенника, в котором намекалось (наконец) о евхаристической жертве и молитвах в память об ушедших. Молитвенник немного уступал кальвинистскому сознанию, заменив слово «пресвитер» на «священник» и опустив многие уроки из апокрифа. В 1637 году в королевской прокламации, размещенной на каждом рынке и перекрестке, повелевалось, что эта книга устанавливает единственную форму культа в Шотландии и каждый приход должен купить по два экземпляра до Пасхи.

Перед лицом общественных беспорядков шотландские епископы отложили представление книги. Король велел им собраться в соборе Святого Эгидия (Жиля) в Эдинбурге в четвертое воскресенье июля. Как только декан начал службу, начавшийся шум помешал ему продолжить.

Епископ попытался восстановить порядок, но в него полетели стулья и другие прдметы, когда же бунтарей выдворили, они продолжили свои действия вне церкви, угрожая епископу после службы. Шотландский совет сразу же и охотно приостановил действие книги. История стала известной, полагают, что именно продавец овощей по имени Дженни Джедд первой бросила свою книгу в епископа, впервые о ней говорится в 1670 году. Предполагаемое «орудие» сохранилось в Национальном музее Шотландии.

С трудом удерживаясь от решительных действий, Карл I с упрямством, достойным лучшего применения, осудил совет и настоял на продвижении книги. 28 февраля 1638 года в Эдинбурге представителями шотландской аристократии, дворянства, духовенства и городов был подписан Национальный ковенант — манифест оппозиции, осуждавший попытки реформирования пресвитерианской церкви и предусматривающий совместные действия шотландской нации для защиты религии. Ковенант также утвердил супрематию парламента в законодательной сфере, сохранив, однако, лояльность королю. Копии этого манифеста были разосланы в основные города и графства Шотландии, и по всей стране прошло массовое подписание клятвы верности Ковенанту. Шотландский народ сплотился вокруг Национального ковенанта на защиту своей веры.

На переговоры с ковенантерами король направил маркиза Гамильтона и предложил приостановить действие новых канонов и литургии. Однако это уже не могло удовлетворить шотландцев, требующих теперь полной ликвидации епископата. Провал миссии Гамильтона заставил Карла I расширить свои уступки: 10 сентября 1638 года было отменено действие «Пяти статей», всех новаций в богослужении и подтверждено «Негативное исповедание» шотландского короля Якова VI (он же позже английский король Яков I). Карл согласился также на созыв генеральной ассамблеи шотландской церкви в Глазго. На выборах ковенантеры одержали полную победу. В результате ассамблея, отменив все церковные реформы короля, приняла решение об упразднении епископата. Это означало разрыв с королем и начало войн между Карлом I и его шотландскими подданными, вошедших в историю под названием «Епископские войны».

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И КРОМВЕЛЬ

Английская гражданская война не являлась религиозной, это была война за конституцию. Но на конфликт короля с парламентом за право управлять страной и взимать налоги наложилось противостояние между лаудианцами и пуританами. Все выглядело так, как будто все то, чего хотели пуритане, им могла дать англиканская церковь.

Согласно акту парламента 1641 года запрещались Звездная палата (чрезвычайный королевский суд) и Высшая комиссия. По другому акту 1642 года из палаты лордов изгнали епископов. Вместе с вспышкой гражданской войны в 1642 году члены-роялисты исчезли из Лондона, перейдя на сторону короля, и парламенту пришлось начать собственные реформы в Англии в той части страны, где войска могли принудить выполнять их закон. Объявленные указом епископы, деканы и капелланы упразднялись, их земли конфисковывались.

КАЗНЬ ЛАУДА

Страх перед католиками составлял часть английского патриотизма. Лауд и его партия, король и его королева-католичка вызывали осознанные и неосознанные опасения, что их поддерживает римский католицизм. В 1641 году ирландские католики восстали и умертвили тысячи протестантов, и тем не менее король говорил об использовании ирландских войск для подавления шотландских и английских повстанцев. Наконец оказалось, что секретарь короля вел переговоры с папой и просил денег и оружия.

Страх перед «варварскими» ирландскими захватчиками и боязнь Рима слились в одно чувство. И все подобные опасения, носившие рациональный или иррациональный характер, напоминали двуколку, потихоньку перемещавшую архиепископа Лауда, несгибаемого идеалиста, на плаху.

В начале декабря 1640 года палата общин приняла решение обвинить Лауда в предательстве. Однако, поместив его в Тауэр, они не знали, что делать дальше. В мае 1643 года

распространился слух, что Лауда вышлют в Америку. Той же осенью решили предать его суду. Защитником на процессе выступил Уильям Принн, который заявлял, что потерял свои уши под руководством Лауда, но не верил, что членам суда удастся сохранить беспристрастность.

Лауда обвинили в попытке отмены прав парламента, незаконном взимании пошлин с кораблей, попытках сбросить реформистскую религию Англии и восстановить в Англии католичество. Свидетельствами стали нелепые куски распятий, алтарных перил, письма к католическим священникам и преследуемым пуританам. Как и следовало ожидать, улики не доказывали наличие измены.

В соответствии с парламентским законом о наказании виновного в государственной измене без судебного разбирательства Лауд предстал перед парламентом. Крики лондонской толпы сломали сопротивление пэров, и парламент казнил Лауда, сделав первый шаг к тому, что в течение многих лет англичане продолжали связывать пуританство с несправедливостью и беззаконием.

Вестминстерская ассамблея

Палата общин, наделенная соответствующими исполнительными полномочиями, которые до этого принадлежали королю, придала супрематии короля парламентскую форму и управляла церковью точно так же, как она управляла государством. Палата общин назначала священников в приходы, создавала комитеты, чтобы распределять конфискованные доходы, контролировала плату за места в церкви.

Тогда же палата общин объявила, что шотландские пасторы могут иметь приходы в Англии. Учредила комитет, чтобы увольнять дискредитированных священников и помогать ограбленным священникам. Признав, что с духовенством надо консультироваться, палата общин собрала в Вестминстере ассамблею из 121 священника и тридцати членов парламента. Ассамблея собиралась в Иерусалимской комнате дома декана и заседала с 1643 по 1649 год.

Поверив, что некоторые из ее членов походят на членов национальной ассамблеи реформированной церкви, эти люди решили, что одна палата может советовать другой, как той следовало поступать. Ведущую роль в ассамблее играли пресвитерианцы и кальвинисты, они хотели установить в английской церкви дисциплинарную систему, состоящую из старейшин и пресвитерианцев. Как и правительства других кальвинистских стран, английский парламент не хотел уступать им свою власть в области дисциплины и исключений.

На Вестминстерской ассамблее присутствовали не только убежденные пресвитерианцы. Такие английские адвокаты, как Джон Селден, подозрительно относившийся к превосходству духовенства любого рода, и, следовательно, всем формам кальвинистской политики, намеревался сохранять светский контроль над церковью как гарантию разумной свободы мнений и морали.

В ассамблее оставалось десять или двенадцать индепендентов, которые много разговаривали и по любому поводу препятствовали законодательному установлению пресвитерианства, резонно опасаясь, что новые пресвитерианцы подавят индепендентов. Именно так следует прочитать известные строки Мильтона, столь враждебные по отношению к пресвитерианцам, — «новые пресвитерианцы являются не кем иным, как старыми священниками, и даже больше».

Военный союз с шотландцами, направленный против короля, Священная лига и Ковенант 1643 года, стремившийся лишь унифицировать церковную политику в Англии и Шотландии, заставили палату общин принять многие притязания пресвитерианцев, больше, чем хотелось бы членам парламента.

Предписание разделило Лондон на двенадцать «классов», запрещалось использование молитвенника, который следовало заменить «Руководством общественного поклонения», более мягким распоряжением о поклонении, исходящим от шотландцев и удаленным от женевской традиции.

В 1645 году парламент распорядился учредить пресвитерии и избрать старейшин. Однако парламент отказался передавать им право отлучения. Старейшины же могли отлу-

чать только в том случае, если оскорбления действительно наносились. В случае других обид исключать могли только с санкции парламентской комиссии, находившейся в той же провинции. Вестминстерская ассамблея выступила против этой системы и смогла добиться некоторого смягчения, однако сохранялось право обращения старейшин в парламентский комитет.

В 1646 году теоретически система заработала. На самом же деле она действовала лишь в Лондоне и Ланкашире и еще нескольких местах. Все священники, имевшие приход, должны были подчиниться Ковенанту (общественному договору) и Директории.

Ассамблея, попытавшаяся видоизменить тридцать девять статей в интересах кальвинистов, предпочла выдвинуть новую формулу веры — Вестминстерское исповедание, вероучительная часть которого была ратифицирована парламентом. В нем содержалось метко оформленное и бескомпромиссное заявление кальвинистских богословов, вскоре ставшее классическим выражением английской и шотландской пресвитерианской доктрины.

Оно осталось формулой, которую кандидаты на шотландское священство должны были одобрять. Ассамблея также приготовила более длинный и короткий катехизисы. Короткий катехизис стал обычным катехизисом в Шотландии, позже распространился среди английских нонконформистов. Но для всех остальных районов Англии труды Вестминстерской ассамблеи остались пустым звуком.

Парламент никогда не управлял всей страной. Даже инструкции по поводу того, чтобы принять Ковенант, повсеместно нарушались. Ричард Бакстер, позже ставший лидером английских пресвитерианцев, помешал своим людям в Киддерминстере принять Ковенант, а затем убедил священников Вустершира не представлять его населению.

Когда, наконец, армия короля потерпела поражение в битве при Нэйзби (Нэзби) в 1645 году и в стране воцарился мир, армия, но не парламент управляла страной. (В битве при Нейзби 14 июня 1965 года парламентская армия под командованием Т. Фэрфакса (14 000, в т. ч. 6500 конницы) разбила войско Карла I (7000, в т. ч. 4000 конницы). — *Ред.*)

Формально она именовалась армией парламента, но на самом деле войска проявляли верность по отношению к своим командующим, а вовсе не Вестминстеру. С 1647 года армия стала соперником парламента в борьбе за власть.

Роберт Бейл, один из шотландских посланцев на Вестминстерскую ассамблею, признавался, что присутствие шотландской армии стало главной поддержкой для учреждения пресвитерианства в Англии. Ведь английская армия скорее оставалась независимой, чем пресвитерианской.

Оливер Кромвель и многие из его военачальников верили в свободу вероисповедания. Офицеры, находясь среди солдат, часто проводили молитвы или произносили проповеди. Они хотели свободы вероисповедания и для себя, и для тех многочисленных небольших независимых или баптистских конгрегаций, которые появились в стране благодаря отсутствию репрессий во время войны.

Некоторые из них принимали точку зрения республиканцев, в то время как большинство в парламенте связывало свои устремления с конституционной монархией. Некоторые придерживались демократии Левеллера. Парламент стал игрушкой в их руках и не смог им заплатить, прежде чем они рассеялись. Так армия начала управлять страной.

Казнь Карла I

Смерть короля оказалась необходимой для республиканской партии. Существовала фанатичная партия среди солдат (хотя те и были инструментами в руках Господа), настаивавшая на обезглавливании короля, хотя и английские, и шотландские пресвитерианцы считали казнь безнравственной. Однако своим сопротивлением пресвитерианцы не снискали себе уважения в глазах последующих поколений.

Бесспорно, смерть короля не принесла пользы никакой из духовных партий, только старому священству. Уничтожение короля и его последствия подтвердили, наконец, наличие двух старых религиозных направлений в протестантской Англии (пуританского и епископального), именно второму и было суждено захватить лидерство в англиканской церкви.

Сам король верил в епископальную традицию, теологов, равно как и в политику. Он мог, как и любой из его епископов, рассуждать над текстами Священного Писания и шотландских богословов. Смерть Карла I не только вызвала сочувственное отношение к нему в Европе, но в глазах некоторых сделала его мучеником, пострадавшим за епископальную политику и молитвенник.

Вскоре после его смерти появилась Eikon Basilike, книга-описание последних часов короля вместе с рассказом о том, что якобы являлось его частными привязанностями. Несмотря на попытки изъятия, в течение 1649 года появилось пятьдесят изданий. На фронтисписе изображен король, преклоняющийся перед столом, на котором лежит Библия, его королевская корона лежит на полу.

В правой руке Карл I держит терновый венец, его глаза подняты к короне славы, расположенной сверху. Написанная умеренным церковником Джоном Гауденом, эта книга помогла превратить Карла I, казненного короля, в мученика, павшего от рук фанатиков.

Церковь во времена Кромвеля

Конец гражданской войны в Англии создал религиозную ситуацию, уникальную в христианской истории: стало существовать большое государство при военном правителе, который сам предпочитал независимость и изо всех сил стремился, чтобы основную религиозную силу государства составляли небольшие, но увеличивающиеся группы. Для этого Кромвель использовал одного из своих секретарей, крупного индепендентского публициста Джона Мильтона.

Трудно было создать религиозное устройство одним из ретивых людей, отрицавших, что магистрат способен на законном основании вмешиваться в религию, и большинство страны продолжало склоняться к тому, чтобы оставаться умеренными англиканцами или пресвитерианцами.

Даже во времена Кромвеля индепенденты оставались в меньшинстве, на окраине государственной религии. Однако именно индепенденты могли обеспечить действительную

терпимость в большом государстве. Папистов исключили за их неверность Англии, высших англиканцев выставили за неверность режиму, им запретили использовать молитвенник. Тем не менее режим оставался действительно терпимым.

В 1650 году был повторен закон, принуждавший к посещению приходских церквей. Англичанам также предписывалось осуществлять совместное поклонение Богу в воскресенье, однако, поскольку подобное требование оказалось неосуществимым, воззвание оказалось значимым для религиозной свободы Кромвеля.

Хотя он предпочитал добродетельный пуританизм, его правление оказалось достаточно либеральным, чтобы позволить распространение мистических и критических, небанальных и рациональных, восторженных и экзальтированных идей, позволявших религиозной мысли Англии сбросить с себя оковы, в которые хотели ее заключить Лауд или Вестминстерское аббатство.

Контроль над новым и более широким устройством церкви парламент предоставил Комитету, который только и наделялся полномочиями определять готовность кандидатов на пасторское служение. Комитет 1654 года назначил тридцать восемь человек, они объединились с пресвитерианцами и независимыми, а также несколькими баптистами.

Независимый, Джон Оуэн, самый великий из конгрегационалистских теологов, стал деканом Крайст-Черча и вице-канцлером Оксфордского университета, другие, соответственно, главами колледжа Святой Магдалины, Университетского колледжа и Иезуитского колледжа в Оксфорде, Пембрук-Холл в Кембридже и Тринити-колледжа в Дублине. Их администрации редко оказывались полезными образованию.

Помещения в Уайт-Холл, в которых ранее находился архиепископ Лауд, с 1650 года занимал неистовый индепендент Хуго Питер, капеллан Государственного совета. В 1653 году «Бэрбонский парламент», названный так по имени одного из активных членов парламента Бэрбона по прозвищу «кожа да кости» (существовал с июля по декабрь 1653 года), попытался проверить, можно ли управлять стра-

ной только в соответствии с библейскими принципами. И конгрегации независимых пришлось принять соответствующее участие, назвав членов этой бесполезной ассамблеи.

Конгрегация индепендентов собиралась в одной из самых больших церквей страны, Вестминстерском аббатстве в Кентербери и в других соборах. Небольшая группа сторонников пятой монархии встречалась в углу собора Святого Павла.

Собор в Экстере разделили кирпичной стеной, пресвитерианская конгрегация расположилась с одной стороны, конгрегация индепендентов с другой. В Честере, Дувре и Бристоле конгрегационная церковь собиралась в замке — бесспорно, потому, что пользовалась поддержкой среди солдат гарнизона.

В 1660 году примерно 130 индепендентских священников заняли приходы в «учрежденной» Кромвелем церкви. Некоторые из них к тому же были избраны конгрегациями, однако это была маска, прикрывавшая расширение движения. Все же многие приняли назначение из рук своего покровителя. И все же оставалось несколько конгрегационных церквей, например в Сент-Эдмондсбери, которая предпочитала оставаться снаружи, даже если учреждение было разработано, чтобы удовлетворить конгрегационалистов. Государство и доходы «учрежденного» духовенства во многом складывались из правительственных грантов со старых земель епископов и каноников.

Все прекратилось во время реставрации короля Карла II. Однако события гражданской войны, республики и протектората убедили, что в Англии, как и в Новой Англии, конгрегационалисты и баптисты стали постоянными составляющими религиозной жизни. Вернуться назад, ко времени ликвидации архиепископа Лауда, было уже невозможно.

Квакеры

Религиозное смятение английских гражданских войн представляло уникальную возможность для небольших групп всякого рода, как традиционных, так и других. Богохульные эксцентрики или странные фанатики, которые со временем

приспособились к терпимости, не требуют пояснений. Они показались современникам настолько шокирующими, что пресвитерианские деятели просто перечислили их и их «доктрины» как еретиков. Они писали, что таких ересиархов христианский мир не видел со времен святого Епифания, то есть с конца IV века.

Вспышки апокалиптических настроений вновь вызвали появление несогласных. Встречались приверженцы Пятой монархии, намеревавшиеся устроить монархию, обещанную в Книге пророка Даниила (2; 44), и говорившие, что Христос станет править миром тысячу лет.

Отметим и маглтонцев, сторонников эксцентричного лондонского портного Маглтона, заявлявшего, что он и его кузен оказались двумя свидетелями событий, описанных в 11-й главе Откровения. Они отвергали молитвы, учили, что следует слушать только проповедников с коротко стриженными волосами, а те, кто пытается рассуждать, находятся под влиянием дьявола.

Дородный констебль Ричард Сейл ходил по улицам Дерби босиком, одетый во власяницу и посыпав голову пеплом, с приятно пахнущими цветами в правой руке и воняющими водорослями в левой.

В ноябре 1652 года портной из Фарна по имени Джеймс Мильнер после четырнадцатидневного поста стал проповедовать, что вторник 2 декабря станет первым днем нового творения, когда четырехконечная простыня с ангцем спустится с небес.

Важно помнить, что в то время, когда происходили эти события, новое поколение было охвачено страхом перед будущим, опасаясь, как оно проявит себя. Многие вспышки набожности умерли вместе с их прародителями. Некоторым была суждена длительная история, например небольшая группа последователей Маглтона существовала во времена королевы Виктории (р. 1819, правила в 1837—1901).

В связи с крайней радикальностью тех идей, что по-прежнему были известны как анабаптистские, благочестие являлось резкой реакцией против всех внешних форм. Реформация являлась протестом против институционализации, замены внешних форм внутренней реальностью, спасения с

помощью покупки индульгенций вместо истинного раскаяния.

Многие индепенденты отвергали использование установленных образцов литургии, считая, что верующие должны быть «свободны». Во время гражданской войны сохранялись группы «ищущих», ожидавших прямого откровения Духа и испытывавших отвращение от всех внешних форм, даже от причастия и чтения Библии.

Из всех этих групп только одна, по сути такая же эксцентричная, как и все остальные, выжила и переросла причудливое время своего рождения и, наконец, смогла завоевать общественное и национальное уважение. Таковым стало «Общество друзей», названное так спустя полтора столетия. Первые сторонники Фокса происходит из существовавших ячеек «ищущих».

Джордж Фокс (1624—1691)

Джордж Фокс был сыном благочестивого ткача из Дрейтона в Лестершире, его мать была «из разряда мучеников». Он обучался у сапожника, когда ему исполнилось девятнадцать, во время гражданской войны стал бродячим «искателем», не посещал церкви, называя их «овчарнями». Вместо этого Фокс ходил по полям или огородам со своей Библией.

Его семья хотела, чтобы он женился, другие говорили, что он должен пойти в армию, священники советовали выращивать табак и распевать псалмы. Примерно в 1647 или 1648 году Фокс стал евангелистом. Часть его тезисов совпадала с анабаптистскими. Среди них: повторение клятв и отношение к военной службе, явно подозрительное отношение к крайним формам религии.

Он был уверен в том, что простодушные должны ждать, пока Дух, учение и знание не позволят иначе трактовать Библию. «Господь открыл мне, что то, чему учат в Оксфорде и Кембридже, вовсе не подходит и не может наделять людей правом быть проповедниками Господа, и я склонен соглашаться с этим, потому что этому верят люди».

Практика молчаливой молитвы на встречах была распространена среди меннонитов и ватерландеров. Часть посланий Фокса восходит к мистическим анабаптистским группам XVI века, например к Денку, Швенкфельду (Каспару, 1490—1561) или позднему Беме, средневековым немецким и английским мистикам типа Тайлера или автора «Облака непознаваемого», отрицавшим католический культ и традиционную монашескую обрядность.

Они считали, что не возникает необходимость во внутреннем руководстве, равно как нет нужды в помощи священника или авторитетного лица, поскольку мы тотчас получаем знание о Христе изнутри, возникает так называемый «внутренней свет», потребность Божественности внутри души. Спорили, что учение, похоже, иногда сходно по своему словесному наполнению с ранними мистическими проповедями радикальных протестантов.

Говорили и о том, что Фокс, возможно, находился под их непосредственным влиянием, особенно Якова Бёме. Однако Фокс сумел доказать, что не был знаком с текстами Бёме и образом мыслей тех «искателей», которые были до его размышлений.

Мистицизм обитает внутри элиты, в современной атмосфере убеждая лудильщиков и коммивояжеров располагаться внутри источника света, чтобы приглашать эксцентричных. Сам Фокс духовно научился отказываться кланяться или снимать шляпу перед каждым. Или использовать местоимение «ты» по отношению ко всем женщинам и мужчинам, независимо от того, были они богаты или бедны. Никогда не говорить «добрый вечер», называть дни недели или месяцев года по их названиям, но только по номерам.

Рассказывают одну такую историю. В Лонстоне в 1656 году судья, сославшись на Священное Писание, велел всем снять шляпы. На это Фокс ответил: «Возможно, вы читали о трех мучениках, которых по приказу Навуходоносора бросили в печь вместе с их платьем, штанами и шляпами».

Повинуясь своему душевному настроению, Фокс вошел в церковь Святой Марии в Ноттингеме и стал угрожать во время проповеди священнику. Продолжал вторгаться на службы и во внутренних графствах. Действия Фокса не оставались

без ответа, его побила разъяренная конгрегация в Мансфилд-Вудхаузе, несколько раз заключали в тюрьму.

В Личфилде он ходил по улицам босиком в ярмарочный день и выкрикивал: «Горе кровожадному городу!» Фокс одобрил действия некоего Уильяма Симпсона, который выставил себя против Лондона, пройдя в голом виде по улицам. Он учил, убеждая в моральном совершенстве, таком же настоящем, как совершенство Христа, и почти личной непогрешимости и своих вдохновленных свыше высказываниях.

Его соперник в руководстве движением, Джеймс Нейлер, которого Фокс обратил во «внутренний свет» в 1651 году, позволил, чтобы ему поклонялись как Сыну Господа. В октябре 1656 года Нейлер вошел в Бристоль во время ливня, он ехал на лошади вместе со своими сторонниками, разбрасывал по дороге одежду и выкрикивал «Святой, святой, святой!».

В первые годы немногое отличало квакеров от остальных фанатиков. На самом деле понятие «квакеры» первоначально относили к другой группе и применяли к Фоксу ошибочно.

В истории они остались отчасти благодаря естественности некоторой части своего учения. В какой-то степени это произошло потому, что Фокс смог внушить необычайную преданность (и не только исходящую от внешнего восторга), а отчасти благодаря переменам внутри самого Фокса. По мере того как он взрослел, этот деятель становился все тверже, мог отличить нужное от абсурдного.

В 1652 году Фокс прервал службу в Алверстонской церкви, его слова поразили даму из конгрегации, по имени Маргарет Фелл, из Суортмор-Холл. Она предоставила ему убежище и успокоила мужа, известного адвоката, вернувшегося домой. Нет никакого сомнения, что именно супруги Фелл помогли Фоксу осознать человечество и мир.

После смерти Фелла в 1669 году Фокс женился на овдовевшей Маргарет. Выяснилось, что Фокс обладает организаторскими способностями. Он быстро выявил невыгодное положение квакеров, возникшее благодаря отказу от крещения и женитьбы духовенства, учредил систему регистрации рождений, браков и смертей. Записи оказались бесценными,

ибо национальную систему регистрации в Англии создали только в 1836 году. К 1670 году его «Друзья истины» обрели стабильность, не растеряв доктрину «внутреннего света» и неоценимый квиетизм[1], ставший основой их существования.

Епископалианцы

С августа 1645 года молитвенник запретили, не разрешая использовать даже во время семейных молитв под страхом годичного тюремного заключения. Однако предписание, устанавливавшее директиву, не получило королевского одобрения и в глазах роялистов не могло отменить акт парламента, учреждавший молитвенник. Верность литургии стала частью преданности короне.

Предписание не вводилось принудительно. Привезя обезглавленное тело короля Карла I для захоронения в церковь Святого Георгия в Виндзоре, плакальщики спросили у епископа Джаксона, сможет ли тот прочитать погребальную службу по молитвеннику, но управляющий замком заявил, что предписание остается единственно разрешенной формой. Однако в частных часовнях и в гостиных новое духовенство и священники продолжали использовать новую литургию. Дочь Оливера Кромвеля Мария вышла замуж в соответствии с этим обрядом.

Некоторые из ушедших в отставку епископов продолжали мирно посвящать в духовный сан в своих убежищах. Приходские священники обходили закон, произнося книгу по памяти, вставляя незначительные переделки или обрамляя собственные литургии материалами из книги.

Жесткие англиканцы верили, что все эти манипуляции с текстом литургии так же незаконны, как и использование «Указаний», но не пытались устроить подпольную церковь. Выйдя в отставку и поселившись в родных местах, Джаксон занялся охотой на лис, Рена заключили в Тауэр. Браунинг

[1] К в и е т и з м — религиозное учение, доводящее идеал пассивного подчинения воле Бога до требования быть безразличным к собственному спасению. (*Примеч. пер.*)

за семнадцать лет ни разу не посетил свою эпархию в Эссексе.

Даппа заявлял: «Я оберегаю себя и, подобно черепахе, не стану выходить из своей скорлупы». Епископы помнили дни войны и казнь Лауда, предпочитая храбрости пассивное неприятие. Известны и другие истории, о том, как пожилой епископ Мортон ответил путешественнику, спросившему его имя: «Я — старик, епископ Дарема, отвергающий все ваши постановления». Выжившие епископы редко проявляли сдержанность или находили возможным действовать подобным образом.

В комитет парламента выбрали порядка 3000 священников. В начале XVIII века доктор Джон Уолкер составил мартиролог, озаглавленный «Страдания духовенства», где, проявляя огромное трудолюбие и приводя большой материал, определяет число лишенных собственности (выселенных) священников примерно в 10 000 человек, так что оказывается, будто из всех ответвлений англиканской церкви только епископалианцы проявили достаточную стойкость во время преследований. Подсчет основывается на утверждении, что епископалианцы преобладали как в 1645 году, так и после 1662 года, что не является верным. Почти две трети приходов в англиканской церкви не были затронуты епископальными переменами.

Однако в отставках на лондонских улицах и в английской сельской местности, в ссылках в Париж и в Гаагу жесткая епископальная школа отожествлялась с королевским делом. Юный король Карл порождал уныние и колебания, вступая в переговоры с шотландскими пресвитерианцами, и даже в одном случае подписал Ковенант.

Однако после 1653 года колеблющихся больше не осталось. Дела короля стали делами англиканской церкви, дела англиканской церкви входили в число деяний короля. Под «англиканской церковью» подразумевали молитвенник и политику епископов, священников и дьяконов.

Высокомерные эсквайры, которые в 1641 году ненавидели епископов как пуритане, теперь с надеждой смотрели на их возрождение вместе с возвращением короля. Подавление оказалось слишком терпимым, чтобы уничтожить шко-

лу Лауда, но достаточно надоедливым, чтобы обновить понятие «пуританин», придав ему более одиозный смысл.

«Я, — писал мягкотелый Санкрофт, — смотрю на эти проклятые пуританские фракции как на руины самой славной церкви на земле!»

Пресвитерианцы могли возмущаться казнью короля, могли хотеть Карла II. Им могли не нравиться индепенденты и правительство Кромвеля, но они открыли шлюзы революции и в глазах жестких роялистов оказались брошенными вместе с Кромвелем в адский котел, то есть обречены на вечные муки.

Впервые в истории Реформации английские протестантские священники теперь отказывались от причастия в реформированных церквях Европы. Изгнанники епископалианцы не совсем соглашались с тем, когда Джон Козин доказывал, что причащение с гугенотами законно. Однако он оставался в одиночестве.

Гугеноты имели пресвитерии, само имя плохо звучало, и гугенотские пастыри отталкивающе симпатизировали пуританскому режиму Англии, явно прощая «безбожников», которые разрушили старую англиканскую церковь.

Реставрация монархии и возвращение Карла II в 1660 году привело к возвращению требника и епископов. Но, несмотря на эти важные шаги, оказалось невозможно вернуться к церкви, существовавшей перед гражданскими войнами.

Во-первых, восстановили церковь образца 1641 года, но не 1640-го. Не возродили Звездную палату и Высшую комиссию. Высшая комиссия являлась английской формой лютеранской консистории, духовным судом, через который успешно проявлялась супрематия королевской власти. Никакой адекватной замены ему так и не нашли.

В результате возникла непреднамеренная лакуна. Кромвель оставил более разнообразную английскую религию, так что больше ее нельзя было ограничить механически или дисциплинарно. Разнообразие мнений и практик внутри англиканской церкви впоследствии стало неуклонно расширяться.

Во-вторых, религиозный раскол оказался глубже. Во времена Кромвеля высшие священнослужители поднялись выше, пуритане оказывали более решительное сопротивление епископам и требнику. Неприсоединение к английской церкви (нонконформизм) впредь стал постоянной составляющей национальной жизни.

В-третьих, правители английской церкви оказались более консервативными, чем когда-либо. Кальвинисты выступали за реформы и потерпели крах. Благодаря их неудаче оказывалось сложным реформировать что-либо, ибо реформаторы принимали в штыки средневековые традиции, сохранившиеся в Англии вплоть до XIX века и в дальнейшем.

Именно пуритане заявляли, что королева Елизавета подмела в церкви Англии и оставила пыль за дверью. Гражданская война освятила даже пыль. Их необычный консерватизм в полной мере отразился в молитвеннике. Сначала освященный сожжением его главного автора и мучениками времени правления Марии Тюдор, затем ростом «божественных» объединений, он получил от «законодательного» запрещения только дополнительную святость.

Теперь молитвенник стал частью конституции, демонстрировавшей верность короне, законности. Так стало труднее проводить изменения в ее содержании, которые оказывались необходимыми, чтобы облегчить сознание пуритан или позже приспособить религиозное рвение к нуждам новых поколений.

Совсем недавно протестантские церкви снова разделились. Когда Цвингли разошелся с Лютером, протестанты разделились на лютеран и реформированных. Однако, несмотря на рост политического влияния лютеранской Скандинавии, реформированные церкви захватили инициативу, и в конце 1620 года многим показалось возможным, что Англии можно достичь гармоничного союза с реформированными церквями.

Крушение пуританского учения в Англии покончило со всеми надеждами. Реформистское духовенство впредь столкнулось с критицизмом не только со стороны немцев Северной Германии, но и мощного объединения высшего англи-

канского духовенства. В то время как небольшие группы английских нонконформистов и усилившиеся за Атлантикой конгрегационалисты и баптисты отказались принять политику Кальвина.

Английские гражданские войны имели значение не только для истории эволюции религии в Англии и Шотландии. Они повлияли на все последующие поколения протестантской Реформации.

Часть вторая

КОНТРРЕФОРМАЦИЯ

Глава 8
КОНТРРЕФОРМАЦИЯ

КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ

Понятие «Контрреформация» обозначает начатую католической церковью борьбу с протестантизмом. Политически Контрреформация являлась объединением всех католических сил, готовых выступить в крестовый поход против новых протестантских государств. Но истинный смысл этого движения заключался в том, что борьба с протестантизмом должна была способствовать активизации реформистских движений внутри самой католической церкви.

Однако ничего подобного не произошло. Конфликт с протестантизмом породил новую крайность, противодействие интересам закона и административному консерватизму, который не принимал никаких изменений. Сказанное придало реформам динамику, близкую к античной, живость и недоверие к способам действия протестантов.

Интересы закона оказались настолько могущественными, что никакая Реформация, даже католическая, не смогла вторгнуться во власть светского государства. Частично трудности обуславливались независимостью власти и церкви внутри каждого государства. С другой стороны, трудности связывались с ущемлением интересов римской курии, которая блюла свои финансовые и законодательные права во всей церкви.

Даже католическая Реформация в Испании, Франции или Южной Германии, имевшая целью дальнейшее ограничение власти Рима в этих странах, стимулировалась как католическими монархами, так и моральным и интеллектуальным авторитетом пап и духовенства.

Борьба против мусульман в Южной Испании сплотила испанское государство и церковь в единое целое, обладавшее страстностью крестоносцев. (Эта борьба продолжалась с 711 по 1492 год! В 711 году арабы вторглись в Испанию, к 718 году страна почти полностью завоевана. Но в 718 году арабы были разбиты восставшими испанцами на севере страны под Ковадонгой. И затем в ходе Реконкисты Испания отвоевывалась у чужеземцев до 1492 года, когда пал последний их оплот — Гранада. — *Ред.*) Испанская корона уже стала определяющей силой, доминирующей над церковью с помощью инквизиции, которая благодаря законодательным ограничениям, поставившим действия национальной монархии над папскими, превратилась в орудие королевской власти.

К 1550 году в Испанию стали поступать богатства из недавно завоеванной Америки. Вызванное ими развитие экономики, соединенное с увеличением политического влияния в связи с королевскими браками, выдвинуло страну на ведущее положение среди государств Европы.

После 1562 года Франция, расколотая на католиков и гугенотов, потеряла свое политическое влияние, и Испания стала сильнейшим государством в Европе, не имея соперников ни по средствам, ни по влиянию. Однако испанское управление Миланским герцогством, Неаполитанским и Сицилийским королевствами привело к доминирующему положению Италии (хотя и под испанской властью), и глубокий старинный конфликт Средних веков между папой и германским императором эволюционировал в мелкие разногласия между папой и испанским королем (ставшим также и императором).

Однако они выглядели скорее как мелкие стычки, поскольку после 1562 года папа стал политически зависеть от короля Испании, как в свое время папы Средних веков зависели от императоров из Саксонской династии или династии Гогенштауфенов, а также правителей из Анжуйской династии. Испания доминировала в Европе в военных делах, навигации, открытиях. Испанский католицизм оказался тем магнитом, к которому притягивался католицизм Контрреформации.

Кардинал Хименес, примас[1] Испании с 1495 по 1517 год, возглавлял Реформацию испанской церкви на основаниях, которые можно посчитать традиционными, если бы они так сильно не затронули королевскую власть. Он проповедовал бедный образ жизни среди монахов и странствующих братьев, распускал религиозные общины, которые вступали с противоречие с его предписаниями, или же отдавал их доходы госпиталям и обедневшим монастырям. Заставлял священников, имевших приход, постоянно находиться в них. Популярно излагал Священное Писание, чтобы обучать детей. Создал университет в Алькале, разработал методику обучения схоластических теологов и духовенства, поощрял изучение древнееврейского и греческого языков.

Здесь ведущие ученые, некоторых из которых пригласили из Италии, тепло принимали реформаторские и критические идеи Эразма. В испанских Нидерландах Вив издал труды святого Августина и разработал просветительские схемы образования.

Возможно, ни в одной стране Европы принципы Эразма не были столь ревностно приняты выдающимися людьми в качестве руководства к реформам. В то же время они подверглись критике в 1520—1522 годах охотником за ересью Цунигой, который попытался убедить испанцев, что именно Эразм ответствен за Лютера, однако ему не удалось преуспеть в этом.

Алькала соперничала с Саламанкой за интеллектуальное превосходство в Испании. Между 1502 и 1517 годами группа ученых под личным руководством Хименеса составила многоязычную Библию в шести томах, включавшую тексты на древнееврейском, древнегреческом и латинском с критическим аппаратом. Тома полагалось продавать только после их одобрения папой (полученного лишь в 1520 году), поэтому публикацию отложили до 1522 года.

Вот почему Новый Завет Эразма стал известен в Восточной Европе до появления многоязычной версии. Критическое отношение кардинала оказалось более консервативным, чем

[1] П р и м а с — в католической и англиканской церквах почетный титул главнейших епископов. (*Примеч. пер.*)

критическое отношение Эразма, однако его знания вовсе не являлись поверхностными. В 1512 году появился испанский перевод Евангелий и Посланий, они часто перепечатывались, так что испанцы легко могли приобрести экземпляр на своем родном языке.

Однако после 1530 года испанские сторонники Эразма столкнулись с неодобрением инквизиции. Они представляли небольшую группу образованных людей, их идеалы не встречали поддержки ни среди населения, ни среди большинства испанского духовенства или монахов.

В 1537 году инквизиция запретила чтение работ Эразма на кастильском и велела, чтобы из его латинских изданий вычеркнули нежелательные места. Инквизиторы начали выслеживать лютеран и охотиться за ними. Им удалось найти немногочисленные подтверждения. В Севилье обнаружили группу, контрабандно ввозившую Библии на испанском языке из Женевы.

Последовавшие в 1558—1560 годах официальные сожжения ликвидировали нескольких беспомощных протестантов и, возможно, какое-то количество других. Начав преследования, инквизиторы уже не могли остановиться. В Италии разрушение протестантизма пошло так же быстро.

Новые ордена

Средневековый католицизм искал высшее проявление благочестия в монашеской жизни. Устаревший метод реформирования церкви должен был найти новые приемы или обновить формы старых порядков. В Италии и Испании новые способы организации обнаружили в течение первой половины XVI века. Оказалось, что легче создать новую систему, чем реконструировать старую. Отчасти это происходило потому, что реформаторы, даже внутри религиозной общности, скорее всего, стремились разделить ее, а частично потому, что пожертвования монастырям по всей Европе оставались частью системы мирового капитала. Материальные интересы были самой консервативной силой в церкви.

Отдельные монастыри или группы смогли самореформироваться, некоторые монастыри не нуждались в переменах. Самой удачной попыткой реконструирования старого ордена стало воссоздание ордена капуцинов. Его основатель — Маттео да Басси (ум. 1552), итальянский францисканец, выходец из крестьян, искавший, как обновить примитивную простоту святого Франциска Ассизского и соблюсти завещание святого Франциска.

Он настаивал на том, чтобы иметь бороду, сам же носил поверх своего грубого коричневого одеяния четырехконечный капюшон. Позже Маттео оставил свою группу и стал странствующим евангелистом, однако папа в 1528 году признал его орден. Обозначение «капуцины» (по коричневому остроконечному клобуку) впервые встречается в папском документе 1535 года.

Капуцины руководствовались пастырским милосердием, помогали прокаженным и госпиталям, придерживались общественной проповеди Евангелия, сторонились великолепных монастырей и городских церквей более старых францисканцев, отказывались поощрять ученых, строили небольшие совместные жилища из плетней, обмазанных грязью, в отдаленной сельской местности или в горах.

Они сражались при каждом выпадавшем им случае со старательными францисканцами, которых тихо критиковали с помощью своих реформ и от которых уводили благочестивых людей. Капуцинов попытались подавить в 1530-х годах и позже, когда их руководитель Бернардино Окино, популярнейший итальянский проповедник, в 1542 году перешел в протестантизм.

До 1572 года капуцинам запрещали основывать монастыри за пределами Италии, но затем они стали быстро распространяться, став вторым после иезуитов великим религиозным орденом Контрреформации. Опасения городов и ученых нивелировали, к 1619 году орден, наконец, получил формальную независимость. По своему образу действий капуцины оказались более типичными, чем те монахи, которые хотели реформировать церковь.

Однако большинство новых орденов появилось именно в Новое время и отражало новые веяния — театинцы (осно-

ваны Гаэтано (Каэтан) да Тиена (Тиенский) в 1524 году), сомаски (1532), варнавиты (1533), иезуиты, свободные группы, называвшиеся «ораториями», как и братство молитвенной и пастырской деятельности в Риме, именовавшее себя «Ораторией Божественной любви» (1516). Или группы светских священников, основанные святым Филиппом Нери в 1575 году, превратившим орден ораторианцев в крупный религиозный институт[1].

Хотя большинство орденов ведут свое начало от странствующих братьев, их этика и устройство были во многом новаторскими. Сами они не порывали с миром. В их намерения входила пастырская деятельность и обновление приходов. Они отличались строгим образом жизни, проповедовали, учреждали приюты, госпитали и дома для падших женщин, воспитывали детей, облегчали страдания больных или сильно нуждающихся.

Существовал даже новый орден для женщин, называвшийся урсулинками (1535), сначала его членам предписывалось жить в монастырях или молиться в своих приходских церквах, вести благочестивую и социально активную жизнь. Сквозной идеей, определяющей суть католической Реформации, несомненно, являлся поиск более подобающего духовенства, более образованных и лучше обученных священников.

Предполагалось, что священники должны проживать в своих приходах, епископы — в епархиях. Они должны были быть страстными и склонными к самопожертвованию, миссионерской деятельности, обученными проводить исповеди. Они отличались строгим целибатом, подавляли свои желания, были способны преподавать в школах, носили одеяние каноников. Самому духовенству полагалось оставаться неподкупным и некоррумпированным, образованным и кажущимся не от мира сего.

От Гаэтано (Каэтано) Тиенского и его деятельности примерно с начала XVI столетия до святого Филиппа Нери в конце века консервативные реформаторы двигались в этом

[1] В современной традиции понятие «институт» нередко трактуется как «учреждение», обычно наделенное культурными функциями. (*Примеч. пер.*)

направлении. В связи с новизной своих идей или институтов они доказывали, что традиционные методики Средних веков непрактичны.

Так, например, законным доводом, шла ли речь о соблюдении целибата среди духовенства, становилось Священное Писание. Целибат мог быть желательным, пагубным или полезным. Однако именно Контрреформация ответила на вопрос, о котором спорили радикалы, доказавшие, что средневековое внебрачное сожительство невозможно.

ИЕЗУИТЫ

Игнатий Лойола (Игнасио де Лойола) впервые упоминается на страницах истории в 1515 году, когда в Памплоне, в Наварре был обвинен в «великом преступлении», совершенном вместе с группой священников. Он заявлял перед судом, что являлся духовным лицом. Однако суд выяснил, что его нет в списке генерального викария, что его видели, как он обычно носил кожаную кирасу и нагрудник, имел при себе шпагу или меч, кинжал, мушкет и другое разнообразное оружие. Нам неизвестно, что Лойола сделал, но ясно, что тогда он еще не стремился к духовности.

21 мая 1521 года, когда он защищал пролом в крепостной стене Памплоны, в сражении против французских захватчиков, пушечное ядро раздробило его правую ногу и ранило левую. Последовавшее хирургическое лечение почти убило его. Ногу неправильно вправили и вынуждены были вновь сломать, опять выправили неправильно, и все повторилось сначала. Так Лойола и остался с искривленной правой ногой, осознав, что никогда больше не может сражаться.

Прочитав «Жизнь Христа», написанную картезианцем Лудольфом, и религиозные книги, которые находились в домашней библиотеке, погруженный в раздумья или днем мрачно размышлявший по поводу своего будущего, Лойола однажды увидел ночью видение Мадонны с Младенцем. Тогда он и решил, что станет святым.

«Предположим, что я сделаю то, что сделал святой Франциск или святой Доминик?» Лойола решил предпринять па-

ломничество в Иерусалим. В святилище Монсеррат он повесил свои меч и кинжал на статую Святой Девы Марии и провел бодрствуя всю ночь перед Ее алтарем как рыцарь, посвящавший себя снова служению Царице Небесной.

Продолжив свой путь в Иерусалим, Лойола не смог войти в Барселону, охваченную чумой, уничтожавшей город. Поэтому он остановился в Манресе, намереваясь провести здесь несколько дней, но задержался почти на год. Все это время Лойола вел аскетический образ жизни, молился по семь часов в день, трижды в день занимался бичеванием, вставал в полночь, чтобы помолиться, не стриг волосы и ногти, просил милостыню.

Лютер считал, что подобный образ жизни не может привести к миру в душе. Лойола почувствовал то же самое. Его сознание начало изменять ему, во время исповеди он снова и снова называл одни и те же грехи, опасаясь, что забудет в них покаяться, и испытывал муки совести.

Лютер находил спасение в чтении Послания к римлянам (святого Павла). Лойола видел свой путь спасения в концентрации своей железной воли в соответствии с прежними страданиями Христа, в слепом подчинении и повиновении церкви.

Именно его духовник велел ему есть, так как Лойола решил не принимать никакой пищи до тех пор, пока силы его не истощатся. Лютер отдал собственную волю милости Господа. Игнатий принудил себя подчиниться представителям церкви. Если в основе всех трудов Лютера лежит вера, то Лойола позволяет понять подчинение.

В то время как тело Лойолы страдало, а ум зрел в Манресе, он написал первые главы Exercitia spiritualia («Духовных упражнений»), окончательно же книга сложилась в Риме в 1541 году. Рукопись сохранилась вместе с его пометками, но не была напечатана, пока не получила одобрение папы и не была переведена на латинский.

Это не книга для чтения, а практическое руководство для того, кто хочет пройти четырехнедельный курс аскезы. Игнатий не был искусен в религиозных делах, поэтому в его книге нет повествовательного дискурса, не отличается она и художественными достоинствами. В ней есть лишь прове-

ренные на себе практические рекомендации и ряд молитв, приведенных без всяких словесных украшений, написанных в соответствии с испанским реализмом.

Подвергая человека этим упражнениям, Лойола намеревался обучить его управлять своей волей. Для этого ему необходимо уйти в уединенную келью, отречься от внешнего мира и провести месяц в тишине, прерываясь только на литургию и общение со своим наставником. Упражнения распределяются на четыре этапа — недели (название «неделя» — достаточно условное, в зависимости от успехов упражняющегося каждая неделя может быть сокращена или же увеличена). Первая неделя — очищающая (vita purgativa). В этот период человек вспоминает грехи, совершенные в истории мира и им самим, в его личной жизни, прилагая усилия к тому, чтобы «достичь первичного обращения»: выйти из состояния греха и обрести благодать. Вторая неделя — просвещающая (vita illuminativa), она посвящена молитвенным размышлениям о земной жизни Иисуса: от Его Рождества до конца Его служения людям. Вторая неделя рассматривается как подготовка к решению, ответу на призыв следовать за Христом, к определенному жизненному выбору. Третья неделя — соединение с Христом в Его крестном страдании и смерти. Таким образом, упражняющийся умирает со Христом, чтобы с Ним вместе воскреснуть. Четвертая неделя — Воскресение и Вознесение. Духовный плод всех недель заключается в высшем созерцании ради обретения любви (contemplatio ad amorem), которое дает возможность все возлюбить в Боге, а Бога — во всем.

Планировалось, что через месяц человек придет к сознательному решению начать вести новый образ жизни, подчиняясь учению и предписаниям церкви. Выводились и другие правила, в частности: подчинение высшему и полное самоотречение являются условием полного подчинения Господу. Душа должна повиноваться церкви, как невеста Христова, жертвуя своими собственными суждениями, исповедоваться, часто причащаться, отводить часы для молитвы. Устанавливались такие институты церкви, как монастыри, целибат духовенства, реликвии, посты, индульгенции, паломничество. Провозглашалась защита схоластической теологии, церковных традиций и декретов пап.

Книга заканчивается «Правилами раздумья вместе с церковью». В них проводится мысль о доминанте церковной службы, если человек готов поверить в то, что кажется ему белым, а на самом деле является черным, если церковь заявляет, что это так. Однако в противоположность общему мнению доказано, что в течение многих лет ученики Лойолы постоянно не занимались подобными упражнениями.

В 1523 году Лойола совершает паломничество в Иерусалим. В 1526 году он становится студентом Алькалы, готовящим себя к рукоположению. Его жесткость и небольшие группы набожных сторонников заставляют испанскую инквизицию с подозрением относиться к нему, и в течение некоторого времени Лойола находится под стражей.

Свою деятельность Лойола попытался продолжить в Саламанке и снова попал в тюрьму. Новую попытку он предпринял в Сорбонне, где его снова обвинила инквизиция. Тогда Лойола начал, наконец, учиться мудрости и осмотрительности при подборе учеников. В Париже к его братству присоединились первые шесть человек — его земляк Франциск Хавьер (Ксаверий), Лайнес, Фабер (Пьер ле Февр), Сальмерон, Бобадилья и Родригес.

В часовне на Монмартре 15 августа 1534 года небольшая группа вознамерилась идти в Палестину, чтобы начать обращение турок, что оказалось невозможным. Они хотели предложить папе, чтобы тот поручил им любой вид деятельности по его выбору, даже если таковой окажется миссия к туркам или другим, если это необходимо.

К 1538 году стало ясно, что в Палестину попасть невозможно, и, хотя мысленно Хавьер (Ксаверий) уже был в Индии, все же они предложили свои услуги папе. Им стало известно о вопиющих нуждах итальянских парий. Позже сторонники Лойолы получили известность как воспитатели детей, проводники уединенной жизни, как общественные проповедники, капелланы в госпиталях.

В Риме весной 1539 года они образовали орден Иисуса, целью которого было наставление детей и просвещение их заповедям Господа. Его члены выказывали особое послушание папе, отправляясь туда, куда он их посылал. Священники ордена, хотя и связанные часами молитвы, не выполняли

вместе свои обязанности, поскольку не могли остановить свою благотворительную деятельность.

Их деятельность протекала не в благоприятное для установления новых порядков время. При папском дворе реформы начали спотыкаться во время правления папы Адриана VI (1522—1523), продолжая оставаться в том же состоянии, при Клименте VII (1523—1534) все стало даже хуже. Подобное положение сохранялось и в 1539 году при Павле III, ставшем папой и начавшем заметно влиять на общественное мнение в Риме. Во многих местах встречались революционно настроенные личности. Каноник Гудиччони, с которым папа советовался по поводу иезуитов, поверил, что все существующие мужские ордена, кроме четырех (возможно даже, одного), следует запретить. Наконец, буллой от 27 сентября 1540 года учредили общество Regimini militantis ecclesiae.

Общество никоим образом не собиралось стать орудием в борьбе против протестантов. В равной степени оно не славилось своей непримиримостью. В булле 1540 года общество своей целью объявило пропаганду веры, фраза «пропаганда и защита» веры появилась только в 1550 году. В равной степени по своему происхождению общество не обладало диктаторскими свойствами. Сам Лойола оказался менее темпераментным, чем Джон Весли (Уэсли).

Однако между 1540 и 1555 годами общество настолько выросло численно, стало настолько влиятельным, до такой степени расширило круг своей деятельности, что им можно было управлять только с помощью сильной руки и центральной власти.

И пока Игнатий не начал действовать решительно как влиятельное лицо, он, возможно, довольствовался тем, что кто-то другой станет управлять основанным им сообществом, а он продолжит оснащать его собственными идеалами и добродетелью подчинения как основой его благочестия.

Правила, сформулированные в «Духовных упражнениях», вовсе не являются новинкой. Они похожи на правила Франциска Ассизского, истоки восходят к Правилу святого Бенедикта и др. Однако Лойоле удалось преуспеть во введении в свое общество атмосферы религиозного послушания, которое легко сочеталось с автократическим устройством, дав

ему практическое обоснование, и завершалось обетом полного послушания папе римскому, дававшимся членами общества.

Они намеревались создать общество священников, служащих язычникам и бедным, уделяя особое внимание обучению детей или неграмотных, с особой энергией подавляя стремления своих самых преданных сторонников, стремившихся превратить общество в обычный, пассивный орден. Они учреждали приюты, дома для падших женщин, школы, центры облегчения страданий бедных. В Сицилии даже создали нечто вроде банка для нуждающихся крестьян.

Другие члены в период установления новых порядков изменили религиозные обязательства, чтобы произносить службы вместе. Однако Игнатий Лойола наложил на это запрет. Не происходило общего произнесения служб — так старейшее обязательство, восходящее к монашескому сообществу, исчезло.

Отметим уравновешенность, проявившуюся у зрелого Игнатия, когда-то фанатичного и аскетичного экстремиста в управлении обществом. Хотя он продолжал вести суровый и аскетический образ жизни, не позволяя никому проявлять излишнюю ретивость, когда это начинало приносить вред здоровью.

Лойола даже принуждал некоторых юных аскетов, которых находил постящимися вне регламента, есть мясо в своем присутствии. Его люди должны были соответствовать тяжелой работе, совершаемой в миру. Успехи иезуитов быстро распространились в соответствии с их готовностью приспособить старые идеалы монахов к запросам нового поколения.

Иерархия в обществе была сложной. Послушничество продолжалось два года вместо одного, оно отличалось от старого замкнутого монашества тем, что предполагало работу в госпитале и совершение паломничества босиком. Затем новичок принимал простые обеты бедности, послушания и милосердия, после чего переходил к «учебе», а уже пройдя через жесткий курс высшего обучения, должен был принять в дополнение к трем стандартным обетам послушания, целомудрия и нестяжания четвертый: обет непосредственного

послушания Святому Отцу, как наместнику Господа, и Генералу ордена. Девизом ордена является фраза «Ad majorem Dei gloriam» («К вящей славе Божией»).

Именно «принесшие четвертую клятву» составляли управляющее ядро общества. Их было немного, в 1556 году всего лишь 43 человека из 1000 членов. Управляющее сообщество собиралось только для избрания Генерального настоятеля (Генерала) ордена или по его распоряжению (кроме исключительных случаев, когда Генерал оказывался не в себе или недееспособным).

Сообществом управлял Генерал вместе с четырьмя избранными им помощниками. Теоретически Генерал располагал такой же властью, как и руководители других средневековых орденов, но их власть ограничивалась обычаями, писаными и неписаными правилами, в то время как иезуитский Генерал руководил мощной организацией, нуждавшейся в сильном правительстве, чтобы контролировать ее быструю экспансию и согласовывать различные виды деятельности.

Система морали, разработанная иезуитами, называлась ими «приспособительной» (accomodativa), так как давала широкую возможность в зависимости от обстоятельств произвольно толковать основные религиозно-нравственные требования. Для большей успешности их деятельности иезуитам разрешается вести светский образ жизни, сохраняя в тайне свою принадлежность к ордену. Широкие привилегии, данные папством иезуитам (освобождение от многих религиозных предписаний и запрещений, ответственность только перед орденским начальством и др.), способствовали созданию чрезвычайно гибкой и прочной организации, в короткое время распространившей свою деятельность на многочисленные страны. В Средние века иезуиты активно использовали казуистику, систему пробабилизма, а также применяли различные приемы для трактовки вещей в выгодном для себя ключе, в частности мысленные оговорки и т. п. Из-за подобной морали в бытовом языке слово «иезуит» стало синонимом хитрого, двуличного человека.

По мере того как увеличивалась численность, занятия членов ордена становились более разнообразными. Не по-

зволялось прерывать служение Господу, которое оставалось главным занятием в обществе, так как сохранялась необходимость борьбы против еретиков. 7 апреля 1541 года Франциск Хавьер (Ксаверий) вместе с тремя иезуитами-товарищами сел на корабль, идущий в Индию. Он стал первым в длинной цепочке миссионеров, направившихся в Индию и в Америку.

В 1540 году общество оставалось небольшой группой, в основном занимавшейся образованием и пастырской деятельностью среди бедных. К 1556 году, когда Игнатий умер, в ордене состояло более 1000 членов, и оно превратилось в одну из самых влиятельных организаций в католическом мире.

Францисканцы начали с пастырства для бедных и вскоре представили профессоров в университеты. Параллельное расширение деятельности иезуитов произвело меньшие перемены, чем францисканцы. Чтобы образование детей оказалось эффективным, его следовало направить от низшего к высшему. Начальная школа не была результативной без активной средней школы, и средняя школа не функционировала, пока не начинал действовать университет.

Первую иезуитскую среднюю школу открыли в Мессине в 1548 году. Здравый смысл Лойолы предполагал новые методики, он внес свежее дыхание и практическое начало, удивительное обучение латыни в духе Ренессанса, заботу и о благочестивых манерах. Начав обучать мальчишек из римских трущоб, орден закончил воспитанием принцев, принцесс и представителей знати католической Европы.

Тем временем один университет за другим основывал колледжи, сначала в Падуе в 1542 году, главный открылся в Риме в 1551-м. Общество иезуитов превратилась в обучающий орден, став ведущей организацией, занятой высшим образованием католиков. Поскольку образовательные методики оказались эффективными, более функциональными, чем какие-либо другие в современной Европе, то их сочли возможным использовать для обучения аристократов и королей. Ассоциация иезуитов при католическом дворе показалась объединением опасным для обеих сторон, была основана на руководстве умными учителями.

Иезуиты в Германии

Обучая католической вере в университетах, иезуиты вступали в прямое противоречие с быстро нараставшим влиянием протестантского духовенства, у которого был собственный план Реформации. Понятно, что эти представления вступали в полное противоречие с идеалами и интересами святой Римско-католической церкви.

Изучение иезуитами теологии сначала направлялось на пастырские нужды, затем его предполагали использовать с противоположной целью, и, наконец, оно исчерпало себя как академическая дисциплина.

Сам же Игнатий, несмотря на упорное прилежание, никогда не был ученым. Однако двое из его собратьев, Лайнес и Сальмерон, вошли в число ведущих католических теологов и были самыми решительными защитниками папства на Тридентском соборе. С того момента (1542 года) иезуитских отцов призвали работать в Южной Германии. Они сразу же возглавили сопротивление протестантской мысли и исканиям, опровергая протестантских богословов.

В 1549 году иезуиты начали преподавать в университете Ингольштадта в Баварии, впредь ставшем их немецким оплотом. В 1552 году в Риме они основали немецкий колледж, с того времени Игнатий стал рассматривать борьбу против ереси как главную задачу своего ордена. Его сменил на посту генерала Лайнес, необычайно способный теолог и полемист, из первых членов ордена.

В 1555 году рассудительные люди полагали, что дело консерваторов завершилось. Протестантизм продолжал распространяться в католических землях, таких как Австрия, Бавария и Чехия.

Старым теологам было все труднее и труднее противостоять новым теологам, за исключением случаев, связанных с суевериями. Благодаря своему мастерству Иоганн Экк выпустил небольшие руководства, содержавшие собранные им доводы против протестантов. Однако на более глубоком уровне просвещенное духовенство становилось на сторону реформ.

Довлело мнение, что реформа была необходимой. Скука и затхлость старой схоластической традиции, ее бесплодность в обществе преобладали в идеях гуманизма, являлись второсортными качествами многих его защитников. Все сказанное представлялось традиционалистским апологетам недостаточным и неубедительным на протяжении сорока лет реформ.

Правда, отмечались исключения. Испанские монахи, такие как Альфонс да Кастро или Доминик Сото, уже в 1540-х и 1550-х годах создали труды, направленные против протестантизма. Однако по мере развития библеистики теологи нашли много общего с протестантами в подходах к Библии и древней церкви, и противоречия уменьшились. Консерваторы поняли, как защищать старые методики в новых условиях, иногда даже удивляясь результативности старых приемов.

В Германии это изменение атмосферы отразил «Катехизис» иезуита Петра Канисиуса, опубликованный в 1555 году. Он был написан понятным языком, отличался легким и привлекательным стилем, опирался на библейские тексты и, в отличие от катехизиса Экка, не ставил своей целью опровергнуть противников. В нем утверждалась как данность католическая вера, и он заслужил похвалу даже среди протестантского духовенства. Канисиус проехал по католическому югу, поощряя правителей защищать их религию, спорил и проповедовал, основывал колледжи и институты. Большую часть столетия даже информированные немцы предполагали, что основателем иезуитов являлся Канисиус.

Не следует забывать и о том, что полемические диспуты или памфлеты составляли лишь незначительную часть борьбы с протестантами и были единственным способом противостоять попыткам протестантов реформировать церковь. Так происходило, например, в Баварии в 1550 году, когда сохранялись все старые случаи поношений, поддерживаемые набожным правителем.

Духовенство продолжало оставаться неграмотным, монастыри часто напоминали городские гостиницы, викарии нередко держали при себе любовниц и многочисленное потомство. Среди священников было распространено пьянство. Та-

ковыми оказались условия, которые позволили реформаторским идеям с севера распространиться на юг.

Отдельные представители среднего класса Баварии уже подверглись влиянию лютеран или анабаптистов. Единственным способом ограничить процесс сочли Реформацию церкви. Именно старание пастырей, в равной степени как и военное противостояние, лежало в основе продвижения Контрреформации в Южной Германии.

«Лучше всего сражаться с еретиками, не обращая внимания на их критику», — замечал нунций Бономи в 1585 году. Однако пастырское рвение вовсе не относилось к политике государства. В Баварии набожный герцог Альбрехт V (1550—1579) принудил иезуитов к содействию и реформировал приходы своего княжества с неукоснительной строгостью.

Изгнание еретиков или уничтожение анабаптистов, сожжение неверных книг стало частью усилий каждого католического правителя в деле реформ собственных приходов.

КОНТАРИНИ И КАРАФФА

Протестанты — Лютер, Генрих VIII (если он являлся протестантом, а не просто женолюбом), Кальвин — обратились к будущему Вселенскому собору церкви. Все еще помнили о соборах XV века. Самые традиционные из реформаторов воспринимали Вселенский собор как средство реформирования церкви сверху, а также по составу его членов. После немецкого выступления перемены означали мир.

Трудности заключались в различном понимании того, насколько собор оказывался свободным, кто должен поддержать его и какова его программа. Папское духовенство придерживалось мнения, что только папа обладает каноническим правом назначать Вселенский собор. Протестантское духовенство не ожидало ничего хорошего от собора, устроенного и организованного их главным оппонентом.

Умеренный миротворец, каковым являлся император Карл V, столкнулся с гигантской и трудновыполнимой задачей созыва или создания оснований для созыва собора, который благоразумные люди с обеих сторон могли воспринять как истин-

ный собор, обладавший авторитетом и престижем, сравнимым с великими соборами ранней церкви.

Многие умеренные, особенно в Германии, пассивно относились к нараставшему расколу, поскольку искали способы учреждения будущего собора. Они могли не хотеть Лютера, но жаждали реформ, соглашаясь, что папы не способны созвать действительно представительный собор, поскольку вовсе не стремились к реформам.

Немцы хотели созвать «свободный христианский собор в германских землях». Его «свободу» большинство немцев понимали как независимость от папства. Император Карл V жаждал, чтобы собор состоялся в Германии, отчасти потому, что являлся благочестивым католиком, но в не меньшей степени и потому, что нуждался в объединенной Германии.

Папа и его советники, как и их предшественники, с подозрением и страхом относились к собору, даже католическому, созываемому германским императором. Они опасались того, что собор, все участники которого были едины в необходимости реформ, мог так или иначе ограничить свободу действий папы, который хотел ограничиться лишь разговором о «реформах». Они также помнили о том, что Базельский собор отчитал папу как сварливую жену, а Констанцский собор сместил папу и выбрал нового. Наконец, они опасались, что неподконтрольный курии Вселенский собор проведет резолюцию, согласно которой будет трансформирован католицизм, а Святой престол утратит свое значение.

Признавая, что раньше или позже собор следует провести, папа и его люди намеревались, чтобы он прошел подобно Латеранскому собору 1512—1517 годов, традиционным образом — с приглашением епископов и непосредственно под управлением папы.

Папа и его советники полагали, что способны реформировать церковь с помощью папского декрета, в той степени, в какой она нуждалась в реформах. Если собор все же решат провести, то его следует созвать в Риме или в папских владениях. Иногда папа и его советники верили, что новые декреты вовсе не необходимы, а народы нуждаются только в укреплении существующего канонического закона.

«Что обсуждать на соборе, — говорил кардинал Кампеджио на съезде в Аугсбурге в 1530 году, — когда лютеране не подчинялись установлениям ранних соборов?» «Мы не нуждаемся в соборе, — вторил ему Лютер, отвечая папскому нунцию в 1535 году, — но собор необходим христианскому миру, чтобы признать его застарелые ошибки».

Находившимся между двумя противоположными точками зрения императору Карлу V и папе Павлу III потребовался не один год, чтобы прийти к согласию по поводу места, времени и повестки дня собора.

Павлу III Фарнезе (папа в 1534—1549 годах) пришлось отказаться от политики своих предшественников и под угрозой вовлечения Рима в бесконечный конституциональный конфликт согласиться с созывом независимого собора. По своему характеру Павел вовсе не был сторонником реформ, поскольку страдал от многочисленной алчной семьи. Однако он был убежден в настоятельной необходимости реформировать церковь изнутри, что само по себе было достаточно смелым поступком. Хотя известно, что папа возвысил племянника, которому было четырнадцать лет, до кардинала и послал красную кардинальскую шапочку в его школу. Папа также вознес и несколько католических лидеров с реформаторским рвением или симпатизировавших гуманистам, предоставив им свободу действий. Это были Фишер, Контарини, Садолетто, Караффа, Поул. В 1536 году папа назначил комиссию из девяти человек, чтобы она выработала меморандум по поводу реформы. В 1537 году комиссия издала «Сообщение избранного комитета... по поводу реформы церкви» (Consilium de Emendanda Ecclesia). Она рекомендовала, чтобы священнослужители проживали только в своих приходах. Определенный стандарт предъявлялся к тем, кого допускали к приходу.

Хотя комиссия странным образом умалчивала по поводу невежества и необходимости образования духовенства, она признавала злом индульгенции и следование суевериям. С неприятной откровенностью порицалась брань монахов, злоупотребления епископской властью, алчность и безответственность кардиналов, проституция в Риме и заявления о злоупотреблениях высшего руководства церкви, в частности

продажа церковных должностей. В связи с ростом лютеранских идей в Италии папа Павел III в 1536 году издал буллу, врывавшуюся в компетенцию государственной власти, угрожавшую отлучением от церкви за всякую апелляцию к собору и ставившую духовенство в привилегированное положение в случае привлечения к суду духовного лица. В 1542 году Павел III решил использовать опыт испанской инквизиции, и буллой Licet ab initio папа учредил в Риме центральный инквизиционный трибунал с неограниченными правами, то есть, по существу, занимался симонией.

Отталкивающе открытый текст вскоре стал известным и был опубликован протестантами в Германии. Распространили изображение, на котором три кардинала подметали церковь лисьими хвостами вместо метел.

Католическая церковь не была монолитной единой структурой. Средневековая церковь отличалась обширным кругом точек зрения, и теперь папа обнаружил себя зажатым между двумя различными школами. Все соглашались в том, что нужны реформы. Но разве реформа должна означать сближение с протестантами, примирение и соглашение, разрешение женитьбы духовенства или причастие из чаши, устранение ошибок в учении путем более глубокого изучения Священного Писания и оправдание верой?

Или реформа должна была перейти в стычки с протестантами, отказ от всех соглашений, развитие непротестантских элементов культа в соответствии со средневековой традицией, укрепление власти иерархии?

История Контрреформации частично представляет собой и историю победы консерваторов и военных над примиренцами и либералами.

Два кардинала, возвысившиеся при Павле III и являющиеся авторами Consilium de Emendanda Ecclesia, стали символами соперничавших школ. Первым оказался кардинал Контарини, покровительствовавший первым иезуитам, вторым — кардинал Караффа, организовавший орден театинцев.

Несмотря на многие свидетельства, Контарини не являлся членом «Оратории Божественной любви» в Риме. Он изучал философию среди гуманистов, затем стал гражданским

служащим в Венеции и участвовал в Вормсском съезде как венецианский посол. И все же оставался мирянином, когда папа сделал его кардиналом в 1535 году.

Отличавшийся гуманистическими взглядами и личной храбростью, в течение семи лет Контарини оставался стражем и вдохновителем католической Реформации. Он верил, что протестанты в некотором роде правы, заявляя о собственных заслугах. Контарини выражал доктрину справедливости и был готов выработать положения, которые удовлетворят как протестантов, так и католиков. Он верил, что традиционные ошибки, пусть даже самые возвышенные, но совершенные римской курией, должны быть признаны.

Коллоквиум в Регенсбурге, 1541

Политика примирения достигла своей кульминации на Регенсбургском коллоквиуме в 1541 году. Контарини в сопровождении самых умеренных немецких католических священников и заручившись неявными, но либерально звучавшими инструкциями от папы Павла III, сидел за одним столом с самыми умеренными из немецких протестантских священников.

Во время встречи Контарини следовал полученным инструкциям. Папа требовал, чтобы превосходство папы признали изначально. Контарини видел, что требование расколет собравшихся, и отложил его, включив последним пунктом в повестку дня. Иоганн Экк, полагавший, что умеренность на конференции невозможна, нарушил ее мирное течение, но его все же удалось утихомирить. При сохранявшемся лидерстве Контарини конференция достигла поразительного согласия по поводу решения спорных вопросов об оправдании верой.

Участвовавшим в экуменистической конференции умеренным следовало напомнить, что не все члены их уважаемых церквей являлись таковыми же. Лютер подозрительно относился к тому, что он услышал, и счел соглашение немыслимым. В Риме кардинал Караффа резко выступил против предательства теологов.

Французский король Франциск I внезапно стал опасаться того, что императору Карлу V удастся объединить Германию на основе религиозного мира, достигнутого в Регенсбурге, и с той же горячностью выступил против такого соглашения.

Немецкие католики правого крыла подумали, что достижение соглашения носит иллюзорный характер и они должны идти дальше, доходя до крайностей, если это удовлетворит лютеран. Тем временем конференция в Регенсбурге сама потерпела неудачу по статье о преобразованиях, которые Контарини не мог исключить, а протестанты принять. Папа Павел III заявил, что он не допустит двусмысленной формулировки, и возможность мирного урегулирования растаяла.

В Италии кардинал Контарини столкнулся с ситуацией, когда все считали его еретиком. Он умер в следующем 1542 году.

Неудача Контарини открыла дорогу противоположной партии. Примирение теперь сочли эфемерным, и истинная политика для церкви заключалась в том, чтобы определить ее доктрину и более точно осудить ошибки.

В том же самом году, как Контарини находился в Регенсбурге, Караффа посоветовал папе основать новую и влиятельную инквизицию для борьбы с ересью. Он и его сподвижники верили, что следует очистить католицизм с помощью обвинений в ереси и что политика примирения поощряет рост ереси.

Небольшое, но все же растущее число обращений итальянцев в протестантизм в течение 1542 года, включая и известный переход Бернардино Окино из капуцинов и Питера Мартира Вермильи из августинцев, дало дополнительный импульс. Римскую инквизицию основали согласно булле (Licet ab initio) от 21 июля 1542 года, назначив шестерых кардиналов (включая Караффу) в качестве генералов-инквизиторов. Им придавались беспрецедентные полномочия — они могли арестовывать подозреваемых, конфисковать собственность, казнить виновных, в то время как за папой оставляли право помилования.

Караффа немедленно приступил к исполнению своих обязанностей с рвением и энергией, которым мог бы поза-

видовать испанец Томас Торквемада. Он приобрел один из римских дворцов, где разместил возглавляемое им учреждение. Под его наблюдением в подвалах дворца была оборудована тюрьма, камера пыток со всяческим палаческим инструментом. Затем Караффа назначил своих полномочных представителей (комиссариев-инквизиторов) в зарубежные католические страны. Пост комиссария-инквизитора Рима получил личный исповедник папы Теофило ди Тропеа, такой же кровожадный мракобес, как и его патрон.

Караффа установил следующие нормы деятельности для папской инквизиции: 1. При первом же подозрении в ереси инквизиция должна обрушиваться на виновных подобно молнии. 2. Инквизиция обязана преследовать всех еретиков, невзирая на их чины и звания, в том числе государей и князей церкви, если они повинны в ереси. 3. Особенно энергично следует преследовать тех еретиков, которые пользуются покровительством светских государей; только те из них, кто проявит раскаяние, могут рассчитывать на «отеческое милосердие» инквизиции. 4. Протестанты, в частности кальвинисты, не должны рассчитывать на какую-либо пощаду» (Цит. по: *Ranke L. von*. Storia dei Papi. Firenze, 1965, p. 155).

Террор новой инквизиции быстро захлестнул папские владения. В Швейцарию и Германию бежали многие видные церковники, заподозренные в симпатиях к Реформации, в их числе викарий ордена капуцинов Бернардино Окино, богословы Вермильи, Курионе, Валентин, Кастельветро. Но бежать могли далеко не все. Тех же, кто попадал в руки Караффы и его ищеек, ждали тюрьма, пытки и, возможно, смерть на костре.

С особым недоверием папская инквизиция относилась к ученым-гуманистам, считая их опасным рассадником еретических воззрений. Под давлением Караффы распустили Академии наук в Модене и Неаполе, а все те, кто занимался наукой, были взяты на подозрение, за ними была установлена слежка. Снова начались преследования францисканцев, этих неисправимых крамольников внутри церкви. Вновь по всей Италии запылали костры. В Венеции, правда, инквизиторы изобрели более дешевый способ избавляться от еретиков: их топили в лагуне.

Под ударами инквизиции яркий и эксцентричный итальянский гуманизм, едва оправившийся от разграбления Рима в 1527 году, был вынужден приспосабливаться к новым условиям.

В 1555 году Караффу избрали папой, и он стал Павлом IV. Ему было семьдесят девять лет. Раздражительный и импульсивный, страстно преданный только двум объектам, причем не так легко сопоставимым: католической реставрации и низвержению испанской власти в Италии, он стал править католическим миром.

Несочетаемость этих двух моментов почти уничтожила реформаторское значение понтификата. Чтобы сражаться против католических испанцев, папе пришлось использовать лютеранские войска. Он осыпал упреками королеву Марию Английскую и вернувшего Англию в церковь кардинала Пола, архиепископа Кентерберийского, не боровшихся с испанцами.

Для реализации своих политических планов против испанцев папе пришлось использовать своих племянников, но обнаружилось, что те замешаны в коррупции и криминале. Его короткий понтификат четко показывает дилемму, с какой сталкивались все папы вплоть до 1870 года, — может ли реформированное папство остаться центром итальянской политики и главной силой среди властителей Европы?

На протяжении всего своего правления Павел IV неутомимо стремился к реформам, подавлял общественные скандалы, заботился о том, чтобы найти благочестивых людей (причем так ревностно, что к 1558 году 88 епископств оставались вакантными), убеждая, направлял общественное мнение.

Павел IV вернул обратно в свои приходы всех 113 епископов, проживавших в Риме, за исключением десяти или двенадцати, необходимых для решения административных вопросов. Караффа принудил каждого еврея носить желтую шапку и жить в гетто, откуда был только один выход. Именно Караффе принадлежит идея издания первого Индекса запрещенных книг. В список попал «Декамерон» Боккаччо, пока из него не выбросили все нежелательное.

В декрете запрещались все книги, даже безобидные, написанные определенными авторами или изданные некими печатниками. В этот эксцентричный список попало огромное

количество книг протестантов, например все сочинения Эразма (даже не религиозного свойства), короля Генриха VIII, Штаупица, Макиавелли, Рабле, Петра Абеляра и даже два издания Корана. Все это привело к огромному сожжению книг по всей Италии, хотя во Франции и Испании список проигнорировали. В Венеции в субботу перед Вербным воскресеньем сожгли более 10 000 книг.

Сикст из Сиены был отправлен в Кремону, где находилась большая еврейская школа, ему велели уничтожить Талмуд, сообщают, что он сжег собрание из 12 000 томов. Итальянские правители пытались смягчить ущерб. Герцог Козимо Медичи из Тосканы велел монахам монастыря Сан-Марко воздержаться от сожжения книг, являвшихся подарками от его предшественников.

Благодаря исправлениям на Триентском соборе удалось немного смягчить список. Однако его воздействие на итальянских книготорговцев, несмотря на все их стремления сохранить свои интересы, оказалось разрушительным.

При инквизиции, обладавшей расширенными полномочиями, и папе, готовом заподозрить всякого, в городах сохранялась обстановка террора. «Даже если бы мой собственный отец оказался еретиком, — заявлял папа, — я бы собрал хворост и сжег его». Он арестовал кардинала Мороне, наследника мантии кардинала Контарини. Папа Павел IV поручил Даниэлю Вольтерре (соответственно получившему прозвище «брючник») прикрыть наготу некоторых статуй и картин в Сикстинской капелле.

По сравнению с папами XVI века атмосфера в Ватикане сильно изменилась. К 1559 году католическая Реформация утратила свои позиции. С одной стороны, Ренессанс с его развлечениями, гуманизмом, разумным отношением к прошлому, коррупцией продолжался, так же как и мысли о крестовом походе против сарацин, но предметом восхищения теперь стали аскеты, а не деятельные люди, изменявшие мир. С другой стороны, и мир стал жестче: стремление к дисциплине и порядку, не только восхищение аскетами, но и стремление к следованию пуританским образцам, неприязнь к обнаженным и языческим статуям, яростная борьба с продажностью церковной администрации.

Выпускались циркуляры, запрещавшие священнослужителям находиться вне своих приходов. Секретари, ранее писавшие документы в поддержку индульгенций, теперь громко обличали их преступность. Авторы скабрезных сочинений перешли на религиозные книги. Так, Пьетро Аретино, недавно имевший в Венеции подобие гарема и зарабатывавший писанием непристойных новелл и панегириков, после триумфа Контрреформации перешел к сочинению аскетических книг, заработал репутацию набожного автора и борца с ересью. Он умер в 1556 году, увенчанный званием кавалера ордена Святого Петра и бесстыдно заявляя, что отказался от кардинальской шапочки.

Ученая Италия возвращалась к благочестию церкви, итальянские поэты к священной поэзии, художники к набожным картинам. Атмосфера менялась не только в Италии. Португалец Игнасио де Азеведо был сыном священника, внуком епископа, сыном и внуком монахинь. Когда он узнал о своем происхождении, то воспринял его как четырехкратное святотатство, поверив, что должен искупить его своей жизнью, вступил в орден иезуитов, затем отправился с миссией в Бразилию, но был убит пиратами посреди Атлантического океана. Волна моральной строгости, породившая в другой части Европы пуританство, теперь укрепляла католических реформаторов.

СОБОР В ТРИЕНТЕ

Особое значение собору в Триенте придавали сами обстоятельства, и прежде всего то, что его не смогли созвать до 1545 года. Кардиналы считали, что собор надо созывать только в Риме, а император Карл V намеревался провести собор в Германии. В течение долгих лет папская дипломатия делала все, чтобы собор не состоялся.

Легат Александр дал доброжелательный совет папе Клименту VII: «Не проводите собор, но и не отказывайте прямо. Напротив, показывайте, что вы хотите пойти на уступки, но ссылайтесь на возникшие при этом трудности. Таким образом вы сможете контролировать процесс». Ему вторил легат

Червини, предупреждая папу Павла III в одиннадцатом часу: «Не делайте резких движений, пока все не сойдутся в том, что только папа способен стать единоличным хозяином собора».

Откладывание собора облегчалось тем, что Карл V находился в состоянии войны с королем Франции. Опасавшаяся объединенной Германии, Франция так же, как и католические кардиналы, всеми силами стремилась отодвинуть созыв Вселенского собора. Однако после того, как в 1544 году между Францией и Германией был подписан мирный договор в Крепи, основная причина для отсрочки отпала, ибо в тексте договора содержалась тайная статья, в которой король Франциск I пообещал способствовать планам императора, связанным с собором.

К этому времени и папа Павел III понял, что отказ от созыва представляет большую угрозу, чем стремление его собрать. Наконец, Совету позволили собраться в 1545 году. В начале 1524 года Триент упоминается как возможное место проведения: говорится о небольшом городке, расположенном на южной стороне Альп у Бреннерского перевала. Триент находился под управлением католического епископа в Италии, поэтому итальянские епископы могли легко до него добраться. Однако формально Триент оставался внутри границ Священной Римской империи и, следовательно, соответствовал требованию Германии, чтобы собор обязательно состоялся в «немецких землях».

После бесконечных проволочек собор открылся 13 декабря 1545 года, вначале на нем присутствовало только 28 епископов. Император и папа хотели, что собор выполнял разные функции. Император считал, что он должен исправить ошибки и покончить с коррупцией в церкви, а также предоставить лютеранам некоторые уступки, важные для установления религиозного мира в Германии, например, узаконить женитьбу духовенства и причащение обоих видов.

Таким образом, император хотел, чтобы совет посвятил себя вопросам дисциплины, оставив в стороне проблемы вероучения, которые, вследствие своего опыта общения с богословами, он считал неразрешимыми. Папа же, напротив, проинструктировал главенствующих легатов, что цер-

ковь в первую очередь должна заняться вопросами вероисповедания.

В итоге сошлись в том, чтобы вопросы вероисповедания и дисциплины рассматривались параллельно. Однако на трех сессиях, на которые собирался собор (в 1545—1548, 1551—1552, 1562—1563 годах), сначала занимались проблемами вероучения, считая, что в первую очередь следует противостоять протестантам. И наконец, основные усилия были направлены на урегулирование дисциплины и исправление того, что имели в виду традиционалисты, когда использовали слово «реформа».

Отцы собора вовсе не стремились что-то предлагать протестантам. Епископов, участвовавших в сессии 1545—1548 годов, в основном призвали с территорий, не пораженных протестантскими идеями, и они стремились осудить то, что казалось им ошибочным учением. Противодействуя догмату об оправдании только верой, они заявили, что вера не может служить оправданием, ее следует дополнить надеждой и любовью.

Возражая против опоры протестантов исключительно на Священное Писание, они также заявили, что с таким же почтением следовало относиться и к неписаным традициям, а также и к Священному Преданию. В ответ на заявление протестантов, что в Евангелии упоминается всего три или два таинства, утверждалось, что таинств не более и не менее как семь.

Протестантские богословы верили, что источником аутентичного текста является Библия на древнееврейском языке, поэтому рассматривали греческий текст как неканонический. Католические отцы собора, напротив, заявляли, что каноническим и священным текстом является латинская Вульгата.

Отцы Триента заявляли, что в мессе воплощено представление об истинной примирительной жертве Христа, одобряя мессы, на которых причащается только священник. Протестантские священники приписывали католикам веру в то, что во время мессы воспроизводится жертва на Голгофе. На самом деле это представление не относится к Священному Писанию. Они также полностью запрещали совершение «частных месс».

Протестанты считали, что литургию следует проводить на том языке, который понимает народ. Епископы же заявляли, что мессу следует проводить только на латыни.

Приведенные выше разногласия окончательно похоронили надежды императора и его умеренных сторонников на то, что собор будет искать примирения с протестантами. Несомненно, именно страх перед протестантизмом побуждал епископов к полному неприятию их учения.

Время от времени на соборе разносились слухи, что протестантские армии двигаются к Тренто. Иногда епископы ощущали, что их заставляют выносить решения перед лицом неизбежной угрозы, исходящей от еретиков. В 1552 году протестантская армия под предводительством Морица Саксонского находилась всего в нескольких переходах от Триента, и собор поспешно распустили.

Следует также заметить, что постановления собора по вопросам вероучения, иногда носившие явно полемический характер, встречались протестантами явно враждебнее, чем они того заслуживали. На первых заседаниях собора, где обсуждалось большинство доктринальных вопросов, присутствовало порядка 60 епископов, то есть не так много. Но даже внутри них возникло значительное несходство мнений, показывающее разнообразие средневековой теологии.

Епископ Наччианти из Кьоджи, веривший, что все необходимое для спасения содержится в Священном Писании, отстаивал свое мнение до тех пор, пока собор не решил по-иному. Чтобы оформить постановления собора, организаторам пришлось допустить большую широту мнений, чтобы люди, обладавшие различными точками зрения, могли принять как аутентичное учение католической церкви.

Тексты постановлений составлялись весьма тщательно, их язык допускал большую свободу толкования, чем считали их протестантские критики. Тщательность, с которой они правились, стала полностью очевидной лишь в XX веке, когда были, наконец, опубликованы протоколы споров и обсуждений, лежавшие за формальным одобрением канонов.

Достаточно привести только один пример: декрет от 8 апреля 1546 года по поводу канонического текста Священного Писания. Поздние критики собора сходились в том, что в

этом декрете традиция, созданная вне и независимо от Священного Писания, рассматривается как второй источник Откровения. Имелось в виду незаписанное Слово, произнесенное Христом его апостолам, гарантированно принятое католической церковью. Именно так восприняли декрет многие защитники Контрреформации.

Однако протоколы обсуждения показывают, что если декрет допускает подобную интерпретацию, то к этому вовсе не стремились все возражавшие. Некоторые епископы хотели, чтобы все «традиции» святой Римско-католической церкви объявили священными. Другие епископы полагали, что таковыми следует считать только предания, святость которых подтверждается апостолами.

Предложение, что список апостольских преданий следует включить в канон, отвергли на том основании, что он может отступить от апостольской традиции и таким образом заставит христиан пренебрегать им или отречься от него. Следовательно, пункт оформили так, чтобы узаконить только те традиции, «которые всегда существовали в католической церкви».

После этого стало ясно, что некоторые из тех, кто это устроил, думали не только о неписаном вероучительном наследии, но и о некоторых обрядах, таких как сохранение воскресного дня или крещение детей. Хотя декрет был намеренно направлен против некоторых верований протестантов, он оказался менее враждебным к протестантским доктринам, чем верили впоследствии. Те же самые степени несхожести встречаются и среди других декретов, даже среди тех, которые связаны с евхаристической жертвой или оправданием верой.

И все же миротворцы сразу же почувствовали, что программу мирного урегулирования осуществить не удастся.

В октябре и ноябре 1551 года, когда конфликт между папой и императором поутих, представители лютеран, наконец, прибыли в Триент, чтобы подготовить почву для своих теологов. Они отказались участвовать в соборе до тех пор, пока епископы не начнут обсуждение вероучительных вопросов заново и не аннулируют все прежние решения.

Понятно и вполне очевидно, что папские легаты и епископы охотно отвергли бы все предложения. Под «собором»

обе стороны имели в виду разные ассамблеи. И одна ассамблея в Триенте не могла удовлетворить никого.

Собор не находился под непосредственным контролем папы, который так на него и не приехал. Его легаты председательствовали и получали инструкции от римской курии точно так же, как представители императора или королей Франции и Испании получали инструкции от своих сюзеренов.

Большинство собора составляли итальянцы, но по мере того, как количество епископов увеличивалось (на последней сессии 1562—1563 годов их уже было около 200) последующим папам приходилось проявлять бдительность в дипломатии, выражаемую через агентов, находящихся в Триенте. Особое значение для пап имел тот факт, что собор не мог отвергнуть политические стремления католических монархов и что собор не мог сам реформировать католичество, изменения могли произойти только внутри римской церкви.

Испанские священники явно симпатизировали «Божественному закону», согласно которому епископ должен постоянно проживать в своем приходе. Они жаловались на то, что больше сотни епископов из разных стран находятся в Риме.

Признавая нарушение закона, папская курия стояла на том, что центральная администрация церкви нуждается в епископах, которые не проживают в своих приходах, и что эта администрация не ослабнет из-за стремления испанских епископов точно соблюдать декреты.

Католические правители Южной Германии, такие как император Фердинанд I (1503—1564, император Священной Римской империи в 1556—1564, из династии Габсбургов. — *Ред.*), хотели, чтобы католикам разрешили причастие обоих родов, а также женитьбу духовенства. Требование 1562 года пришлось искусно отвести в сторону, вновь ввели целибат.

Однако в основном папским легагам не приходилось настаивать на своем. Хотя собор и не полностью зависел от папы, он не имел намерений становиться революционной ассамблеей. К своему закрытию, произошедшему в 1562 году, Отцы Церкви официально подтвердили все декреты, приня-

тые на различных сессиях, и официально предложили папе подтвердить их.

Они попросили папу, чтобы тот издал новую редакцию Индекса (тот, что был опубликован в 1564 году и оказался более благоразумным по сравнению с первоначальным Индексом Караффы), катехизис (1566), католический требник (1568) и требник (1570). Эти декреты были формально подтверждены папой Пием IV в энциклике Benedictus Deus от 26 января 1564 года.

Дисциплинарные декреты собора, таким образом, стали основой католической Реформации. Их часто отметают из-за их сильного воздействия. Тогда же отменили должность квестора, продававшего индульгенции. Епископам предоставили исключительные права в их епархиях. Собор отменил множество епископских запретов, которые в течение Средних веков оканчивались ничем или порождали тяжбы.

Образцы преданных пастырей душ, независимо от того, являлись ли они епископами или священниками, определялись канонами, но, скорее всего, оказывались не более действенными, чем постановления первых соборов.

Собор в Триенте сделал один практический шаг, положив этому конец, мероприятие стало одним из множества, из самых значительных, что здесь обрели силу декрета. Он распорядился, чтобы епископ каждого прихода, где не существовало университета, устроил семинарию, чтобы обучать мальчиков и молодых людей, готовя их к священству.

Подобный прецедент уже существовал в виде иезуитских колледжей. Их выпускники обучали священников богословию и воспитывали привычку к дисциплине и подчинению. Возможно, учреждение семинарий оказалось самым действенным, чем любые каноны, продвигавшие главную задачу католической реформы — воспитать образованных и чистых помыслами священников.

Ничто в истории церкви не оказывалось более неподатливым, чем проблема обращения неграмотного духовенства в образованное. Протестантов шокировало, когда они увидели, что священники бормочут на мессах бессмысленные слова, аналогичные магическим заклинаниям. Теперь стали наставлять духовенство как могли, учреждая школы и кол-

леджи, стимулируя церковные собрания к обучению, поощряя образованную часть общества делать пожертвования, трансформируя напыщенные пастырские обращения в пользу истинного и эффективного изучения Слова.

Католическая церковь также использовала всяческие методы, не исключая и проповедников. В 1538 году город Рим забыл, что стихарь является истинным одеянием, в котором полагалось проповедовать мирским священникам, поскольку те проповедовали редко. С конгрегацией стали связывать только монахов и других религиозных деятелей, молившихся в соответствии с предписаниями их ордена.

Иезуиты и позже ораторианцы попытались частично исправить этот недостаток за счет реформированного священства. На соборе в Триенте иезуитов назвали «реформированными священниками». Так же в свое время протестантов называли «глухими собаками», против чего они возражали и требовали, чтобы на епископов и духовенство была возложена обязанность проповедовать.

Однако издать закон легче, чем добиться его выполнения. Нетрудно было заявить, что духовенству следует быть образованным и произносить проповеди. Труднее оказалось — и это заняло больше времени — обеспечить, чтобы проповеди, которые произносились, не оскорбляли тех, кому они предназначались.

Несложно было постановить, что в каждой епархии следует открыть семинарию. Прошло много лет, прежде чем они появились в большинстве епархий и стали предоставлять образование, достойное того идеала, ради которого создавались. Возможно, что в протестантских странах проблема духовного образования решалась легче, потому что революционные перемены в духовном устройстве не так связывали руки властей, позволяя огромную часть пожертвований переводить на образование. Однако как в протестантских, так и в католических странах для этого требовалось проявить особые усилия.

В протестантских странах реформу часто проводили правители, находившиеся в оппозиции по отношению к папе. В католических странах процесс не намного отличался, его осуществляли через священнослужителей, а правители оказывали им ту или иную поддержку.

В католической Франции и части Южной Германии декреты даже не были получены, а Испания всячески задерживала их исполнение. Не так легко оказывалось реформировать епископат, когда столько католических правителей, включая королей Франции и Испании, стремились к почти полному контролю над назначением епископов. В конце июня 1569 года венецианский посол в Париже заявлял, что во французском суде «с епископами и аббатами обращаются как с продавцами перца и корицы».

Собор в Триенте оставался действенным реформирующим советом в основном в Италии, в других местах требовалось поощрять и стимулировать реформы. В 1580—1584 годах некоторые французские провинциальные соборы приняли декреты. Их освятили в 1615 году представители всего французского духовенства за короткий период независимого утверждения.

Испанские соборы духовенства незамедлительно согласились принять декреты в 1564 году, но не смогли добиться их практического введения без разрешения короны. В Южной Германии, благодаря искусству папского легата Коммендоне, епископы и католические правители (кроме императора) получили постановления собора в 1566 году, хотя и с небольшими оговорками.

ПАПА ПИЙ V

Новые политические предпочтения папы помогли сторонникам реформ в церкви преодолеть консервативные традиции Рима. В 1565 году европейские правители считали политически независимого папу менее влиятельной фигурой, чем в 1510 году.

К 1510 году Юлий II превратил папское государство в одно из самых влиятельных в Европе, установив политическое равновесие между Францией и Германией и сохранив независимость и суверенитет папы. В 1565 году все переменилось. Папа обеднел, поскольку Германия и Англия отступили от католичества, Франция переживала гражданскую войну, взносы и налоги не выплачивались.

Испанский кардинал Компостела с холодным цинизмом писал императору Карлу V в 1555 году, что папе следует реформировать церковь, поскольку он слишком беден, чтобы делать что-либо еще. Декреты собора в Триенте нарушали традиционные источники дохода, создавая менее благополучные основания для папского государства, чтобы появлялись искатели перемен. Затем папа Павел IV (Караффа) напал на испанцев в Неаполе, выступив со своей армией, потерпел поражение и ввел папство в зависимость от Испании на сорок лет.

В 1565 году Микеле Гислиери, Великого инквизитора Павла IV (хотя он не являлся ни учеником, ни фаворитом), избрали папой под именем Пий V (1565—1572, был канонизирован в 1712 году). Более святой человек, чем предыдущий папа, Микеле Гислиери воспринимал реформу как своеобразный компромисс между политическими решениями и дипломатией.

Микеле был болезненно худощав, напоминал ревностно постящегося монаха, но в то же время был достаточно решительным и изворотливым. Однажды он заявил, что церковь не нуждается ни в пушках, ни в солдатах, что ее оружием являются молитва, пост, покаяние и Библия.

Однако в случае нужды он был готов использовать вовсе не духовное оружие. Пий V призывал к убийству гугенотских пленников. Он отправил освященные шляпу и шпагу герцогу Альбе, чтобы таким образом выразить свою поддержку проводимому им террору в Нидерландах.

Эдикты предполагали суровые наказания за симонию, богохульство, содомию, внебрачное сожительство. Они запрещали использование роскошных одежд и устройство пышных пиров, дорогостоящих женитьб или брачных соглашений. В эдиктах предписывалось изгнать всех проституток из Рима в течение шести дней, если только они не выходили замуж или не вступали в монастырь Кающихся грешниц. Декрет не выполнили с надлежащим рвением, однако те, кто предпочел не искушать судьбу, были препровождены в особый квартал, обнесенный стеной, где ради них произносились особые проповеди.

Согласно другому указу, всем жителям, имевшим собственные дома, запрещалось посещать таверны. Папу также осто-

рожно отговорили от введения смертной казни за прелюбодеяния. Родителей наказывали особыми штрафами, если они не посылали своих детей в воскресные школы. Те священники, которые обычно одевались как миряне, теперь вынуждены были носить духовное платье и сбривать бороды. Лекарям и докторам запрещалось носить береты. Докторам не полагалось посещать больных более трех дней, не получив сертификата, что пациент исповедался священникам.

Полиция папы вторгалась в ювелирные магазины, чтобы конфисковывать украшения. Папские поборы распугали приезжих. Декреты ограничивали размер приданого и запрещали владельцам магазинов вывешивать вывески с нарисованными на них святыми. Папа Пий V счел неподобающим, чтобы языческие образы украшали его резиденцию, и отдал несколько классических статуй римлянам.

Он отдал бы и остальные, в том числе и великие творения античных мастеров, размещенные в галерее Бельведер, но все же разрешил их оставить при условии, что коллекция не будет открыта для обозрения публики. Папа одобрил, чтобы прикрыли статую Нептуна в фонтане Болонья и чтобы наняли художника, чтобы тот закрасил обнаженные фигуры на фресках, хотя, в общем, тот не пошел дальше того, что просто задрапировал наяд. Поговаривали даже, что папа Пий I хочет превратить весь Рим в монастырь.

Законодательные ограничения подобного рода не смогли эффективно действовать в Риме 1570 года, а за пределами власти папской курии они вообще не выполнялись. Папа также издал закон, запрещающий корриду, однако в Испании не осмелились опубликовать его. Подобные регулирующего свойства законы имели скорее символическое значение, нежели практические мероприятия для учреждения морального государства.

В области администрирования папа встретился с теми же препятствиями, что расстроили планы его предшественников. Однажды папа открыто заявил, что церковь не нуждается в богатстве. На самом же деле в Риме существовал огромный и громоздкий административный аппарат, и папское правительство не могло существовать без денег. Должности продавались за деньги, и, оказавшись на грани оче-

редного банкротства, папы создавали новые места с установленным доходом.

Чтобы очиститься от прихлебателей, коррумпированных и мелких чиновников папского двора, следовало совершить не только административную реформу. Требовалось найти огромные суммы денег, чтобы уладить дела с теми, кто покупал должности, руководствуясь благими намерениями и верой. Теперь оказалось, что их должности и получение доходов подобным образом запретили.

Увольняя нескольких чиновников папского пенитенциария (трибунала), папа Пий V заявил им, что «лучше умереть от голода, чем потерять душу». Он также говорил, что «пусть лучше погибнет курия», чем христианство. Однако по справедливости нельзя было просто разогнать римских бюрократов, не обеспечив их. Он пытался принудить каждого епископа и священника, исцелявших души вне Рима, отправиться обратно в свой приход и даже заключил нескольких епископов, отказавшихся выполнить его распоряжение, в замке Святого Ангела (Сан-Анжело, первоначально был мавзолеем римского императора Адриана. — *Ред.*).

Это была попытка лечить симптомы, но не саму болезнь. Однако особое значение для будущего имело то, что папа попытался бесстрашно реформировать папскую администрацию. «Люди Рима, — говорил венецианский посол Тьеполо, — стали вести себя лучше или, по крайней мере, попытались стать другими».

В 1568 году папа Пий V реформировал католический требник. Он частично принял программу, которую ранее хотел ввести Кранмер, сделав текст трибника яснее и проще, восстановив пение псалмов и доминирование Библии. Соответственно, исключили тексты, не относящиеся к Священному Писанию, — как спорные или посчитав их поддельными или недостоверными.

Пытаясь, насколько возможно, следовать положениям постановлений Триентского собора, папа ограничил продажу индульгенций. В церкви Санта-Мария Маджоре в Риме сегодня можно увидеть копию декретов Триента, которые использовал папа Пий V. Позже историк, просматривавший эту небольшую книгу, заметил: «В его руках она стала мотыгой, с помощью которой он вскопал весь мир сорной травы».

Карло Борромео

Сильная сторона движения лучше всего прослеживается в трудах Карло Борромео, архиепископа Милана с 1560 по 1584 год. Он происходил из итальянского дворянского рода Борромео и был племянником папы Пия IV, стал приходским священником в 12 лет, в неканоническом возрасте, в 21 год плюралистом и архиепископом.

Отличался пристрастием к охоте, считавшейся неподобающим занятием для кардинала. Любитель показной роскоши, одевший 150 своих слуг с головы до ног в ливреи из черного бархата. В возрасте 25 лет испытал внезапное откровение, прочитав Spiritual Exercises («Духовные упражнения») Игнатия Лойолы, отказался от большинства своих доходных синекур, распустил половину слуг и предписал строгие правила для оставшейся половины, питался хлебом и водой, раз в неделю бичевал свое тело и начал произносить проповеди, которые народ находил поразительными, поскольку им никогда не доводилось слышать о молящемся кардинале. Его способности и положение в Риме позволили ему сыграть особую роль на последней сессии Триентского собора (1562—1563).

Собор создал комиссию, чтобы удостовериться в том, что его декреты соблюдаются, другая комиссия должна была составить обновленный катехизис католического вероучения, Борромео направлял работу обеих комиссий и подготовил первый вариант катехизиса. В результате работы комиссии были изданы официальные календарь (1567), бревиарий (1582), ритуал (1589) и миссаль (католический требник) (1594). Две последние книги вышли в свет после смерти святого Карло Борромео с нарушением намерения святителя о максимальном сохранении миланского обряда. Так, в миссале амвросианский чин елеосвящения был заменен римским. Книги, изданные Карло Борромео, с незначительными изменениями оставались богослужебными вплоть до реформ Павла VI.

Для Контрреформации характерно, что этот известный катехизис разработали не для детей или неграмотных, а для наставления приходского духовенства. В соответствии с решениями собора священник должен был постоянно жить в

своей епархии, и с папского разрешения Борромео продолжил жить в Милане, став первым архиепископом, прожившим в епархии многие годы. Он содержал провинциальные и епархиальные синоды своего духовенства в соответствии с требованиями Триента.

Бартоломео проводил новую модель католического епископства, когда предполагалось постоянно посещать свои приходы. Бартоломео учредил целых три семинарии в Милане и еще три за его пределами. Вначале он отдал их под контроль иезуитов, но позже разочаровался в них и основал для этой цели ученое сообщество Облатов святого Амвросия Медиоланского. Именно признанный авторитет Амвросия позволил Борромео сохранить особый миланский чин, невзирая на сильное давление со стороны римского обряда[1].

Он также основал «швейцарскую коллегию», чтобы обучать священников для католической Швейцарии. Бартоломео учредил образовательное общество, которое ко времени его смерти контролировало 740 школ. Сам он оставался бескомпромиссно аскетичным, героическим человеком, готовым рисковать жизнью во время чумы или жертвовать своим благополучием в борьбе с губернатором. Борромео умер в 1584 году и был канонизирован в 1610-м.

АНГЛИЙСКИЕ НОНКОНФОРМИСТЫ[2]

Каждое ставшее протестантским государство теряло духовенство в стычках или из-за отлучения. Небольшое число священников отказывалось принимать перемены и предпо-

---

[1] По образцу восточных церквей Амвросий ввел в Милане (*лат.* Медиолан) антифонное пение гимнов, ему же принадлежит авторство многих из них. Сам стиль церковного пения, введенный им, называется амвросианским пением. В последующие века на его основе сложилась медиоланская литургия, твердо связанная с его именем. Авторитет Амвросия позволил сохранять ее в Милане, невзирая на сильное давление со стороны римского обряда. (*Примеч. пер.*)

[2] В период до гражданской войны (1642—1648) так называли пуритан, членов пресвитерианской и епископальной церквей, которые не приняли вышеуказанных правил, но и не стали сепаратистами. (*Примеч. пер.*)

читало традиционную службу в других землях. Этих людей не привлекали опустошенные и побеленные храмы и выставленные на продажу облачения, дарохранительницы, образы, ризы, алтари и кадила.

Реорганизация церкви в Англии породила гораздо больше диссидентов, чем в Шотландии или северогерманских княжествах. Поскольку почти все епископы королевы Марии Тюдор отказались принять новую организацию церкви, там оказались отставленными 200 священников.

Правление Эдуарда VI и затем Марии убедило некоторых английских консерваторов, что католицизм нуждается в папе. Правительство в Лондоне, чувствовавшее себя в безопасности до тех пор, пока не подверглось внешнему натиску, не очень справлялось с более диким и примитивным севером (то есть Шотландией), ему следовало проявлять больший такт в управлении Уэльсом и деликатнее вести себя в отношениях с Ирландией.

На севере Англии и в Ирландии знать вела себя независимо. И точно так же, как протестанты при королеве Марии воодушевились, узнав об отсутствии у нее ребенка и возможном успехе, так теперь и консерваторы возбудились, узнав, что королева Елизавета старая дева, и о том, что наследница трона королева Мария Стюарт Шотландская была католичкой. Ирландия, Ланкашир и горы северной части острова были практически не затронуты Реформацией.

Сторонники папы вовсе не одномоментно прекратили посещать свои приходские церкви. Сохранялась привычка, и если бы они перестали это делать, то подверглись бы штрафам. В 1563 году комитет в Риме объявил, что им не разрешают посещать церкви, однако они не приняли это решение и без особой охоты согласились на литургию на родном языке, однако их паства спокойно к этому привыкла.

Многим из них помогали умеренность и католическая атмосфера английской литургии, и некоторые соглашались, что их посещение и согласованность действий в течение первых лет оправдывались тем, что папа решительно не выступил против Елизаветы и не отлучил ее. Именно папа Пий V оказался частично ответственным за трагедию английской Контрреформации.

В 1568 году королева Мария Стюарт Шотландская бежала из Шотландии в Англию, была помещена под стражу и породила растущую оппозицию. Она заявила испанскому послу, что если его страна поддержит ее, то она станет королевой Англии в течение трех месяцев и по всей стране вновь начнут служить мессу.

В Риме два кардинала беспокойно обсуждали с папой, как лучше помочь надвигавшемуся мятежу. В ноябре 1569 года католический север восстал. Графы Нортумберленда и Уэстморленда под знаменем Пяти Ран, получив 12 000 крон от папы и заручившись обещанием помощи от испанцев, подняли знамя восстания. Они осквернили святой престол в соборе Дарема, разорвали в клочья английскую Библию, снова установили мессу. Вскоре они были подавлены, произошли ужасные казни.

Не зная, что восстание захлебнулось, папа Пий V издал буллу Regnans in Exelsis, в которой отлучал от церкви и смещал английскую королеву, заявляя, что она и ее сторонники не являются частью Тела Христова, и освобождал всех подданных от союза с ней. Буллу тайно провез в Англию капеллан испанского посольства, и джентльмен по имени Фелтон прикрепил ее к воротам епископского дворца в Лондоне во дворе церкви Святого Павла, заплатив за свой поступок жизнью.

Булла была написана нелепым языком, ее публикация оскорбила короля Филиппа II Испанского, остававшегося главной надеждой католического прихода, но с ним никто не посоветовался. Кроме всего прочего, папа заклеймил английских католиков, обвинив их в предательстве.

Папское определение, относившееся к небольшому количеству действительно виновных, оскорбило множество невинных, побудив их объединиться под знаком ненависти к Риму. Большинство английских последователей папы были не только католиками, но и патриотами Англии. Они не испытывали желания свергнуть английскую королеву ради спасения королевы Марии Шотландской и поддержки испанцев.

Однако после того, как папа объявил всему миру, что нельзя оставаться преданными подданными обеих королев и папы, каждый католик в Англии, любой, кто теперь отказывался на

основании старой религии посещать свою приходскую церковь, становился возможным предателем.

Если человек владел деньгами диссидентов, он мог навлечь на себя народный гнев или быть выданным властям. Если человек воровал у диссидента или действовал против него, то диссидент вовсе не рассчитывал на справедливость, он даже не мог умолять об этом.

Заговоры вокруг Марии Шотландской, тщетные попытки устроить отречение Елизаветы, субсидии папы ирландским повстанцам и угроза со стороны Испании усиливали в сознании англичан страх перед католицизмом.

Подъем национального сознания, сопровождавшийся патриотическими чувствами, поддерживаемый средневековым идеалом единого христианского мира, порождал конфликт между преданностью прошлому и ужасами настоящего. В других странах такой конфликт отличался меньшей болезненностью благодаря обстоятельствам или дипломатии. Папа Пий V, оказавшийся менее удачным дипломатом, чем его предшественники, спровоцировал открытое противоборство сознаний. В то время как часть английских папистов сохранила верность английской королеве, другие рассматривали свою верность папе как выбор между подчинением наместнику Господа и указам короля, усиленный боязнью заговора и иностранного вторжения.

Действительно, с испанской Армадой в 1588 году к Англии отплыли 180 монахов, и при успехе задуманного вторжения король Филипп II и затем папа согласились посвятить изгнанного кардинала Аллена в должность лорда-канцлера и архиепископа Кентерберийского.

Известно также, что во времена Армады Аллен напечатал отвратительный памфлет, где называл королеву бастардом, узурпатором и еретиком. Группа из 700 английских изгнанников выступила вместе с испанской армией в Нидерландах, чтобы подготовить вторжение. В 1580 году папский секретарь написал официальный ответ, что Елизавета нанесла урон католической вере, что «ее послали в мир с благочестивым намерением осуществления службы Господа, но она совершила грех и потеряла добродетель».

С этого началась лавина приговоров.

Актом английского парламента 1571 года приговаривался к смерти за измену каждый священник-нонконформист, а также и те, кто помогал им или просто признавал католицизм. Первым в 1577 году был казнен священник Катберт Мэйн.

Последующее законодательство начиная с 1581 года подробно разработало положение об отступничестве. В 1585 году, если священник оставался в Англии, он обвинялся в государственной измене, поэтому даже давать ему приют или просто принимать стало уголовным преступлением.

Трудно сказать, были ли Мэйн и его последователи казнены за государственную измену или стали религиозными мучениками, поскольку два положения теперь отождествились. Мэйна обвинили за совершение католической службы в день Тайной вечери, но он был готов признаться в том, что, оставаясь верным короне, мог помочь любым захватчикам, которые впоследствии стремились вернуть Англию в подчинение папе.

Приведем диалог, произошедший во время судебного разбирательства в Дареме в июле 1594 года.

«*Председательствующий*. Вы осуждены за самое подлое преступление против ее королевского Величества.

Инграм. Милорд, я умираю только за веру, за ту веру, благодаря которой и никакой другой ваша светлость и все господа присяжные спасутся, если спасение придет.

Судья Бомон. Ты подлый изменник и по закону должен умереть...

Инграм. В том мире, где мессу и празднование омовения ног ученикам Христа считают изменой, а то, что говорят и слышат во время мессы, называют предательством, нет христианского закона».

Положение английских диссидентов стало просто невыносимым. Полученная из Рима в 1580 году диспенсация допускала занятие светскими профессиями, но она не смогла изменить ситуацию к лучшему, поскольку для занятия любой профессией требовалось подтвердить верность властям.

Тем временем ссыльные на континенте самоорганизовывались. Становилось ясно, что нонконформизм в Англии

невозможен без помощи из Рима и обеспечения священниками, теологами или евхаристией. В 1568 году Аллен учредил английскую коллегию в новом университете в Дуэ, а в 1576 году аналогичная коллегия открылась в Риме.

До 1603 года из коллегии в Дуэ отправили в английскую миссию 438 священников. До 1603 года учредили также коллегии в Лиссабоне, Мадриде, Севилье и Вальядолиде. Аллен создал эффективную, хотя и опасную структуру, отвергавшую догмы англиканской церкви и поддерживавшую стойких диссидентов. Именно его обученным, рьяным и смелым людям обязан своим продолжительным существованием католицизм в Англии.

Между 1577 и 1603 годами казнили 123 священника, порядка шестидесяти мужчин или женщин обвинили в укрывательстве или помощи изменникам. Лучшие из священников, такие как иезуит Эдмунд Кампион, оказались людьми, обладавшими стремлением к истинному пастырскому служению, готовыми претерпеть мученичество. Менее значительные деятели, такие как иезуит Роберт Парсонс, оказались политическими марионетками, не испытывавшими никаких угрызений совести.

Столь сильное давление раскололо сообщество нонконформистов на тех, кто оставался католиками, верными королеве Елизавете, и тех, кто считал это невозможным. Они разделились на две партии, сторонников контроля иезуитов над священниками и тех, кто отвергал его. Подчинение иезуитам предполагало большую нетерпимость, и это, естественно, принималось не всеми.

В английских коллегиях в Риме и Реймсе, куда из-за войны с Голландией на пятнадцать лет переехала коллегия из Дуэ, а также в замке в Висбеке, где находилось много диссидентов, расхождения привели к обвинениям в расколе и ереси. В результате священники потребовали присутствия епископа, поскольку это способствовало уменьшению влияния иезуитов.

Однако усилия отважных или беспринципных людей смогли объединить лишь немногих. После восшествия на престол Якова I в 1603 году в страну вернулось более 8570 нонконформистов. Больше всего их оказалось в Чешире и Ланкашире,

почти 2500 находились в епархии Честера. Согласно другим оценкам, диссидентов было гораздо больше.

Кроме того, продолжали спокойно трудиться порядка 360 священников, и не менее 100 000 католиков сумели избежать наказания. На севере острова оставались католиками мелкие землевладельцы (йомены), фермеры и даже городские жители.

Простые люди могли отказываться молиться в церкви, потому что им не нравились перемены. Когда миссис Портер, жену портного в Йорке, вызвали в суд за непосещение церкви, она ответила, что «ее разум протестует против этого, поскольку в церкви стало все не так, как встарь, во времена ее предков».

Однако кроме севера острова и Ирландии продолжавшийся союз с Римом зависел от продолжения существования католических семей крупных землевладельцев. Сельские жители не могли оставаться католиками без евхаристии, а ее нельзя было провести без священников. Священники находили укрытие и защиту только в больших поместьях землевладельцев.

Число обнаруженных властями «укрытий для священников» в сельских домах сильно преувеличено молвой. Подобные искусно выполненные укрытия чаще находили на юге острова, чем на севере. Наиболее искусные встраивались в дом настолько аккуратно, что не оставалось полых или свободных пространств, так что их не могли обнаружить даже при самом тщательном осмотре дома.

В 1606 году преследователи почти были уверены, что в Хайндлип-Холл находятся священники. Они оказались правы, оказалось, что там скрывались четыре человека. Стремясь их найти, они перерыли весь дом, но все оказалось тщетно. Убежище священников обнаружили только через несколько дней, и только потому, что те умирали от голода и жажды и были вынуждены сдаться.

Столь неудобные тайники показывают, насколько сильно нонконформисты времен Елизаветы и Стюартов зависели от преданных сквайров. Отношения между семьей и католическим священником являются характерной чертой английского католицизма вплоть до 1829 года, когда сильно из-

менилось отношение государства и такие убежища стали не нужны.

Большинство участников «порохового заговора» 1605 года, организованного с целью свержения короля и взрыва палаты общин, были католиками. Известно, что глава иезуитов, отец Гарнет, знал о готовящемся заговоре, ему об этом рассказали на исповеди. Но информация стала просачиваться и иным путем.

Английские католики не знали о заговоре, и если бы узнали, то почти все высказали бы свое неодобрение. Однако Гай Фокс стал для англичан таким же символом недоверия к католикам, как костры Смитфилда и испанская Армада. Была учреждена ежегодная поминальная служба 5 ноября, когда произносились проповеди, скорее торжественного, чем примирительного свойства.

Подобные ежегодные службы продолжались вплоть до 1858 года. К середине XVII века среди подмастерьев Лондона 5 ноября стало праздником подмастерий с развлечениями и фейерверками. Его учредили примерно с 1673 года, когда герцог Йоркский (будущий король Яков II) женился на Марии Моденской, несмотря на отрицательное отношение палаты общин, в этот день иногда сжигали изображение папы. В конце XVIII века его заменили чучелом.

Итак, несмотря на «пороховой заговор» и стихийные, хотя и немногочисленные казни священников, несмотря на еще более строгие уголовные законы, диссиденты были удовлетворены. Они ожидали, что Стюарты окажутся более терпимыми и доброжелательными. Высшая политика обусловила переговоры с целью испанской женитьбы при Якове I и женитьбы Карла I на католичке Генриетте-Марии (дочери французского короля Генриха IV и королевы Марии Медичи. — *Ред.*), которой разрешили привезти с собой епископа и 27 священников. Хотя большинство из них позже отозвали.

В 1623 году, наконец, посвятили епископа, он стал епископом Халцедонским для английских католиков, поскольку его преемник был вынужден покинуть страну в 1631 году. Один из государственных секретарей оставил свой пост, чтобы стать католиком, возвысился до лорда Балтимора, позже стал основателем штата Мэриленд.

Во времена Карла I при дворе появились папские агенты, поскольку приходилось служить многолюдные мессы в часовне королевы или в иностранных посольствах. Даже доктор Годфри Гудмен, англиканский епископ Глостера, допустил к своему смертному ложу католического священника.

С 1678 года пэры-католики стали допускаться на заседания в палату лордов. Находясь в ссылке в период Республики, Карл II пользовался расположением католиков, однако они появились только у его смертного одра. Подозрительность к Риму практически стала частью национальной политики Англии, частью патриотизма, частью английского образа жизни, камнем, которым династия Стюартов уничтожила себя.

КОНТРРЕФОРМАТОРСКАЯ ПРЕДАННОСТЬ

Воспринимая праведную жизнь как веру, протестанты предполагали, что направляют католиков к ценностям даже более высоким, чем обряды, которые критиковались или уничтожались. Испанцы или итальянцы слышали о кощунственных деяниях, когда растаптывались кости святых, когда разъяренная толпа северян разбивала статуи Святой Девы Марии, оскорбляя и понося ту, которая веками олицетворяла милосердие церкви. Деву, благородный и изящный портрет которой, хранящийся в римской церкви Санта-Мария Маджоре, при ее жизни нарисовал сам святой Лука. Статую пришлось реставрировать, восстанавливая ту красоту и поэзию, которые порушили реформаторы. Теперь за образами и реликвиями ухаживали более ревностно, чем прежде, охотнее, чем прежде, прислушивались к рассказам о реликвиях, которые кровоточили, или о статуях, ронявших слезы, которые люди украсили такими роскошными камнями.

Однако суждение, что здесь Рим ценил то, что протестанты отрицали, потому что это отрицали протестанты, не подтверждается свидетельствами. В течение XV века исследователь церковной жизни видел множество примеров, часто связывавшихся с Контрреформацией. Новое благочестие времен Триента, новая сердечность поощрялись ростом ис-

панской религиозной культуры, принимавшей и распространявшей эти старинные формы.

Поскольку Контрреформация сократила мессу и требник, ее воздействие сильнее проявлялось на личности, нежели на культе. Мирян поощряли чаще причащаться и, следовательно, чаще ходить на исповедь, однако их набожность во время мессы скорее подчинялась обряду, нежели порождалась им. Публичное шествие иезуитов по улицам с четками в руках или на поясе в день Пасхи враждебные критики расценили как акт агрессии. В церквах это было время обильного украшения склепов и алтарей дорогостоящей отделкой, время цветных лампад и драгоценных подсвечников. Под влиянием «Духовных упражнений» Игнатия Лойолы начался постепенный отход от подобных привычек, во многом поощрявшийся французскими авторами XVII века.

Образованных мирян привлекало богослужение с использованием Библии в авторизованном переводе Вульгаты. Развившееся в конце XVII века поклонение Деве Марии, в отличие от других начинаний того времени, тяжело впитывало новые формы — «Ангелус» вошел в широкое употребление только в XVII веке.

Некоторые богословы, например испанский иезуит Суарес, развивали идею поклонения Деве Марии в соответствии с понятием искупления. Теологи обычно воздерживались от подобных построений, если они не сопровождались народным культом.

Дальнейшее развитие получил евхаристический компонент богослужения. Старинная практика сохранения Святых Даров просто в стоящем в сакристии шкафу, принятая даже в Италии, медленно уступала место изысканно украшенным дарохранительницам, размещавшимся под высоким алтарем.

Именно в это время сложилась современная форма бенедикции — службы благословения Святыми Дарами, когда их выставляли для почитания, а затем благословляли ими присутствующих. Причастия и усиленное поклонение Деве Марии часто сопровождались подчеркиванием человеческой природы Христа и необходимостью любви к ближнему.

Тереза Авильская и Франциск де Сале (Сальский, епископ Женевы) популяризировали культ святого Иосифа. Ранняя Контрреформация оказалась слишком суровой, чтобы поощрять экстравагантный язык, но по мере его распространения исчезали опасения по поводу эмоционального накала такого языка. Пьер де Берюль (ум. 1629), основавший во Франции первый ораторий[1], отличался неистовой привязанностью к человеческой природе Иисуса. В 1623 году он опубликовал труд «Величие Христа» (Les Grandeurs de Jesus), название которого отражает отличие от католического культа предшествующего столетия. Его последователь и глава французских оратори анцев Шарль де Кондрен (ум. 1641) показывает такое же соединение торжественного языка с человеческой природой Иисуса, как и евхаристия.

Ученик Берюля, Винсент де Поль (1581—1660, канонизирован в 1737 году) посвятил себя активной деятельности среди бедных. Основанные им ордена, лазаристов для мужчин и сестер милосердия для женщин, представляли собой социальный идеал католической Реформации в лучших ее проявлениях. Сестры милосердия в новейшей истории стали наиболее многочисленными из всех религиозных орденов.

Физическое «чудо», связывавшееся со святостью, продолжало так же высоко цениться, как и в Средние века. Это были нетленные мощи, источавшие благоухание, исцеляющие реликвии, поднимающиеся в воздух и остававшиеся в подвешенном состоянии монахини, стигматы от распятия на руках и ногах, как у сестры Марии, монахини из Лиссабона, благословившей испанскую Армаду перед отплытием. Правда, впоследствии выяснилось, что стигматы были сфабрикованы. Подозрение возникло, когда испанское правительство обнаружило, что монахиня была сторонницей независимости Португалии и хотела дискредитировать Испанию.

Отмечали и кольцо из плоти на пальце человека, испытавшего такую духовную любовь, что она реализовалась материально и жар выжег кольцо. Известен и случай, произошедший с монахиней, которая ничего не ела в течение мно-

[1] О р а т о р и й — специальное помещение при храме для пастырских встреч. Первый Ораторий построил в 1558 году в церкви Сан-Джироламо-делла-Карита священник Филипп Нери. (*Примеч. пер.*)

гих лет. Все эти события, вызывавшие энтузиазм верующих, весьма критически воспринимались церковными властями.

Таковы одни из самых любопытных контрастов между протестантами и контрреформаторами, приведшие к тому, что среди протестантских церквей подобный народный взгляд на средневековую точку зрения так быстро угас.

Король Англии продолжал оставаться подверженным королевскому злу. Практиковавшие протестантскую медицину вряд ли стояли в стороне от материальной магии, а астрономы оставались астрологами, химики — алхимиками. Охотники на ведьм проявляли такое же рвение. Однако предполагаемые проявления мистического экстаза исчезали вместе с монастырями, породившими их, они воспринимались как проявление папизма и не прощались.

В широком смысле мистицизм можно определить как непосредственное проявление Божественного с помощью разума или душевных стремлений. Протестанты настороженно относились к любым притязаниям, которые, кажется, позволяли предположить, что Божественное встречается в естественном знании или обретается помимо Священного Писания.

Многие ведущие католики, особенно иезуиты, также подозрительно воспринимали мистические притязания, причем на вполне достаточных основаниях. Благодаря инквизиции первые испанские мистики часто испытывали злоключения.

Приведем случай Терезы Авильской (1515—1582), происходившей из благородной семьи, в 16 лет ставшей монахиней, кармелиткой в 20 лет. Кармелитки не были «нереформированными», однако Тереза требовала более высоких стандартов. И с 1562 года она основала семнадцать монастырей, энергично выступив против оппозиции.

В 1561—1562 годах по требованию своего доминиканского духовника Тереза написала свою автобиографию, повествование о нервной болезни, экстазе и религиозных видениях, смешанное с глубоким представлением о своем духовном росте через молитву к единению с Господом.

Автобиография представляет собой уникальную в христианской истории смесь детской наивности и взрослого мыш-

ления, почти лишенную пунктуации, женскую и свободную версию «Исповеди» святого Августина, оказавшей на Терезу Авильскую особое влияние.

Писать Тереза начала более по послушанию, нежели в силу желания. Ко времени начала литературной деятельности ей было уже более 50 лет, но за сравнительно небольшой отрезок времени она сумела оставить после себя немалое литературное наследие, фактически став не только первым богословом-женщиной в истории католической церкви, но и первой испанской писательницей. Самой значительной книгой Терезы стал «Внутренний замок». В этом мистическом трактате она изображает душу как замок с многочисленными комнатами, в центре которого находится Христос. Тот, кто преуспеет в жизни во Христе и в молитве, переходит из одной обители в другую, пока не пройдет, наконец, в самую сокровенную комнату. При этом каждому переходу из обители в обитель соответствует своя особая молитва. Инквизиция конфисковала рукописи Терезы, и та смогла вернуть их только с помощью короля Филиппа II. Терезу Авильскую канонизировали в 1622 году.

В 1567 году Тереза впервые встретилась с молодым студентом из Саламанки Хуаном Йепесом (Хуан Йепес и Альварес, 1542—1591), впоследствии ставшим известным как святой Иоанн (Хуан) де ла Крус. Под руководством Терезы в 1568 году он основал первый дом босоногих кармелитов в Дуруэло, неподалеку от Авилы. Деятельность Хуана многим в монастыре пришлась не по вкусу, по клеветническим доносам он трижды привлекался к суду, много месяцев провел в тюрьме в тяжелых условиях. Именно во время заключения Хуана начал писать свои прекрасные стихи, проникнутые особым мистическим духом и религиозным трепетом. Его перу также принадлежат поэтические книги — «Восхождение на гору Кармель», «Темная ночь души», «Песнь духа», «Живое пламя любви».

Скончался святой Хуан де ла Крус в Убеде в 1591 году. В 1726 году он был канонизирован папой Бенедиктом XIII, а в 1926 году папа Пий XI объявил его учителем церкви. Его работы впервые опубликовали в Алькале в 1618 году с множественными искажениями и изъятиями. Вплоть до издания

1912—1914 годов не существовало достаточно известного аутентичного текста.

Благодаря Хуану де ла Крусу (Иоанну Креста), спокойному и замкнутому, мало издававшемуся, создавшему не так много для религии в качестве священника, но писавшему лирику для души, не попустительствующему эмоциям, но возвышавшему духовно ради самого чувства, мистическая традиция в христианском мире приблизилась к одной из своих вершин.

Частично теологическая, частично религиозная реакция, направленная против августинианства, которую мы уже отмечали в протестантизме среди противников кальвинистов и заметная у некоторых иезуитских священников, получила наиболее законченное выражение у другого французского автора, Франциска де Сале (Сальского) (1567—1622), епископа Женевы, Учителя церкви, основателя конгрегации визитанток. Известен своими трудами о духовной жизни, в особенности «Введением в благочестивую жизнь» (1602—1622), канонизирован в 1665 году. В 1609 году он опубликовал «Трактат о любви к Господу», обозначивший новый этап в католическом благочестии.

Поскольку иезуиты были средневековым религиозным орденом, ушедшим в мир, «Введение» вывело благочестие из уединенной жизни монастырей в жизнь мирскую. Всякий способен достичь совершенства, и не только через религию.

Даже самый занятой человек не должен избегать аскетического самопожертвования в созерцательной молитве, подобно монахам и монахиням. И они могут точно так же проявлять свое рвение в жизни в городах, в судах и в семьях. Бессловесная молитва доступна всем. Как и современные иезуиты, Франциск Сальский представил набожную жизнь легкой, по крайней мере намного менее трудной, чем все того ожидали.

В отличие от остальных августинцев, независимо от того, являлись ли они лютеранами или янсенистами[1], он придер-

[1] Я н с е н и с т ы — сторонники голландского богослова XVII века Янсения. (*Примеч. пер.*)

живался самого оптимистического взгляда на возможности человеческой воли, которая дает возможность подняться к Богу благодаря неограниченному совершенствованию.

То, что Молина и некоторые иезуиты делали в теологии, то противники доктрины оправдания достигали только верой, а Франциск Сальский — своей набожностью. Хотя для аскетичной манеры слишком многое означала сладость духа, немногие книги священников передавали подобное чувство очарования или психологического искусства.

Франциск Сальский был совершенно уверен в том, что правители и их придворные не способны произнести свои молитвы или подавить свои чувства подобно монахине. Однако он вполне соглашался с тем, что повседневная работа и общественный долг предоставляют богатые возможности для самоотречения того, кто способен принять его. Франциск Сальский поощрял еженедельное принятие Святого причастия. Он оказался одним из первых католических авторов, кто осуществлял духовное руководство за пределами монастыря и рекомендовал всем мирянам следовать за ним.

Использование латыни

В 1660 году латинский оставался языком европейских ученых и перестал считаться языком, совершенно необходимым для жизни людей. По мере того как появлялась литература на родных языках, эти языки начинали использоваться и для удовлетворения культовых надобностей во всех католических и восточных церквях. Даже лучшие научные труды теперь писались на общедоступном языке.

Именно развитие национальных языков способствовало превращению латыни в язык культа. До XVII века латинский в некотором роде оставался живым языком. Он продолжал жить в глубине сознания взрослого духовного мира, особенно среди гражданских адвокатов и ученых. Однако большей частью латинский отступал внутрь церкви и учебных классов, больше не являлся средством повседневного общения, превращаясь в мертвый язык, которым владели ученые, стре-

мившиеся понять свою цивилизацию и прошлое через ритуальный и литургический язык, которым и стала латынь.

В 1500 году латынь еще не считалась «мертвым» языком, поскольку Эразм пользовался ею для написания вершинных достижений современной прозы. В 1660 году подобная форма живой литературы уже оказалась невозможной. В конце Реформации язык католической литургии стал более изолированным, духовным, носить ярко выраженный ритуальный характер, чем в начале преобразований.

Этот процесс отчасти напоминает тот период в истории русской церкви, когда старые славянские литургии начали канонизироваться, поскольку разговорный древнерусский язык уже не являлся языком требника. Так и латинский язык церкви прекратил существовать, используясь только при чтении с алтаря и в семинарии.

Как язык он приобрел культовое значение, которым вовсе не обладал до Реформации. В 1500 году человек, скорее всего, допускал, чтобы литургию вели на латыни, потому что литургия стояла выше обычных произведений, и латынь позиционировалась прежде всего как возвышенная форма. В 1650 году защитники латыни в среде Контрреформации, скорее всего, заявляли бы, что латынь оставалась священным языком литургии.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И УЧЕНЫЕ

Во времена Контрреформации католические ученые сильнее всего страдали от жесткой цензуры. Осуждение Галилея в 1633 году стало наиболее громким случаем в длинном ряду запретов, наложенных консерваторами на смелые и оригинальные труды.

Но от цензурного гнета страдали не только католические ученые. Груды книг, осужденных протестантскими цензорами, были ничуть не меньше, чем у их католических коллег. Защитники ортодоксальной церкви, наконец, поняли, что уничтожить рукописи нетрудно, а напечатанные книги вполне могли избежать их ножниц. Папа Урбан VIII и его помощники, осудившие Галилея (как писал Джорджио де Сан-

тильяна), на самом деле не отличались особым рвением и оставались просто озадаченными необычностью научных поисков, нетрадиционных для их времени.

Репрессивная машина иногда больше раздражает своей неуклюжестью, чем насилием. Те купцы, которые хотели вести торговлю в протестантских странах, обнаруживали, что требуемые бумаги получать трудно и утомительно. Столы тех, кто отвечал за цензуру, были загромождены уходящими ввысь грудами книг, ожидавших лицензии. Над судебными процессами над итальянскими авторами во второй половине XVI века можно было посмеяться, но они тянулись бесконечно. Правила были сложными, но их требовалось провести в жизнь.

Нельзя было превозносить еретиков, и ни одна рукопись не проходила, если в ней содержались возражения против Вульгаты, но большинство цензоров были необразованными людьми, не способными изучить книги ученых, из-за чего нередко просто задерживали их выпуск, чтобы скрыть свою неуверенность. Хуже всего, что задерживались учебники, предназначенные для школ и университетов, в них ощущалась настоятельная потребность, чтобы можно было по ним учить, а для этого надо было получить одобрение цензоров.

Издательские стандарты, принятые в Риме XVI века, вовсе не являлись стандартами для Франции XVII века. Издание святого Амвросия Медиоланского подготовил будущий папа Сикст V. Он соотнес все цитаты из Библии с текстом Вульгаты, переработал текст, вставил церемониальные детали, которые святой Амвросий по непонятной причине опустил, прояснил темные места и устранил нелепости. Распространение подобных бюрократических методик на остальную церковь, без сомнения, уничтожило католическую науку.

Самой странной особенностью Реформации цензуры в период Контрреформации оказалось ее отношение к морали. Цензура безжалостно задерживала книги, где содержались нападки на духовенство или отголоски ереси, а книги непристойного содержания спокойно разрешались.

На протяжении XVI века вышла целая серия сокращенных изданий «Декамерона» Боккаччо. Сначала власти поместили его в Индекс запрещенных книг среди других непри-

стойных книг, однако те произведения, которые в той же степени считались неприличными, разрешали печатать свободно, и «Декамерон» стал классикой итальянской литературы. В стране, богатой произведениями, использовавшими просторечие, он оставался одним из немногих шедевров, написанных на общенародном языке.

Козимо Медичи из Флоренции просил папу Пия V разрешить опубликовать полный текст «Декамерона». Он вышел в 1573 году с разрешительными пометками «без всяких ограничений» от папы Григория XIII, председателя высшего суда инквизиции и Генерального инквизитора Флоренции. Привилегии были даны королями Франции и Испании, герцогами Тосканы и Феррары, другими главами государств.

Получилось необычное издание. Отрывки, которые отдавали ересью, были изъяты, как, например, слова о лицемерности благотворительной деятельности или отрывки, где монахи и святые высмеиваются или совершают противозаконные действия. Находя описания священников, цензоры превращали их в мирян. Они оставляли непристойности, но защищали репутацию духовенства.

Не следует преувеличить действие репрессий. Латини отказался поместить свое имя на издании Киприана, потому что цензор настоял на изменениях, которые тот не мог принять. Луис де Леон, читавший лекции в Саламанке и заявивший, что в издании Вульгаты содержится множество ошибок, правда не связанных с верой и моралью, был заключен в тюрьму на пять лет.

Когда его освободили, он начал свою лекцию словами: «Как я говорил в прошлый раз». Эти слова начертали на пьедестале его статуи, они стали прекрасным выражением упорства и порядочности ученых, подвергавшихся угрозам. Католические ученые страдали, но при этом оставались учеными.

Григорий XIII (р. 1502, папа в 1572—1585) возродил тень ренессансного покровительства учености. Он защитил величайшего католического экзегетика того времени Хуана Мальдонадо от врагов-ретроградов, привез его в Рим, чтобы тот работал над новым изданием Септуагинты.

В 1578 году рабочие карьера, находившегося в двух милях от города, обнаружили ход, который привел к исключительному открытию — нашли римские катакомбы, большинство из которых, кроме погребальных комнат под церквами, были забыты и в основном заполнены мусором.

В течение следующих пятидесяти лет зону подземных галерей расчистили, а надписи собрали римские археологи. В 1584 году папа начал выпуск книг на восточных языках, первой книгой стал арабский перевод Евангелия. Он велел, чтобы должное внимание уделили коллекции, помещенной в Ватиканскую библиотеку.

В 1580 году папа опубликовал новый текст Кодекса канонического права. Настоящим торжеством разума и триумфом астрономической науки стала реформа календаря. Папа проконсультировался с учеными, и администрация Сорбонны ответила, что изменение календаря заставит признать, что древняя церковь ошибалась в расчете Пасхи, что, как следствие, ослабит ее авторитет.

В 1582 году папа прекратил действие старого календаря и перевел 5 октября на 15-е число. Календарь приняли почти сразу же в католических странах, получивших, таким образом, более точный календарь. В то же время под влиянием предрассудков протестантские страны продолжали жить по старому календарю[1]. Они не переменили свой год согласно декрету папы и искали ошибки у римских математиков.

Заметили, что по Германии во время тех десяти дней, которые убрал папа, пронеслись сильные бури. Новый календарь в дальнейшем приняла протестантская Швейцария в 1700—1701 годах, Англия — в конце 1752 года, Швеция в 1753-м. Среди восточных ортодоксов (православных) первыми приняли календарь болгары — во время Первой мировой войны 1914—1918 годов. В России григорианский календарь был введен в 1917 году. (Григорианский календарь в России был введен большевистским правительством декретом от 26 января 1918 года с 1 февраля (по старому стилю)

[1] После религиозного разделения Германии обе системы датировки существовали бок о бок, вызывая путаницу во время важных встреч и при проведении императорского законодательного суда.

1918 г.: вместо 1 февраля старого стиля считалось 14 февраля нового стиля. — *Ред.*)

Полемика во время Реформации дала толчок для более глубокого изучения истории. Католики могли свободно спорить с протестантами только в сфере исторических исследований, поскольку других точек соприкосновения у них не было.

И Реформация, и Контрреформация опирались на Библию, считая ее непогрешимым авторитетом. Однако общим основанием для споров становилась история церкви, спорили, действительно ли за всю свою историю церковь оставалась непогрешимой. Или действия протестантов или определения собора в Триенте могли встретить поддержку в истории христианства.

Каждая сторона обращалась к истории ради поддержки своей интерпретации, и при этом обнаруживались поразительные сближения. Между 1559 и 1574 годами лютеранин Иллирийский Флациус вместе с сотрудниками опубликовали магдебургские «Центурии», первый серьезный и научный обзор истории церкви, тщательно прослеживающий медленное изменение церкви от времен Нового Завета к Средним векам.

Действия Флациуса не могли пройти незамеченными, ему следовало ответить, причем сделали это лучшие ученые. В 1568 году основатель оратория Филипп Нери поручил это сделать своему ораторианцу Чезаре Баронию, и тот публиковал свои «Анналы» в двенадцати томах ин-фолио с 1588 по 1607 год, до своей смерти.

«Анналы» оказались такими же предвзятыми, как и «Столетия», такими же неточными, хотя и по-своему. И все же они стали обязательными для поздних ученых, потому что Баронио, в отличие от Флациуса, использовал архивы и рукописи библиотеки Ватикана, где работал библиотекарем с 1597 года.

Предполагалось, что на основании документов, еще не признанных фальшивыми, «Анналы» покажут, что обычаи и обрядовая практика, о которых пишет Флациус, ошибочны и противоречат истине, выявленной с ранних времен христианской церкви. Он удовлетворял и заверял обществен-

ность, озабоченную тем, что современный исторический критицизм заставил сомневаться в свидетельствах древних мифов и сохранил общественное представление об Античности в романтической дымке.

Однако изучение истории, носившее частный характер, должно было рано или поздно расширить рамки в поимках истинности и беспристрастности. Уже в начале первой половины XVII века французские католические ученые начинали заниматься теми научными изысканиями, которые в конце века сделали французских бенедиктинцев святого Мора первыми, кто удостоился современного звания критических историков.

В 1606 году бельгийский иезуит Герберт Росвейде получил освобождение от преподавания и смог полностью посвятить себя науке. В поддержку религиозных идей Контрреформации Герберт Росвейде запланировал огромное собрание житий святых, тексты которых следовало отредактировать и опубликовать в соответствии с критическими стандартами современной исторической науки.

Другой его целью была защита Барония от протестантских критиков, но Росвейде умер в 1629 году, когда работа только началась. Но даже в том, что было сделано, он никогда не нарушал правило, что главным предметом исторической науки является опровержение протестантов.

В своих достижениях и критическом мастерстве Росвейде далеко превзошел Барония. Его обширный замысел продолжил другой иезуит, Джон Ван Болланд (ум. 1665), обследовавший библиотеки монастырей. Он основал удивительное общество болландистов, принявших его имя и продолжавших делать вклад в общество своей эрудицией.

Весьма значительным достижением новой исторической мысли стали споры с другим иезуитом, кардиналом Роберто Беллармини (ум. 1621). Его «Диспуты против еретиков нашего времени» в трех огромных томах (1586—1593) оказались самой систематической и неоспоримой защитой Контрреформации против Реформации.

Папа Григорий XIII помог основать в Риме специальную кафедру, на которой обучали молодых немецких или английских священников, и Беллармини стал ее первым профессо-

ром. Он превратил достижения исторической мысли своего времени в строгую магистерскую систему, намного превосходившую находчивость Экка.

Беллармини опасался не отсутствия аргументов, он не представлял, как разрешить проблему (с помощью поворотов фразы или правдоподобными обращениями), не задевая личности. Все же в большинстве предметов спора Беллармини оставался таким же непримиримым, как положено настоящему воину.

Библейский канон, основанный на Вульгате (латинском переводе Библии IV века), непогрешимость толкования церковью Священного Писания, авторитет традиции, учения о пресуществлении и евхаристической жертве во время причастия, безошибочность папских декретов — весь комплекс определений частично сформировался в Триенте.

Протестанты верили, что этот канон не защищен, тогда нашли защитника, который расположил «ошибки еретиков» лицом к лицу с учением «католических богословов». И затем стали пытаться доказать с помощью истории и здравого смысла, что еретики не обладают никакой репутацией. Протестанты не могли не презирать Беллармини и выдвинули против его свою тяжелую артиллерию.

В ту же самую эпоху, когда английская Реформация приобрела интеллектуальное самосознание в трудах Ричарда Хукера, Контрреформация обрела потерянную уверенность и глубину в трудах Беллармини.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНТРРЕФОРМАЦИЯ

Название «Контрреформация» применяется не только для обозначения движения, направленного на католические реформы, но и в отношении движения в сторону политического возрождения влияния католицизма в Европе, породившего в конце XVI века и позже волну опасений, что ему удастся сокрушить протестантские государства и насильственно снова ввести католицизм.

Началом стало заключение мирного договора между Францией и Испанией в 1559 году в Като-Камбрези, вскоре после

которого произошла вспышка религиозной и гражданской войны во Франции. К тому времени Франция потеряла свое влияние в европейской политике.

В не набравших еще силу лютеранских государствах протестантов спасало от подавления существование католической Франции и ее политические потребности.

В конце 1551 года папа Юлий III выступил с призывом к войне против Франции, заключившей союзы с протестантами и турками. С 1562 по 1598 год Франция находилась во власти быстро распространявшейся анархии, начав восстановление только после 1598 года. Лишь к 1629 году французская армия вновь смогла решительно влиять на европейскую политику, восстановив таким образом равновесие сил протестантов и их противников.

Политическую Контрреформацию следует датировать периодом с 1562 по 1629 год, и она связывается с ослаблением расколотой по религиозному признаку Франции. Контрреформация определялась внешней политикой и влиянием Габсбургов, правивших в Испании, Австрии и Италии.

Приход протестантизма разделил общество во Франции, Германии, Швейцарии, Ирландии. Католические короли осознавали, или, по крайней мере, им так казалось, что протестантизм и народные движения взаимосвязаны, однако их политический авторитет зависел от союза Католической церкви и государства, а также от подавления ереси.

Во время первой половины XVI века вдохновленная папой Пием V и его преемниками лига католических королей начала принимать вид политического союза, руководствуясь целью защиты церкви и, возможно, намереваясь сокрушить протестантизм. Самым влиятельным и, вероятно, самым католическим из этих королей оказался Филипп II Испанский.

Набожный, непреклонный, аскетический, проводивший длительные часы перед статуями святых, живший в своем Эскориале как в монастыре, а вовсе не как во дворце, он правил церковью Испании так же тиранически, как Генрих VIII правил церковью Англии. Филипп II отождествлял ересь с предательством существующей власти. Обогащенный золотом Перу, испанский король управлял Испанией и Нидерландами, Южной Италией и Сицилией, Сардинией, Ми-

ланом, испанскими колониями в Америке, а после 1580 года Португалией и всеми португальскими колониями в Индии (а также в Америке, Африке, Ост-Индии, в Китае (Макао) и др. — *Ред.*).

В 1599 году, через год после смерти Филиппа II, Томмазо Кампанелла опубликовал нелепую книгу De Monarchia Hispanica («Испанская монархия»), чтобы доказать или предсказать, что Испании суждено стать преемником Священной Римской империи. Автор полагал, что в конце концов она объединит Францию, Испанию и Италию в могущественную силу, которая принудит протестантов подчиниться.

Мечта вовсе не оказалась фантазией. Победа в одной из трех кампаний смогла бы приблизить успех. Если бы Непобедимая армада разбила английский флот, или если бы Альба окончательно справился с сопротивлением в Голландии или католическая лига расправилась с Генрихом Наваррским, то протестанты оказались бы в опасности.

И эта мечта не была лишь фантазией академиков. Думая, что он сможет покорить турок с помощью своих галер, вернуть Иерусалим и уничтожить протестантов благодаря союзу католических правителей, папа Сикст V (1585—1590) создал недостаточно подкрепленные союзы.

Подобно своим средневековым предшественникам, он отлучил Генриха Наваррского и говорил о том, чтобы послать папскую армию помочь испанцам во Франции в борьбе с гугенотами. Оставалась проблемой поддержка папой поляков в их борьбе против русских (после Ливонской войны 1558—1583 годов польский король Стефан Баторий, который не смог в конце войны взять героически оборонявшийся Псков и был вынужден подписать в 1582 году мирный договор с Россией, готовил новую интервенцию, но в 1586 году умер. — *Ред.*), надежда на реставрацию католицизма на Балтийском побережье. Появился план вторжения в Алжир через Италию.

Оказалось легко представить, что все войны против некатолических стран, какими бы мотивами ни руководствовались, такие как крестовые походы, или завоевания конкистадоров в Америке, служат, как верили испанские солдаты, Господу и королю Испании. На брюссельском портрете Ан-

тонио Моро герцог Альба изображен с крестом на груди, надетым поверх доспехов. Рядом с ним — скачущий с пистолетами в кобурах архиепископ Кельна, сторонник Альбы в 1572 году.

В Германии эти планы почти осуществились.

В 1562 году все выглядело так, будто крупные католические государства Южной Германии, прежде всего Бавария и Австрия, в основном остававшиеся в стороне, могли последовать за Северной Германией и стать протестантскими. Многие австрийские священники и монастыри уже проводили причастие обоих видов. Некоторые видоизменили литургию, не произносили молебнов по умершим, рассматривали своих любовниц как законных жен.

Возможно, две трети населения Австрии уже симпатизировали протестантам, спокойно относясь к тому, что один священник мог служить в четырех приходах, что когда-то воспринималось как абсурдное излишество духовенства.

В Баварии в 1563 году состоялся синод в Ингольштадте, намеревавшийся обсудить предложение о легализации Аугсбургского исповедания. Хотя предложение и отвергли, собрание одобрило дар потира мирянам, легализовало браки священников и использование немецкого языка при крещении.

В землях Южной Германии все еще доминировали старые заблуждения, на севере же страны власть Реформации означала дальнейшее ослабление церковной дисциплины. Реформа коррумпированных и секуляризированных каноников и монастырей давно назрела, и теперь слово «реформа» ассоциировалось с ересью и народными волнениями.

В данных обстоятельствах консервативное сопротивление протестантизму слилось с сопротивлением любым, даже полезным, реформам или переменам. «Мне известна одна кафедральная церковь, — писал Иоганн Экк кардиналу Контарини в 1540 году, — где только трое из пятидесяти четырех каноников являются священниками». Экк также обнаружил собор, где ни епископ, ни декан не были посвящены в духовный сан.

Когда духовенству разрешили жениться, неженатые священники, давно привыкшие содержать любовниц, связали

себя узами брака, легализовав своих женщин как жен, превратив детей в законных и уважаемых наследников.

Несколько известных немецких епископов в 1561 году доказывали, что единственным решением немецкой проблемы оставалось разрешение священникам жениться — на определенных условиях. Герцог Альбрехт V Баварский информировал собор Триента, что он едва ли способен удержать Баварию в качестве союзника Святого Престола, если не разрешат причастие вином и церковные браки.

В апреле 1564 года папа Пий IV направил послание многим немецким католическим епископам, санкционировав право на двойное причастие мирянам, которые хотели его получить. При данных условиях протестанты продолжали двигаться вперед.

Между 1565 и 1585 годами наблюдаются изменения в морали. Протестанты стали менее уверенными в себе, католики, напротив, обрели уверенность. Крушение протестантских надежд отчасти обусловлено новой и жесткой католической политикой, проводимой такими правителями, как Альбрехт Баварский.

Однако, скорее всего, пессимизм протестантов вытекал из признания, что Реформация, в истинности и необходимости которой не сомневались, не преуспела после первой вспышки энтузиазма, как этого ожидали. «Мы вообразили, что для нас наступил золотой век», — заявлял кальвинистский пастор Скалтет, когда посетил Виттенберг в 1591 году. «Враг, — вторил ему пастор Бокен из Хайдельберга в 1576 году, — наконец организовался, собрал новую армию и укрепился в своей твердыне».

Отчасти разочарование объяснялось разделением внутри протестантизма. Самыми богатыми государствами протестантской Германии считались лютеранские, и все же в эти годы реформаторская политика и наука, которых некоторые лютеране боялись не меньше Рима, в Германии уже дали трещину. Университет в Виттенберге угасал, в то время как иезуитский университет в Ингольштадте набирал силу.

Другой причиной разочарований среди всех реформаторов стала неизбежная реакция после того, как волна реформ проявилась в первый раз. Характер и рассудок людей не-

предсказуемо сопротивляются всем попыткам их реформировать. Даже в епитимии мужчины и женщины часто цепляются за суеверия, дурные обычаи и развратную мораль.

Контрреформация искала того же, что могли дать Триент и новые порядки. Выдающийся деятель и страстный пропагандист протестантизма конца века Вольф Дитрих фон Райтенау, архиепископ Зальцбурга 1587—1613 годов, известный своей дорого стоившей ему наложницей, имел трех сыновей и семь дочерей (выживших; всего же Саломея Альт, дочь зальцбургского горожанина, родила архиепископу 15 детей. — *Ред.*).

Однако, несмотря на множественные исключения, католические реформаторы упорно повсюду утверждались, ибо больше не существовало зияющих противоречий между «реформированными» и «нереформированными». Те католики, кто придерживались мнения, что реформа является единственным способом противостоять Реформации, со временем оказались правы.

Изменение расстановки сил прекрасно иллюстрируют примеры из Граца, Кельна и Польши.

Грац

В 1570 году почти все население Граца сделалось протестантами, хотя в городе существовало порядка двадцати католических сообществ. В 1573 году эрцгерцог Карл основал и одарил в Граце иезуитскую коллегию, но по-прежнему разрешал свободу религии и образования протестантам, пообещав им поддержку на синоде в Брюкке в 1578 году. Однако при своем дворе он пользовался услугами только католических поваров и делал все для того, чтобы продвигать на высшие должности итальянцев и баварцев.

В 1581 году евангелистских пасторов изгнали из города, заменив священниками, а горожанам запретили посещать городскую школу, тогда протестантскую. В 1585—1586 годах иезуитская коллегия возвысилась до университета, задачей которого было учреждение чистоты католической веры и уничтожение ереси. Тогда эрцгерцог почувствовал себя достаточ-

но сильным, чтобы разрешить горожанам лишь католицизм. Он умер в 1590 году, добившись от своего преемника, которому было только двенадцать, клятвы в соблюдении интересов католической веры.

Однако протестантское меньшинство продолжало процветать. Некоторые полагают, что во время Пасхи 1596 года юный герцог оставался единственным жителем Граца, получившим евхаристию в соответствии с католической верой. Однако когда Фердинанд достиг совершеннолетия, течение снова повернулось вспять.

Сообщают, что ему принадлежат слова: «Я скорее стану править разоренной страной, чем страной проклятой». В 1598 году он изгнал из Граца всех протестантских пасторов и школьных учителей. В 1599 году закрыл все протестантские церкви и соборы, а возникшее сопротивление подавили декретом. В 1628 году Фердинанд принудил 800 протестантов, принадлежавших к знати, покинуть страну.

Кельн

В политическом отношении Аугсбургский мирный договор оказался результативным. С 1555 по 1605 год обе стороны апеллировали к нему как к основному германскому закону о религиозном разделении. Мудрые правители с обеих сторон не допускали никаких лазеек, даже если брешь способствовала им самим, понимая, что иначе Германия превратится в страну раздоров. Конечно, не следует думать, что немецкие крестьяне всегда оказывались свободными от опустошений и присутствия войск, участвовавших в кампаниях во время этих лет «мира». Однако походы всегда отличались ограниченным характером и соответствовали древним немецким обычаям.

Тем не менее Аугсбургский мирный договор имел два основных недостатка: в нем не обеспечивался статус кальвинистов и статус церковных территорий. Хотя он являлся договором между католиками и лютеранами, в нем не упоминались ни цвинглианцы, ни кальвинисты, к которым лютеране так же, как и католики, не питали неприязни. Следовательно,

у кальвинистских княжеств и городов не имелось никаких легальных прав, определяющих их присутствие в Германии.

Ситуация выглядела абсурдной, ибо в Германии существовали и цвинглианские и кальвинистские княжества и города, обладавшие сильной властью. Однако теоретически они не обладали никаким статусом при королевских дворах, и лютеране, остававшиеся лояльными по отношению к Аугсбургскому мирному договору, часто примыкали к императору, католические же территории выступали против них.

Вторым недостатком договора стало отсутствие эффективного законодательного обеспечения на тот случай, если приятель-епископ повернет против протестантов. Католикам удалось добавить в него пункт о мирном урегулировании, известный как «Духовная оговорка», однако протестанты ее так и не признали.

В «Духовной оговорке» заявлялось, что тот прелат, который станет протестантом, должен соответственно оставить свой приход, а на его место избирался католик. Таким образом, за католиками гарантировалось сохранение всех духовных владений, существовавших на 1552 год. Церковные земли, секуляризированные ранее, оставались под властью лютеранских правителей.

Пункт, с которым соглашалась только одна из сторон, становился лишь источником раздоров. Его действенность зависела от того, кто имеет на месте больше влияния. Со свойственной ему обходительностью император Фердинанд I не смог уберечь такие огромные приходы, как магдебургский и хальберштадтский, от превращения в протестантские территории.

За одиннадцать лет до мирного договора Герман фон Вид, архиепископ Кельна, стал протестантом и попытался сохранить за собой территорию епископства, превратив ее в собственное княжество. Однако армия императора Карла V сместила фон Вида, и его намерения не осуществились. Во всяком случае, если ставший протестантом епископ оказывался курфюрстом и получал большинство в выборном органе, то в соответствии с каноническим законом мог быть избран на пост императора Священной Римской империи.

В 1582 году тогдашний архиепископ Кельна Гебхард Трухзес захотел жениться на монахине, ставшей протестанткой, и

превратить свою территорию в светскую. Его противник, католик герцог Эрнест Баварский, вовсе не был реформированным, но уже являлся епископом трех других приходов, пьяницей и владельцем наложницы.

К ужасу протестантов, католики сослались на «Духовную оговорку», и лютеране лишились их поддержки, частично потому, что опасались, что Трухзес подружится с кальвинистами. Затем испанские и баварские войска выдворили его с престола, и баварский герцог стал преемником Трухзеса.

Существование княжеств-епископств, где епископ оказывался временным сюзереном, как и «Духовная оговорка», способствовало делу Контрреформации, как только общая католическая власть оказывалась достаточно мощной, чтобы обеспечить таких епископов политической поддержкой. Великие католические епископы управляли территориями, где население в основном оставалось протестантским.

Поскольку равновесие власти в Германии зависело от севера страны, протестанты оставались неуязвимыми и их число росло. Признаком меняющегося равновесия стало укрепление епископов. В 1595 году епископ Бамберга распорядился, что верующие должны согласиться с мессой или подвергнуться изгнанию, и, хотя вердикту противостояла знать, кафедральный собор и соседние крупные землевладельцы его одобрили и провели в жизнь.

В 1596 году Теодор фон Фюрстенберг, епископ Падерборна, заключил под стражу всех священников своего прихода, допускавших причастие обоих типов. Затем ему пришлось столкнуться со знатью, начавшей выводить свой скот и лошадей, и городом, который избрал демагогию, которых следовало подавить. Продолжая распоряжаться, епископ щедро одарил коллегию иезуитов и опубликовал вердикт, предписывавший мессу или изгнание.

Существование католицизма в Рейнланде, который согласно географическому расположению, как ожидалось, должен был стать полностью протестантским, обязано испанской армии в Нидерландах и частично успеху Контрреформации, сумевшей удержать и использовать крупных князей-епископов. Несмотря на законодательную неопределенность, «Духовная оговорка» сделала свое дело.

Польша

Изменения в Польше начались после того, как в 1575 году избрали королем Стефана Батория (1575—1586). Во время своего правления он защищал как католиков, так и протестантов, отличаясь умеренными взглядами. Однако благодаря распространению влияния римского престола по всей Восточной Европе к концу его правления в Польше было 360 иезуитов.

Его преемник Сигизмунд III (1587—1632) оказался ревностным католиком. Успешное введение григорианского календаря, ставшего одним из доказательств прогресса Контрреформации, сопровождалось принятием декретов Триентского собора. Пользуясь ими, католическая знать изгнала протестантов из своих поместий. Католические суды руководили восстановлением приходских церквей. Даже в городах, где население оставалось протестантским, лютеранскую службу принуждали проводить в городской ратуше.

Почти все высшее образование находилось в руках иезуитов. В 1607—1608 годах протестантские землевладельцы-магнаты оказались достаточно неосторожными, чтобы присоединиться к восстанию недовольных, включая некоторых католиков и некоторых православных. Подавление восстания означало окончательную победу Римско-католической церкви в Польше.

Никакие смешанные браки легально не признавались, пока их не освящал приходский священник, приходские же священники чаще всего отказывались. В начале 1598 года папский нунций заявил: «Совсем недавно можно было опасаться, что ересь полностью подавит католицизм в Польше. Теперь католицизм доводит ересь до конца».

Иезуиты

Политический католицизм стал более агрессивным и самоуверенным. Вместе с тем нельзя не отметить снижение международной репутации иезуитов. Со временем они приобрели дурную славу. После проявленного ими героизма в

Индии и Америке многим казалось удивительным, что в Европе орден приобрел дурную репутацию.

В ордене, число членов которого столь стремительно росло, неизбежно оказывались недостойные люди, хотя их количество вряд ли было больше, чем в любом другом ордене. С другой стороны, такие, как Франциск Хавьер, прибавили блеск имени «христианин».

Иезуиты сразу стали известны своей строгостью, их первоначальная непопулярность обернулась почетной дурной славой истинных пуритан.

Само понятие «иезуит» впервые употребили в Германии, где оно стало синонимом строгости аналогично методистам в Англии времени правления Георга III (1760—1820) и Георга IV (1820—1830). В Оксфордском английском словаре, датируемом 1640 годом, указывается первое употребление слова «иезуит», означающее «предательский».

«Молодые женщины, — писал Герман Вейнсберг из Кельна, — добропорядочные иезуитки, каждое утро отправляются в церковь и соблюдают посты». Если говорят, что «то-то слишком много для иезуита», то это означает, что он ведет слишком строгую для мирянина жизнь».

Однако внутри церкви старое соперничество орденов приобрело новый оттенок. Францисканцы и доминиканцы неодобрительно смотрели на это новое образование, которое заявляло, что является религиозным орденом, однако жило в миру и наделялось исключительными привилегиями. Когда с иезуитами встречались в Испании, Японии, Индии, папской курии в Риме, то различные методики и атмосфера вызывали постоянное непонимание и противоречия.

В 1577 году эксцентричный доминиканец заявил, что он крестится, когда встречается с иезуитом. Францисканец из Ингольштадта в 1583 году называл тамошних иезуитов «напастью монахов». Полагали, что в 1605 году Беллармини не избрали папой только потому, что побоялись избрать иезуита.

Как ведущие пропагандисты веры, иезуиты считали своей главной политической угрозой протестантов, с которыми противодействовали лицом к лицу. Англия времен королевы

Елизаветы, смертельно боявшаяся католического заговора при содействии испанцев, связала иезуитов с иностранными попытками распространить измену. В отношении Эдмунда Кампиона английский суд ошибался, но в связи с Робертом Парсоном он был прав.

Как известно, члены этого религиозного ордена стали негласными советниками для нескольких католических правителей. Одни помогали Католической лиге и ее кампании во Франции. Другие давали советы императору Германии и герцогу Баварскому.

Иезуитский генерал Канисий пытался удержать иезуитов в стороне от дворов и дворцов, опубликовав предписание, направленное против вовлечения иезуитов в немецкие государственные дела. Однако их невозможно было проигнорировать. Так росла репутация ордена.

На улицах Аугсбурга в 1582 году маленькие мальчики бежали за группой иезуитов, выкрикивая «Иисусвидер (Антиисус)!». В некоторых частях Германии в то же время их упоминали как «черных всадников папы». В 1593 году во Франкфурте опубликовали книгу «История общества Иисуса», написанную Элиасом Хазеемюллером, бывшим членом ордена, ставшим его злейшим врагом, в которой были впервые собраны подобные рассказы. Позже они разрослись в непомерном количестве.

В них рассказывалось о том, что иезуиты опьяняли людей движением, которое они представляли как «духовные упражнения». Они умели насыщать ядами кастрюли и солонки. Они составили сказочное состояние в Парагвае и на торговле с Японией. Они учили, что любая ложь возможна, если она служит целям церкви. Комиссия исследовала миф о золоте и его выделении из руды в 1640-м и затем в 1657 году, доказав несостоятельность этого сообщения.

Таковой оказалась приобретенная иезуитами репутация между 1575 и 1640 годами. Частично она сложилась, потому что они не могли или не хотели избежать политики «крестового похода» (и даже она оказалась не совсем чистой). Отчасти же потому, что барометр фиксировал успех политической Контрреформации и те страхи и страсти, которые порождал успех.

Тридцатилетняя война

Чем сильнее проявлялось противостояние с католиками и явственнее оказывался риск «священной войны», тем быстрее немецкие протестанты стали опасаться, что они не могут находиться в безопасности, если не организуют военный союз.

В вольном городе Донаувёрте, расположенном в Южной Германии на реке Дунай, преобладали протестанты, однако допускалась и католическая вера. Несмотря на распоряжение магистратов, опасавшихся восстаний, бенедиктинский аббат настоял (в апреле 1606 года), чтобы церемониальная процессия прошла по улицам, правда, на обратном пути на нее напала толпа.

В 1607 году Максимилиан Баварский по императорскому дозволению занял Донаувёрт и стал относиться к нему как к завоеванному городу, включенному в состав Баварии. Максимилиан Баварский собрал иезуитов в местном соборе и силой превратил его в католический храм. Произошло вопиющее нарушение Аугсбургского мирного договора, после чего протестанты больше не могли полагаться на него как на средство защиты.

В 1608 году протестантские государства образовали евангелический союз для обороны подвергшихся нападению (в нарушение Аугсбургского мирного договора) стран. Этот союз был преимущественно кальвинистским, и его первым главой стал курфюрст Пфальца, ставший кальвинистом при поддержке французов, хотя и без участия главного лютеранского государства, Саксонии. Бывший союз превратился в союз соперников, в 1609 году сформировалась Католическая лига, возглавлявшаяся Максимилианом Баварским. Обе стороны вооружались.

13 мая 1618 года протестантская знать Чехии, чей король Фердинанд был правителем Австрии и императором Священной Римской империи, выбросила императорских уполномоченных из окон замка в Праге, выгнала иезуитов из страны и восстала против Австрии. Чехи предложили корону курфюрсту Пфальца Фридриху V. Именно его согласие ускорило Тридцатилетнюю войну. Кальвинистский прави-

тель Чехии смог внести раздор и нарушить равновесие власти во всей Европе.

Тридцатилетняя война оставалась религиозной только до 1635 года. Сначала она представляла собой столкновение кальвинистов против католиков, поскольку Саксония и некоторые лютеранские государства стояли в стороне, полагая, что действия курфюрста Пфальца глупые и противозаконные.

Во время решающей битвы на Белой горе (1620) имперские войска атаковали с криками: «За Святую Деву Марию!», а в Риме построили церковь Святой Марии победительницы.

В 1620 году Фридриха выдворили из Богемии, в 1623 — из Пфальца. Однако война продолжалась, потому что успех имперских войск оказался таким огромным, что в войну оказались вовлеченными другие страны: Дания в 1625—1629 годах, Швеция при Густаве II Адольфе вплоть до его гибели в бою, последовавшей в 1632 году, и затем снова при канцлере Оксеншерне (в это время в Швеции правила (1632—1654) королева Кристина, но внешней политикой заправлял граф Оксеншерна. — *Ред.*), Саксония (1631—1635). Доминировала католическая Франция, управлявшаяся Ришелье.

После 1635 года война никоим образом не носила религиозного характера, поскольку европейское противостояние определялось соперничеством между возродившейся Францией и императорской Германией.

Шестьдесят пять лет тому назад Францию и Польшу поделили между католиками и протестантами, Южная Германия колебалась, и свои политические надежды папство связывало с Испанией. К 1628 году Испания была гораздо слабее, однако Франция восстановила свой католический статус и довела гугенотов до состояния физически немощного меньшинства. Польша явно повернулась в сторону Рима и сторонилась протестантизма.

Теперь война триумфально продолжилась на севере Германии. В 1620—1627 годах Чехия, в течение столь длительного времени остававшаяся гугенотской и протестантской, принудительно сделалась католической благодаря австрий-

ским (имперским. — *Ред.*) войскам, протестанты потеряли свои гражданские права. Университет в Праге отдали иезуитам, порядка 30 000 протестантских семей изгнали (население Чехии, подвергшейся грабежам и террору, сократилось в несколько раз. — *Ред.*).

Случившееся стало долговременным триумфом Контрреформации и послужило сигналом для аналогичных мер по всем имперским землям, особенно в Австрии. В 1628 году все выглядело так, как будто насильственное обращение в католичество протестантской Германии продолжится. Баварские войска изгнали лютеран и кальвинистов, отстранив их от власти в Пфальце. Из библиотеки Хайдельберга конфисковали сокровищницу книг и рукописей, большинство из которых сегодня хранится в библиотеке Ватикана.

Имперская армия под командованием Валленштейна заняла Северную Германию вплоть до Балтийского побережья, кроме «нейтральных» Саксонии и Бранденбурга, усилив действие Эдикта о реституции, который стал восприниматься как высшая точка в политической Контрреформации.

В Эдикте о реституции (1629) объявлялось, что все церковные земли, отчужденные протестантами с 1552 года, следует возвратить, а кальвинистов следует лишить всех прав в империи. Не только протестанты могли потерять огромные епископства, такие как Магдебург, Хальберштадт и Бремен, которые занимали с 1552 года, но и курфюрсты Саксонии и Бранденбурга, которые после 1552 года приобрели большое количество церковной собственности. Курфюрст Бранденбурга был кальвинистом. Если бы на выполнении эдикта настояли, то немецкий протестантизм, возможно, пал бы.

Ситуация была спасена, во-первых, благодаря полководческому гению шведского короля Густава II Адольфа, поверившего, что он призван Господом, чтобы уберечь протестантов и сохранить власть Швеции на Балтике. Во-вторых, потому, что вступили в действие европейские силы, чтобы упразднить крестовые походы и ввести политическое равновесие власти.

Если бы эдикт был выполнен в полном объеме, власть германского императора стала бы невыносимой для Испании, Франции, Баварии. Война перестала носить религиоз-

ный характер. Франция и Швеция стремились к тому, чтобы протестантские государства Германии стали надежными и стабильными.

Условия Вестфальского договора 1648 года предполагали религиозную направленность современных европейских государств. Они позволили возродить суверенитет протестантов, нанеся удар политическим амбициям Контрреформации. Условия Вестфальского договора 1648 года восстанавливали Аугсбургский мирный договор 1555 года вместе с весомым добавлением, что его защита теперь распространяется как на реформированных (кальвинистов), так и на католиков и на лютеран.

Компромисс распространился на церковные земли, в то время как земли епископств, остававшиеся у протестантов на 1 января 1624 года, сохранялись у них же. Упомянутого оказалось достаточно, чтобы окончательно признать протестантскую секуляризацию огромных приходов, таких как магдебургский, бременский и хальберштадтский.

Согласно договору, императорский двор теперь составлялся в равной степени из протестантов и католиков. Кроме передававшихся по наследству доминионов Габсбургов, все государства обязывались проявлять терпимость в отношении меньших по численности религий, если те существовали до 1624 года. Не конфисковалась собственность тех, кто ссылался по политическим причинам.

Франция получила Эльзас (кроме Страсбурга), население которого в основном было протестантским. Объединенные провинции протестантских Нидерландов и Швейцария признавались как отдельные государства. Курфюрст Пфальца (Карл-Людвиг, сын начавшего войну Фридриха V) согласился с тем, что ему вернули только Рейнский (Нижний) Пфальц. Однако баварскому герцогу позволили сохранить захваченный Верхний Пфальц.

Из всех завоеваний на 1628 год у католиков после 1648 года остались: 1) Чехия, 2) полностью католическая Австрия, 3) Верхний Пфальц, под управлением Баварии, 4) часть Эльзаса под управлением Франции. Кроме того, ценным было признание протестантов, что южные немецкие епископства находятся в безопасности.

В свою очередь, протестанты заручились заверением католиков, что будут признаны законными главные результаты их секуляризации, признана Голландская республика и то, что немцы могут быть кальвинистами. В отношении протестантов внутри католических территорий согласились проявлять терпимость в обмен на выражение полноценной терпимости к католикам внутри протестантских территорий.

Признание немецкими католическими властями вовсе не означало признание папой. Папство не было замешано в немецких крестовых походах. Политические качества папы как итальянского правителя еще раз смешались с его энтузиазмом от религиозной победы.

Начиная со времени императора Оттона I Саксонского (из Саксонской династии, р. 912, правил в 936—973 годах), папы рассматривали преобладание единой великой власти в Европе как угрозу для Италии и, следовательно, своей безопасности. Даже когда они усиленно выступали против проживавших протестантов, они никогда не забывали об этом принципе политики.

Папа Урбан VIII (1623—1644) приветствовал эдикт о реституции. Однако, как и французы, папа осознавал, что доминирование императорской власти в Германии вскоре станет преобладающей силой и в Италии. Поэтому он поощрял Францию и кардинала Ришелье (нуждавшегося в поощрении), чтобы политика, наконец, спасла немецких протестантов.

Папа отказывался осуждать союз французов с протестантами. В 1632 году, отвечая имперскому послу, который хотел, чтобы тот объявил крестовый поход, папа хладнокровно заявил, что эта война не является религиозной и является государственной, а не церковной проблемой. С одной стороны, папа требовал полной реставрации католицизма в Германии, с другой — опасался политических последствий подобной реставрации и поэтому препятствовал ей.

Поэтому следовало ожидать, что преемник Урбана VIII папа Иннокентий X (1644—1655) одновременно будет раздосадован и обрадован положениями Вестфальского мира.

Он был раздражен уступками протестантам, но испытывал облегчение от восстановления равновесия власти в Германии.

Иннокентий не скрывал свою досаду и не показывал облегчения. Его легат Чиджи выступал против положения договоров, в послании Zelo domus dei он торжественно заявлял о том, что антикатолические пункты договора безосновательны. Успехи Реформации делали бесполезными все старомодные папские вмешательства в политические дела наций.

Глава 9
КОНКИСТАДОРЫ

Занятая реформированием и самозащитой католическая Европа вводила христианство в Америке, Индии и Ост-Индии. Между 1493 и 1620 годами испанские и португальские миссионеры перекроили христианскую карту мира.

В 1492 году Колумб отплыл в Новый Свет, и в 1492 году Испания уже находилась в состоянии дипломатического конфликта с Португалией в связи с новыми территориями. Оба правительства обратились к папе, чтобы тот рассудил их. Пример с данными папскими упражнениями в проявлении интернациональной власти необычайно похож на то, что происходило ранее в Средние века, но уже не случалось в XVI столетии.

3—4 мая 1493 года папа Александр VI (Борджиа) даровал Испании право владения всеми островами и землями, которые собирались открыть или были открыты, но еще не находились под властью христиан. Он также подтвердил, что Португалии ранее даровали побережье Африки.

Тогда же провели линию с Северного полюса на Южный на расстоянии в 100 испанских лиг западнее самого западного острова Азорских островов. Все, что находилось восточнее линии, отдали Португалии, то, что располагалось западнее, — Испании. Постепенно дипломаты с помощью Тордесильянского договора передвинули пограничную линию на 270 лиг дальше на запад, так что Бразилия превратилась в португальскую, но не испанскую колонию. Условием со стороны Рима было распространение христианской веры среди местного населения.

После этого завоеванные земли начали заселяться европейцами, началось возведение церквей вдоль побережий Аме-

рики, Африки, Индии и Вест-Индии. Португальцы основали поселения вдоль берегов Западной Африки, Конго и Анголы, в Индии и на Цейлоне, избрав Гоа в качестве своей штаб-квартиры. Они обосновались в Бразилии и на острове Святой Елены, на острове Сокотра и в Мозамбике, в Ормузе в Персидском заливе, полуострове Малакка и островах Малайского архипелага, в Макао (1555) на южном побережье Китая. И даже там, где они не могли основать колонии, как в Японии, везде их торговые поселения имели небольшие церкви.

Испанцы в Северной Америке завоевали Мексику и острова Вест-Индии, всю Центральную Америку вплоть до Панамы, продвинулись в Северной Америке в Калифорнию и Нью-Мексико. В Южной Америке они завоевали Перу, Колумбию, Венесуэлу и Чили, продвинулись в бассейн реки Ла-Плата и далее на юг материка.

Только на Дальнем Востоке испанцы соперничали с португальцами. Поскольку кругосветная экспедиция Магеллана доказала в 1522 году, что Земля круглая (экспедиция под руководством Магеллана началась в 1519 году, в 1521 году Магеллан погиб на Филиппинах, завершилась экспедиция в 1522 году под руководством Элькано. — *Ред.*), соперники нуждались в новой разграничительной линии с другой стороны мира, чтобы соотнести с разделительной линией в Атлантическом океане, но необходимые подсчеты для установления этой границы оказались сложными.

Испанцы заявляли, что настоящая линия, обозначавшая португальскую и испанскую полусферы, проходит по Малакке и Гоа, а Филиппины, названные так в честь Филиппа II, относятся к Испании, как и открытые испанцами морские пути, тянущиеся на восток от Филиппин через Тихий океан к Мексике. Возникшему спору было суждено оказать гибельные последствия на христианскую историю Японии.

АМЕРИКАНЦЫ

В то время считалось, что слова «цивилизованный» и «христианизированный» означают одно и то же. Благодаря образованным людям основывались епископства и мона-

стыри, получавшие пожертвования. Построили и несколько школ, в 1544 году в Новом Свете появился первый университет — в Мехико. За ним последовали и учрежденные до 1600 года университеты в Лиме, Санто-Доминго и Боготе.

Первым приходом в Америке стал приход Санто-Доминго, устроенный в 1511 году, к 1582 году количество приходов увеличилось на пятнадцать, включая и те, что находились на Кубе, в Мексике, в Лиме, Кито, Сантьяго, Боготе и Буэнос-Айресе.

Христианская экспансия в Испанскую Америку напоминала каролингскую миссионерскую экспансию в Германии, происходившую за семьсот лет до этого, когда солдат оказывался сильнее священника. Миссионеры, часто набожные проповедники, сопровождали завоевателей, устраивали церкви и школы по пути их следования. Однако находившихся далеко от надзора центральных властей испанских искателей приключений не так легко было сдерживать, если они намеревались грабить и убивать.

Некоторые из них унаследовали то рвение времен испанских крестовых походов, которое позволило создать нацию в течение длительных лет сражений против мавров. Кортес, завоеватель Мексики, неразборчивый в средствах и развращенный во всех смыслах, обладал духом крестоносцев, он посвятил себя Деве Марии. Он всегда сохранял на себе Ее изображение, молился, ежедневно посещал мессу, на одном флаге разместил крест, на другом — герб Кастилии и изображение Девы Марии.

Подобные экспедиции предполагали одним из аспектов наличие истинных преемников средневекового крестового похода. Нам очевиден тот же самый фанатизм, благородство, суеверия, возможности совершения подвигов ради славы и ради добычи, имея в виду открытие новых земель для христианского мира.

Вместе с тем существовали два угрожающих различия, первое заключалось в том, что противостоявшие племена были слабыми и невоинственными. (Здесь автор ошибается. Испанцам, несмотря на их запредельное мужество, героизм, а также столь же безмерную отчаянную отвагу (переходящую в наглость и вероломство), завоевание многомиллионных

империй ацтеков и инков, да и борьба с другими сильными племенами, такими как арауканцы, далось недешево. Гораздо труднее, чем англичанам и американцам, осуществлявшим геноцид действительно слабых индейцев Северной Америки к северу от Мексики. — *Ред.*) Во-вторых, что борьба происходила на огромном расстоянии и без контроля со стороны справедливого и эффективного правительства. Кортес отправлял жителям Чолулы в Мексике требование, чтобы они признали его власть и приняли христианскую веру.

Однако, услышав о том, что испанцев собираются вырезать, и опасаясь этого в связи со своей малочисленностью, Кортес пригласил чолуланскую знать на священную территорию храма, где разместились его войска, и там, по сигналу, данному выстрелом из мушкета, было убито более 3000 собравшихся, и само действие заняло более двух часов.

Вечером 16 ноября 1532 года Инка Атагуальпа прибыл в своем паланкине на огромную площадь в Кахамарке вместе с 500 своими воинами, чтобы встретить Писарро и испанцев. Отец Винсент выступил вперед и объяснил ему основы христианской веры, потребовав, чтобы Инка принял ее и стал вассалом императора Карла V.

Инка спросил о сохранении своей власти, и монах предложил ему экземпляр католического требника. Атагуальпа взял его, посмотрел и раздраженно бросил на землю. Монах подбежал к Писарро и потребовал отомстить, пообещав отпустить грехи. Спрятавшиеся в зданиях, расположенных вокруг площади, испанцы (всего у Писарро было 62 кавалериста и 106 пехотинцев, из которых только 23 имели огнестрельное оружие) высыпали наружу и убили множество перуанцев. Писарро схватил Атауальпу за длинные волосы, свалил на землю и связал.

Спустя несколько месяцев Атагуальпу задушили (вместо сожжения живьем) после юридического суда по уголовным преступлениям, предъявленным испанцами (весьма напоминало суд над Саддамом Хусейном в захваченном Ираке. — *Ред.*). Вид казни заменили, потому что, пока вокруг столба раскладывали охапки с хворостом, Атауальпа разрешил себя крестить.

Сброд (профессиональные воины. — *Ред.*), из которого состояли испанские отряды, не посвящал мексиканцев или пе-

руанцев в красоты христианской веры. «Разве эти люди — христиане? — спрашивал озадаченный обращенный в Маниле, наблюдая бесчинства испанцев. — Тогда почему же они не соблюдают заповеди?»

Монашеские ордена нуждались в таком же в обновлении, как и другие средневековые институты в начале XVI века. Их записи о событиях в Америке, происшедших на протяжении последующих ста лет, показывают, что пациент поднялся из своей кровати после болезни.

В Новом Свете малоизвестны успехи францисканцев и доминиканцев. Между тем почти вся основная работа проделана этими двумя орденами, августинцами и позже иезуитами, прибывшими соответственно в Перу в 1568-м и в Мексику в 1572 годах.

Не станем недооценивать решения, необходимые, чтобы пересечь море. Происходило расставание с домом, да и само путешествие было небезопасным. Из 376 иезуитов, отправившихся в Китай между 1581 и 1712 годами, 127 умерли по дороге. В истории их миссии особое значение имел тот факт: что сама деятельность ордена привлекала два вида людей, одни жаждали приключений и подвигов, другие же — это те, кому не удалось ничего достичь в Европе. Никто не оказался более решительным в защите индейцев, чем доминиканец Бартоломео де Лас Касас.

ЛАС КАСАС (1474—1566)

Лас Касас, чей отец плавал матросом вместе с Колумбом, стал свидетелем жесточайшего произвола в колониях и наблюдал ужасные условия организации труда рабов. Полагают, что как первый посвященный священник Нового Света (1510) он спел свою первую мессу на церемонии, когда дискос был заполнен необработанными кусками американского золота, и собравшиеся не могли использовать вино, потому что свежий запас не поступил из Испании.

Восхищаясь протестом монахов-доминиканцев против колонистов, он присоединился к ордену и вскоре стал ведущим

защитником местного населения. Обладая особой выносливостью и неиссякаемой энергией, он путешествовал вдоль побережья и островов. Наблюдал, протестовал, жаловался, организовывал, претерпевал выпады враждебности. Иногда ему угрожала такая же опасность от его соотечественников, как и от местного населения.

Лас Касас пересекал Атлантический океан четырнадцать раз, пытаясь добиться соответствующих законодательных мер от королевского правительства. Его ненавидели как колониальные власти, так и торговые дома, получавшие помощь от короны, которая всегда руководствовалась благими намерениями, редко оказывавшимися эффективными.

Он постоянно препятствовал и угрожал их делу утопическим идеализмом и частыми жалобами. Однако, несмотря на его досадные качества, несмотря на провал его стремления заботиться о привезенных в Америку африканских рабах (точно так же как Лас Касас беспокоился о своих индейцах), несмотря на его неловкость и неумение находить баланс интересов, он оставался одним из самых примечательных людей периода Реформации.

Существуют периоды в христианской истории, когда оказывалось необходимым быть неумеренным, если речь шла о справедливости. Более сорока лет Лас Касас напоминал испанцам всей силой своего голоса, что индейцы, его дети, оставались человеческими существами и должны восприниматься именно подобным образом.

Даже если его практические усилия часто и оказывались неэффективными, Лас Касасу удавалось все же заручиться поддержкой сначала кардинала Хименеса, а затем и самого императора Карла V. Лас Касас получил, в соответствии с «Новыми законами» 1542 года, гарантию того, что испанцы и индейцы уравнивались в правах.

Являлось ли моральное оправдание достаточным для обеления завоеваний в Америке? Противники Лас Касаса, такие как испанский теолог Сепульведа, выступали против. Папа Александр VI в булле 1493 года предоставил испанцам право сюзеренитета над американскими индейцами и призывал обращать индейцев в католическую веру, подчеркивая при этом, что все средства хороши.

Трудно представить, что индейцев полагалось обращать до тех пор, пока те не подчинятся правлению испанцев и устроенному для них правительству. Индейцы были отсталыми людьми, с низким интеллектом и в некотором отношении ближе к животным, чем к людям.

«Испанцы, — писал Сепульведа, — намного превосходят индейцев, точно так же как и человек возвышается над обезьяной». Они виновны в крупных преступлениях, таких как жертвоприношения людей, идолопоклонство и содомия. В обязанности каждого горожанина входит подавление преступления, если он сталкивается с ним, и он сможет остановить его. Точно так же и испанец должен остановить подобное варварство, поэтому завоевательная война и является справедливой.

Когда израильтяне вторглись в Землю обетованную, они не обладали законодательным суверенитетом, но оправдывали свое вторжение преступлениями ханаанцев. Хотя поведение израильтян в Ханаане не являлось образцом для испанцев в Америке, по крайней мере, те предположили, что испанцы обладают правом управлять индейцами, чтобы предоставить возможность нести учение Господа.

С помощью войны обращать людей не удавалось, их заставляли лишь подчиняться, а когда они становились подданными Испании, проповедники смогли проповедовать, и тогда индейцы узнавали, что христианская религия носит мирный характер и подавляет все крайние проявления поведения солдат-завоевателей. Святой Августин понимал слова «Принуди их, чтобы они пришли» как показывающие использование силы и приготовление людей к обращению.

Подобная защита христианской имперской политики показалась Лас Касасу отталкивающей. Он знал, что индейцы миролюбивы, скорее напоминают детей, и все же остаются людьми. Он считал, что Писарро похож на зверя больше, чем завоеванный им Инка, и полагал, что без соблюдения элементарных прав никакие человеческие существа не смогут быть действительно моральными, что идея христианской конгрегации требует проведения соответствующей политики. В то время как святость семьи и право на собственность следует надлежащим образом сохранять, и надежда образования Испанской

Америки состоит в предоставлении местным жителям прав, которыми обладают жители Кастилии.

Таким образом, следовало установить, что власть Царя Небесного легитимна, что следует уважать собственность язычников, что язычество не является достаточным предлогом для завоевания, что преступления, совершенные индейцами должны наказываться в соответствии с индейскими законами и преступления европейских завоевателей никак не оправдываются.

На испанцев папой возлагалась определенная обязанность — им следовало обращать в христианство местные племена. Единственно верным, действенным методом оставался тот, который одобряла и церковь. Это был путь увещевания и деликатного принуждения, соединяемых с примерами христианского образа жизни.

Сюзеренитет над Америкой не позволял испанскому королю грабить и пользоваться результатами грабежа, но способствовал справедливому и мирному правлению, таким образом помогая распространению Слова Божьего. Хотя цитировавшиеся слова «принудите их прийти» свидетельствовали в пользу принудительного обращения, на самом деле насилие шло изнутри, по неодолимому убеждению души.

В дебатах перед испанским судом в 1550 году Лас Касас и Сепульведа страстно спорили по данному вопросу. Чтобы вникнуть в их дебаты, следовало увидеть старые и новые идеи, сталкивавшиеся между собой. Среди них — священная война участников крестового похода, моральное право владения подвергавшейся дурному обращению или практически не использовавшейся землей. Право преследований и терпимость, схоластическая доктрина небес.

Кроме всего прочего, защитников индейцев, Лас Касаса и его преемников следует увековечить как самых первых создателей того, что позже получило название «международное право».

Лас Касас соглашался в том, что война по распространению христианства оказывалась в некотором роде антихристианской и вела к отторжению от христианской религии. Воевавшие же в этой войне в ответ говорили, что являются не кем иными, как защитниками-миссионерами, преодолевавшими

препятствия на пути проповедования. Лас Касас объявил судебный процесс всего лишь оправданием грабежей, а не закона милосердия.

Единственным способом обращения Лас Касас считал мирное проповедование Слова Божьего и примеры праведной жизни. Он написал трактат, чтобы выразить свою точку зрения, но его опубликовали только в 1941 году, поэтому похвала за введение первой современной теории, проповедовавшей Евангелие, досталась иезуиту Иосифу Акосте, который проповедовал среди индейцев в Перу. В 1588 году он опубликовал знаменитую небольшую книгу «О проповедовании Евангелия среди индейцев», представлявшую собой первое систематическое толкование миссионерской теории». Особое внимание уделено природе военной «защиты», массовому крещению, обучению и местным священникам.

Следует отдать должное папам периода Контрреформации за то, что они последовательно осуждали доктрину обращения в рабство индейцев.

Не считая всех этих идеалистов, испанское духовенство в Америке (равно как и португальское в Бразилии и Африке) в большинстве случаев возмущалось условиями рабства или крепостничества, которые укоренились среди большинства их паствы.

В 1541 году испанское правительство обрело контроль над огромными территориями, управляемыми вице-королями, большинство из которых оказались превосходными правителями, пытавшимися защитить подвластное им население от худших последствий завоевательной политики.

«Совет Индии» контролировал все назначения в испанских владения в Америке, как на духовные, так и на светские должности. Его власть над церковью в колониях считалась абсолютной, такой же как и власть короля Генриха VIII над церковью Англии. Викария наделяли полномочиями, связанными не только с его прямыми обязанностями. Он также должен был участвовать в строительстве церквей, организации епархий и обучении местных жителей.

На эти виды деятельности отпускались большие средства, в том числе пожертвования. Последствия испанских завоеваний в первую очередь имели светско-духовный характер. Об-

устраивались обширные территории испано-американских городов, в которых теперь доминировали величественные соборы в стиле барокко.

В 1569 году инквизиция, как следующий посредник, осуществлявший королевский надзор, утвердилась в Новом Свете. Из всех епископов самым значительным считался Турибио, архиепископ Лимы в 1580—1606 годах, известный как «апостол Перу». В 1583 году он провел совет, который принял законы, защищавшие свободу индейцев и завезенных в Америку негров. Турибио обучал их, переводил учебники и катехизис на язык кечуа (преобладающий в Перу). Турибио постоянно путешествовал по территориям местных племен. В 1594 году он написал Филиппу II, что крестил уже 50 000 человек. В 1726 году Турибио был канонизирован католической церковью.

Индейцы охотно крестились. Сложность заключалась в том, что они так же легко отрекались от христианской веры. Обычно миссионеры крестили индейцев после непродолжительной подготовки. Странно, что в папской булле, изданной Павлом III в 1537 году, показалось необходимым заявить, что индейцы способны принять крещение.

Прибывший в 1647 году в Конго (Африка) Феликс де Вилер заявлял, что за четыре года они крестили (ранее в Америке. — *Ред.*) более 600 000 взрослых людей. Между 1524 и 1531 годами францисканцы крестили более миллиона мексиканцев. В письме из Мехико, датированном 27 июня 1529 года, Петр Гентский рассказывает, что осуществлялось 14 000 крещений в день.

В IV и V веках практиковался катехуменат, длительная подготовка к крещению, ее возродили только во время миссионерской деятельности XIX века. Испанские миссионеры предполагали, что новообращенные открыто признаются в своем понимании простейших истин.

Катехизис становился инструкцией для всех, как взрослых, так и детей, но только после крещения, никак не раньше. В 1541 году от индейцев Новой Галисии потребовали, чтобы перед крещением те поверили в единого Бога, создателя неба и земли, человека духовного и телесного, в первородный грех, божественность Христа, небо и ад, добрых и

злых ангелов. Чтобы они признали себя подданными папы и императора. После крещения им следовало выучить ответы и публично произносить их в церкви в воскресенье и праздничные дни.

Порядок массового крещения вызвал тот же самый естественный результат, что и массовое обращение в христианство в Северной Европе в начале Средних веков: усиление магии, предрассудков и невежества. В одном городе Кортес оставил строжайшие предписания, чтобы жители поклонялись Христу. Они также должны были заботиться об одной из его лошадей, которая охромела. Жители преданно подчинились его требованиям. Они кормили лошадь фруктами и цветами, пока та не умерла. В их смятенных умах возникло предположение, что лошадь и Бог христиан одно и то же.

Позже два францисканских миссионера обнаружили, что местные жители изготовили подобие лошади и поклонялись ему, веря, что она является богом грома и молнии. До наших дней в горах Мексики сохранились народы, поклоняющиеся древним богам. Там христианский священник занимает более низкую ступень в иерархии, чем деревенский колдун.

Правда, вряд ли стоит всякое суеверие Нового Света считать пережитком древних религий. Даже суеверия могли, а так и случалось, экспортироваться из Европы.

На первом месте стояла проблема языка, индейцам нравилось приходить и исповедоваться. В течение многих лет исповеди разрешалось слушать через переводчика, пока, наконец, подобная практика не была запрещена советом в Лиме в 1567 году, хотя она сохранялась в Бразилии до 1580—1590 годов. Постепенно священники осваивали индейские языки, составляли грамматики, печатали катехизисы и книги для широких слоев населения.

Средневековое наследие проявлялось не только через массовое крещение, но и через сопротивление признать Святое причастие. В Бразилии иезуиты допустили избранных индейцев из деревень к причастию только с 1573 года. Начиная с 1574 года индейцам разрешалось причащаться чаще, только немногие, после соответствующих освидетельствований, допускались причащаться раз в месяц.

Францисканцы в Мексике поощряли индейцев причащаться более свободно. Народный и весь литургический год был наполнел максимальным количеством церемоний, праздниками, в том числе сопровождавшимися праздничными процессиями, торжественно и живописно соединявшимися с крещением или свадьбами.

Когда в Манилу (Филиппины) пришли новости о том, что папа причислил к лику блаженных Игнатия Лойолу, статую последнего в натуральную величину поставили над верхним алтарем иезуитской церкви и покрыли драгоценностями, над колокольней взорвался фейерверк, провели литературное состязание. Студенты гарцевали на лошадях, танцевальная группа из прихода Святого Михаила исполнила балет. Танцоры вступили на арену, шатаясь, будто искалеченные или слепые. Они упали на колени и стали кричать о благословенном Игнатии, а затем вскочили и исполнили неистовый танец с саблями.

Повсюду в Америке встречались группы кающихся и флагеллантов[1], индейцы собирались в братства Святого Причастия или Девы Марии. Бесконечные проблемы создавали браки, ибо индейцы часто отличались полигамией, католическая же церковь наставляла их в сложных ситуациях.

На практике планы обучения индейцев продвигались медленно. Вице-король Перу Франсиско де Толедо начал строить в Лиме колледж, чтобы обучать детей вождей. Но когда он вернулся в Испанию, строительство остановилось, и в основанные позже колледжи принимали только молодых испанцев.

Испанцы, даже идеалисты, полагали, что индейцы по отношению к белым всего лишь дети, поэтому приняли политику наставничества. Миссионеры любили людей в племенах, где проповедовали, но иногда вели себя как родители-собственники, не допускавшие никаких компромиссов. Поэтому им было трудно даже представить, что индеец когда-либо станет, например, священником.

---

[1] Ф л а г е л л а н т ы — члены секты религиозных фанатиков, существовавшей в XIII—XVI веках в Западной Европе и проповедовавшей публичное самобичевание ради искупления грехов. Здесь идет речь о тех, кто занимался бичеванием или самобичеванием «для умерщвления плоти». (*Примеч. пер.*)

В Мексике некоторые прогрессивные миссионеры, направлявшиеся францисканцами и епископом Хуаном де Суммаррагой (Цумаррагой), решили устроить местное духовенство. В начале 1536 года они основали колледж в пригороде города Мехико, куда принимали только индейцев, намереваясь воспитать из них священников. В колледже действительно учились мексиканские индейцы, но ни один из них не стал священником.

Испанское духовенство воспринимало идею мексиканских священников как противоречившую их представлениям. Доминиканцы возненавидели колледж, и он постепенно пришел в упадок, чтобы быть эффективно подавленным в конце столетия.

Возможно, первым мексиканцем-индейцем, которого ввели в сан священника, стал Николас дель Пуэрто, ставший епископом Оаксаки в 1679 году. То есть достаточно поздно. Первые индейские священники в Чили были посвящены в 1794 году, в Парагвае после 1768 года, на Филиппинах после 1725 года. В течение почти всего колониального периода в Америке почти не было местного духовенства.

УТРАТЫ

Американские индейцы оставались людьми не всегда способными принять новых, белых американцев на равных. Существовали трудности завоевателей, связанные с созданием христианской политики народов совершенно разных рас. Сложности взаимоотношений поселенцев и аборигенов стали ростком извращенного, принудительного опыта католического духовенства в поздних индейских резервациях в Соединенных Штатах или автономиях внутри различных современных государств.

Попытка Лас Касаса создать модель многорасового поселения на островах закончилась войной между индейцами и испанцами. Постепенно она становилась политикой, особенно принятой среди францисканцев и августинцев, организовывавших индейские христианские деревни, где могли бы учить детей, а люди были защищены от других индейцев

и от колонистов. Вскоре подобную методику приняли и иезуиты в Бразилии.

Ее недостаток заключался в том, что монахи и священники становились ответственными за все управление. Им приходилось выполнять функции магистратов, распоряжаться по поводу порок, быть казначеями, иногда даже руководить местными силами охраны.

Моральные богословы из Манилы на Филиппинах в 1630 году должны были установить, может ли священник миссии, как глава своего сообщества, организовывать отпор при нападении. Ответ, конечно, дали положительный, расценив этот поступок как законное средство самозащиты.

Франциск Борджиа, аристократ, генерал иезуитов в 1565—1672 годах, посоветовал, чтобы подобные функции не исполнялись. В 1597 году генерал Клавдий Аквавива попытался более жестко обновить систему. Попытка провалилась. Индейцы не доверяли религии, точно так же как они не доверяли никому из поселенцев. Даже если бы ввели нормальное правительство и истинное исповедание Библии, альтернативы не было.

Кроме того, неудобство вызывал и тот факт, что индейцы, отделенные от основного развития мексиканской или перуанской жизни, не смогли бы больше противостоять суровым испытаниям внешнего мира. Так, например, современные политические проблемы частично вытекают из сложности интеграции индейцев в национальную жизнь. Подобные явления испанские миссионеры, конечно, не могли предвидеть.

Самым успешным примером создания туземных резерваций было разделение Парагвая. Францисканские и иезуитские миссионеры трудились в Парагвае среди племени гуарани (то есть на территории современного Парагвая вокруг города Асунсьон) между 1583 и 1605 годами.

В 1605 году в Асунсьон прибыла вторая группа иезуитов. Сначала они заручились определенной независимостью от местного колониального правительства, подчинив свое поселение непосредственно испанскому королю. Иезуиты создали порядка тридцати резерваций, земельных владений с центральной церковью, госпиталем, монастырем и школой,

где наиболее одаренные дети изучали испанский и даже латинский языки.

Именно здесь индейцев вводили в своего рода «ограниченный» мир, сохранявшийся в стороне от коррумпированного общества белых. Здесь, в организованном иезуитами «мире» существовала постоянная дисциплина на основе церковного распорядка и была общая собственность. Все члены каждого такого сообщества ежедневно посещали мессу и вечерню, во время работы пелись гимны. Появился дневной катехизис для детей.

Рабочий день продолжался восемь часов, поощрялись развитие оркестровой музыки, театра и занятия спортом. По крайней мере в одной из первых резерваций все обучались за общим столом, чтобы затем произносить слова в церкви после мессы по воскресеньям.

Жителям приходилось защищать поселения от захватчиков земель, грабителей и работорговцев, захвативших в рабство или убивших тысячи индейцев, а также обратиться к руководителям церкви, чтобы они возглавили исход 15 000 жителей через джунгли.

Иезуиты, наконец, получили право обучить индейцев владению оружием, благодаря чему возникшие местные вооруженные формирования уберегли эти индийские фермерские сообщества от уничтожения. И сегодня в отдаленных районах Парагвая встречаются руины огромных церковных зданий. (В 1865—1870 годах Парагвай был совершенно разгромлен совместными усилиями армий Бразилии, Аргентины и Уругвая. Погибло почти все мужское население стран (в боях) и большая часть всего населения. Причина такого остервенения стран-соседей — прогрессивные преобразования и бурное развитие небольшой страны. С тех пор Парагвай, потерявший значительную часть территории, превратился в задворки Латинской Америки. — *Ред.*)

Не следует думать, что индейцы в Южной или в Центральной Америке находились в резервациях. Большинство их них размещались в «колониальных» приходах, с обычными священниками, где присутствовала не очень реформированная, а просто пересаженная версия церквей Испании и Португалии. Установлено, что в XVII веке в Кито (Эквадор) было

почти поровну духовного и светского населения. В то время как Европа модернизировала церковь, средневековая церковь продолжала свое существование за морем.

ПОРТУГАЛЬЦЫ

В то время как испанцы осуществляли свою деятельность среди американских индейцев, португальцы продвигались на восток. Их успехи видны через основание новых приходов: на островах Мадейра (1514), Кабо-Верде (о-ва Зеленого Мыса) (1532), Гоа в Индии, ставшем резиденцией вице-короля — наместника португальского короля (1533)и архиепископа в 1558 году, в Малакке (1557), Макао на южном побережье Китая (1576), Мозамбике на юго-восточном побережье Африки (1612). (В 1624-м и в последующие годы португальские иезуиты проникли, первыми из европейцев, в Гималаи и Тибет. — *Ред.*)

Их миссии путешествовали в Софале (Южная Африка), вверх по Замбези до Тете, вверх по Конго, в Эфиопию. Иезуит Бенедикт (Бенто) де Гоэш под видом армянского купца прошел по Хайберскому проходу и путешествовал по всей территории Афганистана и горам Гиндукуш, а затем перебрался в китайский Туркестан. Он умер в Сучжоу, в Китае.

Португальская миссия отличалась множеством недостатков, но ее миссионеров нельзя упрекнуть в отсутствии храбрости или предприимчивости. Меньше, чем других европейцев, их беспокоил цвет кожи. Португальцы на Востоке столкнулись с другой проблемой. Они оказались слабее испанцев, встретились с цивилизациями и религиями гораздо более сильными, чем у инков и ацтеков.

Сначала европейцы здесь не совсем осознали размах поставленной задачи, поскольку в некоторых районах Востока скорость обращения оказывалась такой же быстрой, как и в Америке. На Филиппинах испанцы добились поразительного успеха, превзойдя все восточные миссии. К 1585 году количество обращенных в христианство составляло здесь 400 000 человек. К 1620-му — около двух миллионов.

В 1571 году испанцы основали на Филиппинах Манилу, с 1579 года там стало существовать епископство, архиепи-

скопство с 1595, доминиканский университет начал действовать с 1619 года. Филиппины превратились в первую католическую страну Дальнего Востока. Вполне естественно, что этот успех повсюду порождал оптимистические ожидания.

Когда Франциск Хавьер (его называют также Ксаверий. — *Ред.*) 7 апреля 1541 года отплыл из Лиссабона, направляясь в Индию вместе со своими тремя товарищами, он получил подтверждение полномочий как от португальского короля, так и от папы. Хавьер стал викарием папы на всем побережье Индийского океана, заручившись доверием своей миссии со стороны короля и распоряжением, что все португальские чиновники должны были подчиняться ему и поддерживать всеми силами и средствами, имевшимися в их распоряжении.

Хавьер оставался аристократом, отличавшимся обаянием и благородством, и в то же время оставался необычно простым и прямым в обращении. Возможно, Хавьер мог бы стать духовником выдающихся деятелей в Европе, духовным наставником двора какого-нибудь правителя в Южной Германии.

Из Гоа (юго-запад Индии), где он основал епископство, собор, процветавшие монастыри и многочисленные церкви, он перебрался в Траванкур (в современном штате Индии Керала, юго-запад полуострова Индостан), затем на полуостров Малакка и Малайский архипелаг, потом в Амбоину (Амбон, на острове Амбон, Молуккские острова) и снова в Траванкур. В 1549 году Хавьер отправился из Гоа в Японию, заручившись письмами к японскому императору.

После проповедования на улицах или дискутируя с монахами в Японии в течение двух лет, он вознамерился обратить в христианство Китай, так же как делал в Японии. Чтобы приобрести требуемые полномочия, он вернулся из Лионии в Гоа. Оттуда Хавер направился в Малакку и Южный Китай, но в конце 1552 года в возрасте 46 лет умер неподалеку от Макао.

Хавьер (Ксаверий) считался человеком, принимавшим неожиданные решения и обладавшим развитой интуицией, отличался энтузиазмом, всегда был готов проникать в новые земли и обращать в христианство неизвестные народы, подвергаясь всевозможным опасностям. Он не овладел ни одним из языков многочисленных народов, с которыми встречался,

нигде не осел, но всегда шел вперед с неожиданным почти рыцарским напором.

Все, что происходит с людьми, было знакомо миссионерам Игнатия Лойолы. Хавьер же оказался выше остальных, самоотверженным, открытым и симпатизирующим в своих взглядах всем человеческим существам, мгновенно чувствовавшим себя легко и как дома среди индусов, мусульман или японцев.

Придерживаясь метода массового обращения, Хавьер использовал светские способы принуждения, предоставленные в его распоряжение португальскими властями. Он обращался к королю, когда считал, что власть помогает ему в его миссии. Хавьер практиковал массовые крещения, аналогично испанцам в Америке.

На рыбацком побережье около мыса Коморин (Каннякумари) он бродил от деревни к деревне, сопровождаемый своими переводчиками. Он мог собрать жителей вместе, позвонив в ручной колокольчик, читать Символ веры, Десять заповедей и молитвы к Господу и Богородице, уже переведенные на тамильский.

Когда аудитория после нескольких дней или недель хорошо знала слова и открыто заявляла о своей вере в церковные догматы, Хавьер крестил и делал это до тех пор, пока его руки отказывались подчиняться ему. После себя Хавьер оставлял катехизис, чтобы можно было крестить и женить, напоминать обращенным каждое воскресенье догматы веры, которую те приняли.

Хавьер также попытался основать школы и оставить там, где оказывалось возможным, европейских священников. Хотя подобные попытки пасторской заботы не излечивали недостатки его методики проповедования Библии, тем не менее люди позволяли это делать, лишь только он открывал дверь. Необычно, чтобы одному человеку удалось сделать так много.

На Востоке проповедники христианства столкнулись с проблемой, которая вряд ли возникала в Америке, — здесь они столкнулись с великими религиями. Те иезуиты, которые в 1579 году отправились ко двору Великого Могола, потомка завоевателя Индии Акбара, выяснили, что их христианский культ осуществляется в храме, который Акбар построил в го-

роде Фатехпур-Сикри. Однако христианам приходилось делить здание с парсами (зороастрийцами, индуистами, джайнистами и буддистами.

Нормальное и традиционное отношение христиан к язычеству заключалось в том, что идолов следовало разбить. В 1560 году в Гоа привезли приписываемый Будде зуб. И хотя обанкротившиеся местные португальские власти хотели принять предложение 100 000 фунтов стерлингов от одного раджи в обмен на этот зуб, архиепископ выступил с предложением уничтожить реликвию.

Испанцы в Америке и на Филиппинах придерживались принципа, что все старые религии следует уничтожить как языческие, тогда новая религия придет во всей своей чистоте. Епископ Манилы на Филиппинах принуждал китайских новообращенных отрезать свои косички и носить волосы точно так же, как это делали испанцы, что становилось видимым признаком, что китайцы освободились от своих еретических обычаев.

«Я ожидаю, — писал иезуит Вилела в 1571 году после того, как увидел верующих, танцующих у синтоистского храма в городе Касуга, Япония, — я думаю, что мне придется действовать подобно тому, как поступил Илья-пророк со жрецами Ваала».

Однако в связи с религиозными обстоятельствами Индии и Китая подобные имевшие древнееврейские истоки обычаи внутри христианского мира впервые начали меняться. Поскольку терпимость и эклектика считались добродетелью среди индусов, а святость и аскетическая жизнь ценились и индусами и буддистами, некоторые христианские миссионеры с уважением стали относиться к этим религиям. И у них возникало неприятие старых методов — они воспринимали их как препятствие к истинному проповедованию христианства. Даже Хавьер изменил свои ранние представления по поводу «сбрасывания идолов».

Проявления подобной «деликатности» в отношении обычаев или верований нехристиан обычно не нравились и отвергались доминиканцами, в определенной мере ограничивались иезуитами.

В Америке и на Филиппинах большинство испанцев поступали так, как будто среди жителей никакой старой религии

не существовало, поэтому они вполне могли продвигать христианскую веру. В 1531 году епископ Сумаррага писал из Мехико, что они уничтожили более 500 храмов и 20 000 идолов.

Отец Барнардино да Саагун глубоко изучил с антропологической точки зрения племена Америки, и его исследование стало важным свидетельством исчезнувшего общества. Однако Саагун не пользовался популярностью среди своих коллег, его книги запрещались и были опубликованы только в современное время, последователей у него не оказалось.

Человеческие жертвоприношения и грубые отталкивающие культы заставляли миссионеров воспринимать их соответствующим образом. Испанский опыт взаимоотношений с индейскими племенами и их религиями в Америке не обязательно является основанием жесткого противоборства христианства и индуизма, христианства и буддизма.

Очевидной проблемой, появившейся вместе с восточными религиями, стала языковая, использование тех понятий, которые смогли бы выразить основы христианского учения. Христианские учителя могли делать это более доходчиво, если бы использовали понятия, сходные с теми, что существовали в других религиях. Но они сталкивались с риском ввести в заблуждение своих слушателей, используя такие понятия из нехристианских систем со всеми их ошибочными толкованиями.

С такой проблемой однажды столкнулся Хавьер. В Японии он сначала перевел слово «Бог», воспользовавшись буддистским аналогом «Дайничи», и только через несколько месяцев, поняв, что воспользовался пагубным переводом, заменил его португальским «Деус», показавшимся ортодоксальным, но непонятным для японцев.

Как и в других известных религиях, более актуальными стали вопросы практического рода. Вряд ли это беспокоило испанцев, они не одобряли все старые обряды, обращали своих неофитов не только в христиан, но и, в культурном отношении, в испанцев. Ту же самую политику пытались применить и португальцы в Гоа. Оригинальный португальский катехизис для Индии в виде вопроса «Вы хотите стать христианином?» звучал как: «Вам хотелось бы присоединиться к касте европейцев?»

Вскоре стало очевидным, что подобные действия невозможны, и поэтому миссионерам приходилась решать, какие из социальных обычаев японцев, китайцев или индейцев считались только социальными и гражданскими, а какие — религиозными, а значит — несовместимыми с новыми христианскими ценностями принимающих крещение.

Почитание предков в Китае и деление на касты (варны) в Индии являлись важными неотъемлемыми составными частями социальных систем. Иезуиты в Китае придерживались мнения, что почитание предков являлось социальным, а не религиозным действием. Если же все же оно и было религиозным, то вряд ли сильно отличалось от католических молитв об усопшем. Иезуиты хотели, чтобы китайцы воспринимали христианство не как замену, не как новую религию, а как высшее воплощение их самых прекрасных ожиданий.

Однако китайцы не воспринимали иезуитов серьезно. В 1631 году в путешествие в Пекин из Малины (Филиппины) отправились францисканец и доминиканец (нелегально с точки зрения португальцев). Там они обнаружили, что для перевода слова «месса» в иезуитском катехизисе используется иероглиф tsi, с помощью которого в китайском языке описывают церемонии поклонения предкам.

Переодевшись, однажды ночью они отправились на такую церемонию, наблюдали за участвовавшими в ней китайцами и ужаснулись тем, что увидели. Так начался конфликт «ритуалов», поразивший восточные миссии более чем на столетие.

Ответственным за столь примечательное рискованное начинание в Пекине стал Маттео Риччи. Он специализировался в классическом китайском, одевался в наряд мандарина, изучал китайскую науку, представлял христианство как воплощение конфуцианства, охотно допускал традиционный культ предков.

В 1599 году Маттео Риччи основал первую католическую церковь в Нанкине. В 1601 году он получил аудиенцию в Пекине у императора Ваньли (Вань-ли, правил в 1573—1620) и продемонстрировал ему часы, которые отбивали время. Удивленный император предоставил Риччи субсидию.

Особенность проповедования Евангелия Маттео Риччи заключалась в том, что он мог нарисовать превосходную карту

мира, с Китаем в центре, но с крестом и отрывками из Священного Писания на пустом пространстве. Его проповедование во многом отличалось от конкретных дел испанцев, например в Мексике.

Риччи проводил утомительные часы с чашкой чая, обсуждая с интеллигентными посетителями вопросы науки и философии. Когда он умер в 1610 году, то в Китае существовала китайская конгрегация и во всем Китае было порядка 2000 обращенных в христианство.

После смерти Риччи и временной антихристианской реакции миссию в Китае продолжил отец Адам, находившийся в этой стране с 1622 по 1666 год. Он сделался необходимым двору благодаря календарю, выросшему из проекта Риччи. Китайский календарь, определявший счастливые и несчастливые дни, основывался на точных астрономических расчетах.

Изучив астрономию и показав неточность вычислений, преобладавших у мусульманских астрономов, Риччи стал незаменимым и возвысился до высших придворных, став директором китайской обсерватории и государственного министра по математике. Он составил много книг по китайской арифметике и геометрии, став основателем канона. Его предков торжественно облагородили, самому дали титул «Мастера небесных таинств», некоторые китайцы называли христианство «религией великого Чжа».

Отношения Риччи с коллегами складывались не всегда благополучно, отчасти потому, что он отличался вспыльчивостью, не переносил дураков, а во многом потому, что сомневался, действительно ли иезуиту следует стать государственным министром и отвечать, хотя и косвенно, за несчастливые дни.

Незадолго до смерти Риччи даже приговорили к смерти в результате одной из его вспышек, но не казнили. Его друг и преемник отец Вербье преуспел в изучении математики и составил гравированный календарь, превосходящий любой из известных в Китае, велев выгравировать над каждым днем имя христианского святого. (Вербье и другие иезуиты помогали также маньчжурам, захватившим власть в Китае после 1644 года, сражаться с малочисленными русскими отрядами в Приамурье, в частности при осаде Албазина в 1685 и

1686 годах. — *Ред.*) Исправленные издания календаря Риччи продолжали использоваться вплоть до конца XIX века.

Таким образом влияние иезуитов стало почти исключительно научным и менее религиозным. Разумно сомневаться, действительно ли преемники Риччи выяснили, как примирить непреложные претензии своей религии с надлежащим расположением к китайской религии и культуре.

Все же усилия Риччи нельзя считать напрасными. К 1650 году в основных китайских городах имелись христианские общины. Однако и тогда ни один китаец не сделался священником.

Япония выглядела так, как будто стала полем победы миссионеров, как в свое время произошло на Филиппинах. «В течение десяти лет, — жизнеутверждающе писал оттуда миссионер в 1577 году, — вся Япония станет христианской, если у нас будет достаточно миссионеров». В 1579 году иезуитские миссионеры смогли обосноваться в городе Нагасаки, который стал родным домом для обращенных в христианство, и заявляли, что уже 100 000 японцев обращено в христианство. В 1587 году они утверждали, что в Японии уже 200 000 христиан с 240 церквами, два иезуитских колледжа и школа для молодых дворян.

Хотя японцы рассматривали европейцев как «варваров, пришедших с юга», они интересовались техническими достижениями Европы, европейцы торговали с Японией, базируясь на Макао, чем пользовались иезуитские миссионеры.

Тем не менее быстрая экспансия христианской веры в Японии резко сдерживалась. В отличие от вождей американских индейцев правители Японии вовсе не бездействовали, поддерживаемые буддистскими и синтоистскими священнослужителями, готовыми поощрять сопротивление. Между 1580 и 1614 годами три военачальника установили результативную центральную власть в Японии. (Полководцы Ода Нобунага (1534—1582) и Тоётоми Хидэёси (1536—1598) заложили основы централизованной феодальной власти сёгуната Токугава (1603—1878). Первый сёгун из клана Токугава перебил тысячи своих противников, а в 1630-х годах выдворил из страны христианских миссионеров. — *Ред.*)

В течение некоторого времени новое центральное правительство воспринимало христиан как полезных помощников

в противостоянии претензий буддистских священников. Затем местные принявшие христианство даймё (крупные феодалы, владетельные князья) остались единственным сохранившимся препятствием абсолютному правительству. Португальская торговля с Японией, базировавшаяся на Макао, которая делала иезуитов настолько полезными нехристианским правителям, испытала резкий удар, когда в Японию начали прибывать голландские корабли. И еще больший шок, когда испанцы, находившиеся на Филиппинах, заявили о своих правах согласно старому папскому делению мира, а затем высадили в Японии францисканских миссионеров.

Даже в Японии было известно, что испанские миссионеры действовали рука об руку с испанскими завоевателями. Иезуит отец Алонсо Санчес сделал набросок (в 1586 году) схемы вторжения и завоевания Китая. Епископ Манилы заявил королю Филиппу II следующее: «Ни Юлий Цезарь, ни Александр Великий никогда не получали подобной возможности, с духовной точки зрения нет ничего более значительного, и подобного не предпринималось с апостольских времен».

В 1596 году на японский берег выплыл рулевой испанского галеона, потерпевшего кораблекрушение. Предполагают, что он заявил одному из советников японского правителя, что миссионеры во многом способствовали испанским завоеваниям. При подобных обстоятельствах правитель начал воспринимать миссионеров, как в свое время королева Елизавета относилась к иезуитам — то есть как передовой отряд, предшествующий испанским вторжениям.

Разнообразные эдикты ознаменовали изменения в политике. В 1614 году японский правитель (сёгун) Иэясу издал вердикт, в котором обвинил миссионеров в предательстве, в том, что пытаются низвергнуть истинное учение, и позже изгнал их из Японии.

Так начались преследования, с которыми трудно сравнить что-либо в христианской истории. Между 1614 и 1646 годами приняли мученическую смерть 4045 миссионеров, одних убили мечом, других сожгли у столба, третьих подвергли медленному варению в котле. Следующих подвешивали над ямой, полной нечистот, сделав надрез на голове, позволяя крови

медленно вытекать. В таком положении страдалец оставался живым в течение нескольких дней.

С 1627 года подозреваемых заставляли забрызгивать грязью изображения Христа или Девы Марии. Начиная с 1623 года в большинстве районов многим приходилось представлять ежегодную бумагу в храм или магистратам, удостоверяющую, что они принадлежат к одной из буддистских сект.

В 1637—1638 годах множество христиан присоединились к крестьянскому восстанию в Симабаре, закончившемуся массовой резней. Всякому, кто заявлял, что он не христианин, даровали жизнь, остальных, мужчин, женщин и детей, убивали, всего умертвили 37 000 человек (согласно современным подсчетам).

Декретом 1638 года страну закрыли для иностранцев. В 1642 году в Японии тайно высадились восемь иезуитов, но их тотчас обнаружили и после жестоких пыток убили. Еще десять человек попытались высадиться в 1643 году, похоже, что они отказались от своей веры после пытки ямой. На протяжении столетия продолжались стихийные гонения на христиан.

Открытия современных архивов свидетельствуют, что между 1660 и 1691 годами в Бунго погибли 486 христиан — казнили, или они умерли в тюрьме. В 1614 году в Японии было примерно 300 000 христиан, в 1697-м — всего несколько человек.

В письменной истории христианской церкви не было более впечатляющих и жестоких гонений.

Применение методики проповеди Евангелия Риччи привело к ошеломляющему успеху двух иезуитов, Александра де Роде в Индонезии и Роберта де Нобили в Южной Индии.

С 1606 года Нобили возглавлял миссию в Мадурае. Его самого обучал Саньяси, раскаявшийся представитель касты (варны) брахманов, который одевался в шафрановое одеяние брахманского аскета. Нобили брил голову и носил серьги, вел жизнь отшельника и соблюдал вегетарианскую диету. Брахманы начали восхищаться им как святым человеком, что закончилось принятием Нобили брахманами как своего.

Он написал на тамильском работы, где индусская и христианская мудрость гармонично соотносились между собой. Нобили писал христианские поэмы, напоминавшие древние ведические гимны, позволял своим брахманским обращенным продолжать носить священную нить и праздновать некоторые индуистские праздники.

В открытой им школе Нобили разрешал исполнять языческие обряды и уважал индуистские предрассудки в связи с кастовым делением. Он не дозволял никому дотрагиваться до себя и руководил таинством члена внутренней касты, предлагал облатку на кончике небольшой палки.

Неудивительно, что некоторые из его знакомых европейцев были шокированы, и в Рим было отправлено множество доносов. В 1618 году Нобили заставили появиться перед судом архиепископа Гоа, он вызвал смятение, появившись в одеянии брахманского аскета. О «деле малабарских ритуалов» доложили в Риме. В 1623 году Рим отказался осудить Нобили, «до тех пор, пока не поступит дальнейшая информация». Поэтому Нобили продолжал распространять свое необычное и удачное проповедование Евангелия, пока среди 4000 христиан Мадурая не появилось двадцать шесть крещеных брахманов.

Короли Испании и Португалии контролировали миссионерские церкви более тщательно, чем регулировали деятельность церкви у себя дома. Подобный диктат папа санкционировал своей буллой (Universalis Ecclesiae) 1508 года, оказавшейся бесценной в период первых организаций, широко раскинувших свои приходы, и иногда весьма анархических в своей деятельности зарубежных церквей. По мере того как позиция таких церквей укреплялась, они превращались в жесткую структуру, сковывавшую усилия миссионеров.

Только в XVII веке Рим смог непосредственно вмешаться в деятельность миссионеров, и только потому, что политическая власть Испании и Португалии начала ослабевать. К концу XVI века Рим создал комиссию кардиналов с целью установления миссионерских проблем. В 1622 году, чтобы усилить их миссионерское рвение, папа Григорий XV возвысил комиссию кардиналов до Священной конгрегации пропаганды.

Сначала агитация страдала от обычных трудностей, связанных с установлением авторитета испанских и португаль-

ских королей. Посланный из Рима в Китай епископ попал в шторм около Филиппин и был отправлен обратно испанцами, заставившими его плыть через Тихий океан — невольно получилось, что вокруг земного шара.

Случившееся стало важным знаком как политической слабости Португалии, так и растущего вмешательства Рима в деятельность миссионеров. Подобное произошло и тогда, когда иезуит Александр де Роде, захотевший расширить свою миссию в Индонезии, был уверен в том, что хотел заручиться поддержкой Рима, а не Мадрида или Лиссабона.

Однако необычайная политическая слабость Португалии в середине XVII века уничтожила движущуюся силу католических миссионеров на Востоке и доказала, что папа Александр VI Борджиа когда-то стремился доверить Португалии половину мира, чтобы таким образом уменьшить власть Испании. Ранние сообщения, посланные в Рим, показывают, что Контрреформация едва ли затронула некоторые из американских епархий или Ост-Индию.

Находившиеся на Востоке португальцы вовсе не мешкали, как испанцы на Западе, поощряя местное духовенство. Сына африканского вождя Конго в начале 1518 года, после обучения в Португалии, посвятили в епископы. Риччи настаивал на необходимости китайских священников и испытал жесточайшее разочарование, не добившись этого. Однако в Китае существовали особые сложности с женитьбой детей. В Японии и Индии отмечаются посвящения в сан.

Известно, что брахману по имени Маттео де Кастро было отказано в рукоположении архиепископом Гоа. Тогда он сам отправился в Рим, где после курса теологии был посвящен в священники и вернулся обратно в Гоа. Его встретили со смущением и недоверием и вопреки решению полиции отправили обратно в Рим. В 1637 году Рим посвятил его в епископы, Маттео отправился на корабле, чтобы служить в Идалькане, около Гоа, не находившемся под контролем португальцев.

Архиепископ Гоа отказался помочь де Кастро, объявил его полномочия приостановленными и поместил в тюрьму индийцев, которых тот поспешно посвятил в священники. Маттео снова отправился в Рим, где в 1645 году получил должность апостольского викария в Эфиопии, однако не

смог добраться до страны, вернулся обратно в Рим, ему велели вновь отправиться в Эфиопию. Маттео вовсе не являлся человеком, который искал мученической судьбы, поэтому вместо этого он отправился к Великому Моголу в Агру (Индия). Снова вернувшись в Рим, он девятнадцать последующих лет исполнял обязанности советника по индийским проблемам в Ватикане.

Такова судьба первого индусского епископа, она вовсе не вдохновляла тех, кто ратовал за индийское духовенство. Однако Рим проявлял бесстрашие, и папа отправил двух своих племянников в Индию как апостольских викариев.

К 1656 году в самом Гоа насчитывалось порядка 180 индийских священников. Их число явно было незначительным, и португальское правительство по-прежнему предвзято относилось к священникам-индусам. Однако препятствия к созданию местного духовенства были навсегда преодолены.

Таковы были основы для формирования новых церквей в Америке и Азии, и можно сказать, что католическая Европа активизировала широкое распространение христианской веры.

В этот период разделение христианского мира вряд ли мешало миссионерской деятельности. Но иногда, когда миссионеры доставлялись через моря, их оказывалось сложно уберечь в случаях политического или коммерческого соперничества стран, откуда они прибыли. Так, испанский командующий безжалостно убил 200 французских гугенотов на пляже Флориды, руководствуясь тем, что они были и французами, и гугенотами.

В Японии соперничество голландцев и англичан с португальцами способствовало катастрофе, которая захлестнула зародившуюся в Японии церковь. А в Северной Америке французские католические поселения в Канаде (Новая Франция) исключали законодательным образом гугенотов, но закон жестко не исполняли.

Усиление морского могущества англичан и голландцев в XVII веке позволило распространить европейское влияние и власть за отдаленные моря, вызвав неприязнь протестантов

и католиков. Голландцы основали в 1619 году Батавию, захватили в 1641 году Малакку и к 1638 году Цейлон.

Вместе с англичанами они заняли вакуум, образовавшийся слабеющей Португалией (которая с 1581 по 1640 год была захвачена Испанией. Португальцы, освободившись, сумели отбить захваченные у них голландцами Бразилию, Анголу, но многое было потеряно безвозвратно. — *Ред.*), что привело к катастрофическим последствиям для католических миссионеров. Украденные голландскими налетчиками колокола из католической церкви на испанском тогда острове Пуэрто-Рико в Карибском море купили для голландской церкви Новом Амстердаме (позже Нью-Йорк). Ведь в большинстве случаев земной шар оказывался слишком большим для этих и других событий.

Поскольку многие иезуиты относились к великим азиатским религиям с пониманием, раньше или позже они неизбежно должны были соотнести их с христианским учением. Сам процесс несколько задержался, пока не отошла в прошлое Реформация и не пришел век Просвещения. Тогда сразу пришлось решить следующий вопрос — как раскрываемый закон соотносится с естественным правом. Как христианскую этику следовало отличать от естественного права. Или же следовало говорить о том, что вышеупомянутые религии Азии представляли собой частичное «откровение», пришедшее к людям, не являвшимся христианами.

Во время эпохи Реформации подобные проблемы обострились, когда Азия в значительной степени повернулась к христианской церкви. Маттео Риччи в Пекине начал понимать, что продолжительная история китайцев требовала обновления хронологии Ветхого Завета. Однако умы Европы вряд ли были затронуты этой проблемой вплоть до второй половины XVII века. Только в 1681 году Боссюэ написал свой «Дискурс всемирной истории», не выходя за пределы средиземноморского и европейского миров.

Некоторые из вопросов, которые озадачивали пытливые умы в XVI веке, оказались незначительными в свете будущей перспективы. Открытие шоколада принудило теологов, ради

правил постящихся, определить, являлся ли он едой или жидкостью. Вскоре заподозрили, что шоколад не способствует целомудрию, и, наконец, его употребление запретили несколько религиозных орденов.

Отец Алонсо Санчес, путешествовавший из Филиппин в Макао, после своего прибытия попытался отслужить мессу в День святого Афанасия (2 мая) и удивился, обнаружив, что церкви Макао празднуют мессу в День обретения Святого Креста (3 мая) и что все не ошиблись в дате.

Вновь открытые племена американских индейцев, возможно, происходили от Адама, на самом же деле от Ноя в соответствии со Священным Писанием. Если все животные происходят от зверей с ковчега, то приходилось размышлять, как они пересекли океаны, добравшись до «Индий», то есть Америки. Возможно, через иезуита Акосту возможно было найти земной мост, по которому люди и животные смогли пройти, добравшись из Европы или Африки в Америку — в ее арктический или южноатлантический районы (поскольку миф об Атлантиде (то есть суше, существовавшей в Центральной Атлантике) отметался как нелепый).

Однако что делать с теми животными, которые обитали в Америке и не имели двойников в Европе? Если они происходят из ковчега на горе Арарат, почему такие виды не встречаются в Европе? Если все эти звери происходят от обитателей ковчега, то мы должны сделать вывод, что некоторые встречающиеся виды являются более приспособленными по своему образу жизни обитателями и покинули другие районы (или исчезли в них).

Акосту беспокоило, несмотря на совершенные путешествия вокруг света, отношение людей к древним Отцам Церкви или богословам, которые, опираясь на недостаточное количество данных, предположили, что Земля — плоская, считая, что оно не должно быть презрительным.

Глава 10
ВОСТОЧНАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Старейшая из разделившихся церквей христианского мира переживала длительную агонию под властью врагов. К 1526 году турки окончательно завоевали Балканы, бассейн Эгейского моря, Крым, Белград, две трети Венгрии. Большинство членов православной церкви оказались под враждебным правлением.

ДУХ КРЕСТОНОСЦЕВ

Дух крестоносцев на Западе не умер, но не оказался настолько жизнеспособным, чтобы преодолеть конкретные трудности, связанные с организацией крестового похода. Идеалисты и политики выступали за крестовый поход против турок. 14 марта 1518 года папа Лев X босым прошел из церкви Святого Петра в Минерву и произнес длинную невнятную проповедь, в которой объявлялась священная война. На протяжении столетия его преемники разговаривали и планировали то же самое.

Император Карл V считал, что высшей политической целью оставался захват Константинополя, и король Франции Франциск I, который вел переговоры об императорской короне, говорил, что, если они окажутся успешными, он будет в Константинополе, живым или мертвым.

И спустя столетие отец Иосиф, капуцин, серый кардинал великого Ришелье, написал бесконечную поэму, названную «Туркиада» (Turciad), чтобы выкричаться по поводу священной войны против ислама.

Подобные огромные ожидания практически не соотносятся с практической реализацией. Европейские правители

больше опасались друг друга, чем турок. Возможно, начал проявляться некоторый скептицизм. Так, Эразм цинично спрашивал, сможет ли папа, если крестовый поход окажется успешным, управлять на Востоке лучше, чем турецкий султан.

Даже самые идеалистически настроенные в отношении крестовых походов нуждались в материальной поддержке. Теперь половина Европы начала смотреть в сторону Запада, а не Востока, на Америку, или же мыс Доброй Надежды и Индию. Если испанец и хотел в крестовый поход, он смотрел на пример Кортеса в Мексике, Писарро в Перу. И поскольку испанцы приобрели вес в Европе, без их помощи крестовый поход оказывался невозможным.

Правители стран Запада добились, чтобы ближайшей точкой начала крестовых походов против турок стал 1571 год. Знали, что турецкий султан вот-вот нападет на Кипр, находившийся под властью Венеции.

Отличавшийся идеалистическими взглядами папа Пий V, слабо представлявший политические препятствия, освятил попытки оживить средневековую лигу христианских правителей. И заставил даже нервничать венецианцев, не нанесет ли им власть испанцев на Востоке больший вред, чем потеря Кипра.

Равновесие между престижем папы и его статусом позволило ему оснастить военную экспедицию испанских, венецианских, папских и итальянских войск под командованием дона Хуана Австрийского. В битве при Лепанто, у западного побережья Греции, турецкий флот был разгромлен, и таким образом прервалось его господство на Средиземное море. (В битве при Лепанто (современный Нафпактос) флот Священной лиги (Венеция, Испания, папа римский, Мальта, Генуя, Сицилия, Неаполь, Савойя, Тоскана, Парма и др.), всего 6 галеасов, 207 галер, 25 000 солдат, одержал победу над турецким флотом Али-паши Муэдина-заде (210 галер, 66 галиотов, 25 000 солдат на кораблях). Союзники потеряли 15 галер и около 7500 человек убитыми. Потери турок — 224 корабля (в том числе 117 захвачено), 15 000 солдат и матросов убитыми, до 5000 пленными. Утонуло с кораблями 10 000 гребцов — невольников-христиан. Освобождено союзниками 12 000 невольников-гребцов. — *Ред.*)

Однако событие стало последним в союзе западных крестоносцев. Победа не привела к освобождению Кипра, оставшегося в руках турок. Христианская лига распалась. Папа Пий V умер спустя семь месяцев после сражения, и возможности организации крестового похода угасли. Идеал крестоносцев исчерпал сам себя в грабительских набегах, совершавшихся испанцами, флорентийцами, рыцарями-иоаннитами с острова Мальта, на побережье Турецкой (Османской) империи (гораздо агрессивнее были набеги пиратов, подчинившихся Османской империи, например из Алжира. — *Ред.*).

ЦЕРКОВЬ ПРИ ТУРКАХ

Нельзя сказать, что Восточная православная церковь при турецком правлении процветала. Ее богатства конфисковали, образованные люди бежали на Запад (или же на Русь. — *Ред.*), она потеряла длительное привычное прямое покровительство христианского сюзерена, христиане подвергались сокрушительному бремени налогов, включая и «живой налог» — множество детей мужского пола забирались у христианских родителей, обращались в ислам и после соответствующего воспитания становились безжалостными воинами-янычарами.

Доведенные до нищеты города и деревни пытались кое-как существовать, чтобы содержать своих священников и хотя бы починить имеющиеся церкви. На большинстве территорий, особенно тех, что примыкали к Малой Азии, церкви разрушались и часто покидались. Сильно нуждавшиеся христианские крестьяне вовсе не упорствовали, отправляя своих детей в янычары. (Те, кто упорствовал, истреблялись. — *Ред.*)

Закат христианства ясно виден в существовании прелатов с громко звучащими титулами, но они вряд ли имели какую-либо паству, как, например, и митрополия Писидия, напрямую подчинявшуюся Константинополю. Как и у некоторых современников в Ватикане, продолжали использоваться античные имена, как и титул епископа в partibus infidelium («в стране неверных» — *лат.*).

Встречались и исключения среди общей нищеты. Известные места поклонения, такие как Иерусалим и Синай, продолжали, хотя и осторожно, процветать. Некоторые иерархи или церкви, например в Иерусалиме или Константинополе, продолжали получать пособия или косвенную помощь с Запада, от папы или испанского короля (а также от русских царей. — *Ред.*).

В Константинополе торговое сообщество состоятельных венецианцев или генуэзцев, посольства западных правителей также оказывали непрямую помощь православным церквам Константинополя. Торговля столицы обычно определялась греческими купцами, однако высшие посты в государстве могли занимать только мусульмане. Нам известно о случавшихся время от времени исключениях и в данном случае. Так произошло, когда христианин возглавил армию султана, сражавшуюся в Венгрии. Христиане в основном использовались как подрядчики, корабелы или изготовители пушек, что приносило существенную выгоду.

Примерно в 1570 году некий грек из старинного рода (происходившего из Восточно-Римской (Византийской) империи), Михаил Кантакузин, достиг такого высокого положения, организовав турецкую торговлю русскими мехами, что патриарх стал приглашать его каждую неделю, возможно чтобы посоветоваться с ним.

Духовенство в городах еще сохранялось, церкви работали. Мародеры всегда, кажется, рассматривали достаток церкви как добычу. Однако общий внешний вид сохранялся, хотя население несло бремя нищеты. Нам известно несколько экспедиций, вымаливавших подаяние, направлявшихся из Константинополя в Москву или в Балканские государства (пока последние не были завоеваны турками, и последним свободным православным государством осталась Русь. — *Ред.*).

Султан, как и его византийские предшественники, предпочитал контролировать избрание константинопольского патриарха. Обычно султан продавал приход или (следует сказать и об этом) брал высокий налог за вступление в должность (следовательно, поступая так же, как и протестантская королева Елизавета или некоторые католические правители Франции и Испании, хотя выплаты в Константинополе были выше).

Плата султану во время избрания патриарха в 1453 году была незначительной, однако после 1466 года начала быстро увеличиться и составляла в 1537 году 3000 дукатов. Ежегодная выплата возросла с 500 дукатов до 4100.

Не станем слишком осуждать султана, давайте вспомним, что самый протестантский правитель, английская королева Елизавета, удерживала приход в Оксфорде свободным в течение двадцати одного года только потому, что хотела сама получать доходы. Считавшийся самым католическим правителем король Испании Филипп II удерживал архиепископа Толедо в тюрьме в течение многих лет, руководствуясь теми же самыми причинами.

Мусульманские правители Ирана не только выставили на продажу главный армянский приход (Ереван, рядом Эчмиадзин. — *Ред.*), но и мучили армянских епископов, если поступало недостаточно денег. Правительства изобретали множество приемов, чтобы обкладывать налогами подношения верующих.

Возраставшая плата оказывалась меньше в случае прямых взиманий. В будущем соперничавшие за власть группировки в церкви с готовностью предлагали более высокие суммы правительству, стремясь превзойти соперников. В 1555 году патриарх Иоасаф II с необычайным искусством преуспел в уменьшении платы за избрание. Позже его сместили, по иронии судьбы, по обвинению в симонии (если верить хронисту).

Кроме того, влиятельные греческие миряне извлекали основательную плату за свою службу правительству в пользу церкви. Как полагают, Михаил Кантакузин получил большое количество дукатов за свою деятельность во время избрания патриарха Митрофана (1565). Хотя кровь мучеников и оросила лоно церкви, преследования и предписания заносчивого чужеродного правительства весьма способствовали росту порочности духовенства.

Султан смещал патриарха совершенно произвольно, поэтому приход никогда не чувствовал себя в безопасности. Во времена правления турок среди православных епископов появились свои мученики. Хотя епископы Кентербери между 1550 и 1560 годами также заканчивали свою жизнь пре-

ждевременно и насильственным путем, предусмотрительный человек, делая выбор между Кентербери и Константинополем, наверное, никогда и не выбрал бы последний.

Опасность оказывалась, как обычно, скорее физической, чем моральной, поскольку турки в большинстве случаев оставались вполне терпимыми, по крайней мере в отношении к православным верующим. Даже извлекавшиеся поборы выглядели более типичными проявлениями продажности двора, чем признаками религиозной враждебности.

Время от времени горячий султан или муфтий заявляли, что в обязанности турок входит искоренение всех христиан. Полагают, что и кровожадный Селим I, превозносимый турецкими историками за гуманизм, в частности за запрещение поджаривания осужденных на медленном огне, с трудом отвел от себя обвинения в массовых убийствах христиан. (Селим I Явуз (Грозный), р. 1467, султан в 1512—1520. Подавил восстание в Малой Азии. Произвел массовую расправу над шиитами, умертвив около 40 000 человек. Завоевал Курдистан, Сирию, Палестину и Египет, подчинил Хиджаз со священными для мусульман городами Мекка и Медина. — *Ред.*) Все же подобные заявления носят скорее метафорический, чем практический характер.

Турки требовали от христиан и плату детьми, чтобы те обучались согласно турецким законам и соответственно использовались. Они, наконец, распорядились, чтобы по крайней мере одну церковь в каждом завоеванном городе превратили в мечеть. Если город отличался большими размерами, то и мечетей организовывали не одну. В самом Константинополе турки решили устроить восемь других мечетей помимо переделанной в мечеть великой Святой Софии.

В 1537 году турецкие муэдзины в Константинополе заявили, что в соответствии с мусульманским законом все христианские церкви в городе следует уничтожить, поскольку Константинополь является завоеванным и покоренным городом.

Патриарх с рыданием обнял образ Святой Девы Марии в храме Памакаристос, ставшем его собором после потери Святой Софии. Он советовался с великим визирем и законным правительством, распределял подарки, нанял пожилого свидетеля по имени Мустафа, который утверждал, что ему

102 года, что он сражался при осаде Константинополя и стал свидетелем того, что город не был завоеван, но сдался на милость победителей.

Адвокаты приняли заявление, и избавление от опасности отпраздновали литаниями и благодарственными молитвами. План великой резни христиан воскресили в 1595 году, узнав новости о разграблении города Патры испанским флотом. К нему вернулись в 1646 году, но так и не воплотили. Затея оказалась выгодной для турок, она явно должна была принести прибыль, однако подобные предложения не гармонировали с турецкими действиями и политикой.

Кроме разграбления церквей, происходившего после захвата каждого здания в плененных городах, турки определенное количество церквей уничтожили. Они предпочитали, чтобы церкви не выделялись, велели снимать высокие кресты, находившиеся на куполах и хорошо видимые и с суши и с моря, таким образом пытаясь принижать влияние православной церкви в городах.

В 1586 году турки изгнали христиан из Памакаристоса, с 1601 до 1924 года патриарху пришлось довольствоваться меньшей по объему церковью Святого Георгия. Однако церкви редко тревожили, если только, как происходило в некоторых частях Малой Азии, не оставалось христиан, которые бы могли их поддерживать.

Если из церкви делали мечеть, но последняя была не востребована, христианам разрешалось выкупать ее, так произошло в Ларнаке на Кипре. В Дамаске большую церковь разделили — причем странным образом и не поровну — между двумя религиями.

Скорее всего, сообщество монахов на горе Афон не сильно пострадало от турецких завоевателей. В 1542 году патриарх Иеремия смог основать большой новый монастырь в Ставрониките. Монастырь Святой Екатерины на горе Синай, бесспорно, благодаря благоразумной политике его настоятеля, позволившего построить мусульманскую часовню внутри своих границ, практически не тронули, только обложили большим налогом.

Там, где средств было достаточно, церковь легко можно было починить и украсить, хотя подобное и оставалось весь-

ма непростым мероприятием, поскольку в 1502 году турецкие власти сместили одного патриарха, воспользовавшись как предлогом отсутствием разрешения от властей на строительство.

В греческих землях, на Балканах и в молодом Русском государстве православная церковь оставалась общенародной. На Крите, на острове Эвбея, в отдельных частях Албании мусульманское продвижение означало обращение христиан в ислам. Во время государственных событий, например при обрезании наследника Мурада III в 1582 году, немало христиан публично отреклись от своей религии.

Почти повсюду в странах Юго-Восточной Европы, захваченных турками, ислам оставался религией правящего меньшинства. Однако древняя христианская литургия и священная церковная организация по-прежнему пронизывали всю жизнь находящихся под гнетом турок людей. Салоники оставалась в основном греческим городом, здесь находилось двадцать церквей и четыре монастыря, противостоящие шести мечетям. Около 1570 года в Софии (Болгария) оказалось тринадцать мечетей, однако в подчинении у православного митрополита было порядка трехсот церквей и две церковные школы.

О влиянии греческих таинств свидетельствует их воздействие на простых мусульман. Хотя самая величественная из византийских церквей, церковь Святой Софии, была окружена минаретами и стала мечетью, христиане продолжали посещать святые места. Турки присоединялись к ним во время их поклонения, поскольку двери в храме были изготовлены из дерева священного ковчега. Или же встречались у святого колодца, отделанного камнем из колодца Вифлеема.

Иногда турки строили и отделывали здания в своих традициях, постепенно расширяя свой кругозор и усваивая знания, очевидно знакомые каждому профессиональному архитектору. Как говорили, купол Софии обвалился в тот день, когда родился пророк, его не восстанавливали, пока не появился святой Хызр и показал, что строителям следует взять известковый раствор, составленный из песка из Мекки, воды из колодца Зем-зем и слюны пророка. (Все захватчики, тем более кочевники, пришедшие на готовое, любят сочинять

сказки. Купол Софии частично обвалился в 551 году в результате землетрясения (обрушился также и в 989-м — также из-за землетрясения). Оба раза восстанавливался архитекторами и строителями великой империи. — *Ред.*)

В Салоники к могиле святого Деметрия, хотя здание церкви превратили в мечеть, продолжали стекаться христианские паломники, и вскоре туда же начали приходить мусульманские пилигримы. Сохранились достоверные свидетельства о том, что турки тайно крестились, надеясь исцелиться от недугов или получить иную выгоду. Возможно, среди них оказались сам султан Мурад (в 1585 году) или турки, носившие амулеты с текстами из вступления к Евангелию от святого Иоанна наряду с Кораном.

Как рассказывают, Селим II поставил шесть серебряных лампад перед иконой в монастыре Ксиропотам на горе Афон, потому что верил, что святые помогут ему. Он дружелюбно относился к христианам и позволял более свободно реставрировать церкви или строить новые. Сохранились и свидетельства о том, как простые христиане советовались с муэдзином, равно как и со священником, когда у них возникала подобная потребность.

Смешение верований и суеверий без труда происходило, когда христианские женщины попадали в турецкие гаремы. Однако новые факты твердо свидетельствуют о силе и продолжительности православных традиций во время их подавления. Христианские священники могли быть бедными и простыми сельскими жителями, заниматься крестьянским трудом среди своей паствы, однако их должность почиталась. Проходя мимо двери покоев патриарха, где стояла охрана из двух янычар, православные женщины крестились. Ощущение давно существовавших традиций поддерживалось так сильно, как никогда прежде, или даже сильнее, по мере того как оно отождествлялось с национальными традициями подчиненных туркам христиан.

Законы султана укрепляли духовную власть патриарха над всей Греческой православной церковью. Турки рассматривали православную церковь как подчиненную нацию с ее местными законами и воспринимали константинопольского патриарха как его представителя.

В XVI веке для устройства дебатов среди греков патриарх начал приобретать некоторые юридические функции. В самой иерархии турецкое правительство постоянно укрепляло власть патриарха над другими епископами и митрополитов внутри конкретной епархии.

В 1576 году патриарх получил власть, позволявшую ему назначать или смещать епископов. Составной частью турецкой политики было подчинение местных церквей столичному (то есть константинопольскому) патриарху.

На территориях стран Балканского полуострова, захваченных турками, подобное скорее являлось исключением, поскольку местная политика или влияние дружелюбно настроенных визирей допускало некоторую автономию сербского архиепископа в городе Печ и болгарского архиепископа в городе Охрид. Но духовная власть константинопольского патриарха, несмотря на внутренние проблемы города, укрепилась на протяжении веков гораздо сильнее, чтобы достичь своей вершины в XVIII веке.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И КАТОЛИЦИЗМ

Враждебное отношение православной церкви к Риму не ослабевало. Как никогда раньше, она испытывала такую антипатию в связи с его претензиями. В Венгрии и Польше земельные владения православной церкви и ее православных прихожан по-прежнему им принадлежали. Некоторая часть земель (на территории бывших православных княжеств, захваченных католическими Польшей и Венгрией. — *Ред.*) принадлежала католикам, и их противостояние поддерживало старые разногласия. Тем не менее влияние латинского богословия незаметно распространялось на греческую церковь.

Это влияние не было новостью на Востоке. Со времен крестоносцев частичная изоляция от византийской традиции восполнялась обращением к западной богословской мысли, проявляясь в сближении или отталкивании.

После 1204 года вместе с латинянами, проживавшими в Константинополе (французами и другими горе-крестонос-

цами. — *Ред.*), в этом городе, а также в Венеции и других появились левантинцы, со временем их связи становились теснее. В имперском Константинополе жители Леванта, а также других областей империи (Армении, Египта и т. д.) буквально кишели за сотни лет до 1204 года. (Скорее их стало меньше из-за упадка великого города после погрома 1204 года. — *Ред.*) И хотя этому препятствовала агрессивность со стороны турок-османов, очевидная военная слабость Константинополя способствовала обращению за западной поддержкой в борьбе против турок. На протяжении ста лет, предшествовавших 1453 году, связи между греческой и римской церквями усиливались.

Падение Константинополя в 1453 году не нарушило эти связи. В XVI веке много молодых православных юношей прибыли, чтобы продолжить свою учебу в Италии, в университете Падуи, поскольку не могли получить соответствующее образование при турках. Следовательно, и во время вторжения турок, и позже, при их правлении, создались условия для существенных перемен в православии.

Православные никогда не переставали быть самими собой, не прекращали оберегать свою литургию и традиционный образ жизни. Однако теперь они поняли, как выражать формы учения с помощью методики и языка, отработанных в католической церкви.

Православные богословы, в той или иной степени принявшие традицию семи таинств, оказались более пытливыми, чем их предшественники, в отношении истинного присутствия Господа. Короче говоря, они задавали вопросы, не укладывавшиеся в древние традиции. И некоторые западные ответы на эти вопросы медленно, но становились привычными и превращались в традицию.

Латинский язык начал проникать в восточное богословие в последние столетия Средних веков. И сегодня среди православных в Польше и даже в Западной России богословское образование иногда ведется на латинском (имеется в виду униатская церковь. — *Ред.*). В Киеве римские католические учебники использовались для обучения православных студентов.

В 1569 году Украина политически объединилась с Польшей и Литвой (в 1569 году произошло объединение Польши (включавшей и некоторые западноукраинские земли со Львовом) и Великого княжества Литовского (включавшего, помимо собственно Литвы, древнерусские земли современных Белоруссии и большей части Украины). В результате образовалась Речь Посполитая. — *Ред.*), а в 1596 году благодаря Брест-Литовской унии провинциальная церковь присоединилась к Риму.

Между 1596 и 1620 годами, когда православная иерархия восстановилась, митрополиты Киева стали членами Униата Римско-католической церкви. Однако православная богословская традиция оказалась настолько статичной и консервативной, что почти ничего не удавалось сделать в плане сближения католиков и православных.

Турки рассматривали римских католиков на Востоке как незначительное меньшинство и создавали препятствия, хотя на бывших венецианских островах Эгейского моря, в Боснии, Сербии и Албании, а также в Трапезунде оставалось много католиков.

Для католических общин было безопаснее заявлять турецким властям, что они относятся к православной церкви. Защита православной церкви от западных евангелистов была в интересах турок. Хотя грекам удалось убедить турецкое правительство запретить латинский прозелитизм лишь в конце 1728 года.

Время от времени папы пытались продвигать давние планы, связанные с союзом с Востоком, и апостольский делегат начинал деликатное обсуждение этой темы с патриархом Константинопольским, но так и не преуспел.

Оставались также подчиненные Риму униаты в Ливане, Сирии и Палестине. В Риме учредили Греческий колледж, но он не процветал. В 1576 году Рим отправил в Ливан 12 000 копий декретов Триентского собора, но неизвестно, как их использовали.

В 1583 году папа учредил в Константинополе небольшой иезуитский монастырь, где находились три отца и два мирянина-брата, спустя три года все они умерли от чумы. Монастырь вновь открыли в 1609 году под покровительством французского посольства.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ПРОТЕСТАНТЫ

В подобных обстоятельствах напряжение, возникшее на реформирующемся Западе, должно было затронуть, хотя и внешне, Восток.

Для протестантов интерес к православной церкви оказался вполне естественным. Изучение прошлой истории христианского Востока Лютером помогло ему убедиться в том, что притязания Рима следовало ограничить. Протестанты, в первую очередь лютеране, иногда полагали возможным установить дружеские отношения с восточными приходами.

Греческие студенты из Падуи и Венеции приезжали в Тюрингию, чтобы послушать лекции, на которых лютеранин Мартин Краус изучал возможности объединения греческой православной и евангелической церквей. В 1559 году лютеранский друг Меланхтона взял на себя труд перевести «Аугсбургское исповедание» на греческий язык.

Дипломат-капеллан по имени Стефан Герлах предложил свой греческий перевод патриарху Константинопольскому Иеремии II, надеясь, что сможет добиться доктринального соглашения двух церквей, даже в то время, когда их обряды разительно отличались. Патриарх отметил те места, которые вызывали отторжение у церкви, и высказал учтивое предположение, что лютеране должны принять учение православной церкви и присоединиться к православной пастве.

Слова патриарха, к несчастью, стали известны католическому польскому священнику, опубликовавшему их с целью доказать тщетность лютеранских надежд на союз, и патриарху пришлось претерпеть нападки, но все разрешилось, когда папа Григорий XIII поздравил его по поводу благородного ответа раскольникам.

ЛУКАРИС (1572—1638)

Кирилл Лукарис был греком, сведущим в западной методологии, поскольку обучался в Венеции и университете Падуи. Он легко читал и писал на итальянском и на латыни,

вел полемику с православными консервативными богословами и учительствовал в Польше. Именно эта деятельность и сформировала его взгляды.

В поисках защиты православной церкви от католиков Лукарис искал союзников в протестантах, тогда весьма влиятельных в Польше. Ради спасения единства Лукарис намеревался пройти долгий путь поиска согласия с протестантами. Похоже, что он был искренне убежден в том, что некоторые их доктрины истинны.

В 1602 году Лукарис стал патриархом Александрийским, в 1620-м, по просьбе протестантских послов в Константинополе и к ужасу их католических коллег, он становится самим патриархом Константинопольским. Лукарис завязывает дружеские отношения с архиепископом Кентерберийским и другими выдающимися протестантами. Лукарис дарит архиепископу арабскую рукопись Пятикнижия, а королю Англии — великий «Александрийский кодекс» (Codex Alexandrinus) Библии.

Затем Лукарис посылает своих способных молодых священников, чтобы те учились в Оксфорде, Хельмштедте и Женеве. Он находит для себя болезненным открыто включить в литургии обращения к святым. Через голландского посла Лукарису разрешают напечатать в Женеве его «Исповедание веры», которое написано языком Кальвина и заставляет протестантов объявить о согласии в вере между ними и ортодоксальной (православной) церковью.

Лукарис учил, что церковь подчиняется Священному Писанию и не может ошибаться, предопределение в жизни не зависит от благочестивой деятельности, оправдания верой, двух таинств Евангелия и реформистского учения о евхаристии.

Подобная практика публикации квазипротестантской исповеди главой православной церкви вовсе не стала общественной сенсацией в Европе. С молчаливого согласия дипломатов по приказу султана Лукариса задушили, а его тело бросили в Босфор.

Вскоре после этого «Исповедание» Лукариса осудили в двух синодах. Но эта книга стала символом мощных связей между восточной и западной церквями. Так что Петр Моги-

ла, главный православный ниспровергатель Лукариса, взял многие его материалы из католических источников, таких как катехизис иезуита Петра Канисия, и первым напечатал его на латинском.

В 1672 году великий православный синод в Иерусалиме формально осудил заблуждения протестантских еретиков.

Действительно, между сторонниками православной церкви и протестантами не возникли дружественные чувства. Когда русский царь Иван IV Грозный захватил в 1577 году в Ливонии город Кохенхаузен, он увидел на главной центральной улице лютеранского пастора и начал с ним дружескую дискуссию по богословию. Беседа шла мирно до тех пор, пока лютеранин не сравнил Лютера со святым Павлом. Тогда Иван IV ударил пастора плеткой и поскакал прочь с криком: «К дьяволу тебя и твоего Лютера!»

Какую бы антипатию ни питали члены православной церкви по отношению к Риму, язык, но и протестанты, их этнос и доктрины, всегда казались православным странными, непонятными, нетрадиционными, ошибочными.

Особое значение в христианской истории имел тот факт, что православная церковь, несмотря на свои разнообразные влияния, возможно, прозевала как Реформацию, так и Контрреформацию (потому она и «ортодоксальная, то есть истинная, не подвергавшаяся всевозможным шатаниям (за исключением периода раскола в России). — *Ред.*). Хотя мы и не можем глубоко размышлять над тем, что могло бы быть в истории, все же, по крайней мере, способны утверждать, что цепи турецкого правления позволили избежать этих двух сил, столь подвижных и переменчивых.

МОСКВА

Продолжавшееся укрепление православной церкви проявлялось не только в ее прочных позициях на Балканском полуострове, но и в постоянном расширении на север и восток.

Русские всегда ориентировались на Константинополь, они получили свою веру с юга, ощущая, что они часть христиан-

ского мира благодаря своей славянской ортодоксальной православной церкви.

К 1505 году из небольшого московского княжества на Русской равнине Иван III Великий создал Русское государство. Он женился на Софии Палеолог, племяннице последнего восточного римского императора Константина XI Палеолога (героически сражавшегося и павшего в бою в 1453 году при штурме турками Константинополя) и воспринимал себя преемником христианского наследия Восточного Рима. Поэтому Иван III и учредил на русском гербе двуглавого восточноримского (византийского) орла.

Подобные события имели значение для формирования русских традиций и самодержавия. Приведем рассуждение старца Филофея, писавшего царю между 1500 и 1533 годами: «Теперь оба Рима пали, и третий, наша Москва, еще более укрепился, четвертому же никогда не суждено быть... Во всем мире только ты являешься правителем христиан».

Вершиной данного положения стало создание в 1589 году московского патриархата. Иеремия II Константинопольский отправился в Москву в поисках подаяния и, получив щедрую помощь, в ответ посвятил назначенного царем патриарха, сделав его первым патриархом Московским, вторым по чину после Иерусалимского.

Русское государство теперь стало единственной страной, где учредилась православная церковь, не подвластная мусульманам. В начале 1576 года образованный венецианец писал о политических последствиях, когда русский царь открыто заявлял о той же самой религии, что у народов Болгарии, Сербии, Боснии, Мореи (Пелопоннес) и остальной Греции. Только по его призыву соберутся теперь христиане в крестовый поход ради освобождения от турок. Однако это осталось лишь пророчеством. (Именно Русское государство и Российская империя в ходе Русско-турецких войн XVII—XIX веков внесли основной вклад в дело освобождения православных народов от турецкого ига.

Чтобы стать влиятельной политической силой в Восточной Европе, России пришлось пройти через анархию и гражданскую войну (Смутное время начала XVII в.), и без этого не смогли бы осуществить ни защиту, ни освобождение лю-

дей, исповедующих православную веру. В течение некоторого времени связи Руси с другими православными в основном ограничивались пожертвованиями. Кроме того, русские паломники проходили через Константинополь по дороге в Иерусалим. Возрастал интерес русских и к горе Афон (где было много русских монахов).

Вместе с русской экспансией (Россия возвращала свои исконные земли и выходы к людям, осваивала Сибирь. — *Ред.*) росла и православная вера. В огромной стране, где было всего несколько крупных городов, монастыри распространяли грамотность и становились владельцами огромных массивов сельскохозяйственных земель и других угодий. Рост монастырских владений продолжался на протяжении XVI века.

Здесь, и практически нигде более в христианском мире, среди лесов продолжали обновляться простые идеалы древних египетских отшельников (то есть скиты). В то же время более крупные сообщества монахов учреждали отдаленные приходы и строили церкви для крестьян. Кирилл Новоезерский ходил босым во время своего паломничества. Прежде чем он решил в 1517 году построить себе скит и остаться на острове на Белом озере, он ел сосновую кору, корни и траву, провел двадцать лет среди диких зверей.

Только здесь, в отличие от прочей Европы 1517 года, встречалась подобная свежесть взглядов, отдаленно напоминавшая раннюю кельтскую Ирландию. «Похвала глупости» Эразма, утонченная сатира на неопрятных монахов, была опубликована за шесть лет до этого в весьма далеком (добавим, весьма развращенном и отличном от святой Руси. — *Ред.*) мире.

Часть третья

Реформация и жизнь церкви

Глава 11
РАЗДЕЛЕННЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ МИР

После завоевания крестоносцами Константинополя в 1204 году западная (католическая) церковь необратимо отделилась от восточной (православной) церкви. Дальнейшее разделение западного христианства стало естественным следствием Реформации. Оно стало возможным благодаря определенному упадку в организации и практике западной церкви, что было обусловлено подъемом национальной суверенности, ставшей не результатом, а причиной успеха протестантов.

Разделившийся на государства западный христианский мир был готов к разделению церквей. Восстание протестантов и суровый ответ Контрреформации не только разделили церковь, но и сделали его последствия непреодолимо антагонистичными.

Религиозные войны велись не только в отношении религии как таковой. Голландские города сражались за свою независимость и собственную торговлю, выступая против имперской политики, испанского контроля и налогов, испанцы же подавляли своих восставших подданных. Ни один из великих походов, даже испанской Непобедимой армады против Англии в 1588 году, не стал аналогом выступления крестоносцев в идеалистическом смысле Первого крестового похода папы Урбана II на освобождение Святой земли и Гроба Господня.

Называя эти войны религиозными, мы невольно подразумеваем, что католики стремились убивать протестантов только потому, что те являлись протестантами, а протестанты искали способы, как убить католиков, потому что те являлись католиками.

«Если убрать из католической армии, — однажды заявил Монтань, — всех, кто руководствуется не только религиоз-

ным рвением, патриотическим чувством или преданностью сюзерену, то не останется достаточно людей, чтобы вести кампанию».

Ярким проявлением этого стала Варфоломеевская ночь 1572 года, когда банды католиков уничтожили в Париже тысячи гугенотов. Однако это истребление было организовано по распоряжению королевы Екатерины Медичи, которая вряд ли руководствовалась религиозными мотивами.

Возможно, люди разъединялись опасениями за свое имущество, страхом перед тиранией, жаждой наживы. Подобные подозрения всегда разделяли людей. Внутри Европы, разделенной на религиозные лагеря, религиозные различия стали веским основанием для вражды и политических разногласий.

Тем не менее, когда утверждалось, что религиозные войны не являются такими же, как и в случае с крестовыми походами, то не признавалось, что страх преследований, проявлений враждебности к предполагаемой ереси в головах воинов никогда не присутствовал. На самом деле он часто имел место, и религиозный мотив оказывался самым неодолимым как в умах отдельных личностей, так и у групп людей.

В XVII веке некоторые людей начали цинично относиться к подобным мотивам. Джон Селден заявлял, что религию следует выдвинуть на первый план как повод для сражений, потому что она остается единственной причиной, которая затрагивает интересы низшего сословия, не говоря о высшем. В XVI веке подобные рассуждения практически не встречались.

К 1648 году религиозная карта Западной Европы приняла свой окончательный вид. На севере Европы протестанты контролировали лютеранские церкви в Швеции, Норвегии, Дании, Исландии, государствах Северной и Центральной Германии. Кальвинистские или реформаторские церкви доминировали в Шотландии, Нидерландах, Гессене, Пфальце и в нескольких западных германских городах. На юге Европы власть оставалась за католиками — в Испании, Италии, Австрии, Баварии и всей Южной Германии.

Через Европу проходил пояс спорных государств, где было не ясно, кто одержал верх. Это были Ирландия, где католическая церковь сражалась за то, чтобы установить свою власть, выступая против Реформации, распространившейся под политическим покровительством Англии; Англия, где кальвинисты по-прежнему находились в поиске, стремясь при поддержке шотландцев и голландцев установить кальвинистскую политику, противопоставив ее более или менее консервативному способу ведения реформ; Франция, где после почти сорокалетней войны гугеноты получили законное право на существование, но составляли лишь меньшинство населения; Швейцария, где сохраняли свое преимущество кальвинисты и реформированные, поддерживавшиеся из Милана, подкрепляемые традиционным союзом католических кантонов, и некоторые княжества Центральной Германии.

Было ли это проявлением выживания католической церкви, пережившей столкновения страстей, национализма, политической подозрительности и религиозного противостояния?

В небольшой степени. Страх подавлял милосердие. Голландский прелат написал поэтический панегирик, чтобы восхвалить убийство Вильгельма Оранского Молчаливого. Католические противники Джона Нокса распространяли скандальные и беспочвенные сплетни по поводу его рождения, предков и личности.

Протестантские богословы в связи с рождением иезуита Роберта Парсонса распространили скандальные и неверные сплетни, и, когда брат Парсонса Джон, преданный англиканский священник, страстно опроверг обвинения, разнесся слух, что Джон Парсонс, должно быть, симпатизирует папистам. Ясно, что распространявшие подобные сплетни руководствовались вовсе не благими намерениями.

Традиционному богословию было трудно найти место внутри церкви для тех, кто отделился от нее — благодаря своей вере или их дисциплине. Ортодоксальные католики верили, что вне церкви нет спасения и для ее членов необходимо оставаться в подчинении римскому папе. Человек не может спастись, если искренне и абсолютно не верит, если не признает слово непогрешимой церкви.

Ортодоксальный кальвинизм верил, что нет спасения вне видимой церкви и что христианин должен стать членом конгрегации, где правильно проповедуется Слово Божье. Поскольку кальвинисты не могут приписывать ни одну из этих добродетелей католической церкви, то им не так просто было увидеть, как католическая церковь в истинном смысле сможет стать церковью Христа.

Чрезмерная логическая жесткость смягчалась с каждой стороны умением, милосердием или эксцентричностью мыслителей. Оставались думающие старыми категориями, идеализировавшие средневековую теорию некоей «Христианской Империи». Однако теперь они искали, стремясь найти империю, которая могла бы создать мирный дом внутри своих границ с тремя основными группами христиан: католиков, лютеран и реформированных.

Французский король Генрих IV даже подумывал о создании Совета Европы, который смог бы разрешить его трудности, запланировать общее разоружение христианских наций, независимо от того, являлись ли они протестантскими или католическими. Этот Совет контролировал бы христианскую европейскую армию и ограничивал войны в связи с походами против турок.

Чтобы отпраздновать великую победу над турками при Лепанто, король Яков VI Шотландский (он же позже — Яков I Английский. — *Ред.*) написал поэму, но лишь немногие осмеливались заявить, что он празднует победу католиков. В 1608 году Стефан Панноний из Белграда представлял великую европейскую империю, протянувшуюся от Голландии в Грецию и из Англии в Польшу, основанную на терпимости друг к другу всех христиан, верующих в догмат Троицы.

Преграды не могли не уменьшаться в мире, где оказался таким мощным гуманистический дух, где росло число и образованность представителей среднего класса. В религиозном делении мотив выгоды не знал преград. Книжная торговля не обращала внимания на границы, поэтому цензура потеряла свою эффективность.

Протестантские музыканты составляли мессы и церковные песнопения для католических храмов. Католические музыканты сочиняли хоралы для протестантских церквей.

Наука, за исключением богословия, не признавала никаких границ.

Реформация, национальное и религиозное деление христианского мира замедляли развитие международных дружеских отношений ученых. Те редко удостаивались покровительства своих правительств, пока те не начинали видеть в этом пользу, быть же полезным обычно означало участвовать в противостоянии.

Однако человеческая пытливость переступала через подобные разочарования. После Нантского эдикта во Франции сложилось настоящее братство ученых, перешагнувших религиозное деление. Поощряемые католическим двором и министром-гугенотом Сюлли, они собрались вокруг историка де Ту (1553—1617) и классического ученого Исаака де Казобона (1559—1614).

Искушенные священнослужители сгладили острые углы догматизма. Со стороны Римско-католической церкви появилась плеяда мыслителей, пользовавшихся высокой репутацией, которые искали возможности для человека, который бы оставался католиком при совсем иных внешних обстоятельствах.

Кардинал Беллармини напоминал о сравнении, существовавшем между истинным протестантом и новообращенным, умершим до того, как смогли завершить приготовления к его крещению. Другие проводили явную связь между верой простодушного, плохо обученного еретика и верой ребенком.

Конечно, оставались фигуры, даже среди протестантов, которые внутренне принимали мистицизм католической церкви. Однако нельзя сказать, что эти либеральные допущения открыто предлагались протестантам в век Реформации.

Среди протестантов существовал широкий разброс мнений. Реформированные священнослужители пробили брешь в римском обряде по поводу безвозвратного разрыва одежды, отрезания потертого куска одежды и обновления или чистки оставшейся. Они переделывали внешний и внутренний вид своих церквей, находили странной или отталкивающей атмосферу, когда, войдя в католическую церковь, не ощущали преемственность с католическим прошлым Средних веков.

Рассматривая историю в поисках своих христианских предшественников, они находили их не в основной традиции, а в небольших преследуемых группах средневекового христианского мира, среди гуситов, виклифитов и вальденсов. Когда они смотрели на скалу, которую им предстояло преодолеть, то обращались к Библии, ожидая найти тайные следы истинной религии даже среди распада XV века.

Они не считали, что контрреформаторская церковь похожа на ту, откуда они вышли. Те из протестантов, кто размышлял над Книгой Откровения и сравнивал ее предзнаменования со знаками времени, видели в католическом папе «блудницу, сидящую на звере багряном» (глава 17) или «Зверя», «Антихриста, сидящего на троне», предназначенном другому.

Сам Кальвин признавал, что католическая церковь несет в себе «следы» истинной церкви. Здание разваливалось, но среди мусора можно было увидеть все еще узнаваемое первоначальное основание. Большинство реформированных священнослужителей были готовы провести различие между властями католической церкви и ее членами.

Они признавались, что благодаря милости Господа католики могут спастись, но только как отдельные личности, выжившие подобно пророку Ионе в рыбе, вынутой из моря, или как Илья-пророк спасся от жрецов Ваала. Выжившие подобным образом спасались от католической церкви, можно сказать, вопреки ей, но благодаря ее священникам и таинству — признавая истинную церковь, а не потому, что являлись членами видимой общности.

Лютеране были готовы идти дальше. Они, как и реформированные, проводили различие между руководством католической церкви и ее членами. Однако они были более убеждены в своей связи с церковью Средних веков. Лютеране немного изменили внешний вид своих церквей, их верующие ощущали меньшую отчужденность, чем при входе в католическую церковь. Они сохранили мессу и таинство исповеди, проявляли консерватизм и во время обрядов.

Лютер и Меланхтон учили, что именно они очистили старую церковь от моральной нечистоплотности. Оглядываясь на церковь XV века и более раннего периода, Лютер и Меланхтон находили своих предшественников в основном те-

чении средневековой традиции. Они видели связь с Фомой Аквинским, Оккамом, Дунсом Скотом.

Верующие спасались внутри католической церкви вопреки папе, но благодаря видимой церкви. Именно в этой церкви их крестили, они слышали, как читают Библию, и получали Святое причастие, верили в истинное присутствие и разделяли Христа со священнослужителями.

Начиная с Хукера, английские священнослужители никак не хотели двигаться дальше, иногда выражая свои взгляды даже в более категорических выражениях, легко допуская связь между церковью Средних веков и современной церковью Рима.

«Мы отвергаем, — писал Хукер, — все отвратительные грубости и нелепости, которые нам навязывает Рим. Однако в том, что касается основных частей христианской истины, которые еще сохранились, мы охотно признаем их относящимися к Иисусу Христу».

И другое рассуждение. «Вам известно, — писал Джон Донн своему другу, — что я никогда не сужал понятие «религия», не ограничивал его Римом, Виттенбергом или Женевой, ибо все они жизненные лучи одного Солнца... И вовсе не противоположны, как Северный и Южный полюса».

Каждая сторона признавалась, хотя и с оговорками, что другая сторона имеет в своем составе членов истинной церкви. Католики и реформированные полагали, что такие люди являлись истинными христианами, несмотря на их участие в порочной или еретической структуре. Лютеране и англиканцы говорили, что их оппоненты могут быть истинными христианами, по крайней мере частично, потому что ересь или порочность не могут лишить католическую церковь черт истинной церкви.

Некоторые богословы наивно полагали, что католики и протестанты все еще способны прийти к согласию. Самым известным из них оказался Джордж Кассандер (ум. 1566), фламандский учитель из Кельна, где атмосфера часто оказывалась более миролюбивой, чем в других городах Рейнланда.

Он отличался весьма терпимыми взглядами, был католическим гуманистом, поклонником Эразма и другом протестантов. Кассандер сформулировал представление, отголоски которого встречаются у школьных учителей и миролюбивых мыслителей типа Меланхтона в виде более ясных формулировок. Однако взгляды Кассандера еще не вошли в длинный ряд религиозных доводов и продолжали претерпевать изменения.

Подобные принципы были провозглашены в виде убедительно звучащей известной фразы (возможно, она относится к 20-м годам XVI века): «В сущности — единство, в нематериальном — свобода, во всем — чистота». Но эта программа была слишком академической, пахнувшей книжными страницами, из-за чего она и осталась незамеченной, ибо понятие «сущности» следовало определить.

Единственной страной, где происходили живые дискуссии подобного рода, оставалась Швеция. Король Швеции Иоанн III (1568—1592) изучал Кассандера и других сторонников христианского воссоединения. Он был женат на католичке. Новый порядок 1571 года позволил Иоанну III использовать латинские псалмы и молитвы, создавал условия для личных исповедей, отлучений и общественного покаяния.

Архиепископ Уппсалы, Лаврентий Петри Готус, был столь же ревностным исследователем древних Отцов Церкви. После утверждения семнадцати церковных догматов, включая молитвы об умерших, благословения святых и восстановления монашеской жизни, он был рукоположен митрой, епископским посохом, кольцом и елеем.

Перемены были налицо. Некоторые старые монастыри открылись вновь. В 1576 году король набросал более католизированную литургию, «Красную Книгу Швеции», заставил риксдаг (сословно-представительное собрание) принять его и попытался продвинуть его в стране. В 1577 году иезуит Антоний Поссевино появился в Швеции и уговорил короля принять декреты Триентского собора без исповеданий. Король публично принял его и получил причастие в соответствии с католическим обрядом.

Епископа Олафсона из Линчепинга сместили за то, что тот назвал папу «Антихристом». Катехизис Лютера был запрещен,

вместо него использовали тот, который составил Канисий, иезуиты были разрешены. Однако король продолжал настаивать на сохранении чаши для мирян, использовании шведского языка во время литургии, поощрял женитьбы духовенства и принимал законодательные перемены Реформации.

Папа отказался пойти на дальнейшие уступки. Католичка королева Катарина умерла в 1583 году, иезуитов изгнали. Сам Иоанн III принял консервативную традицию шведской Реформации.

После его смерти корона в 1592 году перешла к сыну Иоанна III Сигизмунду III Вазе, польскому королю, католику. Брат Иоанна III Карл, ставший Карлом IX, в 1599 году лишил Сигизмунда III власти (после чего Сигизмунд III сосредоточился на организации Смуты на Руси, а затем и интервенции, захвате Смоленска и Москвы, затем борьбе с ополчениями Ляпунова, Минина и Пожарского. — *Ред.*), синод в Уппсале формально принял Аугсбургское исповедание как стандарт веры, запретив использовать «Красную Книгу». Вернули катехизис Лютера (в упрощенной версии 1571 года) и сделали его основой культа. Таким образом было покончено со всякой надеждой на продвижение представлений, сходных с теми, что выдвигал Кассандр.

Препятствия внутри христианского мира преодолевались, хотя это и происходило нечасто, обычно с помощью книг, хотя иногда они не признавались. Изданные Меланхтоном Commonplaces («Общие места») напечатали в Венеции, их чтение в Риме сопровождалось аплодисментами, пока францисканцы не вычислили автора, и тогда издание сожгли.

«Часослов» напечатали в Париже вместе с несколькими добавленными молитвами, якобы составленными Кальвином. Комментарии Буцера к Псалтири были популярны среди католиков, пока их автор не стал известен. «Итак, — насмехался Скалигер, сообщая о подобных причудах, — для нас важнее не то, что сказано, а то, кто это сказал».

Протестантские богословы XVII века многое взяли от испанских иезуитов, хотя и отвергали их точку зрения. Хукер учился у святого Фомы Аквинского. Преподаватели и студенты в Оксфорде и Кембридже между 1600 и 1640 годами читали Беллармини и ученых Контрреформации. Пуританин

Джон Престон привык читать Summa Фомы Аквинского в кресле цирюльника. Когда волосы падали на страницу, он сдувал их и продолжал читать.

Своими трудами историки пересекали границы, использовались огромные массивы документов без отсылок к источникам. Автор рукописи, хранящейся в библиотеке колледжа Святого Иоанна в Кембридже, рекомендовал студенту, изучающему историю, обратиться к трудам кардинала Беллармини как особому источнику, правда, предостерегал: «Однако с осторожностью доверяйте ему». Исаак Валтон рассказывает историю, украшенную подробными и апокрифическими деталями, что папа Климент VIII с восхищением и нескрываемым почтением читал первую книгу Хукера.

Как рассказывают, кардинал Беллармини хранил портрет пуританина У. Уитакера в своей библиотеке, чтобы указывать на него посетителям как на «одного из самых образованных еретиков из тех, что ему когда-либо доводилось читать». Он же якобы рекомендовал De Veritate Гуго Гроция и всегда сам имел его под рукой.

Более консервативные протестанты, лютеране или англиканцы, продолжали использовать средневековые книги молитв или даже те, что относились к Контрреформации. Католики охотно употребляли лютеранские гимны. Лютеране не боялись использовать католическую литературу, чтобы подпитывать или тренировать свою набожность.

Исаак Бейзир (Бэзир) отправил своей невесте копию «Введения в набожную жизнь», написанную Франциском де Сале, полагая, что эта книга сможет спасти ее душу. Все же сначала он пометил крестом на полях отрывки, к которым следовало относиться с осторожностью, «чтобы обезопасить себя».

В свое время Лауд сжег 1000 экземпляров «Введения» в 1637 году, необычное уничтожение для культовой книги. Для того имелись особые обстоятельства: капеллан архиепископа разрешил выбросить все нежелательное, но перед печатью печатник и переводчик восстановили цензурированные отрывки.

«Подражание Христу» переводилось несколько раз, существуют протестантские издания испанского религиозного писателя Луиса из Гранады. Перед нами автор Контрреформа-

ции, которого протестантский издатель осмеливается назвать «неподражаемым», «духовным наставником».

Протестантские публикаторы изменили некоторые фразы, чтобы сделать их приятными для своих читателей. Монах стал «религиозным человеком», священник «посланником», святые «священными и древними отцами», святой Франциск Ассизский — «неким святым человеком».

Однако если жаловались, что автор является папистом, то им отвечали словами некоего протестантского переводчика: «Разве зерно собирают не потому, что оно созревает на поле? Разве розу не срывают потому, что она растет на кустарнике?»

Испанские книги вливались в протестантские библиотеки. Осмотрев свои полки в 1623 году, Джон Донн заметил, что изданий испанских авторов там больше, чем всех остальных.

Самым удивительным оказалось употребление книги «Книги отпущений», написанной иезуитом Робертом Парсонсом, которого англичане опасались и ненавидели как заговорщика. Поощряемый архиепископом Йорка англиканский священник по имени Банни выбросил все нежелательное из книги, и мы даже слышали, что священники читали ее в церкви.

«Мистер Банни, — ворчал Парсонс, — заставил меня говорить подобно благочестивому англиканскому священнику».

Некоторые протестанты вовсе не стыдились того, что использовали латинские богословские книги. Имевшийся в них поток благочестия помогал преодолевать разногласия и свидетельствовал, хотя и негромко, о продолжающемся существовании христианского мира. Милосердие, выпоротое и кровоточащее, карабкалось вверх по лестнице.

Глава 12
УПАДОК ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ

Считается, что церковь 1600 года была способна оказывать давление на правительство, хотя на самом деле она обладала менее эффективной властью, чем в 1500 году. Следует избегать преувеличений. В 1500 году светские власти уже смогли добиться порога независимости от духовных санкций, хотя в 1600 году церковные санкции действовали все еще эффективно.

Королевская власть в государстве усилилась, хотя она и не была создана Реформацией, но не везде распространялась одинаково. В некоторых государствах, таких как Шотландия, только что победивший феодалов и епископов король теперь воевал за поддерживаемых народом проповедников.

Независимо от того, какая линия доминировала, кальвинистская или некальвинистская, светское правительство было не сильнее, чем прежде, и все же оставалось слабее по сравнению с церковью. Проповедник Эндрю Мелвилл смог безнаказанно назвать короля Якова VI Шотландского прямо в лицо «глупым Божьим вассалом».

Рассмотрим отлучения, запущенные римским престолом. Иногда предполагают, что Реформация считала подобные инициации бесполезными и не прислушивалась к ним как к крику человека, стоящего на краю водопада.

Выведя половину Европы из-под юрисдикции папы, Реформация помешала престолу Рима предпринять те практические меры, которые могли бы придать вес его словам, оставляя отлученных только с жалкой моральной поддержкой. После памятного похищения папы Бонифация VIII в роковой день в Ананьи два столетия тому назад Рим осторожно обращался с европейскими правителями.

Если он хотел отлучить королеву Неаполя, то одновременно некий искатель приключений стремился захватить территорию ее королевства.

Если же папа накладывал наказание на город Венецию, то это имело результат только в том случае, если Милан, руководствовавшийся светскими причинами, собирался напасть на Венецию. При случае продолжало использоваться оружие, в частности, когда папа Урбан, осажденный в замке при Ночере, трижды в день появлялся в окне с колокольчиком, книгой и свечой, торжественно и не к месту отлучая осаждавших.

Отлучение от церкви во время Реформации, шла ли речь о Лютере или Генрихе VIII, часто не давало результата. Однако с ростом морального престижа реформировавшегося папства оно вовсе не носило банальный характер. К 1570 году папа Пий V отлучил королеву Англии Елизавету.

Булла разрушила перспективы римских католиков в Англии, о чем позже горько сожалели. Их усилия (или, точнее, отсутствие таковых) позже направлялись на то, чтобы убедить папу не отлучать очередного монарха. Сама же булла не имела особого значения. Она заставила некоторых католиков в Англии слишком тайно симпатизировать заговорщикам и поверить, что королева не является законным сюзереном.

Английское правительство оказалось не слишком заносчивым, поскольку ответило самыми жестокими законодательными наказаниями из всех протестантских государств того времени. А когда в 1573 году кардинал Карл Борромео отлучил влиятельного испанского губернатора Милана, знать и рабочие люди отказались, проходя, снимать перед ним свои шляпы.

Спустя двадцать лет будущий король Франции Генрих IV (тогда Генрих Наваррский) боролся за трон против армий Католической лиги. Папа пригрозил Генриху отлучением и хотел, чтобы тот воздержался от завоевания французского престола. Отлучение не смогло остановить короля, но оказалось достаточно сильным, чтобы задержать его успех на несколько лет.

«Громы и молнии» реформированных пап рассматривались более серьезно, чем тех, которые оставались в формате

Возрождения. Они оказались достаточно сильными, чтобы вызвать гнев верующих католиков. Впредь подобное оружие стали собирать за счет благотворительных пожертвований в погребах Ватикана, освежая каждый Великий четверг на Страстной неделе в торжественной булле общего отлучения, похожей на суд Миноса и Радаманта в греческом Аду, перед которым все становились на колени.

ОТЛУЧЕНИЯ И ЦЕРКОВНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Если папские отлучения оказывались неэффективными, то не потому, что они устарели как форма наказания. Напротив, в XVI веке, когда отлучение являлось бесповоротной санкцией, оно оказалось еще более результативным средством укрепления пастырской дисциплины духовенства. В это время церковная дисциплина укреплялась и потому, что новые независимые государства сделали ее более эффективной. Там только светская власть могла соответствующим образом реформировать церковь. И везде, как и в подвластных папе государствах, порядок исходил от духовенства, они поддерживали его по мере своих возможностей аналогично светским властям.

Во всех государствах Европы многие отлученные продолжали нести наказания, как в этом мире, так и в загробном. Так, например, в Англии отлученные не имели статуса в суде, не могли в судебном порядке преследовать того, кто отбирал их добро, не могли давать показания, жениться. Их не хоронили в соответствии с христианским обрядом. Если же человек оставался отлученным в течение сорока дней, то его арестовывали и заключали в тюрьму согласно предписанию епископа шерифу — с епископской печатью, удостоверяющей неуважение к святой церкви.

Лютер воспринимал случившееся как наказание земной, но не небесной власти, считая, что оно должно ограничиваться местным и пастырским наказанием по усмотрению священника и его паствы. Однако старое исключение для тех, кто намеревался устроить полицейскую охрану по стране, несло в себе и положительное значение. В лютеранских

же церквах законодательный аспект продолжал доминировать над пастырским.

В Англии встречался тот же самый вид законодательного доминирования. Запрещения использовались во многом не как пастырская дисциплина в ее истинном смысле, но как одна из моделей достижения послушания, ее рассматривали не как суд Господа, а только как распоряжение магистрата.

Запрещения продолжали использовать, чтобы усилить такие составляющие закона, как выплата десятины или насильственное появление в церковном суде. В конце 1812 года после отлучения женщину осудили за неуважение к суду. Процедура настолько шокировала парламент, что тот запретил использовать отлучение и посоветовал применять иное наказание.

В реформированных, как и в средневековых, церквах конгрегация склонялась к моральной дисциплине за действия, которые не являлись в прямом смысле преступлениями против государства. Приведем типичный пункт, выбранный наугад из приходских регистров городской церкви Святого Ботольфа в лондонском районе Олдгейт (написание сохранено): «Меморандум о том, что Уильям Эриш, которого отлучили за невыплату пасторского побора, остается женатым на своей жене, после того как его в соответствии с каноническим законом освободили от его клятв, и тогда упомянутый Уильям Фиш стоял в церкви во время проповеди и просил как Господа, так и людей забыть о нанесенной им обиде в соответствии с суждением мистера Стенхоупа. Покаяние принесено в 15-й день декабря в году 1583-м».

Эришу также пришлось оплатить проповеднику его проповедь. Нередко во время правления Елизаветы в церкви Креста Святого Павла в Лондоне появлялась толпа кающихся в белых саванах, несущих свечки. По всей Европе кающиеся продолжали стоять в белых саванах. В Шотландии или некоторых частях Германии они могли также стоять в «кувшине» или железном воротнике, прикрепленном к столбу в церкви. Одним из последних осужденных и понесших наказание в английской церкви был деревенский скрипач Фен Диттон, отлученный в 1849 году.

Поскольку наказания в церковных судах представляли собой не только образец моральной дисциплины в церкви, но

и оказывались полезным способом наведения порядка в народе (различие между двумя законами не так-то легко установить), светские правительства противились праву духовенства отлучать и таким образом порождать светские наказания без соотнесенности с магистрами.

С одной стороны, аргументация связывалась с папистами и кальвинистами, с другой — со всеми правительствами, поддерживаемыми лютеранами, сторонниками англиканской церкви и цвинглианскими богословами. Слово «эрастианский» начало символизировать противоправное вмешательство государства в дела церкви.

Далекий от того, чтобы проповедовать, что государство может вмешиваться в дела церкви, Эраст учил, что церковь не должна влезать в дела светских властей и что светские наказания следует применять только по решению светского суда.

Повсюду в Европе его точка зрения начала превалировать, а старое «обращение к светским властям для наказания» продолжало долго сохраняться в Испании и Италии, и любопытные сохранившиеся случаи встречаются в протестантских странах.

Век Реформации увидел, как меняется эффективность судов, улучшая механизм организации той моральной дисциплины, которую требовало время. Затем наступил момент, когда суды государства оказались теперь настолько более эффективными, чем прежде, и в такой степени управляли общественным сознанием, что система церковных судов оказалась больше не нужна.

И она медленно чахла, проявляясь только во внутренних делах церковной жизни и моральной дисциплины духовенства. Наказание после отлучения перешло в более простую форму, помогая ослеплять невежественное общество. Многие отлучения отмерли в XVII веке, потому что тогда люди стали доверять сильным судам светской власти.

УБЕЖИЩЕ В ХРАМЕ

Те же самые процессы случались в связи с обычаем поиска убежища в храме. В ранние годы родовой вражды и несовершенного законодательства устройство таких убежищ оказыва-

лось необходимым, чтобы обвиняемые могли искать в них защиту, пока не происходил справедливый суд.

Представление о святилищах вовсе не являлось исключительно христианским. Однако в христианском мире имевшие проблемы люди вскоре стали укрываться у алтарей, и римские императоры поддержали подобный обычай. В конце Средних веков подобный обычай стал средством избегания наказания.

Известно несколько примечательных случаев. В церкви Святого Мартина в начале XV века группа людей, живших в храме, практически стала бандой разбойников, разраставшейся с необычайной скоростью.

Чаще же святилища использовались беззащитными людьми. Так, из записей храма Святого Иоанна в Беверли видно, что за шестьдесят лет (до 1538 года) там укрывались почти 500 человек. Большинство правительств конца Средних веков, включая и папскую курию, пытались запретить подобную практику.

Самые могущественные государства XVI века вовсе не хотели распространения анархизма. В 1539 году французское правительство по распоряжению Вилле-Котре запретило право искать убежища в гражданских случаях и решительно ограничило число криминальных случаев.

В 1540 году король Англии Генрих VIII уменьшил число убежищ и лишил права неприкосновенности виновных в убийствах, изнасилованиях, грабителей на больших дорогах, взломщиков, поджигателей или совершивших святотатство. Предписание не отменяли в Англии вплоть до 1624 года, и даже после этого некоторые привилегии давались в Дареме и Честере. Так же как и в Пфальце, они действовали до 1697 года.

Все протестантские страны запрещали данное правило в течение своих Реформаций, некоторые дольше, чем другие. В Шотландии, хотя право в его старой форме отбросили, в Холирудпарке сохранилось как возможное убежище для должников до 1880 года.

В католических церквах правило ограничили прежде всего благодаря папе Григорию XIV, который в 1591 году отказал в нем убийцам, еретикам, предателям, разбойникам с

большой дороги и грабителям церквей. Однако в некоторых случаях такие места имелись, несмотря на известные неудобства.

В церкви в швейцарском районе Бадена в 1770 году обеспечение охраны человека, обвиненного в краже рубашки и пары ботинок, стоило 1173 флорина. Несколько замкнутых территорий, особенно в Храме (крепость, построенная тамплиерами) Парижа, выжили во Франции и сохранились вплоть до революции 1789 года. Подобные места запретили в Силезии в 1743 году, в Тоскане в 1769-м, в католических германских государствах в начале XIX века.

Остатки таких правил и сегодня встречаются в католических странах. Конкордат 1929 года, заключенный между Муссолини и папой, и сегодня регулирующий Италию, предполагает, что светские чиновники не станут распространять свои функции на церкви, предварительно не уведомив церковные власти.

Как и наказания, выполняемые вследствие отлучения, право убежища соответствовало более простому по устройству обществу. Эффективность общественного правосудия сделала его ненужным.

ПРЕИМУЩЕСТВА ДУХОВЕНСТВА

В первые годы существования христианства в Римской империи (то есть со времени правления Константина Великого (правил в 306—337), который в 313 году Миланским эдиктом допустил свободное исповедание христианства. — *Ред.*), а также в странах, не ставших христианскими, духовенству делались некоторые послабления. Они получили право, чтобы их судили в соответствии с их собственной юридической системой, церковными судами. Подобная практика до конца Средних веков расширялась, причем не только для духовенства, но и для всех, кто смог представлять второстепенные ордеры, хотя и жил как мирянин.

Почти все, кто мог читать, воспринимали подобные свободы как слабость средневекового правительства. Средневековые сюзерены делали то, что могли, чтобы ослабить воз-

действие таких послаблений. Ни одно эффективное правительство не могло это допускать, и новые монархи, такие как Генрих VII Английский, пытались их ликвидировать еще до Реформации.

Протестантские страны запретили преимущества духовенства несколькими способами. Папство же пыталось установить их, точно так же, как в свое время пытались учредить древние виды преимуществ для духовенства. Однако католические правители различными способами практически добились эффективного контроля над всеми освобождениями, как и протестантские сюзерены.

В некоторых лютеранских странах продолжали какое-то время отлучать священников от нормальной юрисдикции светских судов и рассматривали консисторию как разновидность духовного суда подобного рода. По Шведской хартии 1611 года предполагалось, что ни один священник не может предстать перед судом, пока его дело сначала не расследуют епископ и собрание каноников.

В Англии по статуту 1513 года не могли обжаловаться дела тех, кто оказывался виновным даже в «небольшой» измене, убийстве, ограблениях святых мест, грабежах на больших дорогах и сожжении домов или амбаров, где хранили зерно. Он же лишал привилегий людей, которые неверно исполняли святые обеты.

В результате статут вызвал дебаты и тотчас оказался неэффективным. Однако во время Реформации периода Генриха VIII ряд статутов отвели старые права, и все стало выглядеть таким образом, что преимущества духовенства стали быстро таять как в Англии, так и в Шотландии.

Однако даже вплоть до 1576 года духовенство могло избежать наказания за первое совершенное преступление, если собирали компургаторов, свидетелей, считавших их невиновными, чтобы те поклялись перед духовными судами. Все же в 1576 году правительство Елизаветы запретило компургаторство. Однако компургаторство оставалось одним из непредсказуемых пережитков в английской Реформации. И его формальные преимущества окончательно запретили только к 1827 году.

ДУХОВЕНСТВО В КАЧЕСТВЕ ЧИНОВНИКОВ ГОСУДАРСТВА

Естественно, что до Реформации самые значительные должности в государстве занимались высшим духовенством — как из-за того, что большая часть священнослужителей, в отличие от мирян, была относительно образована, так и потому, что эффективная администрация в государстве должна была включать и управление церковью. Нередко жалованье светским чиновникам выплачивалось, не нанося ущерба королевской сокровищнице, то есть из пожертвований церкви. Да и общественный статус духовенства делал его очевидным советником сюзерена.

Старая традиция, когда такой кардинал, как Вулси, становился главным министром короля, сохранялась в католических странах вплоть до XVII века. Упомянем только Ришелье и Мазарини, бывших фактическими правителями Франции в середине XVII века.

Старые княжества-епископства в Рейнланде сохраняли свой независимый статус под покровительством германского императора вплоть до начала Наполеоновских войн. Однако даже в католических странах создавалось больше возможностей для светского министра. Правительство становилось более сложным по структуре, оно нуждалось в большем числе образованных гражданских служащих.

Общественное мнение требовало, чтобы епископы возглавляли свои приходы, и не проявляло снисходительность к тем, кто никогда не появлялся в своих епархиях только потому, что служил королю.

В протестантских странах этот процесс шел быстрее. Сюзерены получили большую законодательную власть в отношении церкви и не нуждались в высшей церковной власти в качестве управляющих. Резкая протестантская враждебность к невежеству, разнообразие старых форм пожертвований поощряли светское образование, и этот процесс в протестантских странах быстро продвигался.

Пастырские идеалы священников оказывались неприемлемыми для епископа или иного священнослужителя, которые получали регулярное денежное содержание от церкви и

работали на государство. Во многих лютеранских государствах епископы или священники иногда продолжали служить правителю по мере возможности.

В Швеции духовенство оставалось небольшой частью риксдага. Повсюду представители церкви продолжали сохраняться, оставаясь там, где они были, членами национального совета. Так происходило в Англии, где епископы продолжали заседать, согласно древнему праву, в палате лордов (и с этим никто не спорил вплоть до сороковых или пятидесятых годов), духовенство могло быть магистратами и мировыми судьями.

В безуспешном соперничестве с парламентом в возрождении средневековых обычаев и попытках установить королевские прерогативы первые короли из династии Стюартов продвинулись дальше, чем другие протестантские сюзерены. С 1621 по 1625 год епископ Уильямс из Линкольна стал первым за семьдесят лет лордом-хранителем печати. С 1635 г. архиепископ Лауд из Кентербери заседал в казначейской комиссии и тайном совете по иностранным делам.

С 1636 по 1641 год епископ Джаксон из Лондона занимал должность лорда-казначея, став первым священнослужителем на этом посту со времен короля Генриха VII. Вскоре его назначили лордом Адмиралтейства. С 1635 по 1639 год архиепископ Споттисвуд из Сент-Андруса являлся лорд-канцлером Шотландии.

Правда, данный опыт нельзя считать удачным. С одной стороны, находим архиепископа Лауда, который имел свою позицию по всем вопросам, попадавшим в поле его зрения. Но его финансовая проницательность не соответствовала силе его характера, например, советы по поводу монополии на мыло.

Помимо прочего, духовенство вмешивалось в политические разногласия и подозревалось в заговорах. Реформация стала для протестантского духовенства чем-то вроде болезненного, но лечебного стимула, как произошло во время итальянской революции 1860—1870 годов, которая освободила сопротивляющееся папство от многовековой скорлупы папского государства.

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЖЕРТВОВАНИЙ

Как корпорация, церковь в 1600 году была беднее, чем в 1500 году. Светские руки — королевских или муниципальных казначеев, дворян, сквайров или гражданских служащих — протягивались и набивали карманы большей частью тех вложений, что привносились средневековой набожностью.

В некоторых протестантских странах необходимость государства в церковных деньгах стала мотивом для государственной поддержки Реформации. Некоторые вложения (как казалось, — а впрочем, так и было) использовались расточительно. Верно, что в каждой стране Европы потребность в более эффективной администрации соединялась с разрушением ценности денег благодаря инфляции, продолжавшейся все столетие. Она вела к быстрому банкротству правительства и заставляла воспринимать лежавшие без употребления ресурсы церкви как возможный источник пополнения.

Швеция приняла лютеранскую реформу в основном на том основании, что страна оказалась банкротом, и государство не могло существовать без больших поступлений средств. И новые доходы обнаружились в результате крупных изъятий (поскольку, согласно каноническому закону, церковная собственность не отчуждалась), причем авторитет католической церкви страдал, когда доходы не обнаруживались.

Король Англии Генрих VIII также изыскал внутренние оправдания для осуществления своего желания сбросить власть католической церкви. Его помощник Томас Кромвель убедил короля, что он сможет обогатить свое королевство, ограбив монастыри.

Лютеранский посол Миконий, прибывший ради того, чтобы заняться богословскими переговорами с английским духовенством, оказавшимися безуспешными, впоследствии враждебно относился к королю. «Единственным устремлением короля Генриха является доход церкви. Он снимает золотые и серебряные вещи с могил святых... и лишает церковь ее владений... Таково Евангелие, которому следует Генрих». Простим резкость высказываний лютеранина, ибо в его словах — правда.

Огромные перемещения собственности складывались из конфискаций монастырских земель. В лютеранских и кальвинистских странах, за некоторым исключением, например Швеции, где сохранились останки кафедральных соборов, пожертвования епископов и собрания каноников шли рядом, переходя в собственность государства, короля или муниципалитета. Что касается монастырей, то правительства часто использовали часть епископских пожертвований на духовные нужды.

Правда, не следует преувеличивать потери церкви. В конце 1580 года, когда Контрреформация в Германии усиливала свою мощь и рвение, все католические каноники кафедрального собора в Трире являлись мирянами-аристократами, проживавшими в стране и существовавшими за счет земельного налога. Среди них не отмечено ни одного священника.

Если пожертвования подобной корпорации конфисковались, тогда государство становилось протестантским, сохранялась возможность, что по крайней мере часть пожертвований пойдет на образование или на пастырские дела. Если же на это ничего не выделяли, то целью конфискации оставалось только перемещение собственности от одной группы знати к другой — кроме нового настроя, возникавшего в ходе бесспорного права завещать собственность законным потомкам, и соответственно, ее отчуждение, возможно, навсегда ради конкретных целей.

Чтобы завладеть частью старых пожертвований, сделанных церкви, протестантам иногда приходилось идти на компромисс со старым законодательством и католическими понятиями, согласно которым отчуждение происходило административным путем. Так, нам известно, что в лютеранской Германии даже целибат или католические епископские конгрегации воспринимались лютеранским духовенством как способ сохранения старых законодательных прав в отношении пожертвований.

Классическим примером такого компромисса может служить Шотландия, где множество церковных земель оставались епископскими. Похоже, не существовало никаких перспектив получения какой-либо части этой земли для духо-

венства до тех пор, пока оно законодательно не занимало старые епископские приходы на правах собственности.

Священникам поначалу выплачивали недостаточное пособие — из расчета одной трети всех пожертвований, что показывает, какие огромные суммы уходили в карманы шотландского дворянства. В 1572 году с одобрения Нокса «епископы» начали назначаться в основном с целью получения некоторой части старых епископских доходов.

Для последующих поколений они стали известны как tulchan («дойные телята», рождение которых принуждало корову давать больше молока). Суть заключалась в образовании большего числа источников, через которые церковные пожертвования переходили к короне и лордам. В отчетах это не отражено, неясно даже, не старались ли они таким способом помешать правительству полностью завладеть этими доходами.

Пока англичане сохраняли епископов, епископские земли вовсе не отторгались и не передавались в национальную казну. Однажды королева Елизавета сказала епископу Эдвину Сандису, что не причинит вред никакому епископству. Несколько сюзеренов Реформации оказались такими же успешными, как королева Англии Елизавета, поощряя сдавать епископства внаем, совершать обмены и проводить другие сделки на условиях, благоприятных короне и не совсем выгодных приходам.

В 1559 году парламент издал зловещий указ, озаглавленный как «Указ об обмене епископских земель», в котором разрешал короне частично завладевать церковными владениями и доходами в обмен на неподобающие должности и титулы. Как сообщает Страйп, королева и ее придворные получили прекрасную возможность выбирать и отбирать те епископские дома, земли и доходы, какие им были по душе. Король Португалии получил прозвище «епископ Эли», потому что свое содержание основывал на доходе прихода.

Вместо этого власти передавали в приходы жалкие алтари или разрушающиеся дома, давали пособия викариям или кюре. Несколько приходов в течение долгих лет оставались незанятыми, пока правительство получало с них доходы.

Ричард Флетчер, избранный епископом Лондона, подвергся заключению в собственном доме, чтобы заставить его согласиться с бесчестной сделкой, предложенной королевой. Большинство выплат делались ради вакансий и выборов. Поэтому после смерти архиепископа Паркера Кентерберийского в 1575 году циничный придворный предложил, чтобы всех епископов одновременно переместили в другие приходы.

За исключением Бангора, Святого Асафа и Святого Давида, «их следовало оставить, потому что они бедны и находятся в Уэльсе». Придворный предложил план, который следовало провести так, чтобы «не нанести особых обид» епископам. Разрушения продолжались на протяжении всего правления и прекратились только при короле Якове I. Ни один епископ после английской Реформации не мог позволить себе сделать то, что исполнил Уильям Уикхем, основавший такие колледжи, как колледж Святой Марии в Уинчестере и Новый колледж в Оксфорде.

«Они постоянно стремятся сделать духовенство нищим, — писал Уитгифт, тогда мастер Тринити-колледжа в Кембридже, епископу Коксу в 1575 году, — чтобы мы полностью зависели от них». Возможно, он характеризовал мирян, чьи помыслы связывались с их кошельком, причем вовсе не тем, каким они владели. В результате случилось то, что и должно было получиться: крупные церковные землевладельцы, некогда равные или даже превосходившие крупных землевладельцев государства, теперь стали зависеть от них, и все это случилось благодаря успешным изъятиям.

ПРИХОДСКИЕ ЦЕРКВИ

Реформация вовсе не стремилась преуменьшать статус приходских церквей. Напротив, конгрегация и ее церковь приподнялись как сильные образования религиозной жизни, где слово проповедовалось должным образом и соответственно преподносилось причастие.

Благодаря хищным землевладельцам удалось наложить лапу на деньги, получаемые от пожертвований, грабежи ста-

ли менее открытыми. Например, Густав I Ваза Шведский (1496 или 1497—1560, король Швеции с 1523 года в результате восстания, освободившего Швецию от датского господства. Провел королевскую Реформацию. — *Ред.*) конфисковал 13 700 монастырей, из которых почти половина поддерживала священников приходов, что стало гибельным для приходской жизни.

Распределение церковных или кафедральных денег приходским областям, особенно в ряде районов Германии и Швейцарии и какое-то время в Англии времен Кромвеля, позволило им укрепиться.

В начале XVII века бедные кюре в сельских приходах жили на скудное вспомоществование. Их материальное положение было таким же, как в 1500 году, но за прошедшее время покупательная способность денег частично уменьшилась, в течение столетия произошла сильная инфляция. Хотя на бумаге размеры жалованья росли, уровень жизни оставался прежним.

Оказывалось сложным выделить соответствующее жалованье для людей с положением, потому что реформаторские идеи ограничивали накопление большого количества средств, которые обычно использовались, чтобы вознаградить слуг церкви или государства.

Не менее сложным оказывалось изыскание денег для ремонта церквей. Еще более трудным было финансирование постройки больших соборов. XV век и первая четверть XVI века стали великими временами для строительства храмов. Елизаветинское время оказалось не менее значительным временем устройства монастырей в сельской местности.

Прогулка вдоль проходов почти всех старых соборов в Англии вполне способна убедить наблюдателя в существовании различий между возможностями 1500 и 1600 годов. Когда архиепископ Лауд в 30-х годах XVI века захотел восстановить собор Святого Павла, ему пришлось возглавить национальное движение, чтобы найти достаточно денег.

Сравнивая подобные сложности, возникавшие с церковными деньгами, без сомнения, частично приходится говорить об изменении ценности денег, равно как и о стремлении мирян жертвовать на церковь.

Реформация была революцией, а все революции всегда носят разрушительный характер. Передача власти от старой власти к новой, даже если и не сопровождалась гражданской войной, возможно, завершалась уменьшением роли властных структур и общественным союзом. Предоставлялись возможности и для толпы, которую Джон Нокс обычно называл *шакальим множеством*.

Однако грабежи и гражданская война, вероятно, только частично объясняют потери сокровищ культуры средневековой Европы. Некоторые величественные церкви оказались в руинах, потому что нужды в монастырских церквах теперь не было. Многие часовни разрушались, потому что существовали большие по размеру и продолжавшие использоваться церкви, часовни же утрачивали свое назначение и не получали деньги на содержание.

Реликвии (или предполагаемые реликвии) святых выбрасывались в мусорные кучи, однако многое спасли набожные руки и собрали в новых сокровищницах в Южной Европе, равно как и в сокровищнице собора Сан-Роке в Португалии. Сказанное относится и к убранству храмов. Старые деревянные части полагалось снять и разрубить, в некоторых сельских районах их использовали в качестве топлива, в других — чтобы оградить разрушенные церкви. Однако некоторые удалось спасти.

Необычайным выглядит факт, что в протестантских странах сохранилось больше памятников средневековой живописи и архитектуры, чем в государствах, остававшихся во время Реформации католическими. Вероятно, встречается и множество исключений из правил, но в целом за этот откат ответственна вовсе не рука грабителя.

Стиль барокко прокатился по Южной Европе в XVI и XVII веках, переделывая средневековые церкви. Точно так же он пришел, хотя и более медленно, в северные страны, создавая великие церкви — начиная с собора Святого Павла в Лондоне и двигаясь по нисходящей, а кроме того, уничтожая еще больше памятников средневекового искусства и архитектуры, чем намеревалась сделать Реформация.

Наименьшими консерваторами конгрегации оказались те, кто имел больше всего денег, самыми консервативными — те,

кто потерял деньги. В странах Южной Европы, где утвердился стиль барокко, церковь продолжала владеть многими землями и пожертвованиями, и священники могли позволить себе строить величественные здания.

Во многих протестантских странах во время Реформации произошло относительное уменьшение старых вложений, отчасти благодаря действиям правительства, а частично вследствие инфляции XVI века. Сказанное означало, что не все протестантские конгрегации имели достаточно средств, чтобы поддерживать в должном состоянии унаследованные ими церкви и восстанавливать их. Они сохраняли древние украшения не потому, что они им нравились, но просто потому, что не могли купить новые, поэтому довольствовались тем, что было.

Законы в отношении церковных служб были суровыми. Сказанное можно подтвердить описанием службы городской церкви Святого Ботольфа в Лондоне. Она началась в начале 1547 года, вскоре после смерти короля Генриха VIII. Конгрегация охотно и с радостью заполучила службу и священника, однако кюре возмущался по поводу исчезновения латыни и отказывался произносить или петь псалмы по новым английским книгам. Тогда конгрегация обратилась к лорд-мэру с просьбой сместить кюре, и 6 октября новый кюре использовал английский язык во время четырех свадеб.

Старые церковные книги перестали использоваться, в ноябре их продавали по восемнадцать шиллингов. Один и тот же покупатель приобрел пять книг для мессы, девять мартирологов и различные другие литургические книги (некоторые были разорваны и не представляли никакой ценности) всего за пятнадцать шиллингов.

За последующие двенадцать месяцев продали также остатки запасов воска для канделябров за сорок шиллингов, одежду, алтарные одеяния с вышитыми золотой нитью изображениями Христа, ангелов, апостолов и Девы Марии с птицами, две ризы из бархата, отделанные цветами, также расшитые золотом. Большинство одеяний отправили к портному в Корнхилл, во время продажи приход угощал покупателей пивом по шесть пенсов.

В 1551 году собрание прихожан вознамерилось продать колокола и часть церковных блюд, чтобы купить дома, на-

ходившиеся около церкви, для кюре и его помощника. Однако часть конгрегации высказала несогласие по поводу продажи колоколов, поэтому с собиранием денег для покупки домов возникли трудности. Они продолжали спорить с арендатором, когда прибыла королевская комиссия и присвоила деньги «в пользу короля», а в обмен дала приходу квитанцию и заверение, что «деньги помещены в надежные руки».

Спустя два года на трон взошла королева Мария, и приходское управление стало закупать подсвечники, кресты, потиры, антиминсы, свечи, ладан, книги для мессы. Хотя жертвователь и дал одеяния, цены показывают, что новые одеяния уступали старым по качеству.

Средневековая церковь оказалась слишком богатой для процветания церкви или государства. На первый взгляд, наше положение кажется слишком общим и абстрактным. Но если обратиться к частностям, то окажется следующее. Любой, кто посмотрит на приход Святого Ботольфа в связи с королевским рецептом изымания денег у тех, кто собирался покупать дома для кюре и его помощника, должен простить тех, кто это делал.

Деньги всегда связаны с властью, и церковь оказалась менее могущественной в 1600 году, чем в 1500-м. Если ее моральная власть после реформ возросла, то политическая власть уменьшилась. Некоторые идеалисты могли подумать, что уменьшение политической власти необходимо для повышения морального авторитета. Подобные средневековые мыслители, которые приписывали грехи церкви ее устройству при Константине Великом, видели источник всех зол христианского мира в деньгах. Однако они вряд ли были бы довольны, если бы смогли увидеть последствия Реформации

БЛАГОЧЕСТИЕ ПРАВИТЕЛЕЙ И ХРИСТИАНСКОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

Вероучение, согласно которому короли правили благодаря божественному праву, стало общим основанием для любого использовавшего Библию. Широко обсуждалось, насколько далеко горожане могли оказывать сопротивление и восставать

и при каких условиях король терял поддержку своих подданных, если его правление оказывалось тираническим.

Более привычным оказывалось положение, что «несть власти аще не от Бога», то есть светская власть — всегда от Господа. Становилось общей основой (также принятой среди некоторых небольших групп, анабаптистов и браунистов), что правитель обязан нести своим подданным мораль и религию. Как и в Средние века, полагалось, чтобы он утверждал и отстаивал веру, защищал священников, противостоял безнравственным и еретикам.

Должен ли был тот, кто защищал правду и исправлял ошибки, определять, что истинно и что ложно? Никто не задумывался об этом до Хоббса в середине XVIII века, соглашаясь с тем, что существовала основа истины в мире, которую государство получило из Библии и от церкви.

Однако протестантизм не мог полностью придерживаться мнения, что в установлении религии государство должно просто подчиняться церковным властям, папе или иерархии. Что касается иерархии, то когда ее сопоставляли с текстом Библии, то видели, что с ней следовало покончить. Только тогда не остается никакой возможности для проявления библейской истины, пока ее не примет само государство, противостоя угнетению в обличье от прошлых времен.

Когда Лютера спрашивали, как проявляется власть государства, он сравнивал ее с обязанностями соседей приносить ведра с водой и выливать их на горящий дом. Они не нуждаются ни в предписаниях, ни в разрешениях, они должны только видеть нужды и отправляться туда, где действительно способны оказать помощь.

Что касается идей суверенитета государства, то они исследовались политиками и теологами, и похоже, право церковных властей хватать людей без согласия светского сюзерена не допускалось.

Рим продолжал требовать, чтобы канонический закон и определившие его декреты папы и соборов распространялись на всех людей (скажем, если священник женился, то это считалось преступлением и подлежало светскому наказанию).

Кальвинисты продолжали требовать, чтобы законодательная власть в церкви осуществлялась ее деятелями и чтобы в

обязанности светского суда входила реализация декретов консистории. Так, например, если консистория находила девушку виновной во внебрачной связи, то в обязанности светской власти входило ее наказание.

Однако даже в католических и кальвинистских странах правительства не могли принять столь категоричные притязания и стремились утвердить власть светского правительства. Католические короли Испании, Франции и Австрии в разной форме пытались законодательно ограничить пределы папской экспансии в своих странах.

Кальвинистским правительствам Женевы, Шотландии или Голландии пришлось, раньше или позже, ограничить законодательную силу декретов консистории. Не важно, откуда люди черпали свои идеи, из Виттенберга, Цюриха или Кентербери, но они отказывались признавать независимую власть консистории (или ее подобие, такое как собор духовенства в Англии) и придерживались мнения, что судебная власть исходит от светского сюзерена.

Давайте проясним, что имели в виду, когда отрицали независимость консистории в стране. Те, кто это делал, вовсе не заявляли, что церковные власти должны ограничиваться вопросами веры, обрядов или церковного ритуала. Они выступали против того, чтобы решения церковных властей получали силу закона без одобрения и декрета светского правителя. Они утверждали, что только светский правитель может издать закон, распространяющийся на всех людей.

Вероятно, церковная власть могла заявить, что антитринитаристских еретиков следует сжечь или что прелюбодеев полагается прогнать бичами по улицам. Сюзерен вовсе не склонялся к тому, чтобы сжигать или пороть. В равной степени он вовсе не собирался пользоваться советом духовника, прежде чем придать делу законодательный оборот. Он сам мог рассмотреть благосостояние и выгоду своих подданных, и никакая другая власть не могла отвлечь его от власти, данной Господом (особенно когда на кону оказывались самые торжественные истины христианской веры).

Таким образом, в соответствии с данной теорией, христианский сюзерен или христианское государство могли не

считаться с учением. Да и церковные власти заявляли, что некоторые разновидности исповедания учения ошибочны, порочны или аморальны и, следовательно, их следует законодательно запретить.

Сюзерен мог принуждать (что, впрочем, и делал), в его моральные обязательства входило и разрешение только истинного вероисповедания, подавление случаев богохульства, аморальности и идолопоклонства. В спорных случаях сюзерен мог советоваться с добродетельными и знающими священниками.

Кто же мог проповедовать с кафедр? Или же, поскольку трудно ответить на этот вопрос прямо, что следовало запретить произносить публично? Протестантские священники заявляли, что вера в пресуществление ошибочна и о ней не следует говорить в церкви. Чтобы запрет был действенным, сюзерен должен был законодательно запретить учение о пресуществлении. Но в этом случае он вторгался в область богословских споров.

Смелые полемисты от Рима до Женевы поносили подобное мнение как воплощение «цезарепапизма». Они насмехались над защитой, которая взывала к византийским предшественникам, или показывали необходимость светской власти в религии на примере Константина или Юлиана. Власть византийского императора по религиозным вопросам была менее всеобъемлющей, чем обычно считается.

Точно так же в религиозных вопросах ограничивалась власть и протестантского сюзерена. Он мог действовать только в соответствии со Словом Божьим. Если же он поступал вопреки ему, то проявлял неподчинение. Поэтому его власть распространялась на светские стороны жизни государства. Правда, в Священном Писании говорится не только о «святом царстве».

Сюзерен не должен приказывать делать то, что Господь запрещает, или запрещать то, что велит делать Господь. Он никак не может запретить учение Евангелия святого Павла или соответствующее допущение причастия. Конечно, физически это не вполне возможно, но если все же он попробует так поступить, то проявит себя как нехристианский тиран и поэтому выйдет за рамки дозволенного Господом.

В отношении того, следует ли ограничить деятельность сюзерена, большинство школ придерживались мнения, что нет. Только он не должен дописывать каноны веры или учреждать иное причастие. Сюзерен не может легализировать браки между двумя мужчинами или детьми, матерью и ее сыновьями. Все это непреложные законы, которых сюзерен не должен касаться.

Возможно, самые здравомыслящие и разумные формулировки этой теории встречаются в книге, написанной голландцем Гуго Гроцием, «О власти сюзерена в религии», опубликованной посмертно в 1647 году. Однако по существу те же самые теоретические суждения встречаются в некальвинистском и неанабаптистском протестантизме. Некоторые лучшие сочинения встречаются у английских теоретиков времен короля Якова I.

Насколько необходимым для государства полагалось единство церкви и государства, настолько же долго считалась невозможной терпимость, это была законная теория. Ведь альтернатива казалась законом, выносимым папой или пресвитерией, предписанием для всех людей без одобрения светского сюзерена, который таким образом переставал был таковым. Европа училась, как не претерпевать вмешательства в законы. Советы церкви — это одно, а насилие — совсем другое.

Данные теории имели значительные последствия.

В своих самых крайних проявлениях они вели протестантских мыслителей к отодвиганию на второй план права сюзерена вмешиваться в духовную область. Быстрые перемены в реформаторской роли государства оказались подчинением духовного законодательства светскому. В лютеранской Германии повсеместно придерживались мнения, что юрисдикция средневекового епископа перешла к светскому сюзерену.

В Англии в 1540 году архиепископа Кентерберийского спросили, действительно ли апостолы назначали епископов своей апостольской властью, или они назначались по необходимости, ибо тогда не было христианского сюзерена, способного их организовать. Архиепископ же ответил, что юрисдикция епископа исходит от сюзерена, как это и было

при лорде-канцлере. Король нуждался в священниках в разных сферах государства, как светских, так и духовных. Однако теория Кранмера была крайностью, и поздние английские последователи Эразма, возможно, и не доходили так далеко.

Никогда не соглашались с тем, что король может контролировать слово или таинство. В этом он зависел, как и все прочие, от Слова Божьего. Гроций и другие исходили из грубой простоты Кранмера, проводя важное различие. Христианский пастырь в качестве служителя Слова и Таинства некоторым образом приобретал свою власть от Христа, он стал чиновником государства, получив свои полномочия от сюзерена.

Таким образом сходились в том, что в правильно организованном государстве пастырь должен стать в некотором роде чиновником в обществе. Он наблюдает за моралью людей, утверждает рождения, свадьбы и смерти, отвечает за образование детей. Не оспаривалось, что он должен быть чиновником государства, что подобная его юрисдикция должна исходить от сюзерена, иначе сюзерен не будет таковым.

Следовательно, сюзерен обладает законной властью по распространению учения, решая, что следует или не следует проповедовать. Вопрос заключается в том, действительно ли его учение соответствует Слову Господа. Тот же самый вопрос можно задать, когда речь идет о заявлении доктрины папой, или пресвитерией, или кем-то еще. Если благочестивые и образованные священнослужители в государстве противопоставляют себя доктрине правителя, то весьма вероятно, что он проявит себя тиранически, продвигая свою доктрину.

В Германии сохранилось выражение «В своем герцогстве герцог Клеверский то же самое, что и папа». Самый крайний случай связан с тем, когда теория подгонялась под авторитет священства.

В 1588 году герцог Иоганн из Цвайбрюккена из строгого лютеранина стал филиппистом. Распорядившись, чтобы его подданные тоже приспособились, он, как утверждают, якобы заявил: «Правители обладали Духом Господа, чтобы Господь соответствующим образом мог время от времени просвещать

правителя, его подданным следует быть готовыми к тому, чтобы последовать за Духом, который дует, куда тот хочет».

Отмечаю подобные крайние высказывания, чтобы показать их эксцентричность. Однако практические последствия могли оказаться более крайними, чем теория. Король Англии Карл I вызывал негодование даже у своих самых преданных сторонников среди духовенства, когда опубликовал не просто королевские директивы по поводу поведения на службе, но и каноны, именно так им называемые, для шотландской церкви.

Первый пункт статьи двадцатой в 39 тезисах англиканской церкви добавили, пользуясь королевским правом, сначала он был категорически отвергнут. Такой теоретик, как Гуго Гроций, не видел ничего неподобающего в подобных действиях только при том условии, что сюзерен не предписывает ничего, что противоречит Слову Господа.

Для некальвинистской теории церкви и государства супрематия сюзерена казалась необходимостью. Ей легче следовали, руководствуясь не только доводами рассудка, особенно если верили, что каждый сам себе господин. Такие особенно интеллигентные теоретики, как Гроций или Селден, осознавали, что не существует разницы между ответственностью короля и той, что свойственна олигарху или общественному собранию.

Если закон, связанный с религией, следовало усилить, общественное собрание не могло уклониться от задачи решить, является ли закон добродетельным, не могло переложить ответственность на группу духовенства или церковную ассамблею. Однако некоторые духовники испытывали беспокойство по поводу переложения и допущения первенства в вопросах религии на общественное собрание.

Когда английский парламент 1625 года собрался в Оксфорде, они встретились в богословской школе, а спикер сидел рядом с тем местом, откуда обычно произносил свои лекции профессор, кафедра которого была учреждена одним из английских королей. Среди духовенства времен Лауда сохранилась легенда, что именно он посоветовал парламенту сделать это в надежде укрепить религиозные доктрины. Сохранилось ощущение, что особое проявление суверенности менее под-

ходило ассамблее избранных мирян, чем тому, кто был помазан Господом на царство.

Проблема суверенности добродетельного правителя затрагивала церковь только с одной стороны, что либеральным потомством сознается как абсолютная добродетель. Если правитель достигал достаточного согласия с церковью, чтобы избежать стычек, обычно он не всматривался в души людей.

Существовало правило, исключения незначительны, что некальвинисты и некатолические государства допускают большую свободу в учении, чем кальвинисты или католики. В качестве доказательства достаточно сравнить большинство английских 39 статей 1571 года с кальвинистской Вестминстерской исповедью.

Когда архиепископ Уитгифт Кентерберийский обнаружил, что 39 статей слишком пространны, чтобы предотвратить академический диспут, он попытался добавить новые статьи, и в Ламбетских статьях 1595 года точно определилась доктрина предопределения. Услышав о них, лорд Баргли заявил архиепископу, что предмет носит слишком мистический характер и он сам с трудом разбирается в нем. Тогда возмущенная королева потребовала, чтобы архиепископ снял их.

Гроций стоял за ограничения в религиозном определении, что является добродетелью для каждого сюзерена. Даже если правитель и его церковь верили, что доктрина верна, то вовсе не стоило настаивать на этом. «Опасно, — обычно Гроций использовал волнующе старый афоризм, — говорить правду о Господе». «Dogmata definienda sunt paucissima».

ТЕРПИМОСТЬ

Реформация сделала терпимость возможной. Правда, вначале она не преследовала такого намерения. Государства и церковь разделенной Европы, наконец, поняли, что или станут терпимыми, или погибнут.

С самого начала протестантская атмосфера оказалась менее недружелюбной к нонконформистам (не принадлежав-

шим к государственной церкви). Сами диссиденты, согласно установившейся традиции, несколько колебались в связи с подавлением несогласных.

Лютер начал с почти терпимого отношения и отошел от него, когда увидел анархию, сопровождавшую религиозную свободу, и тогда здравомыслящий Меланхтон решительно высказался за религиозное подавление.

В протестантских государствах даже не поднимался вопрос, должны ли проповедники неодобряемых учений проповедовать. В англиканской Англии и лютеровской Германии, реформированной Голландии или католической Испании горожане также с большой степенью вероятности могли подвергнуться наказаниям, если не оказывались добродетельными и не ходили на службу в свои приходские церкви.

Согласно основной христианской традиции люди продолжали верить, что добродетельным считается порицание проповедника, убедившего конгрегацию, что нарушение супружеской верности возможно. Добродетельным считалось и неодобрение священника, который убеждал их стать атеистами или полагал, что крещение детей является фарсом. Мораль и религиозное мнение людей оказались не единственными факторами.

Анахронизмом было бы предположение, что все здравомыслящие протестанты были убеждены в том, насколько неверным является преследование за религиозную точку зрения. Напротив, огромное большинство благоразумных христианских священнослужителей соглашались в том, что вполне естественно, если ошибки в вероучении повлекут за собой гражданское наказание.

Это большинство состояло не только из таких сторонников строгой дисциплины, как Кальвин и члены его консистории или папа Пий V и его инквизиторы, но и из гуманистических приверженцев пресвитерианства вроде Меланхтона или искренне верующих католиков типа святого Франциска де Сале.

В 1553 году женевские кальвинисты казнили (сожгли) за ересь Мигеля Сервета. И хотя ведущие протестантские священнослужители поддерживали точку зрения, что казнь всегда более чем оправданна, всегда оставалось достаточно осно-

ваний для шумного протеста, позволявшего развиться дальнейшей защите.

На следующий год Беза опубликовал свою книгу «Разве еретиков следует наказывать силами гражданского магистрата?». Она появилась в нездоровый период и не лишена болезненных отрывков, однако искусно отражает точку зрения того времени. Приведем ее основные доводы.

Магистрат озабочен морально-этическими нормами своих граждан — предположение, казавшееся в XVI веке банальностью, которую только сумасшедший мог захотеть оспаривать. И если это верно, как однажды предположил Беза, то только немногие люди ведут безнравственный образ жизни в семье и добродетельны при исполнении общественных обязанностей. Они настолько исключительны, что могут не подчиняться никаким правилам, которые обязан поддерживать магистрат.

Здесь также говорилось о том, что Христос был мягок и учил, что христианин, если его ударят по одной щеке, должен подставить другую, быть милосердным и щедрым. Тогда почему критиковавшие за наказания за ересь не должны согласиться с тем, что магистрат должен воздерживаться от того, чтобы наказывать убийц?

Точно так же говорится, что не должно принуждать людей верить, но только уговаривать. Да, конечно, наказания за ересь разработаны вовсе не для того, чтобы обратить еретиков в истинную веру. Они разработаны для того, чтобы помешать небольшим группам людей сбиться с пути, защитить овец от волков, сохранить общность и, следовательно, исключить возможность нанести вред признанию Господа.

Пусть клевещут, что мы хотим распространить христианскую веру силой. Власти университета уволили с должности профессора, которого все другие здравомыслящие люди посчитали учащим тому, что неверно. Разве подобное представление следует назвать жестокостью?

Очевидно, что государство протестовало, оно и должно было протестовать, отстаивая истинную религию. Большинство критиковавших преследования признавали это, поскольку допускали, что крайние случаи, атеизм или богохульство, должны подвергаться наказанию. Оставалась проблема, что,

если допускается любое наказание, возможно ли объявить о наказании смертью, но не приводить приговор в исполнение. В этом вопросе мы встречаемся не только с уловками, поскольку те добродетельные и умные люди, которые спорят по данному поводу, размышляют о том, действительно ли следует настаивать на смертном приговоре, если нет никаких надежд на покаяние.

Сначала мы должны исключить случаи жестокости и необдуманности. Нам следует помнить, что никого нельзя насильственно заставить верить, что христианам полагается быть смиренными и милосердными.

Очевидно, что еретическое учение (вспомним об анабаптистах в Мюнстере) представляет собой столь же серьезное преступление, как и многие, за которые наказывали смертью. Следует сказать, что нам не следует налагать за это наказание смертью, иначе это будет означать вызов против основного наказания за преступления подобного рода. И не всякий будет готов это сделать.

Действительно, более приемлемо мнение, что данное преступление серьезнее, чем какое-либо другое, поскольку разрушает души людей, в то время как убийство уничтожает людей телесно. Кроме того, такое преступление является прямым оскорблением величия Господа.

Приведенные выше рассуждения Безы показывают, что, по крайней мере, среди протестантов начала образовываться более весомая точка зрения, направленная не против наказания за религию, но против смертного приговора за ересь. После 1600 года редко казнили по подобному обвинению. Однако мнение, что магистраты должны поддерживать только одну религию в государстве, сохранялось гораздо дольше.

Дело о наказании основывалось на двух предпосылках. Первая связывалась с тем, что истина открыта всем здравомыслящим людям. Во-вторых, что государство не может существовать, если в нем бытует несколько религий. Терпимость не установилась до тех пор, пока оба этих утверждения со временем не оказались ошибочными.

Одновременно началось тайное брожение в разных европейских церквах, например в Базеле, в одном или двух поль-

ских городах, позже в том же столетии в Голландии. Теоретики, обладавшие оригинальными взглядами, выступили с требованием большей терпимости, пытаясь утвердить эти требования на разумных основаниях.

Часто они находились под влиянием анабаптистов или других радикальных групп, соглашавшихся, что, поскольку царство Христа на этом свете отсутствует, магистраты не должны вмешиваться в религиозные проблемы.

Себастьян Кастеллио (Кастелио, латинизированное Шатильон или Шатийон) бежал в Женеву в поисках убежища, но ему отказали в рукоположении, потому что Кальвин сомневался в его взглядах. Кастеллио переехал в Базель, где после нескольких лет нищеты стал преподавать греческий. Его подозревали в различных ересях, даже в Базеле, и Себастьян продолжал оставаться под подозрением вплоть до своей смерти в 1563 году.

Потрясенный смертью Сервета, он решился напечатать самый значительный манифест XVI века в защиту терпимости — «Разве еретиков следует казнить?». Беза не без оснований рассматривал Кастеллио как своего главного оппонента.

По форме книга представляет собой собрание цитат, а Кастеллио выступает как ее редактор, однако некоторые из самых отточенных цитат исходят от никому не известных авторов, что дает основания предположить, что «редактор» написал их сам в соответствии с поставленной целью.

Доводы Кастеллио не существенны. Действительно, он почти никого не смог убедить выступить против Кальвина или Безы. Это не мотивированное изучение политической мысли, но простой крик, исходящий из христианского сердца и сознания. Кем же был Иисус Христос? И как христиане, которые являются Его подражателями, ведут себя в отношениях друг с другом?

«О Христос, создатель и правитель мира, видишь? Не становишься ли Ты иным, чем я сам, настолько жестким, столь отличным от меня? Когда Ты жил на земле, никто не был более кротким, милосердным, терпимым... Люди наказывали Тебя, плевали на Тебя, насмехались над Тобой, увенчали Тебя шипами, распяли среди воров, Ты же молился за тех, кто поступали дурно. Почему же теперь Ты так переменился? Если

Ты, Христос, велел провести эти казни и пытки, тогда что же Ты оставил дьяволу?»

Даже Кастеллио не показалось очевидным, что государство должно применять наказания за богохульство и ложное учение крайнего рода. Однако, как он считал, силой ничего нельзя добиться, это слишком слабое оружие. «Убить человека вовсе не означает защитить учение, происходит просто убийство человека».

Книга Кастеллио стала самой значительной публикацией в защиту терпимости. Ее постоянно цитировали те, кто ратовал за терпимость. Сначала то тут, то там раздавались голоса, однако, по мере того как XVII век начал подходить к своей середине, стал слышаться нарастающий гул голосов.

Христианский мир продолжал верить, что государство не сможет процветать или выжить, если среди жителей этого государства допускается бытование более одной религии. Как могли протестантские жители оставаться верными католическому сюзерену или наоборот? Наблюдения только подтверждали эту точку зрения.

Тем не менее Реформация направляла христианские умы к следующему самому значительному шагу — повсеместному верованию в то, что закон должен быть терпимым. Продвижение таких законов оказалось возможным, потому что в Европе утвердились соперничавшие конфессии католиков и протестантов. В некоторых государствах ни одна из двух конфессий не смогла одержать верх.

Люди считали, что государство не сохранится, если среди его подданных распространены две общественные религии. Что произойдет, если волей обстоятельств или в результате евангелистского рвения или политического решения будут созданы государства, где большинство жителей не относится к доминирующей религии?

В католических Испании, Португалии и Италии или в протестантских Шотландии, Нидерландах и Скандинавии подобная проблема не возникала. Там Реформация победила или проиграла полностью. Значительное большинство граждан этих стран исповедовали одну религию.

Верно, что на юго-востоке Шотландии сохранились католики, защищавшиеся семейством Хантли. На северо-западе Италии уцелело некоторое число вальденсов, находившихся в тесном контакте с кальвинистской Швейцарией. В южных землях независимых Нидерландов проживало много сохранивших свою католическую веру, как и их соседи и братья, находившиеся в границах католических испанских Нидерландов.

Однако не стоит принимать во внимание столь небольшие или маловлиятельные меньшинства. Если протестантский священник начинал проповедовать на испанском, его наказывали. Если католический священник служил мессу на шотландском, его также подвергали наказанию. Из этих стран не могли возникнуть новые идеи, связанные с религиозной терпимостью.

Самая искусная защита практики преследований в XVII веке исходила от шотландского пресвитерианца Самуэля Резерфорда («Некоторые возражения против предполагаемой свободы сознания», 1649). В Италии в конце 1832 года папа Григорий XVI осудил свободу сознания, назвав ее «сумасшествием». Те страны, где большинство населения исповедовало одну веру, вовсе не оказались среди тех, кто быстрее других продвигался к терпимости.

Однако в Германии, Франции, Польше и в Англии Реформация не смогла полностью восторжествовать, как произошло в свое время с протестантизмом, одержавшим победу в Шотландии, или католицизмом, победившим в Испании. В этих странах духовенство продолжало беспокоиться по данному поводу, и католики, и протестанты допускали значительные допущения.

Если мы поставим проблему (как это делают научные школы), то спросим вместе с протестантами следующее. Если месса привязана к культу, всегда ли мы совершаем грех, допуская подобное? Задумаемся и вместе с католиками, утверждавшими, что ересь — зло. Тогда всегда ли греховен католический правитель, если он терпимо относится к еретикам, проживающим на его территории? Многие мыслители отвечали утвердительно. Да, но при всем прочем серьезным грехом являются проявления идолопоклонства или ереси.

Однако многие считали, что подобное жесткое заключение носит оскорбительный характер. Мартин Беканус (голландец по происхождению), немецкий профессор, умерший в 1624 году, считал, что подобное заключение продиктовано скорее рвением, нежели разумом. Предположим, что еретики станут слишком многочисленными, чтобы их можно было подавить. Тогда для католицизма будет более гибельным, если правитель начнет искать средства, как их усмирить, вместо того чтобы проявить в их отношении терпимость.

Существует и альтернатива, но, даже если правитель сможет успешно уничтожить еретиков, он своей милостью к ним принесет больше добра. Если же протестанты не будут терпимыми, то католики станут более яростными в своей вере, отказывая себе во всем, выкажут преданность своим идеалам и дадут лучших миссионеров своей веры. Таким образом, мы видим, что в подобных условиях появляется много обстоятельств, когда лучше будет проявить терпимость, чем готовность к сожжению, провоцирующую яростный ответ.

Теперь стало очевидным, что Нантский эдикт и последствия разделенных Франции и Германии начали расширять кругозор религиозных школ. Лютеранин Герхард искренне высказался о произошедшем в своей Loci Theologici 1619 года (книга 27). Если королевство едино, терпимость не проявляется, да и не нужна. Если оно разделено, то правитель должен включить терпимость в практику своей политики вместе с борьбой за объединение. Лучше будет, если государство останется разъединенным по религии, чем перестанет быть объединенным политически, то есть распадется. Именно француз Жанен заявил, что мир с двумя религиями лучше, чем война, которая ничего не несет.

Следовательно, основное христианское дело, связанное с терпимостью, основывалось не на принципе, а на целесообразности. Никто из католических, лютеранских или реформистских мыслителей не прошел мимо этой идеи. Степень подавления определялась вероучением (моральным долгом магистратов) и политическими условиями (ни одно государство не выживет, если религия разделит его).

Беканус, Герхард и им подобные разбили этот довод, допуская, что такое государство, как Франция, способно суще-

ствовать, хотя имеет различные религиозные взгляды, и оно даже продолжит свою жизнь, если разделение продолжится. Французская политика 1570 года отчетливо осознавала, что целесообразность не помогает избежать преследований.

И если однажды подобную подпорку убрать, то легко будет исследовать суть моральных обязанностей магистратов. Те государственные деятели, которые начинали с допущения, что подавление нецелесообразно, могли закончить тем, что спрашивали себя, насколько далеко доходят моральные обязательства. Постепенно в государство начал доноситься глас Кастеллио о христианском сознании.

Глава 13
СВЯЩЕНСТВО И КУЛЬТ

Возможно, Реформация и Контрреформация не всегда достигали своих целей, но они подняли стандарты христианского духовенства, независимо от его статуса, священнического или пастырского. И если изречение «как народ, так и священник» имело силу, то достижения для общественной и частной жизни оказались значительными.

Неверно противопоставлять то, что было до Реформации и после Реформации, как черное и белое. «Подражание Христу», написанное в начале XV века, оказалось вполне достаточным, чтобы восстановить возвышенную и глубокую набожность, какую мы находим в виде средневекового христианского идеала, способствовавшего созданию Реформации.

Начиная с 1600 года сохранилось множество свидетельств, показывающих, что христианское духовенство иногда следовало светским привычкам и отличалось развращенностью — так иногда происходило около 1400 года. Несколько католических кардиналов продолжали составлять себе состояние старыми проверенными способами. В конце 1596 года сорок французских епископств оставались за мирянами.

Мейлер Маграт, протестантский архиепископ Кашелский в Ирландии, вовсе не отличался благоразумием, был епископом трех других ирландских приходов и контролировал, лично или через своих многочисленных детей, огромное количество приходов (согласно циркулировавшим в Лондоне слухам, их было порядка семидесяти).

Исключения в период Реформации все же встречались. Однако в целом сохранялись взятки, коррупция, беззаконие, непроживание в своих приходах, продажа должностей. И все

же расширялось преподавание, произносилось больше проповедей, увеличилась пастырская забота, давалось лучшее образование. Миряне и их священнослужители начали лучше понимать веру. Отмечается большее рвение среди священников, меньшие суеверия и уклон в сторону подлинной религии, не такое острое, как в прошлом, отсутствие интеллекта и вящее одобрение Библии.

Идеалы Реформации и Контрреформации резко разделили священников на «обслуживающих культ» и «пастырей». Весьма вероятно, что более решительные консерваторы должны были отказаться от мнения, что важнейшим делом христианского священника оставалось отправление мессы.

В то же время реформаторы, выступавшие против «спасения посредством обрядов и ритуалов», считали таинства, с одной стороны, обязательной и важнейшей частью священнослужения, но главным все же полагали выражение Слова Божьего. Поэтому центром храма они считали не только алтарь, но и кафедру.

Столь грубое противопоставление, естественно, порождало множество исключений. Некоторые католики всегда хотели придать особое значение проповеди. Лютеране сохраняли функции алтаря, хотя в некоторых английских приходских церквах до неудачных реформ архиепископа Лауда, обычно следовавшего шведской модели превращения алтаря в престол, большинство английских соборов сохраняли алтарь до гражданской войны 1642—1648 годов.

В протестантских Англии, Германии, Швейцарии и Шотландии в 1600 году было больше и лучше организованное проповедование и обучение, чем сто лет назад. Похожее происходило в Милане и в других городах в период Контрреформации, особенно там, где сильнее сказывалось влияние иезуитов или доминиканцев.

В некоторых землях Европы, где доминировала католическая церковь, особенно в Южной Италии и ряде областей Франции и Германии, «пастырь», как и раньше, молчал. Западный христианский мир сражался, причем вовсе не безуспешно, чтобы повысить пастырский и моральный уровень духовенства, правда, нерегулярно, всплесками, по мере того, как позволяли обстоятельства или настроения людей.

В конце Средних веков было опубликовано несколько полезных руководств или наставлений по поводу обязанностей священника и пастыря. Если мы сравним их с аналогичными руководствами конца XVI века, независимо от того, являются ли они протестантскими или католическими, то заметим определенное изменение тональности.

Средневековые руководства в некотором роде носят более литургический характер, представляют собой смесь описаний обязанностей священнослужителя и манеры поведения в церкви или ризнице. Они более сосредоточены на точном исполнении внешней стороны обрядов.

Теперь повернем страницу истории на 200 лет. В наставлениях уже более эмоционально подчеркивается, что слова не следует повторять механически, точный ритуал должен определяться внутренними побуждениями. Конечно, такие руководства предназначались для более образованного священника, того, кто осуществлял постоянную проповедническую деятельность — для того, кому нравилось его занятие, кто считал проповедование радостью, а кафедру — троном для того священника, который буквально впитывал в себя учение Библии и Отцов Церкви. Руководства Контрреформации во многом походили на протестантские.

В протестантских книгах обычно содержался новый (беспрецедентный) раздел по поводу жены, детей и хозяйства, дававший образец сельской семейной жизни, описывались даже огород, птичник и свинарник. Книги периода Контрреформации уделяют одинаковое внимание кафедре и внутренней искренности, в равной степени пишется об учебе и образовании (хотя меньше делается упор на изучение Библии, и они сосредотачиваются на теологическом знании и христианской истории).

Здесь священник изображается более как «профессионал», причем в этом нет никакого дурного смысла, больше духовного значения, приводятся более длинные и точные списки доктрин, которые ему положено внедрять. Подчеркивается, что представление Библии должно согласовываться с догматами церкви.

Если мы сравним протестантского пастора, описанного Джорджем Гербертом в книге «Священник в храме» (напи-

сана примерно в 1632 году близ Солсбери) с католическим священником, предстающим у Карла Борромео «Инструкции священникам» (написана в Милане, вскоре после 1565 года), то сочтем пастора Герберта более социальным и не столь отдаленным от народа, нежели его итальянский коллега.

Он находится среди них как друг, как духовный наставник, принимающий их за своим столом. Пастор Борромео отказывается от любого возможного предложения мирян на обед или на ужин. В идеале Борромео мы встречаем личность более страстного, чем у спокойного, гуманного, мягкого Герберта. Отметив контраст в характерах двух людей, все же обнаружим, что они позволяют провести некую противоположность между пастором Реформации и пастырем-священником Контрреформации.

БРАКИ ДУХОВЕНСТВА

Законный брак принес одномоментное и важнейшее изменение статуса протестантского духовенства. Хотя обычаи менялись от страны к стране и даже от епархии к епархии, все же до этого многие священники старого католического руководства вплоть до папы Александра VI Борджиа имели наложниц. Некоторые приходы даже поощряли это, известно, что католические правители даже отказывались назначать священника, если у того не было женщины.

Один высокопочитаемый французский кюре невозмутимо отмечал в своей книге постоянное рождение своих внебрачных детей. В 1476 году капеллан в Брауншвейге распорядился, чтобы каноники и викарии не отказывались от своих наложниц, а просто содержали их не в приходском доме.

В Шотландии между 1548 и 1556 годами законными признавались два незаконных ребенка священников на пятерых детей мирян — удивительное соотношение, когда сопоставляются цифры. Превращение любовницы в уважаемую жену, незаконнорожденных детей в признанных детей стало кратковременным даром, которым наделили духовенство во время протестантизма. Не говоря о высших соображениях, которые

были сказаны перед женитьбой на Катарине фон Бора, — постель Лютера не разбиралась в течение года.

Папы периода Контрреформации испытывали постоянное давление по поводу отмены целибата. С 1400 года несколько консервативных реформаторов, включая Эразма, умоляли его принять решение, мотивируя свою просьбу примером восточной православной церкви. Католические государства с влиятельным протестантским меньшинством постоянно задавались вопросом, возможно ли уступить, и обоснованные баварское и австрийское обращение представили на Триентском соборе в 1562 году.

Французские епископы даже предложили, что если целибат сохранят, то рукополагать следует только пожилых людей. После этого стали цинично говорить, что выбор произойдет между новым духовенством и женатым духовенством. Папе пришлось разрешить членам некоторых военных орденов жениться, чтобы избежать скандала.

Триентский собор не пошел на компромисс. В ноябре 1563 года он провозгласил анафему тем, кто утверждал, что церковники, монахи или монахини могут заключать действительный брак. Не говоря о тех, кто заявлял, что лучше жениться, чем жить в безбрачии. Все же компромисса не получилось, поскольку оставался открытым вопрос, следует ли посвящать в духовный сан женатого человека.

Прошло много лет, прежде чем декреты Триента изменились. Выступивший в 1583 году против их публикации французский дворянин в качестве аргументации привел довод, что в Италии никто не придает ни малейшего значения декретам, реформирующим мораль духовенства.

Провинциальные советы постоянно и почти безуспешно снова вводили декреты. Все, что удалось достичь архиепископу Зальцбурга, причем в 1616 году, — так это выпустить декрет, что священникам следует переместить своих любовниц на расстояние в шесть миль и не позволять жить открыто с ними и своими детьми, если только на это не дается специальное разрешение.

Одним из практических вспомогательных средств, введенным начиная с середины XVI века и сделавшимся обязательным в 1614 году, стала исповедальня. Однако посте-

пенно обычай сожительства начал порицаться, медленно укреплялся и привычнее воспринимался обычай истинного целибата. Возможно, из-за лучшей дисциплины, отчасти из-за стремления к реформам, вероятно, и благодаря нараставшему общему стандарту приличий свидетельства XVII века весьма отличаются от XVI века.

Если декреты Триента и Контрреформации не смогли помешать существованию наложниц, они не исключали возможность допустимости жен, признали, что у священников вполне могут быть любовницы, и их даже полагается уважать.

Среди протестантов женитьба духовенства началась с проявлений бравады, быстро превратившись в повседневную естественную реальность. Несколько священников начали жениться, пока Лютер находился в Вартбурге, в 1523 году Лютер произнес проповедь, в которой одобрил женитьбу — во время бракосочетания бывшего викария августинских монахов и своего друга Венцеслава Линка.

В 1525 году Лютер пригласил своих друзей на ужин и неожиданно женился в их присутствии на Катарине фон Бора. Одно за другим протестантские государства узаконивали женитьбы своих священников. Хотя Кальвин и не женился вновь после смерти своей жены, он поощрял своих друзей и коллег жениться ради блага Господа.

При более консервативно настроенных мирянах духовенству оказывалось не так легко приспособиться к переменам. Несколько близких друзей Лютера почувствовали себя после его женитьбы оскорбленными.

Самыми консервативными среди большинства мирян выглядели адвокаты. В конце 1536 года виттенбергские адвокаты придерживались мнения (к явному раздражению Лютера), что дети священников — незаконнорожденные. Сначала некоторые не могли заставить себя принимать причастие из рук женатых священников, известно также, что повитухи отказывались посещать жен священников во время родов.

Королева Англии Елизавета, всегда предпочитавшая неженатых епископов, требовала, чтобы их жен вывозили из окрестностей колледжей и соборов. «Его величество, — пи-

сал Сесиль архиепископу Кентерберийскому в 1561 году, — сильно гневается из-за матримониальности духовенства».

С уверенностью скажем, что и люди из окружения королевы Елизаветы находили странным присутствие жены священников в их обществе. Даже в начале ее правления случилась ссора на пароме, пересекавшем реку Северн, потому что пассажиры стали глумиться над двумя женами пасторов.

Даже не состоявший в браке архиепископ Лауд однажды нанес оскорбление женатым священникам, опрометчиво заявив, что при прочих равных условиях он предпочтет назначить неженатого кандидата. В Англии Елизавета никогда не обновляла акт Эдуарда VI, в котором легализовалась женитьба духовенства, допуская его скорее как исключение, чем правило. Акт формально изменили только при Якове I.

Поиск жены священника оказывался делом достаточно сложным. Иногда прежняя наложница легко становилась новой женой и, напротив, существовавший на небольшое пособие священник мог в любом случае, как считали, жениться на горничной. Власти возражали против неподобающих браков. Так, архиепископ Уппсалы в Швеции вынудил свое духовенство дать клятву, что они не женятся без согласия епископа и совета.

Королева Елизавета отдала распоряжение, что священник должен добиться для своей дамы одобрения епископа диоцеза и двух магистратов, согласия ее хозяина и хозяйки, там, «где она служит», распоряжение усиливалось одобрением суда.

Вскоре женитьбы стали считать вполне естественными. Запрос, отправленный в октябре 1561 года, показывает, что половина духовенства в архидьяконстве Лондона уже была жената. Через поколение почти все поступали так, как будто обычай существовал давно. Во времена архиепископа Лауда духовенство уже пользовалось таким почетом, что дворяне уже думали, как выдать своих дочерей замуж, «надежно разместив их в руках» пастора.

Однако такое мнение разделяли не все. В конце 1610 года в Кингс-Саттоне в Нортгемптоншире мужчина и его жена оказались в затруднительном положении за оскорбление священника и его жены, поскольку «заявили, что веселье никогда не вернется в мир до тех пор, пока священники женятся».

Сохранилась и легенда, бытовавшая и в середине XIX века, что потомки священников несчастны в своей жизни, несмотря на многочисленные примеры того, как мальчики духовного звания поднимались до высоких постов в церкви и государстве.

Рассматривая Реформацию, не следует забывать, что она была порождена не одним сознанием, но сделалась возможной только благодаря достопочтенным домам и семьям.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ДУХОВЕНСТВА

Дворянство Англии времен Елизаветы и Стюартов иногда роптало, что епископы, поднявшиеся из грязи, были людьми низкого происхождения. Однако Реформацию практически не заботило различие их социального статуса и происхождения, как того следовало ожидать.

Средневековая церковь всегда открывала двери способным людям, и протестантские церкви придерживались той же точки зрения. Из пяти протестантских архиепископов Кентербери, служивших с 1575 по 1645 год, двое оказались сыновьями процветающего изготовителя тканей, один — сыном фермера, четвертый — богатого купца и только одного можно охарактеризовать современным языком как «джентльмена».

Однако и перед Реформацией аристократы не имели преимущества в высшем духовенстве. Из семи кентерберийских архиепископов между 1414 и 1532 годами пятеро были обычного происхождения, сыновьями мелких землевладельцев или сельских сквайров, и только двое происходили из высшего общества, один из них (Бурчер) происходил по линии матери из Плантагенетов от короля Эдуарда III. Реджинальд Пол, архиепископ в 1556—1558 годах, тоже принадлежал к знати.

Похожее происходило и с теми, кто становился папами. Из пяти пап в период между 1471 и 1521 годами трое занимали высокое положение благодаря своему происхождению. Один из них (Лев X) был сыном Лоренцо Великолепного из Флоренции. Второй происходил из семьи генуэзского сенатора, происхождение пятого (Сикста IV) неизвестно.

Из пяти пап в период между 1559 и 1591 годами двое оказались низкого происхождения, один из разорившейся семьи среднего класса, третий относился к низшей аристократии и один происходил из знатной болонской семьи.

Правда, не станем обобщать приведенные выводы. Они использованы автором только как иллюстрация того, как человек низкого происхождения часто поднимался наверх и начинал руководить средневековой церковью — Реформация и Контрреформация широко открывали двери способным людям. Отчасти это происходило потому, что новый мир Ренессанса отворял другие двери молодым сыновьям аристократов. А возможно, и потому, что социальный состав общества расширялся.

Самые бедные представители низшего духовенства перед Реформацией жили практически на грани бедности, да и после этого их положение не сильно изменилось. Они часто защищались от инфляции десятиной, хотя самый денежный из новых источников вовсе не связывался с ней.

Социальный статус приходского духовенства в целом между 1500 и 1600 годами в абсолютном измерении значительно не менялся. Однако их ситуация изменялась по отношению к мирянам. Ведь миряне становились богаче, в то время как положение приходского духовенства оставалось тем же.

В протестантских церквах существовал двойной стандарт духовенства. Отмечалось различие между городским и сельским духовенством. Городское духовенство было высокообразованным, женилось на дочерях дворян или даже знати, его уважали в обществе, оно получало значительный доход.

Так, городской пастор Виттенберга в 1529 году получал 200 гульденов (в XX—XVI веках золотая монета (гольдгульден) весом 3,5, затем 2,5 г и соответствовавшая ей по стоимости серебряная монета (гульдинер) весом 31,83 г, в том числе 29,23 г чистого серебра. — *Ред.*), позже 300 гульденов и 50 бушелей зерна. В то же время, как нам известно, сельский пастор имел пособие в двадцать гульденов. Обычно сельское духовенство происходило из крестьян, женились они на женщинах из своей среды. Сельские священники находились под влиянием сквайра или мирян, получали сред-

ства к существованию в виде жалованья, к которому добавляли доходы от своих мирских трудов. Обычно занимались «фермерством», а свиньи и овцы были частью хозяйства, которое тоже священники получали вместе с должностью и домом приходского священника.

В Германии, хотя плата пастору могла оказаться необычайно низкой, у него имелись некоторые преимущества — обычно его освобождали от налогов и давали право свободно варить пиво. Кроме того, как это было, например, в Саксонии после 1527 года, конгрегация была обязана строить и ремонтировать дом приходского священника.

В некоторых частях Германии в протестантских церквах даже существовали церковные нищие, как они существовали в средневековых церквах.

Чтобы прожить, немецкие пасторы иногда занимались светскими делами. Один оказался кожевником и ткачом, другой делал из льна холсты и парусину, третий торговал маслом и сыром. Книпстро писал, что когда был дьяконом в церкви Святой Марии в Штральзунде, то его спасло от занятий попрошайничеством только швейное дело его жены.

Большинство сельских священников в Германии оказались мелкими фермерами, державшими несколько свиней и скот, таким образом им удавалось выжить. Многие английские священники также поддерживали себя фермерством. Сохранилась известная, хотя и оспариваемая многими история о том, как Ричард Хукер читал своим пожилым ученикам «Оды» Горация и одновременно пас свое «небольшое стадо овец на общем поле».

Викарий Лиддингтона в Ратлендшире зарабатывал себе на жизнь, помогая кровельщику. Мистер Милс из Бедли работал шахтером. Нам также известны случаи, когда английские священники занимались кузнечным делом, изготавливали веревки. Таковы были превратности судьбы, вызванные не Реформацией, но обстоятельствами, которые было трудно изменить. Во всем христианском мире власти продолжали осуждать любое занятие, кроме распахивания земли, учительства или преподавания.

Растущее богатство мирян в сопоставлении со статичными доходами духовенства не побуждало родителей отправ-

лять своих детей учиться на священников. Когда (примерно в 1625 году) Джордж Герберт сказал своему другу, что собирается принять духовный сан, его друг попытался удержать его, заявив, что это «слишком низкое назначение, не соответствует его рождению, он погубит свои превосходные способности и свой природный дар». На что Герберт ответил, что «хотя беззакония последних времен заставили меньше ценить духовенство, и священное имя духовного лица презирается, все же я стану трудиться над тем, чтобы вернуть его почетный статус».

Нам известны отцы девяноста пяти священников графства Ольденбург (герцогством стало в 1777 году. — *Ред.*) в Северной Германии, и то, чем они занимались: пятьдесят пять были священниками, шестнадцать — крестьянами, два — солдатами, семь — владельцами лавок, один — учителем латыни, шесть церковными служителями или ризничими, шесть — бургомистрами или олдерменами (членами городского правления), два — дворянами.

Грубые подсчеты показывают, что в XVII веке половина священников Швеции происходили из семей духовенства. Профессия (так ее стали называть) становилась наследственной. Бенедикт Карпцов, жесткий лютеранский теолог, умерший в 1624 году, стал родоначальником четырех поколений, в числе которых доктор богословия, а пятый из его потомков умер в 1803 году. Друг Меланхтона Иоганн Фабриций, пастор в Нюрнберге, основал династию священнослужителей из четырех поколений, двое его потомков стали пасторами в Нюрнберге.

По сравнению со своими предшественниками сельский пастор чуть больше зависел от светских феодалов и дворян. Сельские священники конца Средних веков зависели обычно от церковных личностей типа аббатов и отсутствующих епископов. Протестантский сельский пастор больше зависел от дворянства.

В Германии периода Тридцатилетней войны (1618—1648) известно о том, как капелланы отправлялись на службу к родовитым дворянам, выступая также как их дворецкие и лакеи, — таковы были условия войны. Вряд ли следует полагать, что стоявшее ниже по положению духовенство мог-

ло влиять и помогать избавиться своим господам от их пороков.

В Германии в XVII веке многие священнослужители доходили до того, что позволяли дворянству отдельно причащаться или даже использовали иную и более вежливую формулу для проведения причастий у благородных людей. В Дании в 1551 году королю Кристиану II (1534—1559) пришлось издать закон, гласивший, что дети священников не должны становиться рабами своих покровителей.

Все же зависимое духовенство, доведенное до крайности сельским образом жизни, никогда не осмеливалось порицать видимые пороки своих феодалов. Если бы Реформации не удалось улучшить социальный статус духовенства, оно бы не смогло (пусть медленно и болезненно) повышать свой образовательный уровень. Все большее количество священников обучались в школе и университете.

Уважение, которого священнослужители не могли достичь богатством, они приобретали через образование. Как Реформации, так и Контрреформации удалось создать образованное духовенство. Священник немецкого университета или огромной городской церкви получал достаточное пособие, его высоко ценили, точно так же, как его датского, английского или шотландского коллегу.

В немецких городах священник стоял выше сенаторов. Немецкий пастор Валентин Андреа, умерший в 1654 году, считался обладателем неплохой библиотеки, где хранились редкие рукописи и живописные работы, в частности гравюра из серии «Из жизни Девы Марии» Альбрехта Дюрера и «Обращение святого Павла», написанное Гансом Гольбейном.

В Англии занятия священников, безусловно, позволили им благодаря своим знаниям приобрести репутацию stupor mundi (высшей учености). По крайней мере, больше половины тогдашних священников имели беглое представление как о древнееврейском, так и о греческом языках. Английский адвокат Джон Селден, не стеснявшийся при случае подвергать критике духовенство за его мораль и образ поведения, тем не менее написал: «Все признают, что никогда ранее не было столь просвещенного духовенства. Никто не судит их за невежество».

Все основные протестантские церкви отстаивали право сделать университетскую степень частью квалификационных признаков, необходимых для посвящения. При этом, естественно, сталкивались с практическими сложностями. В 1544 году конференция в Лейпциге сделала пожелание правилом, и оно стало одним из первых среди многих подобных решений. В 1550 году в Веймаре учредили легкий экзамен для сельского духовенства, но священники проходили более трудный экзамен, если перемещались в город.

Нам известно, как Меланхтон проводил экзамен перед посвящением в Виттенберге в 1549—1555 годах. Его содержание в основном посвящалось вероучению, а вовсе не богослужению. Посвящаемым полагалось знать разницу между протестантским и католическим учениями, разбираться в библейской основе протестантского учения.

Меланхтон задавал вопросы по этике и церковной истории, трудные вопросы по догматике, он не походил на самого себя, когда проявлял жесткость в перекрестном экзамене. Обычно экзамен проходил на латинском и продолжался по крайней мере час. Неизбежно многие кандидаты учились богословию не в университете, но по учебникам Меланхтона.

В Штеттине в 1545 году провалившихся кандидатов велели держать в богадельне и обучать дальше. В 1552 году Меланхтон опубликовал «Экзамен посвящения», разработанный для того, чтобы помочь как экзаменаторам, так и кандидатам, вскоре его приняли как официальный документ. В Виттенберге экзамен закончился коротким обращением, где посвящающимся напомнили о значении их предназначения. Литургия посвящения Лютера содержала простую клятву, как блюсти интересы людей, ради которых умер Иисус Христос, как жить, помогая жене и детям согласно христианским заповедям.

Повсеместно в Европе, католической или протестантской, перед посвящением проходило нечто вроде испытания. Иногда посвящаемый в сан священник проходил обучение, познавая теологические принципы. В 1586 году архидьякон Колчестера распорядился, чтобы изучали определенные книги, велел занимающим должность священнослужителям составить особенные проповеди под руководством наставника. И

во время своего следующего визита требовал подтверждения, что такие проповеди произнесены.

Можно проследить и возрастающее количество выпускников высших учебных заведений. В 1573 году епископ из Линкольна рукоположил в священники 25 человек, из которых 8 оказались выпускниками высших учебных заведений. В 1583 году он рукоположил 32 человека, из них 22 закончили вузы. В 1585 году в епархии Линкольна насчитывалось уже 399 выпускника-священника, в 1603 году — 646.

ПРОПОВЕДИ

Высшее образование стало насущной необходимостью для духовенства, поскольку от священнослужителей ожидали многое в качестве проповедников и учителей.

Суровые протестанты установили, что в воскресные дни надо обязательно проводить две службы с проповедями. Однако обычно им не удавалось этого добиться. Далеко не в каждом церковном приходе сельский житель слушал проповедь, а тем более посещал одну или две службы.

Существовали два разных подхода к проблеме кадрового обеспечения сельских приходов. Один заключался в снижении стандарта рукоположения ниже идеала образованного священника, разрешая, таким образом, проповедовать не очень образованному священнослужителю. По поводу сказанного раздавались постоянные жалобы, особенно в континентальной Европе, что сапожники, механики и другие некомпетентные личности появлялись на кафедре, обладая весьма неинтеллигентной или невыразительной речью.

Отстаивая позицию, сторонники этого подхода заявляли, что лучше, если Слово Божье произнесет необразованный, но верующий человек, нежели кто-либо другой. Архиепископ Мэтью Паркер из Кентербери начал с того, что неожиданно назначил на должности священнослужителей слишком много людей, руководствуясь похвальным желанием заполнить места в приходах. Однако он вскоре стал сожалеть о содеянном и изменил свою линию поведения.

Альтернатива заключалась в том, чтобы твердо выдерживать свою линию поведения по поводу проповедей, ограничивать право проповедования действительно разумно квалифицированными людьми, принуждать приходы получать удовольствие от службы и официально публиковать проповеди, произносимые чтецом.

Примерно в 1620 году в деревенской церкви Итон-Константина в Шропшире службу служили поочередно четыре чтеца. Каждый из них был школьным учителем, все четверо были малообразованными, двое не отличались моральной чистотой. Они читали молитвы по воскресеньям и праздникам, но не допускались к произнесению проповеди, учили в школе и пьянствовали по будням, пороли мальчиков, когда напивались, и в итоге были уволены.

В окрестных деревнях проживало порядка дюжины пожилых священников, им было около восьмидесяти, но никто из них не проповедовал, а большинство вели скандальный образ жизни. Там же находилось три или четыре церкви, в которых служили способные и набожные люди. Однако если кто-то отправлялся из собственного прихода, чтобы послушать их проповеди, к нему в родной деревне относились с презрением, воспринимая как фанатика, наделяя прозвищем «пуританин».

Отчет о посещении архидиаконства Норфолка в 1597 году показывает, что здесь находилось восемьдесят восемь церквей, где произносилось всего лишь четыре проповеди, в год и восемь церквей, где никакие проповеди не читались вовсе.

Попытки излечить прежнее невежество духовенства, выходцев из народа, требовали времени. Должен был пройти не один год. Однако что-то удавалось сделать. В конце XVI века горняки Гарца пользовались абстрактными теологическими терминами, бесспорно не понимая их значения.

Насколько мы можем судить по печатным проповедям 1600 года и последующего времени, тогдашняя конгрегация смогла достичь большего понимания теологических догматов, чем большинство конгрегаций XX века. Проповедь выглядела довольно бледно, в ней не удавалось избежать противоречий, она непосредственно связывалась с прегреше-

ниями членов конгрегации. Чаще, чем позже позволял обычай, она направлялась против выступивших против сюзерена и также против папистов, схимников или анабаптистов, в связи с подобными случаями становилась резкой, слова не смягчались.

Между 1621 и 1631 годами поэт Джон Донн проповедовал с кафедры собора Святого Павла в Лондоне, произнося самые прекрасные и проникновенные проповеди периода Реформации и, возможно, во всех христианских странах. Его примеру оказалось не так просто последовать.

Среди протестантов существовало общее поверие, что священник должен включать в свою проповедь нечто превосходящее общий уровень, чтобы заставить сознание прихожан стремиться к совершенству. Даже тогда, когда оно почти приближалось к данному состоянию, Донн ожидал, что придет высший уровень библейского и теологического знания и в его конгрегации станут судить о его проповедях по пользе, какую получат его слушатели. Сам Донн считал, что на верном пути.

В городах, в отличие от сельской местности, проповеди читались чаще. Полагали, что примеры из Священного Писания должны сопровождать каждое культовое действие, если, конечно, это оказывалось возможным. В таком небольшом городе, как Торгау (недалеко от Лейпцига), проводилось пять ежедневных служб с проповедями. В Страсбурге проповеди произносились каждое утро и вечер с кафедры и четыре раза в неделю в нескольких других церквах. Общее количество могло расти, как для священников, так и для населения. В Ростоке (северо-восток Германии) общее число проповедей, произнесенных за 1640 год, определяется цифрой в 1500.

Некоторые лютеранские критики придерживались мнения, что это было уже слишком много, что излишество вредит священникам и населению. «В этом городе, — говорил Герберт из Фрауштадта (ныне город Всхова в Польше. — *Ред.*), — сами проповедники заговорят себя своими проповедями до смерти».

Когда в Англии Ланселот Эндрюс стал проповедовать дважды в день, то просто начал болтать пустое. Он иронически замечал, что, проповедуя дважды в день, один раз просто

треплет языком. Однако его рвение возрастало. Однажды Чедертон проповедовал в течение двух часов, когда ему сказали, что следует остановиться, поскольку он испытывал терпение окружающих. Однако одновременно стали раздаваться крики: «Ради спасения Господня! Продолжайте. Умоляем вас, продолжайте». И он проповедовал еще в течение часа.

Церкви XVI века приобрели новые предметы мебели, на кафедре появились песочные часы. До Реформации они были редкостью и стали распространяться в английских сельских приходах во время правления Елизаветы. Многие сентиментальные люди рассматривали час как время, которое может выдержать их конгрегация, но даже в особых случаях более долгие проповеди, как правило, не читались.

Кальвин упрекал Фарела за то, что он произносил длительные и утомительные проповеди. Кранмер советовал Латимеру, чтобы тот читал проповедь не более полутора часов, потому что король устает. Большинство церковных предписаний требовали, чтобы проповедь продолжалась полный час, по крайней мере в воскресенье. Однако печатные проповеди показывают, что на самом деле они оказывались гораздо короче.

Гуманистически настроенный Меланхтон полагал, что вполне достаточно четверти часа, поскольку ухо устает первым. Известны часы с пятнадцатиминутным заводом, и не всегда точные изготовители иногда совершали ошибки в пользу конгрегации. Сохранились песочные часы, которые решительно ограничивали час сорока восемью минутами.

Воскресная утренняя служба обычно завершалась чтением катехизиса или уроками, часто посещавшимися как взрослыми, так и детьми. Известно, что в лютеранской Германии даже правители выполняли катехизис. Постепенно на протяжении XVII века подобная практика теряла свое значение по мере того, как улучшалось преподавание в школе.

Время с 1550 по 1650 год стало свидетелем широкого распространения знания Библии среди протестантских мирян. Продвижение такого знания оказалось медленным и неровным. Уильям Брадфорд, родившийся в Остерфилде в Южном Йоркшире в 1590 году, вспоминает, что сельские жите-

ли в период его отрочества были совершенно незнакомы с Библией.

Однако свидетельства другого рода настолько многочисленны, что вполне достаточно привести два случая. Один случился в воскресенье, когда заключенный маркиз де Монтроз остановился в Кейте в 1650 году по пути на эшафот. Священник произнес над ним отпущение, сравнив его с Агагом, царем амалекитян (который был взят в плен царем израильтян Саулом, а затем умерщвлен. — *Ред.*). Тогда маркиз сказал: «Скорее Иеровоам (виновник разделения единого Израильско-Иудейского царства, в дальнейшем — царь Израиля, отклонившегося от Иудеи. — *Ред.*)». И повернулся спиной к священнику.

Другой случай произошел в 1652 году, когда толпа собралась, чтобы услышать дебаты между пресвитерианцем и независимым (индепендентом) из английской армии. Какова же была тема диспута? Первородный грех, судьба, виды поклонения.

ЦЕРКОВНЫЕ ЗДАНИЯ

Возобновление значения проповедей потребовало иной структуры для здания, высокой или более центрально расположенной кафедры. В 1575 году построили огромную церковь Иль-Джезу в иезуитском квартале в Риме.

Протестанты строили новые церкви на месте старых отчасти потому, что им причиняли боль руины, а возможно, и потому, что прихожанам не удавалось найти средства, чтобы построить новые здания.

В елизаветинской Англии самыми разрушенными были монастырские церкви, поэтому в обязанности королевы входило восстановление алтаря. Чиновники королевы оказались поразительно беспечными по поводу выплат денег на восстановление.

Другая проблема — передачи зданий — выросла из древних обычаев, существовавших в деревнях. Монастырь Святого Роберта в Нэрсборо всегда получал парчовое покрывало для алтаря. Прихожане, естественно, ожидали, что и коро-

лева предоставит подобное покрывало, однако престол так и остался непокрытым.

Простое убранство, скорее всего, оставалось нормой времени. В первой церкви, построенной для исполнения лютеранского служения, замковой часовне в Торгау в 1543 году, находился простой алтарь. Церковь Святого Павла в Ковент-Гардене, построенная в 1631 году, по форме выглядела как простой прямоугольник с галереей.

Самым большим новым зданием протестантов оказался храм гугенотов в Шарантоне (1623), устроенный как простой прямоугольник, с двумя рядами галерей, чтобы в нем могли собираться 5000 человек, здесь же находился дом проповедника и ничего больше. Этот храм уничтожил Людовик XIV в 1685 году.

Большая часть работ проводилась на развалинах старых церквей, как видно по древним церквам Эдинбурга или Амстердама. Иногда использовали для молитв неф старого храма. Кафедру приподняли, к 1548 году появились первые огромные трехэтажные здания.

В некоторых лютеранских церковных зданиях сказывалось влияние кальвинистов, скажем, кафедра устанавливалась перед алтарем, как в Лауэнбурге (1615) или почти наверху алтаря, как в дворцовой церкви в Шмалькальдене (1590), такое устройство получило распространение в Гессене и Тюрингии, несмотря на неодобрение суровых лютеран.

В елизаветинской и якобинской Англии существовала конфронтация между теми, кто использовал молитвенник, и пуританами, осуждавшими его на каждой службе, когда речь шла о Священном Писании. Первые знали, что невозможно найти хорошего проповедника в каждом приходе, они соглашались только на чтение молитв как истинное средство вероисповедания.

Таким образом, доска для чтения книг стала необходимой частью церковной мебели, она обычно размещалась перед конгрегацией, а к востоку от нее располагался чтец. Постепенно доска стала обязательной во всех английских церквах. Несколько английских церквей (в Лейтон-Бромсвоулде в Хантингтоншире при Джордже Герберте и Литл-Хиддинге при Николасе Ферраре) имели по две кафедры равной высоты,

одна для чтеца, другая для проповедника, чтобы продемонстрировать, что молитва и проповедь имеют равное значение.

ОДЕЖДА ДУХОВЕНСТВА

На улице лютеранский пастор носил длинное черное одеяние. На некоторых гравюрах Кальвин изображен в дублете (разновидности камзола) и бриджах. Большинство реформаторских пасторов старались не надевать одежду, которая бы выделяла их из среды мирян. Лютеранский накрахмаленный воротник вокруг шеи стал светской новинкой, которую некоторая часть духовенства не одобряла.

Вскоре воротник стал носиться и во время литургии, его размеры увеличивались, пока в XVII веке он не стал подобен мельничному жернову. В некоторых лютеранских церквах, особенно в Северной Германии, воротник встречается и сегодня. Современный воротник священника обязан своим происхождением попытке аскетического духовенства поздней Контрреформации уберечь священников от ношения огромных воротников, таких как у мирян, и ограничиться простыми воротничками. Правила визитации требовали скромности в одежде духовенства. Нам известно о мерах, принятых против немецких пасторов, носивших цветные одежды или туфли с вздернутыми носами, а также и тех, кто подстригал бороды подобно солдатам.

Лютеранские конгрегации порицали священников, появлявшихся на алтарях или на кафедрах, как миряне, в цветной красочной одежде, вскоре подобные происшествия стали рассматриваться как оскорбление, с которым следовало бороться.

Осенью 1523 года Цвингли начал проповедовать в черном одеянии. 9 октября 1524 года Лютер произносил проповедь в черной одежде, в то время как на утренней службе он проповедовал в принятом у монахов одеянии с капюшоном.

Правда, хотя такое одеяние быстро вошло в обиход у реформированных (кальвинистов), лютеранские церкви отличались по скорости его введения. В Аугсбурге прихожане

торжественно поклялись не слушать проповедника, носящего ризу, в Вюртемберге ее запретили в 1556 году. Однако в Северной Германии одеяния, особенно стихарь, продолжали использовать гораздо дольше. Стихарь запретили в Нюрнберге только в 1810 году.

В Англии ношение платья стало одним из предметов разногласий между пуританами и сторонниками епископальной системы управления. Спорили, стоило ли носить стихарь в церкви, правильно ли различаются священники по отметкам одежды на улицах. В 1604 году пуританский священнослужитель доктор Рейнольдс вызвал переполох, появившийся в турецком одеянии на судебном заседании в Хамптоне.

Английские каноники 1604 года настаивали, чтобы английские священники, как и лютеране, носили на улицах строгие черные одеяния, а в церкви — стихарь. Во времена Кромвеля пуританин, вице-канцлер Оксфордского университета, как рассказывают, оскорбил общество, появившись в шляпе с загнутыми вверх полями и испанских кожаных сапогах.

ИНТЕРЬЕР ЦЕРКВИ

Протестантский пастор, стоявший на своей английской кафедре около 1600 года, видел многое из того, что было в старой церкви: каменный сосуд для святой воды около двери, купель на своем старом месте, открытый неф со стульями и несколькими скамьями. Мужчины все так же сидели с одной стороны, а женщины — с другой. Оставалась и скамья магната (возможно, сегодня она даже стала больше, здесь находились одна или несколько частных скамей).

Пол устилали камышом и соломой, ведь эта деревенская ризница еще не могла себе позволить покрыть пол плитами, как это делали в некоторых других деревенских церквах. И в конце XVIII века еще были деревенские церкви с непокрытым полом.

В одном из углов церкви могла находиться куча земли, она использовалась для похорон внутри здания. Некоторые пожилые люди по-прежнему молились перед алтарем, что

городские женщины ошибочно принимали за поклоны священнику.

Устроенная как и некоторые церкви семьдесят лет тому назад, такая церковь позволяла человеку почувствовать прохладу, здесь не было суматохи, что вызывалось ее оголенностью и обнаженностью. Хотя старая дубовая перегородка по-прежнему отделяла алтарь от остального пространства церкви, церковные галереи наверху исчезли, равно как находившиеся слева и справа статуи. Переместили и картины, висевшие на стенах.

Подновленные фрески вызывали при взгляде на внутренние стены церкви чувство свежести и теплоты. Смущало обветшание, оно придавало церкви отталкивающий вид, скрываемый побелкой.

Если в старой церкви и был орган, то теперь его не было видно. Возможно, его убрали королевские войска, хотя наличие органа не являлось обязательным в законодательном порядке. На стене были начертаны Десять заповедей. Особое впечатление создавали контрасты тьмы и света, уюта и суровости, нагромождений и простоты. Соответственно, внутреннее чувство создавалось теперь собственным вкусом и настроением прихожанина.

Многое зависело от конкретного селения и его пастора, поддерживаемой им традиции. Однако поведение верующих, возможно, стало немного более серьезным, чем прежде, отчасти благочестивее, до некоторой степени искусственнее. Продолжали существовать церковнослужители и чтецы. Нефы практически не использовались для посторонних целей, вызывая прежние чувства об открытом и светском месте для разговоров и обсуждения деловых моментов, как обычно оставаясь центром мирской жизни.

Перемены вовсе не носили радикальный характер. Заметны были лишь изменения в обрядах. Частично они происходили благодаря переменам моральных устоев, новым концепциям добродетельного поведения и благопристойности, частично связывались с новыми литургиями, во время которых делались попытки превратить верующих в активную конгрегацию.

Средневековая деревенская конгрегация в вопросах культа в основном оставалась пассивной. Когда в торжественные моменты звонили в колокола, прихожане поворачивались к

алтарю, преклоняли колени или произносили молитвенные восклицания. Однако основную часть службы они просто слушали, наблюдая за обрядами, совершаемыми священником (или священниками).

Оставаясь относительно пассивными, за исключением особенных моментов службы, многие прихожане продолжали беседовать о том, что интересовало лично их и их соседей. Так, известно, что протестантские сквайры проводили на церковных скамьях свои сделки. Новые же литургии смогли воздействовать и на них.

В Средние века церковь оставалась единственным общественным зданием, находившимся во владении многих сообществ. Не имея зала для встреч, городские или сельские жители обычно посещали церковь, чтобы провести сделки, суд, обменяться товарами. Церковь служила школой, местом для прогулок и празднеств. Согласно установленному позже правилу в церквах происходило меньшее почитание, здесь служанки сплетничали по поводу своих покупок.

В Южной Европе традиция не совсем умерла, даже в такой протестантской церкви, как собор Святого Павла, окруженный богатым населением, она сохранялась вплоть до XIX века. Каковы бы ни оказались недостатки подобного поведения, люди считали церковь своей, занимались здесь своими повседневными делами, рассматривая церковь как естественное место для встречи друзей, равно как и сверхъестественное место для встречи с Господом.

Меняющиеся привычки XVI века сложно проследить. Нам известно о протестантских трансептах, использовавшихся для размещения боеприпасов, или немецких крестьянах, использовавших церкви как холодные погреба для хранения своего пива. Протестантские часовни становились приходскими библиотеками. На колокольнях пасторы раскладывали шерсть. Пока не появлялась школьная комната, в церкви проходили занятия.

Одно время в немецких церквах происходили театральные представления. Неиспользовавшаяся сельская церковь заполнялась сеном. Помещение могли применять для местных собраний, расспросов следователя, присмотра за бедными. Иногда церкви использовал и церковный суд.

Первый в Америке законодательный орган штата Виргиния, избранный в 1619 году, вначале заседал на хорах церкви в Джеймстауне. Иногда сохранялась старая атмосфера, потому что духовенство в некотором смысле являлось официальными чиновниками местного государства. По елизаветинскому закону они отвечали за сбор налогов, а в Швеции еще и за ведение реестров населения.

Повсюду занимались тем образованием, какое тогда существовало. Содействовали, если правительство призывало выступить против женщин в шляпах с широкими полями или непривычных модных тенденций. Или действовали, если приходилось найти кандидатов для суда присяжных.

Как и в случае с 95 тезисами Лютера, церковные двери или портики оставались местом для прикалывания общественных записок. Поскольку духовенство считалось общественными чиновниками, они иногда выносили общественные порицания вместе с запрещениями, точно так же здесь называли несостоятельных должников или банкротов.

Саксонский церковный закон 1580 года и английский канон 1604 года запрещали подобные замечания в отношении мирян, однако удобство побеждало почитание. Со свойственным ему обычным напором архиепископ Лауд попытался сделать канон действенным и вынудил епископа Гудмана из Глостера предстать перед Высшей комиссией, потому что тот разрешал проводить квартальные сессии в церкви.

В 1571 году архиепископу Гриндейлу из Йорка пришлось вынести распоряжение, чтобы в церковном дворе не проводились ни обеды, ни танцы, а во время службы торговцы не демонстрировали свои товары. В начале 1599 года путешествовавший по Европе интеллигентный и симпатичный англичанин Эдвин Сандис писал о том удивлении, какое испытал при виде разговаривавших, смеющихся и занятых своими делами прихожан во время католических служб.

К предмету нашего разговора мы отнесем и рассуждение о церквах, становившихся в сознании общества менее похожими на рыночную площадь или городской зал, но более на школу. Или на здание, необходимое обществу, где мужчины и женщины выполняли определенные функции и получали особенный дар, где они по-прежнему встречались,

чтобы просто посплетничать. Все же здание постепенно выстраивалось как отдельное учреждение, как будто старое святилище расширяло свои владения и территорию из нефа к западной двери.

Логический конец такому разброду мнений, направленному против светского использования церкви, положило закрытие здания и открытие его только во время службы. Сельские церкви часто запирали и до этого, поэтому никакой особой новости в запирании церквей не увидели.

Примерно в 1600 году стало усиливаться ощущение, что здание церкви следует воспринимать как помещение только для поклонения Богу, что оказывалось возможным достигнуть, если в другое время оно запиралось. Так, церковь Святого Зебальда в Нюрнберге была закрыта, хотя и не окончательно, в 1603 году.

В 1616 году Брайтингер, главный пастор Цюриха, посоветовал городскому совету закрыть кафедральный собор на том основании, что торговцы продолжают его использовать, чтобы заключать сделки, дети играют в нем и портят сиденья.

Сам же я не испытываю никакого чувства по поводу того, что протестантские церкви должны быть открыты, чтобы желающие использовали их для своих молитв. Когда-то в них приходили, чтобы послушать чтение большой кафедральной Библии. Но ведь сейчас имеются карманные Библии. Как полагают, подобающим местом для частной молитвы являются дом и семья.

Протестантская дисциплина требовала более высокого стандарта внимания и внешнего почитания на службах. В реформированных церквах ее обеспечивали старейшины, в англиканской церкви — ктиторы (церковные старосты), в обязанности которых входило пресечение случаев дурного поведения, хождений, разговоров, выходов на крыльцо во время службы, опозданий.

Альтернативой сплетням и неподобающему поведению становился сон. Церковные сторожа получали предписания будить спящих, и все равно оставались те, кто продолжал спать. Особенно очевидным и общим явлением это стало, когда Герхард во время погребального панегирика по поводу

Мэйджора почувствовал, что должен сказать, что никогда никто не видел этого великого человека спящим в церкви.

Эндрюс заметил во время проповеди, что один порядочный гражданин изо всех сил старался не заснуть, но все же засыпал. После проповеди он сказал этому человеку, что в происходящем виновато его не душевное, а физическое состояние, и посоветовал поменьше есть в воскресенье перед службой.

На одной службе в Бостоне в Линкольншире наблюдатель заявлял, что видел, как половина конгрегации спала. В Женеве во времена Кальвина Жак Пикар заснул в начале проповеди, проснулся, почувствовав себя некомфортно из-за боли в ноге, взволновал конгрегацию и священника тем, что стал шаркать своей ногой и называть своего соседа бабуином.

Нам известно об этих исключительных случаях, потому что они имели особое значение. Следует отметить подобающую торжественность поклонения, результатом которого стало недопущение на службу маленьких детей и, следовательно, их матерей. В ирландском каноне 1634 года церковным сторожам предписывалось, чтобы те предупреждали население не приносить и не приводить маленьких детей, которые не могут усидеть спокойно на своих местах. В 1616 году на Киркской сессии в Перте предписывалось, чтобы клирик со своим красным посохом выдворял «обращающихся друг к другу детей».

Чем дольше налагались наказания за непосещения церкви, тем менее следовало ожидать идеального посещения. Когда Пауль Герхард, автор знаменитых гимнов, прибыл в Виттенберг в 1628 году, он обнаружил, что, когда он произносил свои молитвы в замковой часовне, где Лютер прибил свои тезисы, его потревожили студенты, богохульствовавшие, пившие и скандалившие.

Согласно англиканской литургии полагалось преклонять колени, причем не только во время принятия причастия. Однако в большой конгрегации немногие, кажется, делали это — по той причине, что не сохранились пуританские чувства в виде старого обычая, равно как и соломенный пол, а также из-за отсутствия подушечек.

Король Франции Генрих III (р. 1551, правил в 1574—1589. Последний из династии Валуа. Убит монахом Жаком Клеманом. — *Ред.*), бедный расточитель, забавлялся на протяжении всей мессы со своим щенком. С другой стороны, особенно в кальвинистских странах, существовали любопытные описания пристального внимания и возвышенного поведения, сопровождавших публичные службы.

Один прошлый обычай казался проявлением непочтительности не только потомкам, но и большинству современников, он связан с ношением шляп мужчинами в церкви. Шляпы снимались во время молитвы и, конечно, таинства, однако сохранилось множество изображений конгрегации, где слушатели одеты в шляпы во время проповеди. Это стало одним из различий между лаудианцами и пуританами, поскольку лаудианцы попытались заставить снимать шляпы. В некоторых частях Швейцарии ношение шляп продолжалось даже в XIX веке.

УЦЕЛЕВШИЕ

В протестантских странах сельские жители часто следовали старым обычаям. Они продолжали креститься, входя в церковь или кланяясь престолу, хотя им настойчиво велели поступать иначе. И все же, даже в реформированных странах, они не всегда принимали подобные наставления или продолжали вести себя по-старому, соглашаясь для вида.

Их кюре мог оказаться небезразличным к подобным проблемам или презреть их ради своей паствы. Старинные ритуалы, освященные или созданные средневековой церковью, происходившие из глубин воображения простодушных людей, иногда унаследованные из дохристианской эпохи, не искоренялись Реформацией.

Огромный колокол, звонивший во вторник на Масленицу, назывался Блинным колоколом, который однажды созывал людей на исповедь, продолжил звонить и на сельских колокольнях; его назначение забыли и вспомнили тогда, когда начали верить, что он является сигналом домохозяйкам начать печь блины.

Крестьяне продолжали отмечать 5-е воскресенье Великого поста горохом и бобами, Пасхальное воскресенье яйцами, мальчики продолжали собирать иву, хотя процессия в Вербное воскресенье теперь приобрела неорганизованный вид или запрещалась. Наблюдатели обнаруживали пожилых людей, произносящих свои молитвы на могилах своих умерших, кланявшихся крестам или осенявших себя крестным знамением. Или оскорблявших своих соседей тем, что носили знак креста на груди (однако в некоторых лютеранских церквах знак креста продолжали поощрять).

По-прежнему верили, что звон колоколов порождает молнию. Пасторы противились крещению колоколов или сожжению священного ладана для защиты от грозы. Немецкие сельские жители принуждали сопротивлявшихся пасторов звонить в колокола, чтобы защититься от грозы. В Куммерсбрюке население было убеждено в физической необходимости подобного действия, потому что гроза разрушила дома прямо в тот день, когда они не смогли позволить себе позвонить в колокола. Даже добродетельные протестанты не могли удержаться от слов «Господи, помилуй наши души», множественные надписи ora pro nobis оставались неповрежденными.

В лютеранских странах новая месса, хотя и стала проще, все же немногим отличалась от старой. Меланхтон однажды посоветовал пастору вносить минимальные изменения ради сохранения конгрегации. Хотя лютеранская месса менялась в течение ряда лет, все же она претерпела незначительные изменения.

В различных церквах сохранялись свечи, одеяния, исполнение службы на латинском, поклоны и преклонение, распятия, образа и вышивки. Во Франкфурте дореформаторские требники продолжали использоваться вплоть до конца XVI века. С 1536 года, когда реформаторский пастор Вольфганг Мускулус посетил лютеранскую службу в Эйзенахе, и вплоть до 1653 года, когда пуританин, английский посол в Швеции, посетил собор в Скаре, сохранялись постоянные записи об испытанном населением шоке от реформаторской традиции, связанной с лютеранскими литургиями. В конце 1635 года в Гамбурге предприняли попытку перестать про-

износить службы на латинском, но тех, кто это сделал, обвинили в кальвинизме.

В реформированных странах некоторые жаловались, что церкви напоминают амбары, в них нет ничего достойного поклонения. В 1569 году в Базеле конгрегация сообщала, что выйдет из церкви, если проповедник начнет угрожать папе, оставались те, кто продолжал использовать четки.

Бедная матушка Уотерхаус жаловалась в 1566 году, что Сатана не позволяет ей молиться на английском, поэтому она продолжала произносить про себя латинские молитвы. Некий гражданин из Женевы ворчал, что распевание метрических псалмов напоминает о старом пении священников и вызывает у него головную боль. Известен и пастор из Женевы, бывший монах, его критиковали за то, что он держит свои руки подобно монахам.

Вовсе не ожидали, что столь радикальные перемены потревожат или смутят поклонение наблюдавших за происходящим верующих.

С другой стороны, сохранились немногочисленные свидетельства случаев беспорядков и недовольства. Возражения с целью защитить традицию немногочисленны. Большинство протестов исходили от тех, кто хотел провести перемены — считали, что возрождение старой литургии, прежних обычаев или давних орнаментов слишком напоминают о папстве, и потому их следует убрать.

Чтобы понять воздействие Реформации на обычную конгрегацию, необходимо осознать, что массовые суеверия вызывали у некоторых образованных людей чувство отвращения к ним, причем настолько сильное, что оно даже ощущалось физически. Говорили, что отношение Джона Нокса к мессе можно объяснить только тем, что в течение тех лет, что он ее посещал, Нокс не обнаруживал в ней ничего загадочного, связывая ее с ложным поклонением идолу.

Для многих образованных людей упрощенная, библейская, проводимая на народном языке литургия пришла вместе с освобождением, неся очищенные душевные переживания, как будто конюшни церкви, промылись свежей водой Божественной правды. Как и новообращенные, они настоль-

ко прониклись силой нового, что больше не видели благочестия в старом и предпочитали выбросить всякие его следы из памяти и сознания.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Тесно связанной с желанием порядка и проявлением почтения во время службы стала попытка придать более торжественный вид воскресной службе. Хотя воскресенье оставалось днем, когда посещалась церковь, тогда же происходили игры и увеселения, футбол, праздники и народные гулянья. Одновременно шли петушиные бои, происходила охота с ястребом или соколом, обыкновенная охота, игра в кости, шары, травля медведя и распивание церковного эля.

Все мероприятия проводились, как и современный способ сбора денег на церковные нужды, с целью сбора средств на будущий ремонт. Баррели крепкого пива продавались публике в церкви или на церковном дворе, выручка шла в фонд церкви.

Лютеране вовсе не проявляли строгость в отношении воскресенья. Они лишь выступали против обыденной работы или приготовлений к рынку. Однако в Касселе на Крещение ежегодно проходила ярмарка, в Кюстрине — те же самые мероприятия в воскресенье, за семьдесят дней до Пасхи. Ландграф Георг Дармштадтский перенес все ярмарки, которые выпадали на воскресенье, на рабочие дни, но это было исключением.

Не допуская чрезмерности, обычно известной как субботианство (ставшее знаменем пуританской партии в Англии после 1585 года), современные протестанты предпочитали не работать и не играть во многие игры в воскресенье. Высоким оказывался процент незаконнорожденных детей, произведенных деревенскими девушками в результате майских праздников.

В День поклонения волхвов, входивший в святочный комплекс праздников, вплоть до конца правления Елизаветы в церкви могли появляться ряженые в фантастических одеждах, с шарфами, лентами и кружевами, игрушечными лошадьми и драконами, дудками, звенящими колокольчиками.

Они обходили процессией вокруг церкви, в то время как остальная часть конгрегации поднималась со скамей, чтобы это увидеть, и встречала происходившее смехом. Многими священниками, не только архиепископом Лаудом, воскресные спортивные игры и церковный эль воспринимались как оскорбление, несмотря на то что наряду с безобидным добродетельным весельем они помогали пополнить церковную казну.

Средневековые городок и епархия изыскивали способы, как справиться с дурным поведением. Так, например, стремились, чтобы воскресенье стало днем молитвы. Для протестантов необходимые законодательные действия для достижения весомости воскресенья вовсе не были в новинку. Они унаследовали подобный подход вместе с общественным стремлением поощрить посещение церкви в воскресенье.

Однако Реформация настолько видоизменила воскресенье, что к середине XVII века изменения в реформированных странах стали резко отличаться от тех, что были приняты в странах католических. Даже в Англии, где консистория так и не достигла законодательного авторитета, где двор постоянно предпочитал воскресенья, когда маскарады, игры или даже турниры мешали проведению службы. Даже там, где короли Яков I и Карл I издали и переиздали «Книгу спортивных увеселений» (соответственно в 1618 и 1633 годах), стремясь помешать случаям вмешательства в безобидные игры, проходившие в воскресенья.

Общественные субботы даже во время Реставрации отличались умеренностью, которая в поздние годы получила название викторианской. И всего этого достигли потому, что швейцарские реформаторы запретили разом все святые дни, кроме воскресенья, оставив только воскресенье и летние дневные службы, разрешив вечерние как время игр и публичных развлечений.

Магазины закрывались (исключение делалось только для тех, где продавали молоко и часто мясо), рынки и ярмарки не связывались с воскресеньями, травля медведей и быков запрещалась. Во время службы таверны закрывались, и все игры не разрешались. В конце 1662 года один очень бедный сапожник из Лондона должен был работать допоздна над

парой обуви субботним вечером, он поднялся рано утром, чтобы никто его не заметил. Тем не менее раздосадованный сосед увидел его и доложил о случившемся. И сапожнику пришлось заплатить штраф под угрозой тюремного заключения и подвергнуться тяжелой принудительной работе по обработке пеньки.

С конца елизаветинского времени и впоследствии владельцам таверн часто выдавались лицензии при условии, что они не станут продавать ничего во время службы (кроме экстренных случаев) под страхом потерять свои лицензии. Иногда лицензии выдавались при условии, что владельцы будут выставлять всех из таверны, когда последний колокол прозвонит к утренней молитве.

В такой умеренной атмосфере разногласия про поводу субботы становились менее заметными. Проблема заключалась в том, насколько заповеди Моисея по поводу обязательности празднования субботы могут быть применимы к христианскому воскресенью. Те, кто с этим соглашался, ссылались на привычку устраивать игры *не во время службы*, если те оказывались безопасными, руководствуясь точкой зрения, что физические развлечения полезны для народа.

В Англии полемика началась после выхода в 1595 году книги пуританина Николая Баунда «Истинное учение о субботе». Она вызвала полемику между правившими тогда Стюартами и частично пуританским парламентом. Дебаты вскоре приобрели желчный характер из-за абсурдного преувеличения роли заповедей Моисея. Произошло как в случае с проповедником в Сомерсете, который заявлял, что игра в шары в субботу такой же грех, как и убийство человека. Отчасти это произошло из-за проявленной короной глупости — сделать субботу критерием послушания.

Однако сама по себе дискуссия имела меньшее значение, чем постоянный рост воскресного отдохновения и воздержания. В двух актах парламента (1625 и 1626 годов) прихожанам запрещалось встречаться ради спортивных упражнений вне собственных приходов. По воскресеньям не разрешались травля медведей, бои быков и азартные игры. Возчикам, носильщикам и перегонщикам скота не дозволялось использо-

вать свои повозки или перегонять скот по воскресеньям, мясникам забивать скот и продавать мясо. Содержательную сторону актов обновили в Англии актом 1677 года.

МУЗЫКА

Самой значительной литургической инновацией Реформации стало введение конгрегационного гимна. Он был известен монахам, но не мирянам конца Средних веков, гимн или стихотворный псалом стал движущим средством конгрегационной похвалы и самым мощным проявлением набожности внутри протестантских церквей. В лютеранской Германии ему было суждено стать одним из великих новых гимнов, написанных Лютером или его коллегами. Он часто основывался на старых и привычных фольклорных мелодиях.

Однако в Англии, как и во всех реформированных странах, разрешались только гимны из Священного Писания или псалмы. Неуклюже переведенные Майлсом Ковердейлом псалмы пелись только в соборах или церквах, где имелись специально обученные хоры, вместе с новыми дополнениями, еще неизвестными под именем (единственным) англиканских песнопений.

В деревенских церквах тексты Ковердейла читались священниками и церковнослужителями, они еще не сохранялись в памяти обычными верующими. Тем не менее это были уже гимны с четкой структурой, имевшие начало и конец. Встречались и стихотворные псалмы в переводах Стернхопа и Хопкинса.

Не следует считать, что конгрегации не колеблясь перешли к пению гимнов или стихотворным переложениям псалмов. В конце 1640 года четыре из одиннадцати церквей в Цюрихе располагали конгрегационным пением, в лютеранской Швеции подобное пение оставалось редкостью вплоть до XVII века.

Приходский священник в английской сельской местности обнаруживал, что ему практически не удается убедить петь свою конгрегацию, особенно потому, что прихожане неохот-

но заучивали слова, а некоторые вовсе не умели читать. Перед 1640 годом появилась привычка, когда чтец читал стих из Псалтири, и затем вся конгрегация, узнав слова, начинала петь стихи.

На Вестминстерской ассамблее 1643 года было рекомендовано ввести подобную практику во всех церквах. Хотя возможно, все, что удалось сделать, — это внедрить старый и отрывистый способ музыкального воспроизведения.

В каждом веке звуки музыки слышались и из деревенской церкви, и из городского собора благодаря обученному хору. Распад монастырей нанес серьезный удар по профессии регента, и восстановление происходило медленно.

Все реформисты и реформаторы соглашались в том, что старая музыка была слишком замысловатой, и ее следовало упростить. Разрушение смысла благодаря изыскам композиторов иногда доходило до крайнего абсурда. Подобные экстравагантности сравнимы с поздними карикатурами на великие оперы. «Современная церковная музыка, — писал Эразм, — так составлена, что конгрегация не может понять ни слова».

Пуритане оказались в затруднительном положении в христианском мире. Пробужденные или поощряемые Реформацией или Контрреформацией, люди воспринимали музыку как бесполезные украшения в церкви. Одно время католические музыканты даже опасались, что Триентский собор отзовется декретом, направленным против музыки в церквах. И тогда их профессия претерпит те же катастрофические разрушения, какие выпали на долю протестантских земель.

Изменение сознания и революционные изменения композиций по стилю и литургии, хотя и не так сильно доминировавшие у католиков, продолжали оставаться настоятельной потребностью. Церковь склонялась к простоте, проблема казалась одинаково значительной как для католиков, так и протестантов, теперь она упростилась, не став при этом убогой и скучной.

В сочинениях Палестрины и Орландо Гиббона протестантам казалось, что высшее искусство заключается в простоте, именно из подобной простоты и вырастали некоторые со-

чинения церковной музыки. Лютер говорил, что станет конфликтовать с каждым, кто осуждает музыку, потому что это Божий дар, но не дар человека.

«Если я путешествую в вашей компании, — писал Джордж Герберт в обращении к церковной музыке, — то вам известен путь к небесным вратам». Основным времяпровождением Герберта оставалась музыка, рассказывают, что он дважды в неделю ездил из своего сельского прихода, чтобы послушать музыку в кафедральном соборе в Солсбери, хотя то же свидетельство указывает, что вряд ли тамошний хор отличался высоким уровнем.

К английской кафедральной музыке в течение многих лет относились с подозрением. Даже доктор Джон Хакет, поддерживавший сохранение соборов перед Долгим парламентом, вовсе не ратовал за музыку, допуская, что то, что предназначается для молитвы, пропадает в трелях и гаснет в воздухе.

Музыканты соборов сталкивались с требованиями ввести новую музыку, чтобы та сопровождала народную речь, и имена Марбека и Таллиса (только в Англии) показывают, как был встречен вызов. Музыкальная традиция старого мира медленно умирала, и такие композиторы, как Бурд, предпочитали старую религию и ее музыку, писали в новой манере только по необходимости.

В рукописи Уэйнли, хранящейся в Бодлеанской библиотеке при Оксфордском университете, датируемой началом правления Эдуарда VI, содержатся установки для утренних и вечерних песнопений, ряд гимнов и десять различных способов сопровождения принятия Святого причастия.

В Англии, как и в большинстве консервативных протестантских стран вслед за Северной Германией и Скандинавией, сохранялась старая традиция исполнения музыки во славу Господа. Сначала она несколько отодвигалась, но утвердилась во время правления Елизаветы. До конца века ее приняли многие священнослужители как истинную и прекрасную помощь во время проведения службы в церкви.

Величайшим музыкальным достижением английского реформированного культа стали англиканские песнопения, не

очень распространенные до начала XVII века, обычно в одноголосной форме. Двухголосное пение вошло в обиход только после 1700 года.

В сообществе в соборах обычно исполняли не только ектении и акафисты, но и часы, чтобы люди могли их прослушать. Принес славу новой английской музыке в период правления Елизаветы и псалом, исторически образовавшийся из старого церковного песнопения.

Триентский собор издал предписания, направленные на контроль музыки в церквах, поощряя простоту и использование простого песнопения. Однако поиск простоты не помешал созданию нового вида музыкального исполнения, оратории. Ее вдохновил святой Филипп Нери, использовавший драматическую и музыкальную образность в форме проповеди, чтобы привлекать народ.

Первая подобающая оратория появилась в первые годы XVII века. В моду входила большая усложненность и непринужденность. Дух барокко воздействовал на простоту ранней Контрреформации. Теперь церковь была триумфальной и величественной, службы в храмах проводились священниками в разукрашенных одеяниях под сводами зданий новой архитектуры.

Стены богато украшались картинами, появились статуи, торжественно звучали органы. Процессии стали более изысканными, движение происходило под звуки труб военных оркестров, несли знамена и фонари, на повозках перемещались помосты и статуи. С помощью украшений стремились выразить переполнявшие людей чувства.

Нам известно о том, что в 1649 году существовал итальянский собор, где стояли десять органов, кроме того, в нем имелось несколько лютней и скрипок, так что во время больших служб могло создаться впечатление, что концертирующие сливаются с мощным хором.

В Италии органы получили необычайное распространение. Нам довелось слышать об аудитории 30 000 человек, в 1608 году слушавших концерт Фрескобальди в соборе Святого Петра в Риме. Большинство итальянских концертов для скрипки писались для исполнения в церквах, особенно во время вознесения Гостии.

Полагали, что самой изумительной из барочных месс оказалась та, которую написал Орацио Беневоли для освящения Зальцбургского собора в 1628 году. Уравновешенность старой музыки проходила, наступило время открытых поисков страстей, эмоций, поэзии, всплеска чувств. Средневековая музыка осталась музыкой хора. В мир приходила музыка барокко.

В реформированных церквах органы не допускались. Не так-то легко понять, почему возникали подобные возражения. Органы наполняли церковь орнаментальными и неосвященными звуками, они доминировали над хором, пытаясь преодолеть пассивность конгрегации. В сознании реформаторов они представляли инструмент изысканности и суматохи, которую сметало их очищающее стремление к простоте.

Хотя Лютер не очень любил орган, он все же сохранился во многих лютеранских церквах и тем самым сделал возможным сочетание хора и органа, основав одну из величайших гордостей протестантской церковной музыки, хорал.

Однако в кальвинистских странах, за исключением Голландии, где сохранились превосходные органы, их предпочитали не использовать.

Огромное количество органов перенесли или продали, многие музыканты остались без работы. Сохранилась история об органисте из народной церкви в Цюрихе, плакавшем при виде топоров, разбивающих его великий орган. Однако истории о разрушении органов сильно преувеличены.

Многие органы продали в таверны или богатым людям, некоторые разбирались на части, которые продавались по отдельности, только несколько инструментов стояли в неработающем состоянии, пока толпа не разрушала их. Так, в соборе Вустера из труб органа сделали блюда для сбора пожертвований, известно и их использование для устройства кровати.

Необычный пример находим в городских отчетах, откуда он и извлечен. Он связан с красивым органом, находившимся в церкви Рива в Женеве в период жизнедеятельности Кальвина. В 1544 году обнаружили, что орган мешает проходу, тогда

кто-то предложил, чтобы его перенесли в более просторную церковь Святого Петра.

Кальвин заявил, что перенос вызовет скандал, и тогда совет решил выставить орган на аукцион. Ответственные за продажу обнаружили, что отсутствует заглушка для трубы, сломан один из усилителей. Готовя инструмент к продаже, они заплатили за ремонт.

Тем не менее никто не захотел купить орган, поскольку его должны были вывезти из Рива. И тогда решили, несмотря на мнение Кальвина, что орган следует разместить в церкви Святого Петра, где он и простоял, разобранный, в течение пятнадцати лет. В 1562 году совет, наконец, разрешил расплавить трубы на металл и позволил госпиталю использовать этот металл для изготовления утвари.

В Англии лаудианцы восстановили органы в нескольких соборах и приходских церквах. Король Англии Яков I (р. 1566, правил как английский король в 1603—1625) (он же король Шотландии Яков VI с 1567 года) установил орган в часовне Холируд-Хаус, однако ремесленник, ответственный за орган, сказал, что с инструментом обращались не лучше, чем с пленным турком.

Все английские органы продали или снова разобрали в 1644 году. В реформированной деревенской церкви не было органа. В галерее обычно играли скрипач или флейтист. Осталось только неприкрашенное пение конгрегации в унисон, прохождение хором ограниченного набора мелодий, часто под руководством приходского служки.

Шедуэлл не одобрял происходившее, называя «собранием крестьян, прославляющих Господа унылыми, неинтонированными, грубыми голосами», но бесспорно принимавшимися на небесах как величественная оратория.

ВИТРАЖИ

Насколько сильно суровая Реформация возражала против музыкальных инструментов не только в церкви, но и за ее пределами, настолько же она приветствовала искусство, которое не препятствовало службам. Хотя пуритане и убрали

картины из церквей, возможно, лучшие образцы они повесили в своих личных комнатах.

В Швейцарии искусство витражей обязано своему появлению церквам, витражи использовали также в домах, и благодаря своему художественному мастерству швейцарские мастера витражей вскоре стали первыми в Европе. В нескольких великих соборах (Королевском колледже в Кембридже, в Эксетере, в Йорке — самых известных в Англии) и в отдельных сельских церквах (где сквайр относился к ним снисходительно или где никто не осмеливался вмешиваться) витражи как раз и сохранились.

Некоторые витражи выпали или были разбиты во время Ренессанса, ведь старое стекло отличалось хрупкостью и оказалось более тонким, чем декоративное. Изъятие живописи привело к опасной тенденции, когда оставались провалы с минимумом ведущих конструкций.

Поиски большей живописности привели к опасной попытке, когда переставал использоваться свинец.

Во время лаудианского периода в Англии фламандские художники (прежде всего братья Авраам и Бернард ван Линж) создали примечательные образцы искусства, лучшие сохранились в некоторых колледжах Оксфордского университета. Поскольку полагалось, чтобы церковь была хорошо освещена, стены красились в белый цвет, а витражи воспринимались большинством протестантов как неподобающие и отвлекающие от церковной службы.

Разрушения в Англии, кроме первых стихийных всплесков 1559 года и более последовательно сокрушительных во время Гражданской войны, воспринимались как случайности. Витражное стекло было слишком дорогим для ремонта. Витражи оставались на своих местах, пока не падали или не разбивались, и когда витраж требовалось починить, то недостающий кусок заполнялся простым стеклом.

Многое зависело от пастора, церковного старосты, сквайра и состоятельности прихода. В 1629 году произошел поразительный случай. Церковь Святого Эдмунда в Солсбери сохранила свои цветные витражи, на одном из них, поврежденном и сильно потрескавшемся, был изображен Бог Отец

в виде маленького пожилого человека в красном и голубом одеянии, с сумкой.

На другом витраже Бога Отца изобразили создающим Солнце и Луну вместе с циркулем. На других он создавал различные растения, животных и человека. В последнем окне Бог в образе человека представал сидящим и отдыхающим в кресле. Обычно, когда члены конгрегации проходили мимо окна к своим местам, они кланялись изображению.

Однажды Генри Шерфилд, член парламента от Солсбери, увидел, как это делает женщина, и был шокирован. Тогда он выдвинул ходатайство на следующем собрании прихожан, чтобы окна заменили простыми стеклами. Хотя ходатайство поддержали, вмешался епископ, и ничего не сделали. Раздосадованный задержкой, Шерфилд завладел ключом, получив его от жены сторожа, забрался на сиденье и разбил стекло палкой, потеряв от удара равновесие. Тогда епископом был Лауд, и он приговорил Шерфилда к штрафу в 500 фунтов стерлингов. Похожие, но подвергшиеся осуждению вспышки происходили не раз, пока Лауд продолжал управлять епархией.

Что касается остального, то искусство было подобно музыке, «приобретшей светский характер» в Европе во время Реформации, но вовсе не потому, что художники стали более добродетельными, чем раньше (обычно бывало наоборот). Скорее потому, что церкви перестали покровительствовать и выступать в качестве заказчиков для художников, которым теперь приходилось работать, украшая дома богатых мирян.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Христианский мир сожалел, что знать, как мирская, так и духовная, богатела за счет неправедно нажитого состояния церкви. Когда богатства перестали принадлежать церкви, началось процветание светской знати. Если бы церковь не препятствовала реформам, то она, по крайней мере, сохранила бы значительные богатства.

Критики в период Ренессанса болезненно осознавали разрыв между Библией и современной им церковью. Половина западной церкви избрала современную церковь как ключ к пониманию Библии, вторая выбрала Библию как судью современной церкви. Западный христианский мир разделился, надежда на единство растаяла.

Разделение Запада на протестантов и католиков оказалось таким же непреложным, как две реки, происходившие из одного источника, но текущие по своим руслам. Так и здесь течения развивались по собственным учениям и культу. На религиозных картинах раскрыта внутренняя сторона Священного Писания в понятиях современной жизни в Голландии. Изображены семья и обыкновенный дом, картины голландских художников проникнуты духом северной Реформации.

Религиозные картины Эль Греко наполнены атмосферой испанской Реформации, на них изображены люди не из этого мира, они поднимаются вверх к святости небес, стоят обособленно, каждый един по духу. И все же на картине изображено сообщество, однако не то, что манит мир в свои ворота. Различные течения, как они текут, могут вести религиозных людей по отдельности, медленно, но не менее зна-

чительным путем, чем твердое догматическое отрицание при анафеме.

Христианский мир страдал, что так много духовных лиц нелегально жило с женщинами. Половина западной церкви признавала легальность такого сожительства, другая боролось, причем безуспешно, чтобы духовенство сохраняло целибат.

Христианский мир печалился от невежества священников как проекция невежества всех людей. Поскольку излечить невежество, переменив одежды духовенства или позу верующих, нельзя, пастырская страстность направлялась на обучение, и с помощью печатных изданий уровень священника, пастора и населения постоянно поднимался.

Христианский мир обнаружил, что привилегии церкви и канонические законы не отвечают интересам эффективного современного государства. Повсюду эти привилегии упразднялись или ограничивались.

Христианский мир трагически осознавал разрыв между христианской этикой и практической деятельностью населения. Реформация не могла излечить от похоти, гордыни, жадности, притеснения. Новая безопасность жизни в государстве, улучшившаяся система светского законодательства оказались такими же эффективными, как и проповеди в деле цивилизации людей. Однако поднялись и общие стандарты моральных норм, тональность манер и обычаев.

Семейные молитвы стали повседневностью, знания постепенно распространялись и углублялись, поведение в церквах становилось внешне благочестивым. Расцветали духовные литература и поэзия. Одной из вершин духовного сочинения периода Реформации считается «Путь пилигрима». Он представляет собой песни во славу милости сюзерена, в нем прослеживается духовный рост христианина. Текст был адресован не только профессионалам, но и обычным людям, служащим на кухне или работающим на полях.

Христианский мир сожалел о пренебрежении понятием всеобщего спасения в церкви, переходом от религиозных орденов к бюрократической системе. Реформация переключала денежные потоки, поддерживая пастора и население.

Средневековый христианский мир отличался богатством и разнообразием, и все же напоминал церковь, где мебель свалили в кучу, алтарь был не виден, углы покрылись пылью. В эпоху Реформации среди прочих серьезных разрушений произошел вынос мебели, сопровождавшийся упрощением внешнего вида и оставлением для верующего только того, что действительно имело значение.

После Лютера ни протестанты, ни католики не находили возможным подражать старым способам, связанным с пренебрежением милостью Господа и сюзерена. Лютер утверждал, что спасение не достигается ритуалом, то есть через внешнее действие, но возможно лишь через веру, паломничество или покаяние. Во всех случаях протест побеждал (лютеранские) 95 тезисов. Однажды прибитые на двери в Виттенберге, они не предполагали начала революции, но только достижения того, что в них изложено, причем не только в протестантизме.

К 1650 году центр богословских интересов сместился от отправления правосудия к вероучению. Для Лютера и его поколения это было естественно. Вероучение вдохновлялось насущной необходимостью проповедовать работой, спасением через ритуал и иные действия. Лютеране не протестовали против религии, исходящей из сердца и доброй воли, и вовсе не были более страстными, чем в любой век христианской истории.

Теперь первостепенной потребностью стала мораль, а главной проблемой теологии — развитие и успех в добродетельной жизни. Теологическое противоречие, господствовавшее во французской церкви XVII века, направлялось на якобы нестрогое моральное учение иезуитов.

Пуритане начали изучать казуистику, случаи манипуляции сознанием. Английские епископские священники вроде Иеремии (Джереми) Тейлора продолжили начатое. Порожденная Реформацией серьезность поставила в центре мораль, но не как замену, а как следствие веры. Вера как главный критерий истины, хотя и кардинальная в протестантизме, постепенно отступала на задний план. Ее или принимали, или нет, было еще о чем поспорить.

По правде говоря, мир немного устал от догматических аргументов, сопутствовавших войнам христианского мира.

Не станем бряцать оружием понапрасну, восстановим чистоту и щедрость, уменьшим необходимое до минимума и попробуем найти общий язык с оппонентами. С Вестфальским договором 1648 года христианский мир издал вздох облегчения и начал искать умных людей, равно как и способы достижения политического мира.

В Англии 1660 года слово «Реформация» дурно пахло. В течение двух столетий и более оно оставалось символом иногда призрачной надежды и идеализма, обозначая высокие стремления средневековой святости, восходящие к золотому и простому веку. Теперь, наконец, это слово потеряло свой идеалистический ореол. Его стали связывать с фанатизмом, разрушением и несогласием. Оно превратилось в раздражающий призыв, поощряющий придирчивых, которые не думали только о добре, стимулирующем фанатических критиков. Мы начинаем слышать и о мире, обеспокоенном Реформацией, реформированном и разрушенном, реформированном до основания.

Как предполагали многие, основная работа проделана. Наступило время вспомнить, как, вероятно, несовершенен любой человеческий институт, остерегаться мучить пастырскую основу церквей ненасытными призывами к переменам, шныряя глазами, чтобы увидеть формализм или культ там, где разумный человек видит обычаи безвредные или поучительные.

И если религия намеревается,
Нам остается только улучшаться.

Сэмюэль Худибрас, 1663

Христианский мир теперь вступает в новый век, где правят другие интересы и порывы, чем в XVI веке. Мир, как полагают, достаточно переменился. Пришло время сохранять, отдыхать, спасать, видеть, что могут сделать сдержанность и разумность. И все же случилось так, что разумное движение для перемен к лучшему превратилось в революционное, равно как и призыв к реформам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая
ПРОТЕСТ

Глава 1. Призыв к Реформации 7
Глава 2. Лютер 38
Глава 3. Кальвин 77
Глава 4. Реформация в Англии до 1559 года 99
Глава 5. Развитие протестантской Реформации 143
Глава 6. Радикалы Реформации 198
Глава 7. Выпады против кальвинизма 222

Часть вторая
КОНТРРЕФОРМАЦИЯ

Глава 8. Контрреформация 265
Глава 9. Конкистадоры 342
Глава 10. Восточная православная церковь 372

Часть третья
РЕФОРМАЦИЯ И ЖИЗНЬ ЦЕРКВИ

Глава 11. Разделенный христианский мир 391
Глава 12. Упадок церковной власти 402
Глава 13. Священство и культ 435

Заключение 475

Чедвик Оуэн

РЕФОРМАЦИЯ

Противостояние католиков и протестантов в Западной Европе XVI—XVII вв.

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.Н. Должикова*
Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать 25.07.2011.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 26,02.
Тираж 3 000 экз. Заказ №

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14